

Валентина Нагинская

Три земли моей жизни

Нагинская Валентина

Три земли моей жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70614733

SelfPub; 2024

Аннотация

Книга «Три земли моей жизни» является исправленной и дополненной версией трилогии «Пути моей судьбы». Первая часть «Мои Сибирские корни» содержит семейные истории бытового, трагического, комического, а порой и криминального характера. Непростые и порой удивительные судьбы крестьян и золотодобытчиков начала 20 века и их потомков; быт села, красоту природы, трудности выживания в военное и послевоенное время. Жизнь детей, школьные воспоминания, студенческая пора, работа, друзья и прочее. Во второй книге "Жизнь в столице" я рассказываю о своём научном пути, обучении в аспирантуре и докторантуре; преподавании в вузе, работу на кафедрах института, своих коллег; делюсь подробностями поездок по стране и за границу, семейных событиях. В третьей части "Дочь Волн" рассказывается о жизни в Израиле, путешествиях, незабываемых встречах и впечатлениях.

Нагинская Валентина

Три земли моей жизни

И цветы, и шмели, и трава, и колосья

И лазурь, и полуденный зной...

Срок настанет – Господь сына блудного
спросит:

"Был ли счастлив ты в жизни
земной?"

И забуду я всё – вспомню только вот эти

Полевые пути меж колосьев и трав

И от сладостных слёз не успею

ответить,

К милосердным коленам припав.

И.Бунин

Предисловие

Оглядываясь назад, могу с уверенностью сказать, что никогда не собиралась писать книгу воспоминания о семейных историях и своей личной жизни. Хотя писала я на протяжении своей жизни немало: много приходилось писать на протяжении своей профессиональной деятельности, часто делала заметки во время путешествий, несколько раз начинала

писать дневники. Из личных записей мало что сохранилось, но, когда появилось свободное время, я решила их упорядочить.

Мысль об этом появилась у меня одновременно с созданием электронного альбома семейных фотографий. Их накопилось великое множество, они лежали неподвижным грузом в альбомах и пакетах. Поскольку никто их не смотрел, логично было бы либо их выбросить, либо привести в удобный для просмотра и хранения вид. Выбросить рука не поднималась, и я приступила к созданию электронного альбома.

Это занятие возбудило у меня большой интерес к жизни моих родителей и более далеких предков. Оказалось, что я до странности мало что об этом знаю. Возникло множество вопросов, которые раньше, заслонённые текущими событиями и заботами настоящего, не приходили в голову. Ответить на них было некому, старшее поколение уже ушло в мир иной. В памяти сохранились только некоторые рассказы родных, единичные записи с их слов и некоторые архивные данные. Я вовлекла в работу своих сестер, которые присылали мне свои воспоминания и фото.

Чтобы разобраться в многочисленных родственниках, я постепенно стала составлять родословное древо в виде иерархической схемы и сопровождать его записями. Получившийся текст охватывал период моего проживания в Сибири – детство, юность и начало трудовой жизни. Я назвала его «Мои Сибирские корни» и распечатала на принтере

в нескольких экземплярах. Сестры то же сделали в Новосибирске. Читали его родные, знакомые и незнакомые люди, передавая из рук в руки. Он нравился людям старшего поколения, которые во время прочтения вспоминали свою молодость и жизнь.

Ободренная этим интересом, я связалась с краеведческим музеем села Маслянино, где провела детство, и о котором много писала. Они тепло отнеслись к моим воспоминаниям и напечатали его на целом развороте местной газеты. В качестве подарка нашли и прислали мне фотографию первого класса, где я училась, и которой у меня не было. Я посчитала, что на этом моя работа закончилась. Сестры уговаривали меня продолжить записи, но я отложила текст на целое десятилетие и забыла о нем.

Не помню, какое событие вызвало у меня желание вернуться к своим воспоминаниям через 10 лет. Я написала о своей жизни в Москве, где прожила 33 года и переезде в Израиль, где и нахожусь сейчас. Эти записи я не распечатывала, читали их в электронном виде. Поскольку писала для себя и своей семьи, я считала свой труд законченным.

Ещё через 10 лет, на волне публикаций самодеятельных сочинений, наконец, решила и я попробовать. Моя книга воспоминаний вышла в издательстве наших друзей Владимира Ерохина и Раисы Гершзон «Волшебный фонарь» и напечатана в 2023 году в Иерусалиме под названием "Пути моей судьбы".

В адрес людей, как и я пишущих мемуары, поэт Юрий Иванов сказал:

На склоне лет, чуть скрасив детство,
Жизнь улучшают, как наследство!

Я, конечно, старалась писать предельно объективно и честно. Но, в силу психологического склада мышления людей забывать и приуменьшать негативные события своей жизни, а позитивные, наоборот приукрашивать, я тоже этого, вероятно, не избежала. Как и многих других недостатков.

Особенно они стали видны мне после публикации книги, и я сразу же принялась за ее редактирование. Процесс похожий на написание диссертаций: если кандидатская работа давала возможность развития темы, за ней следовала докторская, а затем и монография.

Такой же путь я прошла и с этой книгой, создав вторую версию. По содержанию она кардинально не отличается от изданной книги "Пути моей судьбы". Я изменила в некоторых частях и разделах структуру материала, добавила новые эпизоды, внесла некоторые уточнения. Новую версию я назвала "Три земли моей жизни". Это название возникло у меня ещё десять лет назад, оно не всем нравилось, но я всё-таки возвратилась к нему.

Глава 1. Родословная

1.1. Кулаки и их потомство

В далёком прошлом кто-то из предков моего отца делал колёса и повозки. Очевидно, что его называли «Колесник», а членов семьи соответственно – «Колесниковы». Как давно это было неизвестно. Известно только, что семья переселилась в Сибирь из Вятской губернии в рамках программы правительства о земледельческой миграции, действующей с середины 19 века до 1916 года. По сохранившейся записи "два брата Колесниковы Степан и Илья переселились в 1863 году в Сибирь из деревни Починок Вятской губернии. У Степана было два сына – Григорий 19 лет (мой прадедушка) и Кузьма 10 лет. Григорий женился на Чудиновской Анне Сидоровне 17 лет. В 1879 году у них родился сын Никифор», мой дедушка. До 1929 года семья жила в селе Суслово Мариинского уезда Кемеровской губернии.

Дедушку Никифора Григорьевича я помню суровым стариком, замкнутым, немногословным, с увесистой палкой из-за хромоты – следствие болезни тифом. Бабушку Анну Васильевну, я не помню, она умерла, когда мне было 3 года. У них было восемь детей: пять сыновей (Савелий, Василий, Семён, Владимир, Никита) и три дочери (Дарья, Елена, Полина).

1939 г. Дедушка Никифор, Пелагея, Никита, бабушка Анна, Елена Дарья

Судьба людей этого поколения была не простой, многие погибли, были разорены, рассеяны по стране. Не избежала этого и зажиточная по тем меркам семья деда, подвергшаяся раскулачиванию. Отняли дом, хозяйство и всё имущество, а члены семьи лишились ряда прав, в том числе на образование. Но, как известно, и в трагических событиях могут быть положительные последствия. Полина, одна из дочерей деда, говорила, что благодарна советской власти за раскулачивание. Не случись этого, тяжело бы работала и сгорбилась, таская мешки. А вместо этого жила в центре Киева, заведовала большим гастрономом, была красивая, статная и благополучная.

Другим детям повезло меньше. Моего отца Савелия исключили из Политехнического техникума, как только узнали что он из семьи кулаков. Он получил профессию бухгалтера и во время второй Мировой войны был отправлен на Восточный фронт, откуда возвратился, только в 1946 году. Прошел всю войну и его брат Василий, только на Западном фронте. Никиту не взяли в армию из-за инвалидности. В возрасте 14 лет он нашел гранату, она взорвалась и оторвала ему часть кисти правой руки. Но он хорошо писал и чертил левой рукой и смог получить среднее образование. Владимир и Семён во время войны находились в тюремном заключении, оба отбывали десятилетние сроки в сталинских лагерях. Владимир работал на железной дороге, там произошла крупная авария и он, по существующей тогда практике, попал под массовый арест.

Семен был осуждён за то, что отказался покупать облигации на всю месячную заработную плату. С ним в лагере произошла жуткая история. Семён

тяжело заболел и его, посчитав мертвым, вынесли в морг. Там он пришёл в себя, с трудом выбрался из-под трупов и начал стучать в дверь, чем смертельно напугал сторожа. Выжить в лагере Семёну помогла Анна, которая работала на кухне и была то ли осуждённой, то ли вольнонаёмной, после освобождения они поженились. Дедушка Анну недолюбливал, называл «толстозадой купчихой». Не помню этой особенности её фигуры, но один её глаз косил, во рту блестел

золотой зуб, и выглядела она лихой бабёнкой. Но нам детям она нравилась, была весёлой, смешливой, доброй и делала нам подарки.

Братья Никита, Владимир, Савелий, Семён

Освобождение Семёна из заключения невероятным образом совпало с возвращением моего отца с фронта. Семён разными путями ехал в родные края и добрался на ближайшую к нашему посёлку ж. – д. станцию именно в тот момент, когда туда прибыл и отец. Денег у Семёна не было, и он по-

шёл в столовую в надежде, что кто-нибудь из шоферов подвезёт его до Маслянино, а возможно и покормит. Войдя в столовую, он услышал знакомый голос, увидел брата и не поверил своим глазам. Но не подошел, по его виду было понятно, что он из заключения и он побоялся скомпрометировать папу, сидящего в компании офицера. И даже после того, как папин попутчик указал на человека, не сводящего с них глаз, отец не сразу его узнал, что не удивительно после долгих лет заключения. Семён был очень остроумным, говорил коротко, ёмко без расчёта на реакцию окружающих. Впоследствии дом его был необычайно хлебосольным, стол всегда ломился от яств и напитков. Наверное, многолетний голод в лагерях стимулировал делать избыточные запасы.

Без сомнения в прошлом дедушка был прекрасным и полновластным хозяином и держал всю семью в большой строгости. Работали, не зная будней и праздников, дней и ночей. По воскресеньям и церковным праздникам вся молодежь собиралась на сельские гулянки, а грустные парни Колесниковы ехали мимо них на лошади то в поле, то на покос, то в лес на заготовку дров. Сыновья всегда беспрекословно подчинялись отцу даже будучи взрослыми. Однажды отец вместе с дедушкой и двумя братьями поехали на сенокос. После перерыва на обед дедушке показалось, что они слишком долго отдыхают. Он велел начинать работать, но они продолжали смеяться и дурачиться. Дедушка пытался их унять, но они не слушались. Тогда он снял ремень и замахнулся им на па-

пу, офицера прошедшего вторую мировую войну. Тот робко отводил руки отца и только повторял: «Тятя, тятя ты чего, мы сейчас».

После раскулачивания он поселился в Маслянино с семьёй сына и руководил всеми домашними работами. Всё в его усадьбе было в образцовом порядке – огород, сад, пасека, баня с коптильней, хоздворы. Дедушка был мастером на все руки – для всей большой семьи подшивал валенки, ремонтировал обувь, делал санки и упряжь для лошадей, следил за пасекой, коптил окорока, ездил в поле за сеном и в лес "по дрова". Держать лошадей в личном хозяйстве тогда запрещалось, но у дяди Никиты была возможность попросить лошадь на время для каких-либо крупных перевозок. Лошадь давали обычно в плохую погоду, в сильный мороз с северным низовым ветром и позёмкой. Дедушка возвращался с сеном или дровами весь засыпанный снегом, сбрасывал тулуп, разматывал пояс и шарф, снимал шапку, полушубок, собачьи рукавицы, а потом обдирал сосульки с усов и бороды.

Дедушка любил подшучивать и подсмеиваться, и тогда его лицо сияло от удовольствия и озорства. Вслух он не смеялся, отворачивался, и только плечи тряслись. Шутки были не только словесные. Старшая сестра Зоя вспоминает, как они ехали в мороз с дедушкой и дядей Никитой на лошади. Её столкнули с саней, и, завернувшись в тулупы, хохотали, глядя как она бежит за ними. Деревенские шутки. А однажды,

когда сестре Зое не было ещё и трех лет,

дедушка с Семёном ехали куда-то зимой на лошади, разговаривали и забыли про неё, сидящую на сене. Отъехав на значительное расстояние, вспомнили: "А где Зойка?!" Семену пришлось бежать обратно по снежной дороге и искать пропажу.

Когда дедушка запрягал лошадь, мы долго его просили прокатить нас, наконец, он соглашался. Домработница Маруся приносила небольшую скамейку и клала её за санками ножками кверху. Дедушка заботливо подкладывал на неё сена для мягкости, старательно «привязывал» её к саням верёвкой и прикрывал её сеном. Мы, предвкушая удовольствие, удобно усаживались, Маруся открывала ворота, дедушка кричал коням «но!!» – сани трогались, верёвка выскользнула на землю, а скамейка оставалась на месте. Мы огорчённо вопили, Маруся нас утешала, а через некоторое время всё в точности повторялось... мы опять верили, что верёвка отвязалась случайно.

Дедушка любил пить чай с кагором, но, если его подавали недостаточно горячим, сердился и называл «телячьим пойлом». Иногда дедушка болел и лежал. Но как только просил домработницу «Маруся свари-ка ушицу» все понимали, что дело идёт на поправку. Рыбу находили, было ли это зимой или летом и вскоре дедушка вставал. Своё недовольство дедушка выражал, делая коротко и энергично ложный плевков в сторону: "тьфу!" Чаще всего это о современных порядках,

а о модницах говорил: "футы-нуты ноги гнуты". Со вкусом произносил «ядренная баба». Младшая сестра Галя вспоминает, что даже пыталась узнать кто эта женщина, по тону деду она понимала, что речь идёт о ком-то достойным внимания и восхищения.

У дедушки было 18 внуков, 7 внуков жили в селе, трое вместе с ним, а остальные, в том числе и я, в другом доме. Не помню, чтобы он со мной чем-то занимался или даже серьёзно разговаривал. Он считал меня плаксой и совершенно справедливо, глаза у меня часто были "на мокром месте" и, как правило, по пустякам. Но в более серьёзных ситуациях я не могла плакать тогда и не могу теперь. Его невнимание меня совсем не обижало, я была даже рада этому, потому, что побаивалась его. К брату Володе он относился более благосклонно: во-первых, мальчик, а главное, похож на него и внешностью, и характером, и всеми повадками. Помню их вместе в одинаковых праздничных рубашках тёмно-синего японского шёлка, подпоясанных кушаками. С внуками, живущими с ним в одном доме, были более близкие отношения.

Двоюродная сестра Света вспоминает: зимой, в сумерках топится печка, дедушка сидит, прислонившись к ней спиной, дети играют на полу в полутьме, в слабом свете лампы, горящей в другой комнате. Кто-нибудь из них троих подбирается к деду потихонечку, гладит бороду и вдруг громкое: «ам!!», смельчак отскакивает, а дедушка улыбается. Шалости при дедушке устраивать боялись, можно было и выволочку полу-

читать. Например, за такое чудесное развлечение как залезть на стоящий в огороде стог и скатиться в снег, растаскивая вокруг себя клочья сена. Не любил он капризы и слёзы. Когда кто-нибудь плакал, дед ворчал «разинул хайло шире банного угла!» Но я не помню, чтобы дедушка кого-либо бил или даже шлёпал, мне точно не попадало.

А вот угощения иногда бывали. Во время откачки мёда дедушка в сетке на голове колдовал над ульями в саду, а мы дети с опаской наблюдали издали с террасы. Потом нас усаживали за стол и выдавали по блюдечку свежего с сотами мёда, иногда мы получали и конфеты. Время от времени дедушка ездил к дочери Дарье в Алма-Ату и привозил оттуда яблоки – свежие апорт и сухие для компота. Везти тяжести ему было трудно из-за хромоты, поэтому яблок было немного, и нам выдавали по одному. Они быстро исчезали, а мы начинали мечтать о сказочных краях, где все деревья усыпаны яблоками. Вот мечта и сбылась: яблоки в дом всегда есть, но, как оказалось, не только в них счастье.

1.2. Золотоискатели и их дети

Личных воспоминаний о дедушке со стороны матери Петре Ивановиче у меня нет, он умер до моего рождения, нет ни одной его фотографии, и я не знаю, как он выглядел. Семейные легенды о его отце – почти вестерн: золото, убийство, грабёж. Известно, что его предок был сослан в Сибирь из южных или западных областей России за то, что отве-

тил ударом на удар помещика. Сколько поколений назад это было, неясно, реальный отсчёт начинается со второй половины 19 века, с прадедушки Ивана. Работал Иван на золотых приисках сезонно. После удачных находок приезжал домой с "большими" деньгами, кутил, поил всю деревню, дарил подарки, покупал всякие ненужные вещи, вроде бархатных портянок. Когда всё заработанное тяжким трудом растрачивалось до последней копейки, заканчивался и праздник жизни. Мужики сбрасывались, собирали ему деньги на дорогу, и он отправлялся назад на прииск.

Вероятно, во время своих загулов он стал невольным свидетелем убийства. Из рассказов в памяти осталась деталь – раннее туманное летнее утро, Иван стоит на холме и видит происходящее. Во время следствия он поклялся на Библии и дал ложные показания, защищая некоего богатого человека. В чём состояла ложность показаний точно неизвестно. Согласно первой версии, он утверждал, что не видел убийцу, а по второй – видел, но только не подозреваемого, а другого человека. Подозреваемый же был нашим родственником и жил в Анжеро-Судженске. Вероятно, это был брат бабушки Анны, матери моей мамы, он, по имеющимся документам, носил ту же фамилию, что и она в девичестве и владел лавками. Мама рассказывала, что её часто приглашала к ним в гости, но она не любила к ним ездить, потому что там было много незнакомых и непривычных вещей. Так однажды она откусила кусочек туалетного мыла, очень уж оно вкусно

пахло.

Сын Ивана Пётр тоже работал на золотых приисках. Но в отличие от отца был деловым, основательным, имел хорошее хозяйство. Рассказов и подробностей о нём сохранилось немного. Один сохранившийся в памяти эпизодов рассказан бабушкой Анной, участницей этого события. Они с мужем и четырьмя своими детьми возвращались с приисков на пароходе. Очевидно, что вместе с ними были и другие добытчики, и все везли с собой золото. Во время плавания на пароход напали грабители и под угрозой для жизни пассажиров и их детей всех ограбили. Даже бывалые люди были напуганы, а тем более дети. Одна из сестёр мамы стала после этого плохо слышать и говорить, другая всю жизнь страдала сильнейшими мигренями, а совсем маленькая мама тяжело заболела. Бабушка боялась, что она умрет в пути и ее выбросят за борт (наверное, была жара и плыли долго).

1902г. Наградной знак дедушке Петру

Тем не менее, какое-то количество золота, спрятанное в одежде бабушки и детей, сохранилось, и в дальнейшем семья не бедствовала. Об этом можно судить хотя бы потому, что у них была собственная крупорушка и маслобойня. Мама счи-

тала, что всё это было куплено на привезённое золото, к тому же она предполагала, что лжесвидетельство её деда тоже было не бескорыстным. Может быть, для искупления греха своего отца дедушка Пётр много жертвовал на благотворительность. Сохранился именно серебряный знак, которым его наградила за это Великая княгиня Елизавета Фёдоровна.

Также как и семья отца, семья матери подверглась раскулачиванию. Формальной причиной было наличие в доме наёмного работника – молодого парня, который был дальним родственником. Дедушка Пётр Иванович к тому времени умер, и бабушка осталась одна с малолетними детьми. В колхоз она не вступила и продолжала выживать, как могла. Её дочь Елена вспоминала, что однажды они с сестрой возвращались с полевых работ на телеге, запряженной быками. Быки чего-то испугались и понесли, телега перевернулась и все оказались в логу. Девочки со слезами бессилия пытались вытащить телегу и поднять быков, а мимо проезжали с песнями колхозники, но никто не помог. Наверняка среди них были и те, кто пил на деньги отца этих детей.

Дедушка был очень строгим, и бабушка не перечила ему ни единым словом. Так, перед Пасхой приезжали в гости родственники из деревень, чтобы и церковь посетить, и у родных погулять. Они останавливались в семье Петра и проходили в чисто прибранный дом с добела отмытыми и отскобленными полами прямо в грязных сапогах. И бабушка не могла им делать замечаний.

Бабушка запомнилась мне тихой, с красивым правильным лицом и совершенно белыми седыми волосами, заплетёнными в косы. Её смерть была первой, которую я помню. Мы уже жили в городе, а она оставалась в селе, и я редко там бывала. Поэтому большой утраты не чувствовала и воспринимала произошедшее только как страшное явление. Я избегала смотреть и на лицо умершей, и на гроб, но всё равно видела его боковым зрением – он отражался на блестящей поверхности самовара, когда мы сидели за столом. Слезы полились рекой только на кладбище, когда запели "Со святыми упокой, Христе души раб Твоих, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная". С тех пор не могу без слёз и волнения слушать прекрасные, одновременно трагичные и полные надежды слова этого канона.

В период раскулачивания оставшееся золото было передано на хранение дальнему родственнику. Он его не возвратил, сославшись на утрату при каких-то чрезвычайных обстоятельствах. Сын этого родственника спустя много лет приезжал к моим родителям с подарками, объяснял обстоятельства пропажи.

Но они им не показались убедительными, а только усилили подозрение, что золото было просто украдено. Хранить золото и обменивать на деньги, в то время было запрещено. Несколько золотых рублей, сохранившихся в семье, лежали в коробочке недоступной для любопытных детей.

Но глухонемая тётя Пана, жившая тогда с нами, о них зна-

ла. И однажды, когда она была в доме одна, пришла женщина, собирающая на что-то деньги. В наличии их не было, Пана достала коробочку и отдала золотые монеты, не понимая их ценности. Оставался только один золотой рубль, который в память о муже бабушка носила во внутреннем кармане своей длинной юбки. Иногда она его нам показывала и говорила, что отдаст брату Володе, когда тот подрастёт. Но и это не получилось, рубль тоже затерялся.

Общались она с нами с помощью невнятных звуков, но мы её хорошо понимали. Кстати, к старости её речь стала почти нормальной. Пана выполняла разные домашние работы и только на некоторое время её устроили в артель инвалидов. Ей там нравилось, и сама она кому-то понравилась и получила предложение выйти замуж. Но мать и сестры посчитали, что ей лучше остаться в семье и не разрешили ей больше работать. Пана возражала и плакала и это был, пожалуй, единственный из того времени конфликт, который я помню. Так она и прожила свою жизнь, стараясь максимально участвовать в нашей жизни, всегда знала, где и что лежит, подключалась к поиску, но не всегда знала, что именно ищут.

В военное время тётя Евгения, бабушка и глухонемая тётя Пана жили вместе с нами. Помню, что у тётки Евгении сильно болела голова, но с умом было всё в порядке. Всегда что-то нам с братом рассказывала, делала кукол и незатейливые игрушки. У неё был коралловый крестик с образом Спасителя в глазочке, мы часто его рассматривали.

Тётя Евгения по праздничным дням совершала религиозные службы на дому, вернее, в бане. Собирались окрестные старушки, приходили мама с тётёй Паной и мы с Володей, принаряженные по такому случаю. В Рождество мы с братом бегали к этим старушкам петь праздничный тропарь "Рождество твое Христе Боже наш...". Помню, как бежим очень ранним утром, ещё темно, пусто и туманно от сильного мороза, тишина, только синий снег хрустит под ногами. Прибегаем к старушке в её маленькую избушку, стоим у порога, пытаемся петь, но едва открываем онемевшие от мороза губы. К тому же, смущаемся, и каждый надеется, что другой пропоет за двоих. Наверное, получали от бабушек какие-то подарки, по крайней мере, один я помню. Это были коричневые хлопчатобумажные носочки – большая ценность в те времена. Большинство запомнившихся мне из детства случаев происходило в очень морозные дни. Зимы в 50 годы прошлого столетия были очень суровыми, а одежда и обувь недостаточно тёплыми, поэтому и впечатления остались такими сильными.

После того как бабушка с тётями стали жить в своём домике, службы стали более многолюдными, а тётю Евгению приглашали для совершения разных треб. Она стала чем-то вроде сельского священника. Службы эти чуть было не закончились трагически. Одна из соседок написала куда полагается на маму донос о религиозном дурмане, которым она портит своих детей и окружающее население. К счастью, вре-

мена уже были не такими суровыми, на письмо, наверное, не обратили особого внимания и маму не арестовали.

1.3. Родители

Мой папа был старшим и всеми любимым сыном в семье. Звали его не иначе как Саввочка. Имя ему выбрал священник при крещении. Родители не хотели его так называть, потому, что так звали деревенского дурачка. Объясняли это плохими отношениями деда с батюшкой: семья редко посещала церковь и работала по церковным праздникам. Я удивлялась такой мстительности духовного лица в отношении невинного младенца и только через много лет увидела в церковном календаре, что в день рождения папы чествуют св. Савву. Так что священник, по меньшей мере, формально, был прав.

Примерно в годовалом возрасте папа упал с печки в стоящее на плите ведро с кипящей водой. Ожог был тяжелым, и ребенок выжил только благодаря его деду Григорию, который целыми днями и ночами ходил с внуком на руках. Поэтому он относился к нему с особой любовью и всегда держал при себе. Посылал его в лавку за табаком и еще какими-то покупками. У отца оставалась мелочь, и даже образовался личный капитал в размере нескольких копеек. Однажды, в Пасху, когда люди после всеобщей разговелись и легли отдыхать, папа отправился в лавку, которая, конечно, закрыта. Он долго стучал, разбудил заспанного хозяина

и попросил взвесить чернослива на 1 или 2 копейки. Хозяин хоть и был сердит, но не отказал. Деда Григория в селе очень уважали, да и нельзя было обидеть постоянного покупателя.

Сохранилась биография папы от 25.12.1940 года, которая заканчивается словами: «Родственников за границей нет. В белой армии не служил, в партии не состоял. В оппозициях участия не принимал, под судом и следствием не был». Папа учился в церковно-приходской школе, затем окончил двухгодичное Коммерческое училище и кооперативные счетоводческие курсы в Томске, командирован для дальнейшего обучения в Политехникум. Выбыл из него «по семейным обстоятельствам», а на самом деле за принадлежность к кулацкой семье. Работал бухгалтером, а после окончания Педагогических курсов в Ленинграде – преподавателем. Он был участником второй мировой войны с самого начала и возвратился домой только год спустя после её окончания.

С его приездом в доме появилось много новых вещей. Даже нижнее бельё у папы было шелковое (офицерам выдавали, чтобы не заводились вши). В большом чугуне варился неведомый ранее рис. Я получила в подарок красивые костяные японские ручки и два чудесных шелковых платья. Но платья пришлось продать, как и почти всё привезенное продали, нужны были деньги на домик для бабушки с тётями. Да и платья всё равно были мне велики. Позже я видела одно из них с красивыми лаковыми пуговицами на пионервожатой.

1925, 1959, 1968 гг. Папа Савелий Никифорович

После демобилизации папа работал некоторое время в

Промкомбинате бухгалтером, а потом уехал в Новосибирск. Семья переехала не сразу, мама упорно не хотела покидать Маслянино. В Новосибирске папа преподавал в Учебном комбинате для бухгалтеров, счетоводов и других работников экономического профиля. Там он был занят по 12 часов в день. Уходил рано утром, приходил днём пообедать, минут 15 поспать и снова возвращался на занятия. Оплата была почасовой, заработок зависел от учебной нагрузки, и она у него была двойная.

В девятом классе я тоже посещала этот комбинат – училась печатать на машинке. В семье даже обсуждался вопрос, не пойти ли мне по папиным стопам и стать преподавателем счётных дисциплин. Привлекательным моментом для меня было обучение в Москве. К счастью, перед соблазном я устояла, а потом и в Москве прожила 34 года, и преподавателем стала.

В нашей многочисленной семье папа один зарабатывал деньги, отдавал их маме, а она уже распределяла, как считала нужным. Сам он только иногда ходил на базар купить хорошего мяса или ещё что-нибудь вкусного. Но замученным страдальцем он никогда не выглядел, наоборот, был видным мужчиной – полным, румяным, степенным. Любил приодеться, всегда в свежих рубашках, наглаженных брюках (мамина заслуга), начищенных ботинках, гладко побрит и sprysнут одеколоном "Шипр". В доме мама была полной хозяйкой. Папа так привык, что она всё ему подаёт, что не мог

выпить без её чая. То и дело говорил:

– "Петровна, налей-ка мне стаканчик!"

Папина доброта и терпимость не поддается описанию. В доме всегда жили родственники и просто чужие люди, которых мама приводила, если им негде было ночевать, и никогда папа не высказывал по этому поводу никакого недовольствия. Ел он всё, что даст мама, всё хвалил и ничего не критиковал. Терпел и мамины религиозные порядки, которые ограничивали многие стороны жизни и постоянно ужесточались. А папа любил ходить в гости, вести застольные беседы, рассказывать разные истории и анекдоты, смеяться. Но это не часто ему удавалось. Мама сборищ не любила, выпивки не поощряла, но дни рождения папы и приезды родственников, всё же отмечались. В конце жизни мама и сама жалела о том, что подвергала отца таким испытаниям.

Характер у папы был спокойным, но иногда бывали и приступы гнева, если что-то не получалось. При этом он краснел, мог в раздражении что-нибудь бросить, выйти их дома. Ни на кого не кричал, он вообще никогда не кричал, а кипел как бы внутри себя. Да и эти вспышки были очень короткими, а потом все продолжалось как обычно. Выражал он свое недовольствие и другим способом. Однажды папа поехал в Маслянино, чтобы помочь маминой сестре Елене с сенокосом. Они отправился косить сено вдвоем, поскольку муж тёти Иван в это время болел. Вечером перед ужином после целого дня работы обсуждали, сколько скосили, и дядя Ваня

заметил, скорее всего, в шутку "могли бы сделать и больше". Папа, молча встал из-за стола и тотчас же, не поужинав и не сказав хозяевам ни слова, возвратился в город, хотя дорога до Новосибирска не близкая – около 200 км на попутных грузовиках и поезде.

Воспитательных бесед папа с нами не вёл, но иногда что-то мягко разъяснял и рассказывал для примера подходящие случаи. Он делал всё возможное, пытаясь создать благополучие в семье и доставить нам радость. Одна сцена, иллюстрирующая это, запечатлелась очень ярко и выглядела в точности как в кино, в какой-нибудь индийской мелодраме. Я болела скарлатиной и лежала в больнице. Можно было бы перенести её и дома, но соседка-врач посчитала, лучше меня изолировать от других детей. В инфекционное отделение посетителей не пускали. Дело было зимой. Папа подобрался через сугробы к окну и я, лежа на кровати, вдруг увидела через оттаявший кружок льда на стекле папино лицо! Он пытался меня подбодрить, улыбался, а потом достал из кармана своего пальто большое яблоко "Апорт» и показал мне. Лучших яблок, чем этот сорт из Алма-Аты я в жизни не ела. В нашей глубинке они всегда были дорогими, а зимой тем более. Тогда же он передал мне смородиновое варенье, с тех пор самое любимое.

В этой больнице со мной произошёл ужасный случай. Проснувшись ночью в палате, я почувствовала сильный страх. Закрылась с головой одеялом и с ужасом ждала что

будет. И вдруг на меня что-то упало или прыгнуло. Я замерла, боясь шевельнуться в ожидании, что сейчас буду укушена а, может быть, и съедена. Долго потом не могла понять, что это было. Теперь я думаю, что, скорее всего это была кошка, в худшем случае – крыса. Я не запомнила присутствие кошки в больнице, но этот вариант наиболее правдоподобный.

Остался в памяти и эпизод с поездкой в трамвае, которую папа устроил нам с Володей по приезде в город. День был морозный, и, хотя время не позднее на улице по-зимнему темно. Вагон со слабо светящимися замерзшими окнами был совершенно пустой и настолько промерзший, что даже воздух внутри казался застывшим. На окнах не было даже обычных "глазков" – круглых дырочек в слое льда и инея, оттаянных руками юных пассажиров. Мы прокатились от базара до вокзала и обратно. Холодные сидения и слабый мертвенный свет лампочек совсем не мешали нам с братом чувствовать себя счастливыми.

Для моего сына Миши папа тоже однажды устроил экскурсию и весьма запоминающуюся. Направлялись они в зоопарк, и папа на нужной остановке вышел из троллейбуса, совершенно забыв, что с ним был внук. Ехали они на разных местах, у Миши была привычка в транспорте непременно забраться в какое-то необычное место, например между сидениями. Не знаю, когда Миша обнаружил, что деда нет, но проехал до конечной остановки, а это очень далеко от зоопарка. Вышел из троллейбуса, нашёл милиционера, и ска-

зал: "Пожалуйста, немедленно свяжитесь с моим папой по телефону, он живёт в Москве». Просьбу его не выполнили, но выяснили, что дедушка и бабушка живут у Ботанического сада, хоть и на другом конце города, но всё же, поближе чем Москва. Его посадили в нужный автобус, и он самостоятельно и благополучно возвратился домой, ему было тогда 5 лет. Всё это продолжалось несколько часов, и родные были в страшной тревоге – заявили в милицию, искали в транспорте, на улицах. Сестре от волнений стало плохо, и только я была в полном неведении, будучи уверенной, что он у неё дома. Несколько раз я порывалась туда пойти, но тётя была уже в курсе происшедшего и не пускала меня, отвлекая разговорами.

После ухода на пенсию папа постоянно находил себе занятия. Одно из них – мебель для дома, в юности он некоторое время работал плотником. Мебель получалась крепкая, но весьма примитивная, можно сказать "топорная", поэтому успеха у нас не имела. Хотя в полном комплекте и определённой обстановке могла бы сойти за стильную, дизайнерскую мебель. Кстати, один его стеллаж стоит в кабинете мужа моей племянницы. Строил он по заказу в лесу избушки-ветродуйки для отдыха в летнее время. Всё делал добротнo, «на века». Любил сажать деревья и кусты, засыпал землёй, удобрениями, утрамбовывал, поливал. Работа эта выполнялась за какую-то минимальную плату, и большинство нанимавшихся людей делало её, как попало, лишь бы воткнуть в землю и

получить деньги. В результате только у него саженцы и принимались. Это был тяжелый труд, но он любил это делать и теперь деревья растут на радость людям. Много лет папу постоянно приглашали на временную работу в тюрьму за пределами Новосибирска для составления бухгалтерских отчётов. Заключенные ждали его появления, рассказывали ему свои истории, просили о помощи. Он сочинял им прошения об облегчении участи и другие бумаги.

На пенсии папа много читал, в основном, литературу на военную тему, собирал вырезки из газет и другие документы, поддерживал связь со своими фронтовыми друзьями из разных уголков страны. Они издавали свою газету, где папа был редактором. Намечали встречи, но мама всегда его отговаривала на них ехать. Однажды папа дал сестре прочитать свою переписку. В письмах часто упоминалась какая-то девушка, и папа сказал, он с ней долгое время переписывался, а сейчас она не отвечает. Мама, услышала это из кухни и, вытирая фартуком руки, вошла и спокойно сказала «да умерла уж, наверное, твоя Лена...» и тихо добавила сестре «Господи, всё за жизнь цепляется, а уж здоровья-то нет...»

Главными друзьями папы были его братья. Отношения между ними всегда были прекрасными, и не омрачались никаким ссорами. Они любили собираться вместе по случаю праздников или днём рождения. После празднования в нашем доме братья оставались ночевать. Вспоминали молодость, говорили о жизни, политике, рассказывали анекдоты,

подшучивали друг над другом и хохотали. Ночь была практически бессонной для всей семьи. Младшая сестра Галя вспоминает, что тогда ей это было очень досадно, они мешали ей спать. Но благодаря этим бессонным ночам и её хорошей памяти удалось сохранить многие эпизоды жизни наших отцов и дедов. Папу за его солидный вид братья звали «бабай». Когда они собирались у Семёна или у Володи, то прежде чем сесть за стол делали какую-нибудь работу, например, окучивали картошку. Ставили бутылку водки в последнем ряду и соревновались, кто первый дойдёт. Иногда ходили на крутой косогор и тоже ставили наверху бутылку и карабкались туда наперегонки, скатываясь и вновь забираясь наверх со смехом, шутками, а дяди Володя и Семён и с весёлыми матюгами. По рассказам мат у них, побывавших в сталинских лагерях, лился как песня и таковым не воспринимался. В нашей семье никогда не говорили бранных слов, да и на улицах мы его не слышали.

В последние годы жизни папа стал чаще болеть, много спать, но всё ещё ходил на лекции в Дом культуры, а иногда в лес работать, хотя ему это было уже трудно. Часто ездил к брату Семёну в деревню, как смеялись дома – наберет бидон колодезной воды, выпьет и уезжает обратно». Огорчался, что ему уже не дождаться правнуков.

Мою маму с полным правом можно назвать хранительницей очага. Она всю жизнь заботилась и беспокоилась только о семье. Её детство и юность мамы прошли в зажиточной

крестьянской семье вполне счастливо и безмятежно вплоть до Гражданской войны, начавшейся после революции. Тогда в село заходили разные войска и группы и родители не разрешали детям без надобности находиться на улице и, тем более, общаться с пришлым народом. Когда же появилась комсомольская организация, мама в неё вступила и радостная, в красной косынке прибежала домой. Её тут же отправили обратно, велели вернуть косынку и запретили ходить на собрания. Во время тифа, который свирепствовал по всей России и уносил в отдельных местах до 40% населения, мама оставалась здоровой одна в семье. Ей было 15 лет, она ухаживала за больной матерью и сестрами, ела оставшиеся от их обеда пельмени и, наверное, таким образом, приобрела иммунитет.

После того как родители поженились они переехали в город. Мама занималась домашним хозяйством, и только некоторое время работала в столовой. В начале второй мировой войны отца мобилизовали в первые же дни, и мама осталась опорой семьи, её единственной полноценной работницей. На её обеспечении была мать, две сестры-инвалиды и трое детей.

Пришлось для выживания переехать в село, где жили родственники, содержать огород и домашнюю скотину. Кроме домашних дел она часто работала у людей за деньги или за муку, сено, дрова. Все вносили посильный вклад в ведение хозяйства и плохо или хорошо, но выжили. После возвраще-

ния с фронта папы функции главы семьи нему возвратились, но по-прежнему всем в семье заведовала мама.

В молодости мама была привлекательной кареглазой шатенкой с отличной фигурой и хорошо одевалась. Когда ещё она жила в селе, все вещи ей привозили из города. Помню два её белых полотняных платья с мережкой, голубой и розовой вышивкой, потом они оба исчезли, наверное, были проданы. Мама была весёлой, смешливой и жизнерадостной. В тяжёлые военные и послевоенные годы трудно было сохранить эти качества, но ей это удавалось. В доме всегда смеялись и шутили. По рассказам, однажды на вечеринку к соседям по случаю Нового года она пришла в валенках, а когда началось веселье, сбросила их, надела калоши хозяйки для туфель на высоком каблуке (были такие в прошлом) и ловко в них танцевала, не обращая внимание на то, что чулки были с драными пятками.

Мама самым добрым человеком, которого я знала в своей жизни, неутомимая в трудах и всегда готовая помочь людям. В её присутствии было чувство защищённости, уверенности, что тебя любят, для тебя сделают всё, что только возможно. Но нежности в семье не были приняты, не помню, чтобы кто-то нас целовал. Я до сих пор удивляюсь и даже иногда завидую тому, что люди после каждого телефонного разговора добавляют: "я тебя люблю". Возможно, это укрепляет отношения, если от частого употребления не исчезает смысл.

Маму любили все окружающие – и соседи, и родствен-

ники, и мои подружки, словом, все, кто её знал. Двоюродная сестра Светлана даже считала, что она значила для неё больше матери. Её вначале недолюбливал только дедушка Никифор и не хотел, чтобы папа на ней женился. Возможно, здесь играла роль репутация её бабушки Ивана, который работал на золотых приисках и между сезонами вёл разгульную жизнь. Раньше очень внимательно к этому относились и, надо признать, не без оснований. Предполагаю, что дедушка считал маму легкомысленной из-за её весёлого нрава, недостаточно высокой и дородной, как все в их семействе. Бабушка, наоборот, очень хотела этого брака, убедила в этом и дедушку, и с годами его отношение к маме кардинально изменилось к лучшему.

1939, 1948, 1984 гг. Мама Степанида Петровна

Радостью для нас были летние походы с мамой за реку доить корову. Надо было переходить реку вброд в мелком месте, но для нас с братом Вовкой и это было глубоко, и мы держались за мамину юбку. На обратном пути она несла ведро с молоком, завязанным белым платком, а поверх платка мы с Вовкой клали найденные и отмытые ракушки. Вечером был традиционный поход на молоканку. Каждая семья, имеющая корову, облагалась налогом и должна была сдать государству определённое количество молока. Думаю, что поборы были немалые, потому что мама всегда носила по полному ведру. На молоканке была длинная очередь, молоко проверяли на жирность, отмечали в книжках количество литров. Там стоял специфический запах, который мне очень не нравился, но ходить туда было развлечением – мы крутились вокруг взрослых, играли с другими детьми.

Мама была очень религиозным человеком. В детстве она окончила 4 класса церковно-приходской школы, пела в церковном хоре, а потом наступили времена запрета на религию. Но с тех пор, как я её помню, её вера только росла и крепла. Этому способствовала и тётя Евгения (мы её звали тётя Евденья), маленькая, с носом-кнопочкой и почти лысой головой, всегда прикрытой платком.

Мы все, конечно, были крещены в раннем детстве, а дети дяди Никиты оставались не крещёнными. Однажды зимним

вечером мама пришла к ним с тазиком и сказала, что пора крестить детей. Она не могла из-за отсутствия сана провести настоящее крещение, а только «погружение», что она и сделала. Светлане она наказала запомнить эти слова и передать священнику, если будет возможность креститься, как полагается. После переезда в Новосибирск мама постоянно посещала церковь, была там своим человеком. Ей даже поручали во время её поездок в Москву перевозить церковные деньги для Троицко-Сергиевой Лавры. Она усердно молилась и дома, призывая нас к тому же. Мы не следовали маминым увещаниям, но её усилия не остались тщетными. Когда я через 30 лет возвратилась к религии, то те молитвы, которые читала мама, остались памятью о ней. Когда она умерла, я сама читала по ней Псалтирь, правда, как теперь понимаю, очень неумело. Жалко, что она не узнала, что мне довелось писать иконы и побывать во многих святых местах Израиля. Это бы её очень порадовало.

Посты мама соблюдала невероятно строго, ограничивала себя даже в том немногом, что тогда было, а на Страстной неделе не ела с четверга до самого разговения после ночной пасхальной службы. Однажды, делая пельмени перед Пасхой, она опоздала на службу и с тех пор дала себе обет не есть мяса. В то время ей было около 50 лет. Нам же она всегда готовила и оставляла еду, уходя в церковь. Однажды случился позорный для нас случай. Вернее, для меня, потому что, будучи старшей, несла за него полную ответственность.

Мама встала очень рано, испекла пироги и пошла на службу. Мы, проснувшись и обнаружив на столе вкуснейшую выпечку, съели всё до её возвращения, и не оставили ей даже попробовать. Мама была очень огорчена и не столько отсутствием пирогов, сколько нашей черствостью.

Будучи человеком мягким и покладистым, мама никогда не отступала от своих убеждений и, если требовалось, отстаивала их невзирая на лица. В нашей семье никто не произносил бранных слов, во всяком случае, мы, дети, никогда их от родных не слышали. Но у бабушки иногда они вырывались. Однажды он растапливал баню, дрова, видимо, плохо горели, он сердился и ругался. Рядом была малолетняя Света, поэтому мама его пристыдила: «Побойтесь Бога, папаша!» Для этого нужно было немало мужества, поскольку бабушке никто не делал замечаний. «Шибко Стеша смелая!» – говорила её младшая сестра Елена, которая сама была женщиной не робкого десятка.

Елена жила в Новосибирске и иногда к нам навещалась. С ней произошла трагическая история, характерная для военного времени. Муж её Иван считался пропавшим без вести, и по окончании войны о нём долгое время ничего не было известно. Как потом выяснилось, он был в плену, а в дальнейшем, как и многие, в лагерях. Об этом периоде жизни он никогда ничего не рассказывал. Когда дядя Ваня возвратился, тётя Лена была уже вновь замужем. Новый брак, который к тому времени складывался очень удачно, пришлось

расторгнуть. Елена прожила до 92 лет и была всегда, как говорится, "в трезвом уме и ясной памяти". Тётя Лена была блондинкой, с голубыми глазами, приятным лицом, весёлая и острая на язык. Она до самой старости нравилась мужчинам и смеясь говорила: "Так я им нравлюсь потому, что и они мне нравятся!" Про старость тётя Лена говорила: «стремление к движению есть, а самого движения нет».

Интересными личностями были и две мамины подружки-монахини Мария и Анфиса. Обе, с волевым характером, весёлые, остроумные и совсем не занудные, как некоторые благообразные бабки. Горбатенькая Мария от государства никаких денег не получала, постоянного пристанища не имела, ночевала у добрых людей, кормилась тем, что люди дадут, но никогда не унывала, смеялась над своими промахами и болезнями и несмотря на то, что плохо видела, ежегодно на пожертвования знакомых ездила в Свято-Успенскую Почаевскую Лавру. Анфиса была, как теперь это называется, экстрасенсом, видела насквозь каждого своими пронзительными прозрачными глазами. Когда мой будущий муж пришёл знакомиться с семьёй, она при этом присутствовала и потом дала краткую характеристику: «он хороший».

Мама была настоящей христианкой, она не только усердно молилась, но и делала много добрых дел. Бесплатно выполняла у беспомощных людей разные работы (побелка, уборка), ухаживала за больными, читала по покойникам Псалтирь, постоянно приводила в дом незнакомых людей, кото-

рым негде было ночевать. Не могла мама отказать, если просили в долг деньги. Сестра Галя рассказывала случай, что она однажды попыталась удержать последнюю десятку в доме, когда соседка пришла просить взаймы. Но Галочке это не удалось, мама вырвала сжатую у неё в руке бумажку и отдала. Думать больше о других, чем о себе – в этом вся наша мама.

Она рано начала одеваться в длинные тёмные платья с платочком на голове, ничуть не заботясь о том, что это её старит. Говорила – «с дороги не столкнут». Любила простые белые платочки в точечку с орнаментом по краям, я всегда их ей покупала, а она раздавала старушкам. Мы с сёстрами пытались надеть на неё что-либо из наших одежд, но успеха не имели. Только однажды маме подошло мое пальто на меху, но и оно было украдено в церкви.

Всегда буду благодарна маме за то, что она помогла вырастить мне сына в домашних условиях до трёх лет. Она подолгу жила у нас в Москве, на время увозила его с собой в Новосибирск. Перечитывая старые мамины письма, невозможно сдерживать слёзы – столько в них любви к нам и беспокойства о детях, внуках, всех родных и знакомых! И так всю жизнь и ни слова жалобы о себе, всегда говорила, что хорошо себя чувствует, что всё у неё есть и ничего больше не нужно. Политикой она не интересовалась, но во время перестройки в конце 80-х годов начала читать газеты. Надежда изменения жизни к лучшему появилась и у неё. Хорошо, что

она не увидела, чем это закончилось в наше время.

Сестры вспоминают библейскую картину, когда в год тысячелетия христианства с совершенно белой головой с двумя косичками, в белой длинной рубахе она входила в речку на даче. До конца жизни почти в 85 лет по-прежнему делала всю домашнюю работу, постоянно ходила в церковь иногда по два раза в день. Я не помню, чтобы мама когда-нибудь болела и обращалась к врачам. У неё даже не было медицинской карты в амбулатории, и все зубы были целыми без единой пломбы. Уже в конце жизни у неё отломился кусочек переднего зуба, и после этого она стеснялась смеяться и прикрывалась кончиком платка. Сестра писала: «летает как пушинка» – маленькая, лёгкая, быстрая. Сила воли у мамы была необыкновенная. Перед смертью, когда у неё начались проблемы с желудком, она вообще прекратила есть, чтобы не доставлять лишних забот своим дочерям.

Наши родители всю жизнь прожили вместе, не считая военных лет. Они почти одновременно родились в одном селе и учились в одной школе. Жизнь родителей пришлась на тяжёлое время: революция, раскулачивание, Великая Отечественная война и тяжёлые послевоенные годы. И всё это время на их обеспечении были дети и беспомощные родственники, за которых они считали себя ответственными. В постоянной заботе – накормить, одеть, вырастить и выучить они ещё старались доставить нам радость при тех скромных возможностях, которые у них были. Однако сами они не дума-

ли, что их жизнь чрезмерно трудна и умели быть довольными тем, что есть. Если мы с братом были недовольны едой, мама говорила: «хлеб белый, мягкий, есть сахар, что же ещё нужно!» Впоследствии эти слова стали вроде дома поговорки. Описание жизни моих родителей может показаться идеализированным. Но я так их воспринимаю их и благодарю судьбу за то, что именно они мне подарены.

В мае 1976 года родители отметили "золотую свадьбу". Идею собрать в этот день всех родственников мама решительно воспротивилась, едва её уговорили отпраздновать юбилей в узком семейном кругу. Она буднично говорила: «Ну что особенного-то случилось?! Прожили и хорошо». Пример их жизни – подтверждение мудрых слов: "Великая любовь – это когда люди могут прожить в согласии всю жизнь".

1.4. Братья и сёстры

Володя – мой брат, с него и начинаю. Он моложе меня на 1,5 года и в детстве мы были неразлучны. Вовка выглядел типичным деревенским белоголовым мальчишкой, худым, крепким, хорошо сложенным с совершенно белой, выгоревшей на солнце головой. Хотя меня больше интересовали куклы, а его подвижные игры, было у нас много и общих занятий. Большую часть времени мы проводили на улице, но иногда в сильные морозы не выходили из дома. Тогда разглядывали бесконечно разнообразные ледяные узоры на

стеклах, придумывали игры, сооружали из подушек крепости, из-за чего-то дрались. Поскольку я была старше и хитрее, ему попадало больше, а когда получала я, то хныкала и грозилась, что расскажу маме. Однажды выполнила своё обещание и за такую хитрость получила от мамы несколько мягких шлепков полотенцем. Это было моим единственным физическим наказанием в жизни. Больно не было, но реакция мамы была для меня неожиданной, я рассчитывала на противоположный эффект.

Окна и без того маленькие зимой полностью замерзали. Чтобы видеть, что происходит на улице, мы оттаивали на стекле круглые дырочки. Как-то ночью мы проснулись от суматохи в доме, все собирались на пожар. Горело какое-то здание вблизи и наши окна светились зловещим багровым светом. Мы с братом прилипли к этим дырочкам и долго не могли оторваться от зрелища огня.

Вовка был, конечно, непоседливый, озорной, горазд на всякие выдумки, при этом добрый и бесхитростный. Безусловно, он устраивал какие-то мелкие шкоды, но никаких злобных поступков, в общем-то, не было. В школе во все годы обучения у него был устойчивый имидж нарушителя дисциплины. Как-то меня, ученицу второго класса, как старшую сестру, учительница привела в его класс и показала совершенное им "преступление" – разлитую чернильницу. Я молча смотрела на парту с лужицей чернил и чувствовала себя соучастницей злодеяния. Мне было ужасно стыдно и в

то же время очень жалко его, такого маленького и несчастного. После этого я боялась, что его выгонят из школы,

Брат Владимир и его дочь Анна

если он ещё что-нибудь подобное сделает, а меня опять

поставят перед всем классом и будут говорить, а какой у меня его плохой брат.

Может быть, из-за такой репутации, а частично из-за своей неорганизованности, да и просто невезучести ему так и не удалось реализовать свои незаурядные способности – прекрасную память, аналитический ум, артистичность, сообразительность. А вот тяга к приключениям, даже можно сказать, авантюренность, осуществилась вполне. Где он только не побывал и что не делал! Работал в шахте, в геологических экспедициях на Севере, жил на Колыме, в Москве, в Тынде, работал в Йемене, участвовал в строительстве Байкало-Амурской (БАМ) магистрали. Наверное, столь бурная жизнь и специфические условия походной и строительной жизни, связанные со снятием напряжения с помощью алкоголя, полностью истощили его природные ресурсы, и в 57 лет он ушёл из жизни. По специальности Володя был геологом. Будучи в экспедиции вблизи Магадана, он познакомился со своей будущей женой Ниной, тоже геологом из Москвы. У них родилась дочь Мария и, к горю всей семьи, она оказалась больна и умерла в младенчестве. После этой трагедии Володя уехал работать на два года в Йемен. Жил он вблизи морского порта.

1969г. Владимир на стройке в Йемене

Худейте в посёлке для специалистов. Климатические условия там очень тяжёлые – летние температуры доходят до 51 градуса, но бытовые условия были организованы нормально. В свободное время знакомился со страной, занимался английским и арабским языками и подводной охотой. Ездил по узким, закрытым горным дорогам, вырубленным в скалах над бездонными пропастями.

Люди его там очень любили, впрочем, его всегда все любили. Он был щедрым, открытым, веселым и озорным. Иногда во время поездки в автобусе он пугал меня тем, что сейчас обратится к пассажирам и напомним им, что надо в каждом мгновении жизни находить радость и предложит вместе спеть. Я понимала, что он может это сделать, ужасно трусила и грозилась выйти на следующей остановке. Детей у них больше не было, и после возвращения из Йемена семья распалась. Жена Нина осталась в их квартире, взяла из детского дома девочку, и Володя её усыновил, чтобы поддерживать материально до совершеннолетия. В Москве он не остался и поехал на строительство столицы БАМа Тынды. Там он вторично женился, и у них родилась дочь Аня.

В Тынде Володя был секретарём комсомольской организации строительного Управления и пользовался большой популярностью. Когда ноябрьская демонстрация проходила мимо его дома, все дружно кричали "Колесников, поздрав-

ляем!" – у него 7 ноября день рождения. Из собраний он устраивал такие шоу, что на них собирался народ как на концерты. В игру он превращал и все комсомольские дела и поручения. Например, в его обязанности входил контроль над массовой подпиской на газету «Правда». Дело, кто помнит, трудное, никто не хотел подписываться, и никто из распространителей подписки не набирал нужные проценты разрядки. А у него было более 100%! Секрет прост: во время вечеринок с распитием спиртного он «подначивал» коллег: «А слабо каждому подписаться на 10 экземпляров газеты!» Ребята были при деньгах, и им было «не слабо». Столь неординарные приёмы принесли ему славу успешного организатора, и он был рекомендован на учёбу в Москву, чтобы стать профессиональным партработником. Он отказался, поскольку не только не разделял этой идеологии, но и был её противником. А его участие в комсомоле было необходимостью, которую он превращал в игру.

Зарабатывая большие по тем временам деньги в экспедициях и за рубежом, сорил ими направо и налево. В точности как его прадедушка Иван! Он мог выстроить в ряд официанток в ресторане и щедро всех одарить. Женщины его любили, выглядел он отлично – высокий, стройный блондин, остроумный, артистичный. Он всегда хорошо одевался, по тем возможностям, конечно. Он тоже увлекался женщинами, но в двух своих браках не был счастлив. Однако и женам, и родным с ним тоже было нелегко. Он надолго пропадал,

не писал, не звонил. Все волновались, особенно переживала, конечно, мама. Когда же приезжал домой, сердиться на него было невозможно. Всех обнимал, целовал, смешил. Была у него какая-то изначальная сибирская широта души, усиленная пребыванием в суровых условиях жизни. Со мной он держался всегда как младший брат, был мягок и уступчив. При этом даже я видела иногда в нём дедушку – властного, уверенного в себе, не нуждающегося в советах.

Однажды, улетая из Москвы, он позвонил мне из аэропорта. Я поторопилась сказать, что он оставил у нас шарф. Не дав мне закончить, он сказал: "О чём ты говоришь! Какой шарф! У нас две минуты на прощание!" И это были вещие слова, я никогда уже не видела его прежним, возвратился он смертельно больным. И я повела себя самым трусливым образом. Делала вид, что болезнь излечима, ни разу не поговорила с ним серьезно и честно, хотя знала, что ему осталось жить два-три месяца. Только один раз мы прямо и долго посмотрели друг другу в глаза и всё поняли без слов. Мне кажется что сейчас, отойдя от суеты деловой жизни и кое-что, осмыслив, я могла бы с ним обо всем поговорить, но тогда у меня просто не хватало на это духовных сил. Единственное, что я сделала – с его согласия пригласила священника. Пришел довольно молодой монах и говорил с ним несколько часов. Из того разговора до меня дошла только одна, но самая существенная деталь – Володя смерти не боялся. Умер он красивым, не успев похудеть. Хорошим он был человеком,

если, перенеся такие страдания, мужественно ушёл из жизни и при этом удостоился предсмертного соборования.

Брат Юрий

Двоюродный брат Юра, сын маминой сестры Елены, был почти как родной, поскольку подолгу жил в нашей семье. Родились мы почти одновременно, он на 18 дней после меня. Мама кормила его грудью, так что он ещё и мой молочный брат. Во время войны они жили с матерью в Новосибирске, но поскольку выжить там было ещё труднее, чем в деревне, тётя Елена привезла его к нам. Из той поры сохранилось семейное воспоминание. После приезда сели ужинать и на стол

как обычно поставили большой эмалированный тазике с варёной картошкой. Юра в волнении закричал: «мама, быстрее хватай вот эту рассыпчатую!» Запомнился ещё его белый свитер. Мне он так понравился, что я решила в будущем выйти замуж за мальчика в таком свитере. Но сам Юра как кандидатура не рассматривался, и потому что брат, да и вообще тогда никаких кандидатур ещё не было. А мое детское пожелание по поводу белого свитера сбылось.

Старшая сестра Зоя была настоящей красавицей – зелёные глаза, ослепительной белизны и ровности зубы, пышные светлые волосы. В школе она пользовалась успехом и не только из-за красоты, но и из-за общительности, весёлого и доброго нрава. Ей, как девушке умеющей хорошо излагать свои мысли и обладающей хорошим голосом, было поручено передавать сводки Совинформбюро с военных фронтов по местному радио. Каждый день ранним утром она приходила в радиоузел, читала сводки на телетайпе и передавала в эфир. Радиоузел располагался в бывшем здании церкви и сейчас, глядя на фото восстановленного храма, Зоя вспомнила как она, забыв однажды ключ, пролезала внутрь через одно из окон. Даже дедушка выделял Зою из своих внуков, говоря: "Она Колесниковой породы"!

Сестра Зоя

На переменках Зоя сбегала вниз по лестнице (начальные классы располагались на первом этаже, а старшие – на втором) и я очень гордилась, что у меня такая взрослая и красивая сестра. Когда мы с братом ещё не учились в школе, Зоя приносила нам маленькие конфетки-подушечки бежевого цвета, которые иногда выдавали ученикам. А она сбегала их для нас младших. Какую же надо было для этого иметь любовь и мужество девочке, которая тоже хотела сладкого. И ещё на эту тему. Когда в доме появлялось мясо, делали пельмени. Из-за ограниченного количества распределялись они по счёту, но нам с Вовкой доставалось, конечно, изначально больше. Но все равно мы быстро их съедали, и тогда Зоя подкидывала нам из своей тарелки. Привычку считать пельмени я сохранила до сих пор, хотя в этом теперь нет никакой необходимости.

Зоя училась в Ленинградском финансово-экономическом институте. Выбор этот был случайным. Вместе с подружками они приехали в Новосибирск, для поступления института, но прямо на вокзале их встретил представитель из Ленинграда и предложил учиться там. Видимо, в тяжёлые послевоенные и после блокадные годы желающих ехать этот город было немного и «гора сама пошла к Магомету». Студентам, живущим далеко от дома, приходилось особенно трудно – стипендии маленькие, а помощи ждать не откуда. Зоя рассказывает, как в комнате общежития девушки попеременно ходили вместо лекций в очередь за хлебом. В этот день до-

бытчику доставалась горбушка. Из-за этой горбушки она часто ходила в очередь за других. На свою более чем скудную стипендию она ещё умудрялась привозить нам подарки.

Дни её приезда на каникулы были необыкновенно радостными. После опустошения коробок с конфетами мы ещё долго их нюхали, вкусно пахло шоколадом. Привозила она и разные новшества, например, обычный творог превращала в необыкновенное лакомство – сырковую массу. Однажды она привела к нам переночевать какого-то солдата, с которым она ехала на грузовике из Черепаново. Ему нужно было ехать дальше, а знакомых в нашем селе не было. Утром он нас щедро вознаградил за гостеприимство, разрезав один из двух арбузов, которые вёз в подарок домой. Так мы впервые попробовали это чудо. Большой радостью было уговорить Зою пойти купаться на реку. Мы рассказывали ей о своих делах и демонстрировали умение плавать.

Запомнился приход к нам Зоиного жениха Валентина. В нашем бедном доме он выглядел как принц – красивый, высокий, в форме летчика, ну просто как из кино "Воздушный тихоход". Там пелась, бывшая тогда популярной, песенка: "потому, потому, что мы пилоты, небо наш, небо наш родимый дом ...". Мама в качестве угощения нажарила сковородку картошки, Валентину понравилось, что она нарезана брусочками (как картофель фри) и он очень её хвалил.

Валентин был сыном врачей-ветеринаров Павла Федотовича и Клавдии Андриановны Харчиковых. Они, как и наша

семья, жили во время Второй мировой войны и некоторое время после неё в посёлке Маслянино Новосибирской области. В детстве я его не помню, он был на 14 лет меня старше, и между нами была пропасть в целое поколение. Но мы с братом и двоюродными сестрами часто заходили к его родителям на Ветеринарный участок (Ветучасток), потому что там работала наша тётя, тоже врач-ветеринар.

Место было для нас притягательным своей необычностью: запах карболки, станки для животных, конные грабли, на сидении которых так было удобно расположиться. Дом стоял на большом дворе со старыми берёзами и яблоньками-дичками, которые в своё время посадил мой дед Никифор. Росшие маленькие яблочки, ранетки, казались необыкновенно вкусными, их можно было рвать, сколько хочешь. Был там и колодец с воротом, в глубину которого мы любили смотреть. Клавдия Андриановна уютно круглая, с веснушчатым тоже круглым лицом была очень приветливой и всегда нас чем-нибудь угощала.

В школьные годы сестра с Валентином не встречались. Он был старше её на 4 года и их пути не пересекались. По рассказам Валентин впервые заметил её, когда она училась в 10 классе. Он приехал в отпуск будучи лётчиком, и они встретились, не знаю при каких обстоятельствах. Зоя передала мне только его слова по отношению к ней: «Ах ты, какой чертёнок!» Возможно, он ещё не думал о женитьбе, но мать Валентина давно заметила Зою и хотела видеть её своей невест-

кой.

Валентин служил тогда в Баку, там же жила и его мать, отец уже умер. Клавдия Андриановна пригласила Зою к себе в гости, написала и родителям с просьбой отпустить её и заверениями самого благородного поведения со стороны сына. Как раз перед этой поездкой папа послал Зое в Ленинград, где она училась в финансово-экономическом институте, отрез шёлка на платье. Послал ей также и письмо, где он разрешал поездку с надеждой на её благоразумие или что-то в этом роде. Я письмо читала, но дословно не запомнила. Так что она поехала в гости нарядная, как и полагается невесте.

Зоя рассказывала, что Валентин не мог её встретить, в этот день он был занят в полётах и отпустить его не могли. Дисциплина была, абсолютно жёсткой. Встречали её два приятеля Валентина. Они много шутили: «Ах какая хорошая невеста! Мы постараемся её отбить». В конце этого визита Валентин сделал ей предложение, и она возвратилась в Ленинград.

В следующий раз они приехали вместе, уже будучи женами. По случаю их бракосочетания у нас «гуляли». Дети, в том числе и я, будучи подростком, в этом участия не принимали. Мы с братом и с его другом Лёней расположились ночевать на сеновале, что-то подстелили на сено, но не спали. Было очень весело, окна светились, мы наблюдали за гостями, в сенях стояло ведро с вкусной брагой, мы туда заглядывали, черпали кружкой из ведра и пили, ничем не закусывая.

Наверняка все захмелели, но неприятных последствий я не помню.

С приездом молодожёнов в доме создалась настоящая атмосфера праздника. Зоя весело распевала: «жил кузнец весёлый за рекою никого собой не беспокоя...» и "раскудрявый клён зелёный, лист резной... ", пришивала плечики к платью, готовясь вечером идти в кино. Валентин посмеивался, беседовал с нами, устроившись на бревнах перед домом. Мне он подарил томик Пушкина, расспрашивал, что я читаю, и какие писатели мне нравятся. Затем молодые отправились праздновать к родственникам Валентина в Новосибирск и взяли меня с собой. На многолюдной вечеринке по случаю свадьбы я безутешно плакала, не знаю о чём, возможно, просто почувствовала себя оторванной от привычной среды. Полагаю, что изрядно подпортила им праздник.

Несколько лет, когда Валентин учился в Военно-воздушной Академии им. Н. Е. Жуковского, они жили в Москве. После её окончания он был направлен на службу в Ахтубинск – военный городок на Волге. Там проходила подготовку команда космонавтов, в числе которых был и Валентин. Об этой стороне его работы никто не знал. Он никогда и никому ничего не рассказывал, строгие тогда были порядки. Однако для полётов Валентин оказался слишком высоким и по этому параметру не прошёл.

Валентин был лётчиком – испытателем, понятно, что работа предельно опасная. Будучи уже на пенсии, рассказал, за

что получил первый орден «Красная Звезда». Случилось это так. При испытании нового самолёта пилоты не могли вывести его из штопора, и вынуждены были катапультироваться. Это происходило раз за разом и, когда пришла очередь Валентина, случилось то же самое. Он попытался открыть люк, чтобы выпрыгнуть, но крышку заклинило. Тогда от безысходности он стал лихорадочно нажимать на все кнопки, и самолёт вышел из штопора. Впоследствии при разборе полёта он не мог рассказать, как он это сделал, но по записывающим приборам последовательность его действий установили. В дальнейшем всё было в порядке, а Валентин получил орден. Впоследствии наград у него было множество.

В Ахтубе, по воспоминаниям дочери Валентина Татьяны, можно было увидеть известных космонавтов. Она, например, встретила в своём подъезде Германа Титова. Многие жители поселка знали их лично, и о каждом из них складывалось общественное мнение. Валентину Терешкову там не очень любили, считали заносчивой, а знаменитая лётчица Марина Раскова, наоборот, пользовалась славой простой и приятной в общении. Известная учёная-математик и талантливая писательница Елена Венцель тоже там бывала и пользовалась популярностью из-за своих рассказов на тему местной жизни. Она публиковалась под псевдонимом И. Грекова (вместе звучит как Игрекова). Мне нравятся её произведения, особенно роман «Кафедра».

И я побывала в этом посёлке в гостях семьи сестры по-

сле окончания третьего курса института. Денег у меня было немного: летняя стипендия плюс то, что получила за работу на практике. Их хватило на билет и на мелкие расходы. Ехать надо было четверо суток, с пересадкой в Москве, но меня это ничуть не смущало. Случайно в том же вагоне оказался мой сокурсник Яша Ш.. Не помню, что мы что-нибудь ели, но довольно весело провели время. От Москвы до Ахтубы я ехала на верхней боковой полке без постельного белья и питалась твердокаменными пряниками, которые купила на свои последние деньги у Павелецкого вокзала. Могла ли я в то время представить, что через много лет буду почти ежедневно ходить через Павелецкий вокзал и покупать в той же булочной сладости для чаепития в институте.

Ахтуба расположена довольно близко к Астрахани, на одном из рукавов Волги и многие местные развлечения связаны с водой: пляж, рыбалка, пивные вечеринки с раками. Правда, пива я тогда не пила и раков есть отказывалось, но не могла оторваться от неповторимых астраханских сахарных арбузов и помидор. У Валентина было всё оборудование для рыбалки: лодка с мотором, мотоцикл с прицепом, снаряжение для лова. В мой приезд мы ходили с большой компанией на Волгу. Поймали много рыбы, в том числе громадную щуку, варили двойную уху в ведре, купались.

Из своих бесед с Валентином помню только, что он интересовался моими знаниями в физике. Их как раз почти не было, экзамены были в прошлом и всё забыто. По оконча-

нии срока моего посещения Валентин купил мне обратный билет, щедро снабдил деньгами, и я ехала домой со всеми удобствами и даже обедала в ресторане.

Летчиком-испытателем Валентин был до определённого возраста, а затем перешёл на должность инженера-конструктора и закончил службу в должности подполковника. После выхода на пенсию Валентин мог выбирать любое место жительства в стране. Большинство его коллег устроились в Москве, в Крыму или в Прибалтике, но он предпочёл Новосибирск – область, где родился, и где жили родные жены, т.е. наша семья.

На пенсии Валентин оставался по-прежнему немногословным, казался отстранённым, но на самом деле был в курсе всех событий политических и бытовых. Например, перед тем, как я к ним прилетала из Москвы, он, зная мою приверженность последней моде, всегда точно предсказывал, как я буду одета. Например, «Валентина явится в длинном пальто и сапогах на платформе» и не ошибался. С сестрой они вечно дурачились и разыгрывали друг друга. Она ему грозила, что поместит его в Психиатрическую клинику для лечения от алкоголя. А он, подходя тихо сзади, обнимал её, она громко вскрикивала от неожиданности, а он говорил: «Ну и кто у нас поедет в клинику?»

Татьяна и её сын Аркадий

Специальность Зои оказалась подходящей для жены военного, и она всегда имела и никогда не была домохозяйкой. Вокруг неё всегда кипела жизнь, она придумывала разные мероприятия, вроде домашних праздников, походов в кино, ресторан, театр. Театр она так любила, что перенесла свой день рождения с 27 на 28 марта – день театра.

Дочь Зои Татьяна училась в Новосибирском Университете и жила в общежитии Академгородка, где и познакомилась со своим будущим мужем Яковом Гринбергом, тоже студентом Университета. Ещё, будучи студенткой, она родила сына Аркадия. В свой очередной приезд в Новосибирск я поеха-

ла посмотреть малыша. Запелёнатый мальчик тихо лежал на столе рядом с конспектами. Всё было как обычно – забегали студенты, Таня спокойно с ними обсуждала свои учебные дела, и никаких признаков наличия в помещении грудного ребёнка не было. Я невольно сравнивала эту ситуацию со своей, когда весь уклад нашей жизни был ориентирован на «пеленашку». Мне было так жалко малыша, что возвратилась я в слезах, однако печаль моя была напрасна – Аркаша вырос красивым и умным, набирался ума с пелёнок в буквальном смысле слова. Татьяна, выйдя на пенсию, страстно увлеклась рисованием. На её счету несколько персональных, ряд международных и многих городских выставок, шесть изданных книг с её картинками.

По положению в возрасте между сестрами я средняя. Появилась я на свет в самом центре Новосибирска, в роддоме №1 по ул. Урицкого и мало что помню из раннего детства. Сохранилась память о каком-то неизвестном, но прекрасном запахе, он возникает в течение всей моей жизни мимолётно, на какие-то мгновения, порой в совершенно неподходящих местах. Всегда пытаюсь понять, откуда он и что может так чудесно пахнуть, но мне никогда это не удаётся. Зато хорошо знаю, какого происхождения один из самых неприятных для меня запахов – рыбий жир. Вероятно, меня поили им насильно, потому что я помню своё отчаянное сопротивление и железную кровать с пружинной сеткой. Пожалуй, это самое раннее визуальное воспоминание. Другая картинка из

детства тоже не очень чёткая. В ней папа, только что пришёл, ещё одет в своё пальто из нерпы, ставит портфель на стол и вынимает из него печенье.

Следующее запомнившееся событие уже чётко датировано – лето 1941 года, мне 4 года. Старшая сестра срочно забирала нас из летнего лагеря из-за начавшейся войны. Она вела нас братом Володей по лесу, вернее, его несла его на руках, а я плелась сзади. В суматохе каким-то образом она нас потеряла, с трудом нашла и привезла домой. Дальнейшие события я знаю уже со слов сестры Зои, которой было тогда 14 лет. Отца мобилизовали в первые дни войны, мама с братом на руках и сестра за руку со мной провожали отца на фронт. Уезжающие с трудом вырывались из объятий своих родных, и на ходу прыгали в товарные вагоны.

Судьба распорядилась так, что каждый свой возрастной период я проживала в разных географических местах. Сокрушительную часть детства провела в селе Маслянино Новосибирской области, юность в Новосибирске, зрелые годы в Москве, а пенсионные в Израиле. После окончания инженерно-строительного института (НИСИ) работала в качестве архитектора в проектной организации. Вышла замуж, переехала в Москву. Там работала сначала в научно-исследовательском институте, затем поступила в аспирантуру. После защиты диссертации стала преподавателем, закончила докторантуру, после защиты докторской диссертации получила звание профессора и завершила свой рабочий путь в каче-

стве заведующей кафедрой.

Моя семья. Сын Михаил и муж Виталий

Мой муж Нагинский Виталий Михайлович учился в Ленинградском Кораблестроительном институте (сейчас Санкт-

Петербургский Морской Технический Университет) и работал по профилю полученной специальности. Сын Михаил получил профессию инженера – строителя и специалиста по IT-технологиям. Подробное описание фактов моей жизни изложено во второй и третьей части книги «Три земли моей жизни».

Младшая сестра Галина родилась в Маслянино и была настоящим подарком всей семье. Она не только продлила молодость нашим родителям (ведь маме в то время было почти 45 лет), но и единственная из всех детей прожила с нами до последних минут их жизни. Мы же получили любимую младшенькую сестренку. Галочка была спокойным ребенком, не доставляющим никому хлопот. Родилась она 31 августа, так что первого сентября мама была ещё в больнице. Уходя в школу из дома, где не было мамы, я чувствовала себя почти сиротой и едва скрывала слёзы. Встретившая меня по дороге соседка-врач сказала о появлении сестры. Мы по очереди дежурили около кроватки Галочки, когда её оставляли под наш надзор. К лету она подросла, очень быстро начала ходить, и мы повсюду таскали её за собой.

Помню, как залезая на сеновал, передавали её по лестнице из рук в руки. Как только не уронили! Но думаю, что Галочке это нравилось, во всяком случае, она никогда не плакала. Однажды ей попала в глаз соринка, и она никак не хотела открывать глаза. Я испугалась и тут же дала себе клятву, что, если она ослепнет, я всю жизнь буду с ней. Галочка сидела

у меня на руках спокойная, хорошенькая, одетая в сшитое мной синее в горошек платье, но глаза не открывала. Как я её уговорила это сделать, не помню, но всё обошлось, и наша сестренка осталась с красивыми карими глазами. Я уже тогда шила ей платья одновременно с платьями для кукол. С моими изделиями случались иногда казусы. Так, во время крещения Гали у платья, сшитого к данному торжеству, оторвался рукав.

Взбунтовалась Галочка только когда мы переехали в Новосибирск, где у нас не было коровы. Она долго отказывалась пить городское молоко, плакала и требовала наливать ей молоко "из кринки", значит, непосредственно от коровы. Пришлось найти корову в городе. Иногда она требовала молоко ночью, и тогда папа вставал и шёл к молочнице. Мы же с Володей без сожаления расстались с деревенским молоком и вместо него с удовольствием пили чай с французскими булками, макая их в блюдечко с сахаром. Но ребёнок, ещё знающий истинную природу вещей, понимал, что его отлучили от настоящего, натурального продукта. Здесь же, в доме дяди Никиты Галочка совершила свой вариант полёта – с кровати через открытый люк в глубокое подполье (мой будет описан далее). Счастливым образом она упала на кучу картошки, и падение не причинило ей никакого вреда.

В отличии от меня, в детстве она была совершенно бесстрашной. Как сейчас перед глазами картина. С крутого склона, где и взрослые парни-то боялись спускаться, на ма-

леньких лыжиках несется крошечная фигурка в развевающемся синем сшитом мной пальтишке. Я вместе с другими с замиранием сердца смотрела издали, но почему-то не запрещала ей это делать.

Когда перед окончанием Новосибирского института инженеров железнодорожного транспорта встал вопрос о её распределении на работу, я попыталась поспособствовать тому, чтобы её оставили в городе с родителями. Прилетела в Новосибирск, надела красивый костюм и отправилась к ректору. Секретарю подала очень редкую для того времени визитную карточку, отпечатанную в Финляндии во время моей стажировки, где значилось что я доцент столичного престижного вуза. Это всегда производило впечатление, и ректор меня принял. Не знаю, помог ли этот визит или что другое, но Галя осталась в городе, работала в том же институте, где училась в отделе научно-исследовательских работ, а затем преподавателем.

Галина и её сын Степан

Сына она назвала Степаном, в честь нашей матери Степаниды. Он был необычным ребёнком, очень умненьким, но несколько агрессивным. В его играх самолёты терпели крушение, машины падали в пропасти, всё естественно начисто разбивалось. Чтобы завоевать его расположение я, вспоминая детство, придумывала аварии ещё ужаснее и создала абсурдные ситуации. Сначала смотрел на меня с удивлением, а потом признал во мне достойного партнёра для игр. Его правдивостью, передавшейся по наследству от мамы, развлекали гостей. На вопрос: "Стёпа ты меня любишь?», он твёрдо и уверенно отвечал "нет". Следующим вопросом был «У ко-

го самое красивое платье?»), он тут же совершенно безошибочно указывал, даже если только что сказал, что эту тётю не любит. Степан стал специалистом высокой квалификации в области IT технологий.

Разница в возрасте между старшей и младшей сестрой в 21 год создавала забавную путаницу в родственных отношениях между членами семьи. Галина в неполные два года была уже тётей, а в 23 года стала бабушкой, хотя и двоюродной, а её сын Степан – дедушкой в 18 лет, поскольку его двоюродная сестра Таня только на 2 года моложе его матери. Во всем этом без генеалогического дерева просто невозможно разобраться. Его я, кстати, составила для обеих семей моих родителей. Однажды маленький сын Тани Аркаша, пытаюсь в компании сконцентрировать мое внимание на себе, постоянно обращался ко мне "Валя, Валя...". Мой сын к этому отнесся ревниво и строго ему сказал:

– "Какая она тебе Валя, она твоя бабушка!"

Все просто онемели, такого разговора в данный момент на эту тему никто не вел. Видимо, он слышал это раньше, запомнил и весьма уместно использовал.

Кстати, Стёпа родился в тот день, когда мою докторскую диссертацию утверждали в ВАКе (Высшая Аттестационная Комиссия). В те времена это была страшная процедура, связанная с многими месяцами ожидания и нервотрёпки, анонимными письмами и другими "прелестями". Эксперты ВАКа были недоступны для общения и чуть ли не священны-

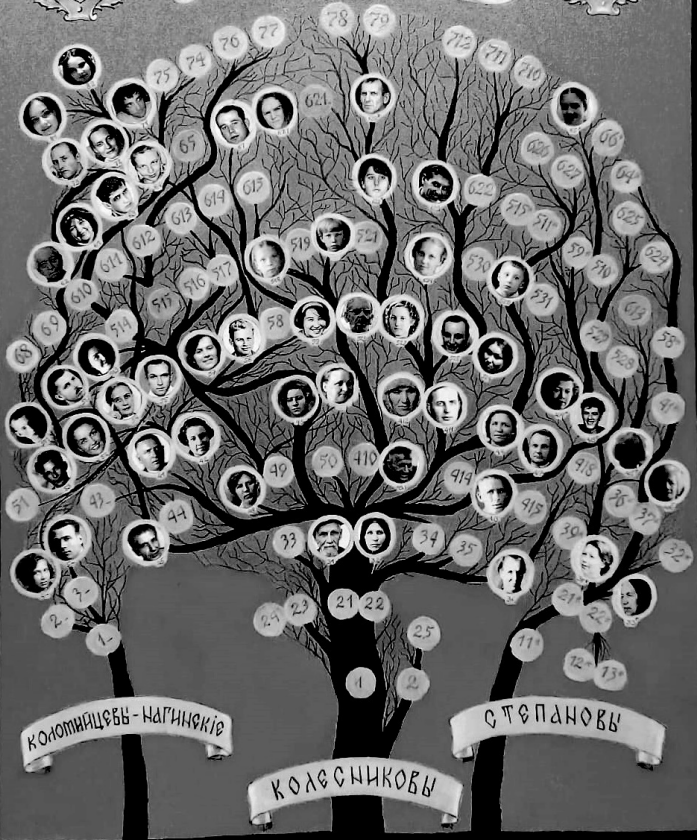
ми особами для соискателей степеней. Впоследствии, и я сама отработала в этом качестве лет 7-8. Но «утечки» информация всё-таки были, и я знала, что сегодня рассматривают мою работу. Знала я и что сестра Галина вот-вот станет матерью и с нетерпением ждала звонков. Двойного напряжения не вынесла и уснула на диване рядом с телефоном. Звонок показался громом и строгий незнакомый голос спросил: "Здесь проживает доктор технических наук ...?" Оказалось, что это даже не мой знакомый, а Сам Эксперт, который вёл мое дело! Вот бы удивился, узнав, что я спала! И сразу после этого второй звонок – родные поздравляли меня с племянником. Вот такие счастливые бывали дни.

1.5. Семейное древо

Родословную нашей семьи я разработала в трёх видах: иерархическая схема поколений с указанием имён и дат жизни; полная родословная по компьютерной программе со всеми связями и подробными данными; дизайнерский вариант в виде дерева, который здесь представлен.

РОДОСЛОВНАЯ 1820-2023

КОЛОМИЦЕВЫ-НАГИНКИЕ

КОЛОСНИКОВЫ

СТЕПАНОВЫ

Глава 2. Мир детства

2.1. Наша Сибирская Швейцария

Маслянино, куда наша семья переехала в начале войны, было большим селом уже к концу 19 века. Село находится в 176 км от Новосибирска и в 68 км от железнодорожной станции Черепаново. Есть сведения, что первые его поселенцы были кержаками (староверами), они пришли в это место с Ермаком, который начал заселение Сибири в 1581 году. Официально Маслянино было основано в 1644 году и получило свое название от масла шелковичного льна, который здесь издавна выращивался на отвоеванных у леса территориях и обрабатывался жителями сначала самостоятельно, а потом на местном льнозаводе.

Первые дома располагались вблизи построенной староверами церкви, на низком месте, покрытом крапивой у небольшого ручья. По всей вероятности, это место находилось как раз в районе нашего дома, поскольку клуб (бывшая церковь) был рядом, а чуть ниже, на границе нашего огорода протекал ручей. Во время прибытия нашей семьи в Маслянино ручья уже не было, от него осталось сухое русло, заполняемое только весенней водой. В 1896 году (возможно на месте старого храма) была сооружена церковь в честь Святителя Николая

Мирликийского. По преданию храм получил имя от иконы, подаренной Николаем 2 во время посещения села по пути в Японию. В конце 20-х годов следующего столетия церковь закрыли. Её частично разрушили, купол снесли, иконы сожгли и устроили в здании сначала зернохранилище, потом клуб. Нам детям и в голову не приходило что клуб, куда мы ходили в кино и на разные развлекательные мероприятия, был церковью, а сад её территорией. Сейчас она восстановлена, и я передала туда в дар написанную мной икону Святого Николая.

Место, где располагалось поселение, весьма живописно и сейчас его в прессе называют Сибирской Швейцарией. Полноводная река плавно огибает его и разделяет застройку на две части, соединённые мостом. Центром в то время считался клуб в окружении так называемого сада – квадратный поляне, обрамлённой со всех сторон кленовыми аллеями. Климат Западной Сибири континентальный и было мнение, что именно в нашем посёлке он является экстремальным – с одной стороны полюсом холода, а с другой – местом самой высокой летней температуры. Сведения не проверены, но возможно, так оно и есть, рельеф этому способствует.

В холодные зимние дни всё тонуло в морозном тумане, воздух становился стылмым, плотным, и физически ощутимым, из труб вертикально поднимался белый дым, морозные узоры на стеклах волшебным образом переливались разными цветами. Дорога блестела следами от санных полозьев, чистый снег

скрипел под валенками, и к каждому дому вела прокопанная в снегу тропинка с сугробами по краям. В конце зимы, когда солнце начинало пригревать, на снегу образовывался наст – твердый покров, сверкающий в лучах солнца всеми цветами радуги. Мы с братом Володей в шерстяных носках без валенок выскакивали из дома и с восторгом бегали по насту, часто проваливались, но не останавливались, пока не набирали полные носки снега.

Весна приносила необыкновенные запахи талого снега, и ещё чего-то, что называется "пахнет весной". Сначала на солнечной стороне появлялись сосульки – мы их сосали, потом первые прогалины на поляне и первые ручейки. И, наконец, наступал ледоход. Ночью слышались выстрелы от ломающегося на реке льда, начиналась ежегодная суматоха по спасению моста. Иногда это удавалось, а иногда ледоход его серьезно повреждал, опоры моста были хоть и основательными, но деревянными. Утром мы бежали смотреть, как громятся серо – синие льдины и взбирались на те из них, что выталкивало на берег.

Летом выскочишь утром на террасу, трава во дворе покрыта росой, на паутинах она сверкает как редкие бриллианты, всё залито солнечным светом и предвещает жаркий день. К полудню воздух прогревается, дрожит и струится, если смотреть в конец улицы. В такие дни мы целыми днями пропадали на реке, забывая о еде. За пределами села начинались поля льна с ярко-синим васильками в них, и луга

со множеством полевых цветов. Некоторые из них я видела только в Сибири, например, цветы очень точно называемые в народе "огоньками". Это были маленькие ярко оранжевые розочки, которые просто светились в свежей зелени. А в лесу встречались очень крупные пёстрые дикие лилии Радовали и посаженные цветы, и большой участок цветущих алых маков под окнами. Остались любимыми на всю жизнь запахи из того времени – цветущей черёмухи, сирени, маленьких огурчиков, помидорных веток, кустов смородины, нагретого солнцем соснового леса, речной воды, выпекаемого хлеба.

Любимый запах осени – от сжигаемой картофельной ботвы. Огороды уже пусты, только дымятся потихоньку костры, аллеи сада полыхают яркими желтыми и красными кленовыми листьями. А по утрам, когда мы с охотой после летнего перерыва бежим в школу, поляна покрыта белым инеем. Воздух осенью становился особенно прозрачным, хотя он всегда был необыкновенно чистым и благодаря окружающим его сосновым лесам и реке, а также благодаря полному отсутствию вредной промышленности и минимальному количеству транспорта. Выросшая в такой стерильной атмосфере я совершенно не переносила запаха бензина, и дальние поездки в автомашине были для меня тяжелым испытанием. Когда мы переехали в Новосибирск, я не могла поверить, что воздухом с запахом каменного угля можно дышать постоянно и всё ждала, когда же он исчезнет. Не дождалась, привыкла и перестала замечать.

Я счастлива, что провела свое детство в такой замечательной, чистой, прекрасной местности. Никто не обращал моего внимания на красоту окружающего мира, но, сколько я себя помню, я видела её во всём: в ёлочных игрушках, в узорах на лоскуточках тканей, в осколках цветного стекла, в книжных картинках и, конечно, в природе. Казалось, что нет прекраснее природы, чем та, что нас окружала. Позже я имела возможность убедиться, что на свете много мест более красивых, но страна моего детства до сих пор остается самой чудесной и неповторимой. К сожалению, я поддалась своему желанию снова всё увидеть и посетила это место через много лет. А ведь уже знала замечательное стихотворение Геннадия Шпаликова:

По несчастью или к счастью истина проста -
Никогда не возвращайся в прежние места
Даже если пепелище выглядит вполне,
Не найти того, что ищем, ни тебе, ни мне
Путешествия в обратном я бы запретил,
И прошу тебя как брата, душу не мучи
А не то рвану по следу, кто меня вернёт?
И на валенках уеду в сорок пятый год
В сорок пятый угадаю, там где – Боже мой! -
Будет мама молодая и отец живой.
И на валенках уеду в сорок пятый год
В сорок пятый угадаю, там где – Боже мой! -

Будет мама молодая и отец живой.

2.2. Первые воспоминания

После начала второй мировой войны и мобилизации отца на фронт, мама с детьми вынуждена была переехать в Маслянино, где проживали родственники, и было больше шансов выжить. Я ничего не помню об этом переезде, но по рассказам старшей сестры Зои, он был нелёгким. Она вспоминала картину ночного Новосибирского вокзала, два этажа которого были заполнены лежащими на полу людьми. Зоя пробиралась между ними чтобы пройти на первый этаж за кипятком и увидела, как мужик тащит кошелёк из кармана спящего. Вор тоже заметил её и пригрозил оставить без глаз, если будет смотреть, куда не надо.

Так или иначе, до места мы добрались и соседка по дому Нина, между прочим младше меня на полгода, рассказывала, что хорошо помнит наш приезд и разгрузку багажа. Соседка и стала ближайшей подругой на всю жизнь до её ухода. К таким друзьям, оставшимся на всю жизнь, относился и Алексей Романенков (Лёня) и мой двоюродный брат Юра, о котором я выше упоминала, и двоюродные сестры Светлана и Ольга. Всех их, кроме Светланы, уже нет в живых.

Мы, как и все дети моего поколения, большую часть времени проводили на улице. Зимой катались на санках, по скату поляны и с ледяной горки, которую сооружала тетя в нашем огороде, поливая её водой из колодца. Катались на конь-

ках, привязанных к валенкам по накатанной санями дороге. Весной бегали смотреть заторы льда, пускали кораблики в ручейках и лужах. Летом играли на поляне перед домом, прыгали через скакалку, и по расчерченным на земле квадратикам «в классики», играли в «бабки», используя для этого позвоночные кости не то овец, не то свиней. Лёня увлекался фотографией. Для проявления фото часто использовалась наша баня, маленькое окошечко которой было удобно занавесить. Красный свет создавался с помощью украденного с автомашины заднего огня. Это «геройство» совершил соседний мальчишка Шурка Ведерников. Он был выше всех ростом, и мы его звали «Жердяй». Даже сочинили с сестрой про него стих:

Идёт по улице Жердяй, Ведера, двухэтажный
Он свысока глядит на дом, на дом одноэтажный.

Мы обследовали все окрестности, уходили надолго на реку, в лес, словом, росли, как трава в чистом поле. И ничего плохого ни с нами, ни с нашими друзьями не произошло. Такое тогда было время и такое место, где взрослые могли быть спокойны за детей. На реке Бердь пропадали целыми днями, она для нас была целым миром, связанным с водой, солнцем, теплым песком, зарослями конопли. У всех были свои избранные места для купания. Я рано научилась плавать, но любимым моим местом было мелководье с чистым песчаным дном. Летом вода здесь прогревалась, и особенно сильно ощущался замечательный речной запах. Я часто

одна играла с водой, подбрасывая её кверху, а она разлеталась сверкающими алмазными брызгами. На Берди мы забывали о времени и еде и возвращались домой только к вечеру голодные и с синими от долгого купания губами. Мне тоже очень нравился запах росшей на пригорке конопли. Из её стеблей мы делали тросточки, плели веревочки, а семена жевали, не подозревая об их свойствах.

Игры наши с Ниной начинались с раннего утра. Я, едва протерев глаза после сна, наскоро выпив кружку молока с хлебом или картошкой, бежала к Нине, или она прибежала к нам. Чаще всего играли у неё дома, у них было просторно, две большие комнаты, мать целыми днями на работе, дома только нянька, занятая хозяйством. Много игр было связано с войной, но в основном мы играли в куклы. Настоящих фабричных кукол не было, но у неё были две куклы с пластмассовыми головками, пришитыми тряпичному туловищу. Позже мы увлеклись бумажными куклами. Одну такую привезла Нине её тётя Вера из Томска. Кукол печатали на плотной бумаге с комплектом платьев. Я немедленно нарисовала себе похожую, производство кукол и одежды для них было поставлено на поток и продолжалось чуть не до 12 лет. Потом я перешла на реальный пошив вещей себе и своей сестре.

Мать моей подруги и её тётя Вера выглядели как дамы благородного происхождения, собственно, они такими и были, что подтверждалось их внешностью, поведением и гар-

деробом. У одной из них сохранилась с лучших времён горностаевая накидка. Она очень привлекала нас своими красивыми черными кисточками, которые мы потихоньку срезали для каких-то наших кукольных дел. Тетя Вера учила нас держаться прямо, с всегда подтянутым животом, не ходить разболтанной походкой и, наверное, многому другому, что, к сожалению, немедленно забывалось. Кто же слушается старых тёток, ей, наверное, было уже лет 35!

Под кроватью у подружки хранился горький шоколад, который её мать, в отличии от нашей семьи, получала по разнарядке вместе с другими продуктами. Мы понемногу его таскали, но, к сожалению, он был совсем не сладким, без сахара. Однако мы ели всё мало-мало съедобное. Особенно же любили печь пластики картошки на горячей плите. У нас плиты не было, только русская печь, а у Нины наоборот не было русской печи. Картошку мы пекли на крайних участках плиты, поэтому она получалась полусырой. Кроме того, она была ещё и в известке, плиту постоянно подбеливали, чтобы скрыть следы нашей кулинарной деятельности. Но всё равно картошка была очень вкусной и, наверное, поэтому я сих пор люблю её немного недожаренную.

1949 г. С подружкой Ниной, я справа

Иногда Нина брала кусок хлеба и бежала к нам обедать: в большой компании было весело и всё казалось вкусным. Она вспоминает, что есть одна не любила и завидовала детям из детского дома, где по её представлениям было очень весело. Как-то она зашла к бедным соседям, о которых я выше упоминала, там жарили драники из собранной на соседних огородах перезимовавшей, перемерзлой и полугнилой мелкой картошки. На сковородке лежало четыре черных драника, а едоков было трое – мать и две дочери и Нина очень ожи-

дала, что её пригласят, но приглашения не последовало. Тогда она в слезах побежала домой и поведала няньке причину своего горя. Та тут же очистила картошку, натерла, вбила туда яйца, муку и испекла драники на чистом сливочном масле. Однако Нину они не утешили: «У них лучше, черные, а ты белые мне сделала». На Новый Год в доме у Нины и у дяди Никиты устраивались чудесные праздники, «ёлки». Сами ёлки были только что из леса, пушистые, до самого потолка, с дивным запахом хвои. Радостным было ожидание и подготовка к празднику. Мы старательно делали всевозможные игрушки в дополнение к имеющимся, разучивали стихотворения и репетировали инсценировки. У нас дома ёлку не устанавливали, не было места, а я, конечно, очень хотела. В моей памяти сцена, напоминающая жалостливые рождественские рассказы. Вечером, наскоро накинув пальтишко, выбегаю из дома, кругом темнота, только у соседей слабо светятся окна, выходящие на наш двор. А за ними нарядная ёлка – поблескивают цветные стеклянные шары, тихо качаются серебряные звездочки и снежинки. Я заморожено гляжу на это чудо, забыв про мороз. А на другой день прибежала Нина звать нас на ёлку. Меня одевали в выходное, фланелевое, белое с голубыми колечками по полю, платье. Мама Нины Мария Викторовна дополнительно меня украшала, превращая в барышню – завязывала на макушке голубой бант из ленты, красила губы, брови, щёки. Затем мы устраивали импровизированное представление: Нина всегда изображала

моего кавалера и делала вокруг меня круги вприсядку. Детей набиралось много, и было очень весело. Все ходили хорОВО-дом вокруг елки, пели: "В лесу родилась ёлочка, в лесу она росла..." В завершении праздника все получали подарки от Деда Мороза – кулёчки с домашним печеньем и конфетами.

Нина была смелой и решительной, чего про меня не скажешь, хотя со страху иногда совершаю весьма безрассудные поступки. Они с Вовкой храбро забирались на самый верхушки деревьев, а я оставалась на нижних ветках. Если это была яблоня с ранетками, которая росла у Нины в саду, то они бросали мне сверху спелые веточки. Пугали летучими майскими жуками, я их очень боялась, как и всех почти насекомых. Сейчас жуки меня не пугают, но их место заняли тараканы, которых в детстве я ни разу не видела. Странно, но в нашем тесном доме не было ни клопов, ни тараканов, только один любимый всеми сверчок. Равенство в наших отношениях с Ниной сохранялось за счёт моей изобретательности, умением выдумывать невероятные истории и рисовать.

Случались в нашей детской жизни и ссоры, и слёзы, и огорчения, некоторые, казалось бы, совсем незначительные запомнились. Детских книг у нас не было, а у Нины было несколько, дававших богатую пищу для воображения и образцы для рисования. В том числе было два букваря. Один из них, более старый её мать отдала мне, что было большим счастьем. Однако, через короткое время Нина, по какой-то причине, отобрала его. Собственный букварь я уже получи-

ла, когда пошла в школу. Однако Нина совсем не была жадной и старалась поделиться тем, что имела. Так, после вступления в пионеры она нашла дома кусок алого сатина, мы вместе вырезали из него нужный треугольник, а потом она обвязала его крючком. У неё самой был настоящий шелковый.

С пошива одежды для кукол началось мое увлечение шитьём. Мой первый само строчный "прикид" – блузка и юбка. Блузку я соорудила из старой папиной шелковой полосатой рубашки. Подшивая низ на швейной машинке тёти Лены, подровнять его не догадалась, и край получился волнистым. Благо он заправлялся в юбку, сшитую из папиных брюк. Выглядело, на мой взгляд, просто неотразимо. Гладить в те времена было сложным мероприятием. Надо было разжечь угли в утюге, размахивая им до нагревания и потом быстро гладить пока он не остыл. Швейной машинки у нас не было и приходилось проситься пошить на ней у соседей. Удивляюсь, что мне это разрешали, но без беды не обошлось, однажды я сломала иголку. Слово "беда" по отношению к столь мелкому происшествию отнюдь не преувеличение, швейные иголки были в то время на вес золота. Ужасно перепугавшись, я от безысходности пустилась в совершенно безнадежное предприятие: выпрашивать иголку у немногих знакомых, владельцев швейных машинок. На это было трудно решиться, я была робкая и застенчивая со взрослыми, но вина была столь велика, что пришлось себя перебороть (до сих пор помню это ощущение). Со мной для поддержки по-

шла Нина, но на успех мы почти не надеялись и в этом не ошиблись – компания закончилась безрезультатно.

Наша единственная совместная фотография была сделана перед почти одновременным отъездом семей в разные города – они в Томск, мы в Новосибирск. Связь почему-то прервалась, но совершенно случайно мы нашли друг друга. Изредка Нина бывала в Новосибирске, в студенческие годы я приезжала к ней на каникулы, Мы ходили на танцы в Политехнический институт, и, поскольку была зима, то туфли носили с собой. Платье у меня было красивое: прямое, с вырезом лодочкой из тяжелого розового цвета шёлка в белых хризантемах, а туфель к нему подходящих не было, и я взяла их у моей подруги. После танцев забыла их в раздевалке, мы возвратились, но их уже не было.

В этот же приезд мы были на представлении известного фокусника Кио. Он заставил весь большой зал сцепить руки замком, загипнотизировал и почти никто не мог расцепить рук до его приказа. Я и ещё человек 5–6 смогли. После этого я считала, что не поддаюсь гипнозу, но дело было в том, что я мысленно ему сопротивлялась. При отсутствии сопротивления гипноз действует и на меня, в чём я пару раз в жизни убеждалась. На летние каникулы мы вместе поехали в Алма-Ату к моей тёте. Эта поездка запомнилась арыками вдоль улиц и множеством фруктов. Тётя жила в небольшом домике с садом, по всей земле валялись опавшие яблоки. Мы ужасались, что такой ценный продукт пропадает, и пытались их

собирать.

В наших детских играх участвовали, конечно, и мои двоюродные братья и сёстры. Всего их у меня было 18 братьев и 10 сестёр, но в Маслянино жили только четверо. Других я видела несколько раз в жизни, а с некоторыми и совсем не знакома. С сёстрами, дочерями дяди Никиты, мы чаще всего играли на их территории, там и дом был просторнее, и большая терраса с качелями, и сад с малиной и черёмухой. Малину есть нам не разрешали. Ягод было мало, и их берегли для маленького брата Сашки. Зато черемуха была в полном нашем распоряжении. Когда она поспевала, каждый забирался на свое любимое дерево и место. Спускались с чёрными руками и ртами. Зимой мы располагались с куклами на подоконниках. Иногда, чтобы не прерывать интересную игру, сестры начинали уговаривать меня остаться ночевать и, получив моё согласие, бежала к родителям просить разрешения. А вечером, когда возвращаться было уже поздно, мне всегда становилось очень грустно, я жалела, что не ушла домой и чуть не плакала. Но к следующему разу всё забывалось и повторялось сначала.

Я любила сочинять всякие истории. Порой придумывала такие ужасы, что мои слушатели пугались не на шутку. Однажды в доме бабушки солили на зиму капусту. Это всегда было крупным мероприятием, для заполнения нескольких огромных бочек надо было вымыть, очистить, нашинковать и нарезать пластами целые горы капусты. Все взрослые при-

нимали в этом участие, а мы сидели в доме, время от времени бегая за кочерыжками. Я так запугала своими фантастическими историями братьев и сестер, что они с криком бросились из комнаты, а я, поверив самой себе, в страхе побежала следом, что ещё больше их напугало. Взрослым было некогда разбираться, что или кто был причиной орущих от ужаса детей, иначе бы мне не избежать наказания.

Двоюродных братьев и сестёр у меня 14, но в Маслянино жили только четверо. Других я видела несколько раз в жизни, а с некоторыми и совсем не знакома. С сёстрами, дочерьми дяди Никиты, мы чаще всего играли на их территории, там и дом был просторнее, и большая терраса с качелями, и сад с малиной и черёмухой. Малину есть нам не разрешали. Ягод было мало и их берегли для маленького брата Сашки. Зато черемуха была в полном нашем распоряжении. Когда она поспевала, каждый забирался на свое любимое дерево и место. Спускались с чёрными руками и ртами. Зимой мы располагались с куклами на подоконниках.

Иногда, чтобы не прерывать интересную игру, сестры начинали уговаривать меня остаться ночевать и, получив моё согласие, бежала к родителям просить разрешения. А вечером, когда возвращаться было уже поздно, мне всегда становилось очень грустно, я жалела, что не ушла домой и чуть не плакала. Но к следующему разу всё забывалось и повторялось сначала.

Как только взрослые уходили из дома, мы направлялись в

спальню, где было много занимательных вещей. В шкафу нас особенно привлекала рыжая лиса со стеклянными глазами – воротник на пальто или накидка на платье. Брать её не разрешалось, но мы всё равно её доставали А на тумбочке стоял патефон, который мы открывали, разглядывали, выдвигали коробочку с иголками, но заводить не решались, это было бы слишком большим нарушением запрета. Заводил патефон, крутя ручку, только сам дядя Никита во время домашних праздников. С почтительного расстояния мы с восторгом наблюдали за тем, как взрослые "гуляют", слушают музыку, смеются. Нам хотелось, чтобы такая яркая, замечательная жизнь была и у нас в будущем. Детей за общий стол во время таких праздников не сажали, но нам и в голову не приходило, что это возможно.

Любили мы и рассматривать фотографии. Фотографии было не так много, как сейчас, но все они были отличного качества и наклеены на картонные листы с тиснением в виде рамок. В групповых фото выпускников школ, училищ или рабочих коллективов было принято помещать каждого человека в овальную рамку и располагать рядами. Руководители или учителя располагались в верхнем ряду в прямоугольных рамках. Я с таким интересом и так долго на них смотрела, что лица некоторых из незнакомых мне людей помню до сих пор. Помню даже необычные наряды некоторых женщины, например вязаную накидку на платье, покрывающую плечи. Особенное моё внимание привлекала фотография коллекти-

ва столовой, где некоторое время мама работала. Там все были в белых одеждах и шапочках и выглядели как врачи или медсестеры. Мне нравился там красивый высокий парень. Позже я спросила маму, кто этот парень, оказалось ее бывший поклонник.

Из всех наших развлечений самым желанным было кино. Поход в кино всегда был радостным событием. Каждый день мы бегали к кинотеатру смотреть афишу, не привезли ли новый фильм. Деньги на кино давали, не помню, как часто, но не реже чем нашим друзьям, хотя лишних денег в доме не было. Однажды я пришла в кино, и оказалось, что фильм двухсерийный и денег на билет требуется вдвое больше. Как-то девочка постарше сообразила, как ей попасть в заветный зал. Она взяла у меня, лопоухой, деньги, пообещала, что нас пропустит по одному билету её знакомый контролер, купила себе билет и спокойно прошла, уже не прошла, уже не обращая на меня внимания. Я пыталась пристроиться рядом, хотя уже понимала, что всё потеряно, и меня, конечно, не пустили. Ошеломленная таким вероломным поступком, я стояла у контроля, пока не началось кино, а потом в слезах пошла домой. Там меня не только не отругали, но, поняв моё «страшное» горе, дали, сколько нужно денег, и я побежала назад. Фильм уже давно начался, зал был битком набит, и я за неимением места простояла все время на ногах на задней скамейке, слушая истошное индийское пение и наблюдая за непонятным мельканием.

Редко нам удавалось прокатиться в телеге на лошади. Мать Нины работала врачом, и часто выезжала в окрестные села на коне, запряжённом в бричку. Иногда она брала нас с Ниной собой, и это было счастьем. Останавливались где-нибудь в поле, бегали, рвали цветы. Помню букеты ярко оранжевых розочек, называемых в Сибири «огоньками». Ещё реже выпадала удача проехать в кузове грузовика. Легковых автомобилей я вообще не помню. А потом нам с Володей купили велосипед ВИЧ, о котором мы долго мечтали. Голубой, сверкающий хромированными частями с изогнутым рулём, он стоял в наших сеньях как посланец с другой планеты. Мы и наши друзья быстро научились на нём кататься. Велосипед был единственным в нашем кружении и поначалу мы даже устанавливали очередь.

Я, как и все мои друзья того времени, считаю что у нас было счастливое детство. Мы росли не совсем сытыми, но свободными, без излишней опеки со стороны взрослых. Они были некоей отдельной общностью, и не так много, как сейчас, занимались с детьми, частично из-за занятости, а частично, вследствие существующих традиций воспитания. О возрасте взрослых мы не задумывались, он был как бы постоянной величиной, тем более, что дни рождения в военные годы у нас не отмечались. А мы росли, и в подтверждение этому постоянно слышали: "Ой, какая ты стала большая!" И так доросли до школы.

2.3. Усадьба

По приезде в Маслянино наша семья в составе 6 человек поселилась в бревенчатом домике с двумя окнами на фасад и двумя на огород. В нём была одна комната с закутком для кухни, сени и небольшая терраска. Зимой окна замерзали, покрывались морозными узорами, а с подоконников оттаявшая вода стекала по тряпочкам в подвешенные бутылки. Значительное место занимала большая русская печь, которая служила одновременно и лежанкой. На печке мы часто играли в морозные дни. Там сушились валенки, были и специальные углубления для подъема наверх и сушки рукавиц. За печкой стояли ухваты, веник и жил сверчок. Печка иногда дымила, и тогда открывали двери даже в мороз, а нас детей заворачивали в тулуп и садили на пол. Всегда была опасность угореть, что случалось, когда, желая сохранить больше тепла, задвижку закрывали раньше положенного времени. Угар приводил иногда даже к смертельным случаям, к счастью, не в нашей семье. Но головные боли

Фасад и план нашего дома

и рвота – обычные признаки отравления углекислым газом – бывали и у нас.

Сени с маленьким окошечком были почти темными, через них я всегда пробегала со страхом. Из сеней шла лестница на чердак, по нашим детским представлениям, месте таинственном и немного страшным. Хотя мы прекрасно знали, что на самом деле там висят берёзовые веники, привязанные к стропилам, и свален всякий хлам. Через чердачное окошечко на эту гору ненужных вещей падал сноп света, который наполнялся пылью, когда мы начинали копаться в старье. Среди хлама, кстати, были и тома Ленина, а, может быть, и полное собрание сочинений, в красных переплётках и на хорошей бумаге. Из этих книг мы вырывали листы, на которых можно было рисовать. Хорошо, что это никому не стало известно, иначе быть бы родным в лагерях, а нам быть

в детском доме. В сенях были полки, на которых зимой лежали замороженные круги молока и другие продукты. Иногда мама делала для нас маленькие темные сушечки, и они тоже висели там, в связке на веревочке, наверное, для того, чтобы мы не сразу их съели. Но мы выскакивали раздетыми в ледяные сени, снимали эти сушки и грызли их, не дав оттаять.

Площадь избы была столь мала, что трудно понять, как мы там все размещались. При этом мы ещё умудрялись пускать на ночевку разных людей, в их распоряжении оставался только пол, но всё равно это лучше, чем на улице. Одна из таких странниц обворовала нас. Среди пропавших вещей было платье сестры для выпускного вечера, из креп-жоржета, зеленое в чёрную точку, я его помню. Надо сказать, что случаи воровства в селе были чрезвычайной редкостью и совершались пришлыми людьми.

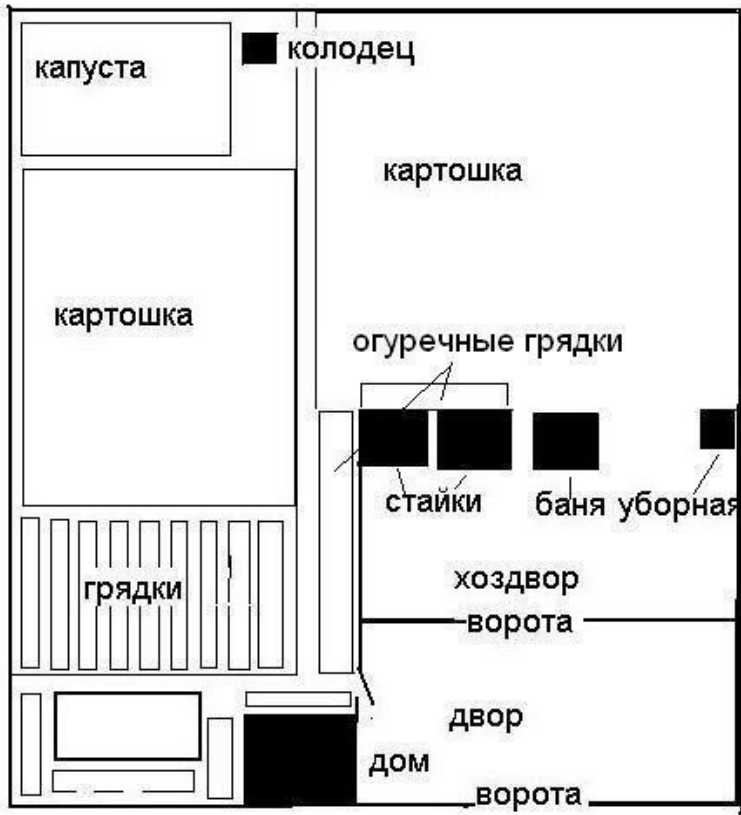
Стол, табуретки, этажерка и сундук составляли всю остальную мебель. На этажерке стояли книги и учебники старшей сестры, и меня очень привлекало непонятное название одного из них – "Хрестоматия". Украшением дома был большой фикус, а на стене висела чёрная тарелка радио. По радио передавали сводки с Совинформбюро, песни военных лет. Насколько я помню, детских передач не было, но были музыкальные. Самым любимым был вальс "Амурские волны". Сундук был старинным, массивным, из коричневого, наверное, дубового дерева и служил не только шка-

фом для всей имеющейся одежды и белья, спальным местом, но и предметом нашего развлечения. На внутренней стороне крышки были наклеены многочисленные картинки из дореволюционных журналов, которые мы не уставали разглядывать. Этот сундук до сих пор является складом разных вещей у сестры на даче.

Электричества в домах, конечно, не было, освещались керосиновыми лампами. В зависимости от ширины фитиля они были 7, 10 или 25линейными. У нас была 10 линейная. Купить стекло для лампы было очень трудно, поэтому всегда заботились, чтобы его не разбить. Из экономии керосина лампу зажигали, когда было действительно темно – поздно вечером и рано утром. Сумерки я любила, особенно когда топилась печь и освещала часть дома красноватый отблеском, что-то вроде деревенского камина.

Усадьба включала огород в 15 соток, баню, хозяйственные постройки и двор. Как-то во дворе я наступила на гвоздь, и он полностью вошёл в пятку. Не растерявшись, я спокойно его вытащила за шляпку, а когда показала дома, все пришли в ужас – такой он был большой и ржавый. К счастью, всё обошлось без последствий. Вторая часть двора была отгорожена забором из жердей с воротами. Там были стайки для коровы и кур, баня, погреб и уборная. Крыша бани покрыта дёрном и на нём росла полынь, а надстайками и погребом размещался сеновал, с которым связано следующее опасное, но счастливо закончившееся происшествие.

Ярким весенним днём, когда солнце уже хорошо пригревало, снег начал таять и во дворе появились первые ручейки, мы с братом и ближайшей подругой в восторге от тепла, яркого света и весенних запахов бегали наперегонки по крыше сеновала. Там ещё оставался тонкий слой сена, который и прикрыл просвет между жердями настила. Он оказался для меня настоящей ловушкой. Всё произошло мгновенно, я опомнилась только в глубоком погребе, вход в который был точно под этой дырой, а крышка открыта. Самое удивительное, что я, пролетев около пяти метров, приземлилась в единственно свободное крохотное пространство между лестницей, бочками и большими камнями. Это меня и спасло если не от смерти, то от сотрясения или тяжёлых переломов. На крики моих друзей, у которых я исчезла прямо на глазах, прибежала мама и вытащила меня совершенно невредимую из погреба по длинной, почти вертикальной лестнице. И только когда она повела меня домой прямо по лужам в валенках, я испугалась и посчитала, что здесь самое время заплакать, но это мне не удалось.

План усадьбы

Жизнь в селе была тесно связана с домашними животными. Одно из воспоминаний детства: стадо коров, возвращаю-

щихся летним вечером с пастбища. Хозяйки, заслышав мычание, открывали ворота и стояли рядом в ожидании своих кормилиц. Впереди стада шёл пастух, молодежато щёлкал длинной плетью и перебрасывался шутками с женщинами. Коровы в понукании не нуждались, они, толкаясь, бодаясь и поднимая лёгкую дорожную пыль, спешили в свои дворы. Там им давали пойло, доили, и тугие струйки молока звонко ударялись о дно ведра. Разносился запах парного молока, который я не любила, как и само это молоко. Пила только холодное из погреба или горячее, томлёное в русской печи до бежевого цвета с красивой пенкой.

Коров было у нас две: рыжая Майка и черно-белая Красавка. Они содержались в сарае, называемом стайкой. Зимой там было теплее, чем на улице, но, всё же настолько холодно, что коровы покрывалась инеем. Когда же приходило время телиться, взрослые постоянно, днём и ночью, ходили смотреть, как они себя чувствуют, носили тёплое пойло. Родившегося телёночка приносили в дом, чтобы не замёрз. Стоять он ещё не мог, ножки разъезжались по полу. Мы с братом были в полном восторге. Телёнка поили первым молоком, которое люди не пили, а запекали в печи, и получалось что-то вроде омлета. Это называлось «молозивом» и было, как говорили, вкусно, но я его никогда не соглашалась даже попробовать. Потом из-за трудности заготовки сена пришлось продать Майку. Её увели со двора со слезами в глазах и все так горевали, как будто потеряли члена семьи.

Из других домашних животных в хозяйстве постоянно были куры. С ними у нас была связана такая домашняя игра. Перед Пасхой распределяли дни по числу членов семьи и считали, сколько яиц снесут курицы для каждого. Призов не было, но азарт был. Наверное, у нас иногда были и овцы – бабушка постоянно сучила пряжу и вязала из неё свитера, шарфы, носки и рукавицы. Жил в доме и постоянный участник наших игр кот Васька, черный с белой манишкой и белыми лапками. Он был озорным и дерзким, любил подбираться к чашке со сметаной, опрокидывал банки молоком и проделывал это не только у нас, но и у соседей. Закончились его шалости плохо, однажды он пропал, а потом мы нашли его мёртвым, скорее всего отравленным, и нашему горю не было конца.

Некоторое время, не помню в связи с какими обстоятельствами, у нас находилась лошадь. Мы с братом её любили, кормили и водили на реку поить и купать. Удивляюсь, что нам её доверяли. Лошадь была, конечно, смиренная, но сейчас представляется множество ужасов, которые могли с нами случиться. Мы с Володей договорились, что на водопой поочередно один из нас будет ехать верхом, а другой бежать рядом. Однако для меня верховая езда оказалась не простым делом – сидишь выше, чем представляется с земли, всё под тобой движется, хребет лошади твердый, несмотря на подстеленную фуфайку. Спускаться с горки ужасно страшно – кажется, перелетишь через голову коня прямо под его ноги,

и я намертво вцеплялась в гриву. К тому же, чувствуя мою трусость, лошадь меня не слушалась. После первой попытки я передала свои права на поездки бесстрашному Вовке, у которого с лошадыю было полное понимание. Решила больше никогда не пробовать, но не могла пропустить случая, поехать верхом на осле в кибуце на севере Израиля. Осёл меня тоже не слушался, постоянно останавливался, ел колючки или просто стоял, в то время как мой муж передвигался на своем ослике без всяких проблем.

К дому примыкал огород и продолжался за хоздвором. В конце огорода росла густая травы, после таяния снега близко подходила вода и долго там оставалась. На огороде с самой ранней весны было чем поживиться. Сначала жевали какую-то траву, потом перья чеснока и лука, а уж потом огурцы, морковь, репку, брюкву. Рос у нас и паслён, наши друзья ели его с удовольствием, а я не любила из-за запаха. Огород разделяла на две части тропинка, ведущая к колодцу. Наверное, с этой тропинки, обросшей по сторонам травкой, я полюбила всякие тропы. Никогда не упускаю случая по ним пройтись, всегда ищу их глазами и прослеживаю путь, когда смотрю из окна машины, поезда, автобуса. Всегда они дают простор воображению и воскрешают воспоминания. Вокруг стаяк, обложенные навозом с соломой, были устроены огуречные грядки, которые одновременно утепляли постройки для скота. На эти грядки мы таскали воду ведрами для полива. Однажды мы уронили в колодец ведро и долго пыта-

лись его вытащить, проявляя чудеса изобретательности. Ведро было большой ценностью, впрочем, как и всякая вещь.

Появление первых огурчиков всегда было неожиданно, мама прикрывала их листочками, чтобы мы не съели их в зародышевом состоянии. Но и сами мы совсем маленькие огурчики не рвали, но любили смотреть на них в мелких пупырышках и как бы покрытых лёгким туманом. Вдоль забора, разделяющего наш огороды с соседним, рос неистребимый хрен. С ним иногда пробовали бороться, но безуспешно. Потом, на подмосковной даче мы тщетно пытались его выращивать – не принимался! Сейчас, покупая его на рынке, вспоминаю тот далёкий огород.

На фасадной стороне огорода росла черная смородина, под кусты которой было хорошо спрятаться, вдыхая приятный густой запах. Под окном всегда рос мак, поспевания которого мы с нетерпением ждали. Срезали спелые коробочки, бегали громыхали ими, потом вытряхивали зёрна прямо в рот и жевали до белизны. Цветы мака и оранжевые ноготки (календула), которые росли вместе с ним, мы почти полностью оборвали, когда воины стали возвращаться с фронта. Завидев грузовики с солдатами, мы спешно срывали всё, что попадёт под руку, и бежали за машинами до чайной, бросая наши букетики в кузов машин. Грузовики останавливались, народ сразу направлялся в чайную отметить возвращение и закусить. Нас иногда угощали конфетами-подушечками, но бегали мы туда не из-за них. Главным стимулом была атмо-

сфера праздника.

Одна из прекрасных песен иеромонаха Романа «Я нарисую старый дом» очень эмоционально и похоже описывает мой дом детства. Чтобы добиться полного сходства я заменила некоторые слова на свои (в тексте курсивом). Приношу извинения автору и надеюсь на его снисходительность.

Я нарисую старый дом
терраску и забор наш ветхий
за ним сарай (его уж нет)
И мать, глядящую мне вслед
Через окно в морозной сетке

Я нарисую старый дом,
Певцов пернатых на скворечне,
Колодец в глубине двора,
Тропинку узкую к нему,
Траву зелёную, конечно

Я нарисую старый дом,
поля с картофельной ботвой,
А вдалеке – сосновый бор,
Деревья в зелени листвы
Всё позабытое **родное.**

Я нарисую старый дом,

Поляну, Бердь, простор обжитый
Белоголовое дитя сидит
на лавочке свистя
Своей свистулькой из ракиты

Но время не вернуть назад.

Не побежать босым по лужам.

Отец, покинувший сей свет

Давно уж в церкви был отпет

И мать, и брат в ином уж мире служат

Споткнулся, замер карандаш,

Не по своей, наверно, воле.

Гляжу в окно на белый свет -

И дома нет, **и близких нет**

Бумага, чистая до боли.

2.4. Окружение и соседи

Дом был в детстве центром восприятия мира, вокруг которого разворачивалась вся остальная вселенная. В месте расположения нашего дома улица была с односторонней застройкой. Через дорогу от дома начинался сад с клубом, о которых я уже упоминала. В клубе показывали кино, проходили выборы и разные общественные мероприятия, а сад обычно пустовал, только вечером там прогуливались парочки. Однажды сад заполнился неизвестными людьми. Они по-

другому были одеты, по-другому выглядели и сидели на своих вещах под открытым небом. Это было необычно и мы, дети, ходили, как бы невзначай, мимо и украдкой, но с любопытством на них смотрели. Меня больше всего поразило прислоненное к каким-то тюкам большое зеркало в деревянной оправе, в котором отражались облака. Как я много позже поняла, это были люди из прибалтийских народов, которых переселяли в Сибирь в печально известные времена.

Перед домом расстилалась большая поляна. Это была именно поляна, а не площадь, там росла низкая плотная трава, почти как на газоне. Хотя временами эта поляна использовалась и как площадь. В дальнем от нас участке, ближе к школе, маршировали и пели песню «Вставай страна огромная...» отряды для отправки на фронт, сформированные в районе. Мы, конечно, бегали туда на них смотреть, а играли обычно поблизости от дома. Здесь никто не ходил и не ездил, и место принадлежало исключительно нам. Летом были игры на траве, зимой катались на санках по небольшому склону, весной прыгали через возникший от таяния снегов ручей, пускали кораблики и толпились на подсохших прогалинах.

Эта обжитая нами поляна была местом действия моего детского сна, который запомнился мне на всю жизнь. Не знаю, видела ли я его в бреду во время болезни или в обычную ночь, не помню, сколько мне было тогда лет, но видение было неправдоподобно ярким. Я находилась на поляне

в небольшом светлом пятне среди абсолютной темноты, а из сверкающего круга на небе на меня смотрел некто в блистающих синих одеждах. Лица его я не помню, сейчас он у меня сливается с иконописными образами, но это уже современное восприятие. Тогда дома решили, что мне приснился Целитель Пантелеимон, которого я считаю с тех пор своим покровителем.

От поляны нас отделяла грунтовая дорога, по которой мало кто ездил, в основном, гоняли скот на пастбища, подвозили дрова и сено. Вид замыкала Школьная улица и сама школа. И хотя школа была видна из окна нашего дома, расстояние до неё было довольно большим. Прямо за садом были чайная и магазины. Это было место очередей за хлебом, мы там часто крутились около взрослых. В магазине стоял большой ларь с крупной солью, из которого мы брали кусочки и пытались сосать вместо конфет. После войны, когда жизнь несколько оживилась, там продавалась газированная вода и мороженое в виде брикетов с двумя круглыми вафлями снизу и сверху.

В южном направлении от дома на краю села находилась Синяя больница, называемая так по цвету стен. В этой больнице родилась сестра Галя, и я однажды лежала со скарлатиной. Мы с подругой иногда ходили к её матери, работающей там. В такие походы мы старались нарядиться, и однажды нам это особенно удалось – повязали головы шелковыми платками, Нина – малиновым, а я бледно-розовым, папи-

ным подарком. Платки были действительно красивыми, мы чувствовали себя просто принцессами и гордо шествовали босиком по пыльной, пустынной улице. По дороге заходили на ветеринарный участок, там работала ветеринарным врачом жена моего дяди Никиты, и жили родители будущего мужа старшей сестры, тоже работавшие ветврачами Харчиковы Павел Федотович и Клавдия Андриановна. Она была очень доброй и всегда нас чем-нибудь угощала. Место было для нас притягательным своей необычностью – запах карболки, станки для животных, и конные грабли, на его сидении так было удобно расположиться. Дом стоял на большом дворе со старыми берёзами и яблоньками-дичками, которые в своё время посадил мой дед Никифор. Росшие маленькие яблочки, ранетки, казались необыкновенно вкусными, их можно было рвать, сколько хочешь. Был там и колодец с воротом, в глубину которого мы любили смотреть.

В северной стороне от дома на другом конце села на пригорке располагалась кладбище, мы иногда заходили туда посетить могилу бабушки, возвращаясь с расположенного неподалёку нашего участка проса. На ней стоял крест, серый от дождей и времени, с двускатной кровлей характерной для старообрядцев. Такие кресты имеют почему-то особенно печальный вид. Пахло травой и полынью.

К востоку от дома располагался базар, действующий по воскресеньям. Там продавали семечки и серку – тогдашнюю жвачку из кедровой смолы. Продавцы держали её в стеклян-

ных банках с водой, а семечки насыпали в бумажные кулёчки из газеты. Рядом с базаром была пекарня, от неё исходил чудесный запах печёного хлеба, один из самых моих любимых до сих пор. Теперь мы регулярно наслаждаемся подобным ароматом, исходящим из домашней хлебопечки. И мука у нас несравненно качественнее и закладываются ингредиенты, о которых в военном хлебе и речи не было, и запах прекрасный, но всё же кажется, что тот, прежний был лучше.

Самым близким к нам был дом моей подруги Нины, выходящий окнами на наш двор. Наша дружба началась с 4-х лет и продолжалась долгие годы до её ухода из жизни. Мать Нины была врачом и материальное положение выше среднего уровня. Однако жизнь всё равно шла по сельскому укладу – домашняя скотина, огород. Мама часто помогала им по хозяйству: копать землю, убирать картошку и прочее. В профессии врача была и опасная сторона. Она состояла в комиссии по мобилизации и иногда мужчины недовольные тем, что не получили медицинской справки для освобождения от армии, угрожали расправой. Однажды поздним вечером один такой гнал за ней и грозился убить. Она забежала к нам на терраску, мама услышала, выскочила из дома, и им вместе как-то удалось прогнать преследователя.

Далее на не огороженном, пустом участке стоял домик, похожий на избушку на курьих ножках. Он имел совершенно нежилой вид, часть окон было заколочено досками, но там жила семья – рябая женщина с четырьмя детьми: сыном Вла-

димиром и тремя дочерьми – Марией, Кларой и Ирой. Семья была не просто бедной, а нищей, они варили лебеду, собирали из-под снега гнилую картошку и колоски, хотя была опасность ими отравиться. Старшая из дочерей Мария была красивой и в конце концов примкнула к пришлому люду, живущему в землянках на крутом склоне леса, на окраине села. Младшая Ирка довольно часто к нам заходила, и мама её кормила. Все дочери были умственно отсталыми, а сын Володя был вполне нормальным. Он учился в школе вместе с моей старшей сестрой и сумел получить высшее образование.

Затем следовал большой дом Масаловых, там жил наш друг Алексей Романенков, приемыш из детского приюта. Его отец работал в типографии главным редактором, а мать – учительницей. Лёня впоследствии стал мужем моей двоюродной сестры Светланы. С ней я до сих пор на связи, а Алексей недавно ушёл из жизни. Недалеко от них жила девочка, с которой я всегда с большим удовольствием играла в куклы. Мы обе любили рисовать. Имя её я забыла, но хорошо помню их маленький домик. У её соседей был патефон, который иногда хозяйка выставляла на крыльце и однажды пригласила нас потанцевать во дворе под музыку. Это ужасно нам понравилось, и мы всегда ждали нового приглашения, но больше оно не повторилось.

По дороге к дому бабушки жила девочка Фая, у которой был теннисный мячик. Иногда она давала мне его подержать,

и я ощущала твердость и одновременно покрывающий его нежный пушок. У меня мячика не было вообще, мы играли мягким от старости мячиком моей подруги. После него теннисный мячик показался мне верхом совершенства. В Маслянино, конечно, не было кортов, возможно, что они были в довоенном Новосибирске или мячик прибыл из более отдалённых мест. Я, конечно, хотела бы такой мячик, но это было настолько нереально, что я о нём даже и не мечтала и хозяйке совершенно не завидовала. И всю жизнь у меня было такое отношение к вещам ли обстоятельствам абсолютно недостижимым. А может быть и зря, надо было смелее мечтать. Ведь некоторые вещи оказались только относительно недостижимыми. Тех же мячиков у нас теперь полно и даже совсем новых. По сведениям из Краеведческого музея Фая работала учительницей в маслянинской школе.

Отношения между соседями были спокойными, не помню ни одной ссоры. У взрослых постоянно посещать друг друга принято не было, изредка заходили только по надобности (позаимствовать закваски для стряпни, углей для разжигания огня и т. п.) и на лавочках по вечерам не сидели, да и лавочек не было. У всех дел и забот было полно, а свободного времени мало. Думаю, что это ещё и особый тип отношений в сибирских деревнях того времени, когда каждая семья жила достаточно изолированно, только дети и молодёжь соединяли все дворы.

2.5. Быт и питание

В военные и послевоенные годы все усилия окружающих людей были направлены на выживание. Наша семья, можно сказать, была недееспособной: трое детей, мать и две сестры инвалиды и единственный работник – мама. Но каждый делал, что мог, ведь работы было немало – уход за скотиной, огород, сенокос, заготовка дров, пряжа шерсти и вязание, пошив и ремонт одежды. Повседневная домашняя работа тоже требовала больших усилий: печь топить, воду носить из колодца для еды, стирки, бани и многое другое. Поддерживало то, что жили дружно, не ссорились ни друг с другом, ни с соседями. Картина выглядит идеалистической и почти не реальной, но я действительно не помню ни одного случая, чтобы в доме ругались и кричали. Возможно, ссоры и были, но не при детях. Хотя вряд ли, обычно общую атмосферу дети прекрасно улавливают, и скрыть ничего не удается, особенно в таком малом пространстве, в каком мы жили. Поэтому я долгое время была уверена, что взрослые, в отличие от детей, никогда не ссорятся между собой.

А вот смеялись дома много, особенно смешлива была мама. Все дети по этому признаку в неё, впрочем, и папа любил посмеяться. Мы, конечно, не понимали тогдашней трудностей жизни, принимали её такой как она есть, другой мы не знали и всё казалось нормальным. Война была где-то далеко, о ней мы слышали по радио и из разговоров взрослых, они постоянно ждали писем от папы и от дяди Григория, ма-

миного брата. Он погиб в самом начале войны, что удалось установить совсем недавно из военного архива. Помню, как гадали, жив ли он, выливая содержимое сырого яйца в стакан с водой. Смотрели, что получится и всегда выходило, что с ним очень плохо.

Домашней работы у детей было немного: подметать пол, чистить варёную и перебирать сырую картошку в погребе, держать пряжу на руках во время её перемотки и т. п. Нас не очень обременяли и работой на огороде, мы поливали огурцы, это было весело, полоть грядки тоже не так утомительно – сорняков было мало. И только обязательное участие в копке картошки было для меня ненавистным занятием и тогда, и впоследствии, когда мы в институтские годы мобилизовались на сельхозработы. Причина была в том, что руки облеплялись землёй, высыхали и противно шуршали, перчаток, конечно, не было. Только полвека спустя я впервые с великим удовольствием копала картошку на нашей подмосковной даче. Руки на этот раз были в перчатках, а породистая и урожайная картошка вся плотно сформирована на одном кусте, так что не надо копать в земле. Но как всегда – как только какой-нибудь процесс достигает совершенства, он заканчивается.

Мылись мы в собственной бане. Но иногда мама купала нас с братом дома в цинковой ванне, потом заворачивала в полосатые простыни и передавала в руки тётей на тёплую лежанку русской печи. Баня топилась один раз в неделю, и мы-

лись в ней по очереди: в «первый пар» шли бабушка с тетями, а во "второй" – мы с мамой, нам большого жару было не нужно. Я любила смотреть, как плещут воду на раскалённые камни, они шипят, и баня наполняется белым туманом. Там всегда хорошо пахло березовыми вениками и нагретым деревом. В предбаннике спешно одевались, чтобы не простудиться, и бежали в избу. После бани пили чай.

Одежду взрослые донашивали из старых запасов, из них же перешивались и для нас необходимые вещи. Однако много одежды в то время не было, к тому же всё, что можно было продать, продавалось. Помню, мне сшили из папиной толстовки бордовое, в тонкую полоску фланелевое платье. Особой гордостью были две полоски на рукаве, означающие, что я председатель совета отряда пионеров. Шили юбки из сатина с ляжками и ситцевые кофты в клеточку, как я говорила, «в арифметику». Какую-то одежду получали в обмен на молоко. Потом в магазинах стали появляться ткани, в основном, ситец и штапель. Все свои платья из них я помню и сейчас. Иногда вижу похожие рисунки на тканях, и сразу возникают картины прошлого.

С обувью было сложнее. Валенки нужны были обязательно и какая-то обувка на осень и весну. Летом ходили по большей части босиком. Новые валенки покупали в промартели или опять же получали в обмен на молоко, масло или яйца. Старые, с износившимися подошвами, подшивал дедушка. Не помню, что я носила на ногах весной и осенью. Однажды

я нашла на чердаке старые засохшие туфли, которые, как мне показалось, были моего размера, и их можно было ещё носить. Но, видимо, что-то не совпало, т. к. моя мечта пойти в них на первомайскую демонстрацию не осуществилась. Я долго мечтала о резиновых ботиках с застёжкой и замшевыми отворотами, которые одеваются на ботинки или туфли. Наконец мне купили их по случаю, но размер был меньше, чем требовалось. Других не было, взяли эти в надежде, что растянутся. Я носила их даже в холодные дни только на тонкий носок, но даже и без туфель они были тесноваты.

После возвращения папы с фронта наша жизнь значительно улучшилось. В Промкомбинате, где он сначала работал бухгалтером, катали для нас валенки и шили сапожки, сшили и одинаковые дублёнки. Они были в военном стиле: в талию, с разрезом сзади, отороченные японским искусственным мехом. Он был зелёным и сделан из натурального шёлка, кстати, очень качественный. В этих дубленочках мы с братом выглядели как близнецы и походили на игрушечных генералов. На нас все смотрели, а я немного стеснялась из-за разреза.

Питание по современным понятиям было скудное, но мы никогда не голодали, хотя есть были готовы всегда. В военное время в очередях за хлебом приходилось отстаивать многие часы. Хлеб выдавали по карточкам, которые надо было получать раз в месяц. Там указывались числа и вес хлеба по установленным нормам. Если я правильно запомни-

ла, мы получали кирпичик с маленьким довеском на всю нашу семью. После получения дневной порции продавец вырезал ножницами соответствующую клеточку. Иногда хлеба на всю очередь не хватало, тогда надо было ждать дня выдачи задолженности. Чаще всего хлеб был чёрным и тяжёлым, но казался нам очень вкусным, лучше, чем почти белый из-за добавки овса. Большой удачей для детей было, когда хлеб выдавали с довеском, и нам разрешалось съесть его по дороге домой. Если карточки теряли или их крали, люди оставались на целый месяц без хлеба, трагедия того времени.

Спасал огород и корова. Основной едой была картошка, заготавливали и овощи – свёклу, морковь, тыкву, солили на зиму капусту и огурцы. Картошка и овощи хранились в подполье под домом, а соленья – в погребе, в больших бочках под деревянными крышками и с гнётом из больших камней. Сестра Света вспоминает – зимой у дедушки в комнате топится печка. В ней он печёт картошку, достаёт, очищает от золы и разбивает кулаком на столе. Картошка крупная, разваристая и очень вкусная. К ней приносится из сеней мёрзлое сало, а домработница Маруся достаёт из подполья соленья. В большой миске сверху лежат крепкие, хрустящие огурцы, а под ними солёная квашеная капуста ломтями, которыми они перекладывались.

В нашей семье сала не было, варёную картошку в мундирах ставили на стол в эмалированном тазике, а в чашке – огурцы и капусту. В качестве десерта ели так называемые

«парёнки» – запечённые на листе в русской печи ломтики моркови и свёклы. «Хрумкали» брюкву и репу, которая тоже казалась очень вкусной. По вечерам за разговорами щёлкали семечки, которых много сушили к зиме. Голодным временем эти годы для нас не были, но бывало, что мы с братом выражали недовольство тем, что еда не вкусная. Как-то летом дедушка сам готовил для нас обед – сварил картошку, потолок её в той же воде отчего пюре получилось жидкое и жёлто-зелёного цвета. За столом я шёпотом сказала, что это молочай с лебедой. Дедушка услышал и велел мне выйти из-за стола со словами «губа толще, брюхо тоньше».

Обычно варили супы из овощей и каши – пшеничную или тыквенную. Пшеничную кашу, сваренную в чугушке в русской печи, я очень любила, а тыквенную совсем нет, так же, как и овсяный кисель из-за его желеобразной массы. Из картошки делали крахмал, выжимая сок из натёртого сырого картофеля. А из отжимков с добавлением небольшого количества муки пекли или жарили «драники», что-то вроде оладий. На вид они были чёрными и совсем невкусными, хотя многие мои ровесники ностальгически о них вспоминают и даже готовят. У нас их делали редко. С удовольствием ели жмых, когда был. Яиц регулярно не ели, те, что были, шли на обмен необходимых вещей. Но по праздничному случаю на большой сковороде жарилась селянка (омлет со шкварками). Яйца варили под его крышкой самовара, на расстеленной поперх воды, марли.

Самым большим праздником в семье была Пасха, к которой готовились задолго. Покупалась извѣстка и синька, белили стены и потолок. Всѣ, что было в доме, чистилось, отмывалось, отскабливалось. Даже ручки ухватов скоблили добела. Перед Пасхой в день Благовещения мама пекла постное печенье в виде голубков. Они назывались почему-то жаворонками, получались тѣмными из-за ржаной муки и отсутствия сдобы, но очень нас радовали. Когда я писала иконы и рисовала голубков на иконах "Благовещения", всегда вспоминала маму и этих птичек. Перед Пасхой дом наполнялся прекрасным запахом сдобного теста – пекли куличи и плюшки. Одну из них Вовка как-то утащил, не утерпев до праздника. Конечно, варили и красили яйца. Изба по возможности украшалась, на стол стелили нарядную черную с красными розами кашемировую скатерть. Утром смотрели из окон, не "играет" ли солнце, что было хорошей приметой. А после разговения мы спешили на улицу катать крашеные яйца на оттаявших участках поляны.

В нашей семье любили и сейчас все любят и умеют печь пироги и прочие изделия из теста. Для меня это самая вкусная еда. Пекли пироги с капустой, морковью, черемухой, калиной, а также шаньги – ватрушки с картошкой и с творогом. У нас черемуха не росла, а в доме у дедушки её набирали много, заготавливали на зиму – сушили, мололи на мельнице, и нам доставалось. Молока видимо хватало, во всяком случае, нам детям, его давали без ограничения. Все взрос-

лые соблюдали посты, поэтому образовывался и некоторый излишек молока. Зимой его замораживали в виде кругов, и Зоя вспоминает, что сгрызала с них только бугорок из сливок. Можно сказать, что это было натуральное сливочное мороженое, только без сахара. Ели и простоквашу, иногда варенец – топлёное в печи и впоследствии заквашенное молоко. Оно охлаждалось в погребе, и было необычайно вкусным, плотное, бежевого цвета с коричневой пенкой. Ни одно современное молочное изделие не идёт с ним в сравнение. Масло изготавливали в маслобойке и формовали в виде шаров, называемых колобками. Оно шло тоже, как правило, на продажу или обмен.

После войны, когда наше питание улучшилось, мама делала даже настоящий сыр. Научили маму делать сыр кто-то из наших соседей эстонцев или немцев, они же давали на время и специальную деревянную форму. Приготовление продолжалось очень долго, но сыр получался твёрдым, очень вкусным и его даже посылали сестре почтой в Ленинград.

Глава 3. Школьная пора

3.1. Сельская школа

Свой первый школьный урок я не помню, наверняка он не был похож на современные красочные праздники с букетами цветов в руках и непомерно большими бантами на голове. Школа, где я начала учиться, располагалась в двух-

этажном деревянном здании. Она была довольно большой, первых классов в год моего поступления было три. Первый этаж отводился для младших, второй – для старших классов, кабинетов химии, физики, учительской и спортивного зала. В обширном школьном дворе имелись некоторые элементы спортивной площадки – брусья и бревно и т.п. Во дворе была и уборная, незатейливое сооружение с расположенными в ряд отверстиями в полу. Зимой все они обмерзали, и бугристый цветной лёд украшал все подступы к этому объекту. Бегали туда, конечно, без пальто даже в сильные морозы.

Я всегда боялась опоздать в школу. У нас были настенные часы, но они часто останавливались тогда я приходила к началу занятий раньше времени. В таком же положении были и другие ученики. В здание нас не впускали даже в сильные морозы. Мы набивались плотной толпой в промёрзший тамбур в ожидании, когда откроют дверь. В раздевалке нам выдавали номерки за сданные пальто и мы очень боялись их потерять.

Но однажды со мной это случилось. Гардеробщица послал меня к директору для объяснения. На это я никак не могла решиться. Все ушли, а я долго сидела в пустом холодном коридоре пока совсем не промёрзла. Иного выхода, чем пойти домой без пальто, я не придумала. Как я бежала в одном свитере сквозь морозный туман, запомнилось мне на всю жизнь. Домой я пришла почти оледеневшая, но насколько помню, потом даже не заболела. На следующий день всё

же пришлось идти к директору вместе с мамой. Мое жалкое пальтишко было заброшено в её кабинете на шкаф, а мы с мамой вместо извинения за преступную бездушность персонала получили строгое внушение.

Школа в Маслянино

В отличие от этих людей моя первая учительница Ада Филипповна была доброй, весёлой, с круглым лицом сплошь

покрытым веснушками и с одной рукой. Меня восхищает такт, с которым она с нами, ещё настоящими детьми, обращалась. Однажды произошёл такой случай. Тетрадей в продаже не было, и они нам раздавались. На этот раз среди обычных серых обложек были и ярко розовые. Мне они не достались, и я так огорчилась, что слёзы потекли сами собой. Чтобы их скрыть, я залезла под парту, как бы что-то там ища, и надолго задержалась. Ада Филипповна, конечно, поняла в чём дело, но не стала меня позорить и требовать, чтобы я немедленно вылезла. Она дала мне время успокоиться и не потерять лицо перед классом.

Ада Филипповна в центре фото первого класса, которое я получила из Маслянинского краеведческого музея. С большим интересом его разглядывала, пытаюсь вспомнить имена, фамилии и лица моих соучеников. Себя я нашла в нижнем ряду третьей слева. Первым сидел мальчик в белой рубашке Володя Петров, единственный владелец коробки цветных карандашей, он никому кроме меня их не давал. Возможно, потому что был другом моего брата, а может быть (более лестный для меня вариант), я ему нравилась. Рядом с ней моя подруга по парте Шура Пилипенко. Других фамилий вспомнить не удалось, хотя некоторые лица и имена помню.

Школьные принадлежности того времени давно исчезли не только из употребления, но даже и из памяти нового поколения. Вместо красивых современных рюкзачков дети хо-

дили с самодельными сумками, сшитыми из холста с наружными карманами для чернильниц непроливаек, которые, несмотря на название, прекрасно проливались и оставляли пятна на сумках и тетрадях. Чернила изготавливались в домашних условиях из сажи с добавлением марганцовки. Были особые мастера этого дела, у которых они получались фиолетовыми, яркими, блестящими, для чего требовалось добавить чуть-чуть сахарку. Однако у большинства чернила получались бледными и быстро выгорали, соответственно и письмо было некрасивым.

Из холста делали и так называемую "азбуку»: нашитые на кусок материи кармашки для бумажных букв алфавита, из которых складывали слова. Тетрадей, так же, как и бумаги в продаже не было. Их выдавали в школе – в клеточку, в линейку, а для уроков чистописания в косую линейку. Видимо их не хватало, и часть нужно было приобретать самим. У нас тетради с братом были, наверное, мама «доставала» их, обменивая на натуральный продукт. Другие делали сами, сшивали из разных листочков и даже из газет. Конечно, была проблема и с перьями для ручек. Только после возвращения папы с войны у нас появились роскошные костяные японские ручки и хорошая бумага, видимо какая-то специальная – белая до голубизны с тончайшими блёклыми голубыми и розовыми полосками.

В начальных классах никаких развлечений, кроме праздников я не помню. было немного. На переменках мы ходили

по коридору, взявшись за руки, ходить и пели: "Дан приказ ему на Запад, ей в другую сторону, уходили комсомольцы на гражданскую войну..." Картина выглядит печальной, но внутреннее ощущение было прямо противоположным. Убогость жизни была естественным состоянием и не замечалась, всё происходящее казалось очень значительным, а сами мы радовались по всякому поводу и без него.

Помню себя с серой шалью на плечах, а поверх неё тоненькие косички, заплетенные тряпочками вместо лент, которых у меня не было. Настоящие атласные ленты были у немногих, купить их было негде и они, конечно же, были моей мечтой. И вот в один прекрасный день ленты «завезли» в магазин. Назавтра некоторые девочки явились в школу с большими красными и голубыми бантами. Мама тоже стояла в очередь, но ей досталось только полтора метра узкой синей ленты. Её разрезали пополам и, к моему огорчению, бантики получились совсем маленькими.

Потом наши одежды украсились красными звездочками из картона, обшитого сатином – мы вступили в ряды октябрят. Я участвовала во всём этом с искренним удовольствием вплоть до переезда в Новосибирск. А потом всю оставшуюся жизнь любыми способами уклонялась от подобных мероприятий, хотя всё-таки, в конце концов, пришлось участвовать и немало. Моей подругой по парте была хмурая, нелюдимая девочка, но мне она нравилась. Шура жила в детском доме и я очень хотела, чтобы она ходила ко мне после

уроков. Но, как я понимаю, это не приветствовалось, и только один раз она по моему настоянию отпросилась, но больше не приходила: или ей у нас не понравилось, или не разрешали. Вторая подруга Эрна была из переселенных немцев, фамилию её я забыла, а третья – Тамара Беляева, дочь директора школы. Я часто бывала у неё дома, но встречи с матерью избегала. У них была домработница, мастер разных рассказов, особенно страшных.

Как-то я, наслушавшись таких историй, возвращалась вечером домой и по дороге чуть не умерла от ужаса. Было темно, абсолютно безлюдно и так тихо, что пугал скрипит снег под собственными валенками. В небе сияла огромная луна, окна домов чуть светились жёлтым светом ламп. И вдруг раздался, как мне тогда показалось, страшный грохот. По ощущению это было как взрыв бомбы, и только потом я сообразила, что просто заработал мотор в маленькой электростанции при типографии.

В новогодние каникулы в школе устраивалась ёлка. К ней долго готовились, разрабатывались сценарии представления, распределялись роли, репетировали, шили костюмы. Я была зайчиком в белой заячьей шубке (её взяли у девочек из детдома) и белых перчатках. Зайчиков было несколько, мы ходили вокруг елки и напевали "выпал беленький снежок на тропинку, на лужок, на лесной лужайке мы попляшем зайки...". Мама говорила мне, что пела ту же песенку в своем детстве.

После четвертого класса уже активно действовали разные кружки, которые мы выбирали сами. Силами драматического кружка ставились спектакли, например, "Три апельсина", который в школе имел успех не меньший, чем современный "Властелин колец". Моей коронной ролью была роль кочегара в моноспектакле по рассказу Зощенко "Кочерга", публика всегда дружно смеялась. В гимнастическом кружке мы делали "мостики", "шпагаты", создавали так называемые «пирамиды»: композиции из различных акробатических фигур. Главной площадкой выступления, конечно, была в школе, а иногда Дворец пионеров и избирательные участки во время выборов.

1945 г. Первый класс школы. Я в первом ряду, третья слева

Других представлений тогда не было, поэтому полные залы и успех зрителей был обеспечен.

Мне очень хотелось учиться в музыкальной школе игре на пианино. Источником этого желания была стоящая в комиссионном магазине старая фисгармония с двумя медными подсвечниками над клавиатурой. Я очень живо представляла, как я играю при свете свечей. По поводу слуха я почему-то не сомневалась, а надо было просто сходить и проверить слух, и проблема бы исчезла сама собой.

Учительница по литературе читала нам стихи и прозу, и в занимательной форме рассказывая о писателях и поэтах. Мне это очень нравилось и однажды на литературном вечере, посвященной Пушкину, мне поручили делать доклад. Я старательно его готовила, ходила в библиотеку, это было моё первое публичное выступление. Мы сами сделали декорации по мотивам сказок, разучивали танцы и песни. Позже, я написала целое сочинение в стихах, явно подражая Пушкину. Учительница никак не прокомментировала мой эксперимент и поставила, несмотря на отсутствие грамматических ошибок, четверку. Но главное было в том, что цифра 4 была очень маленькой и я сразу поняла, что стихи мне писать не стоит. Я, как бывший преподаватель, восхищаюсь такой оригинальной формой оценки моей попытки, разъяснение бы обидело, но не подействовало.

Но была я и в числе последних, когда в школе делали уколы, почему-то это случалось достаточно часто. Я панически их боялась, и мне действительно было больно, наверное, срабатывал психологический эффект. В отстающих я была и на уроках физкультуры: по канату лазить не умела, прыгала в высоту чуть ли не хуже всех, по бревну ходить побаивалась. Единственно, что мне нравилось и удавалось – брусья. В старших классах, и в институте я по возможности увиливала от «физры» и сдавала зачёты только благодаря доброте молодых преподавателей.

Из неприятных событий того времени – комиссии по про-

верке вшей в волосах. Проверяющие, надо отдать им должное, вели себя деликатно и результатов не оглашали. Однажды, после такой процедуры поступило распоряжение всем остричься наголо, иначе не пустят в школу. На следующий день весь класс, сверкал лысыми головами, и только одна девочка долго не хотела стричься, потому что неё были две толстые косы ниже пояса. Не помню, чем закончилось её сопротивление.

Учителей я в наше время слушались, иногда боялись и, как правило, они были очень уважаемыми людьми. Мы и в мысли не имели вести себя с ними непочтительно. Кроме упомянутой выше моей первой учительницы, я любила ещё двух учителей – семейную пару Казанцевых. Василий Георгиевич преподавал у нас географию, а Мария Феофановна – историю и русский язык. Эта пара была просто эталоном сельского учителя позапрошлого века. Оба интеллигентные, спокойные, держались скромно, но достойно. Он был худощавый и высокого роста, она тоже худенькая, но маленькая. Жили они, как все тяжело, и сестра вспоминает как Василий Георгиевич в холщовой рубаше, босиком с закатанными штанами тянет на себе через село волокушу сена, а его дочь Нина подталкивает сзади. Нина была подругой моей старшей сестры, они дружили всю жизнь и до сих пор моя племянница поддерживает отношения с дочерью Нины художницей Леной. Я тоже с ней знакома и в своё время купила три её картины, как вклад в поддержку молодых талантов.

Одна история, случившаяся при завершении 6 или 7 класса, кажется просто невероятной. Я бы ей не поверила, если бы сама не придумала идею, которую удалось реализовать. Тогда у нас среди прочих экзаменов была география. И вот я предложила группе девочек в 6 или 7 человек заниматься всю ночь перед экзаменом прямо в школе, в классе, где висела большая карта мира. Как нам это разрешили учителя и родители, до сих пор не понимаю. Самое сложное было уговорить отца одной девочки, который был слепым и очень строгим, но и это удалось. Мы добросовестно отвечали на вопросы билетов, по очереди стоя у карты, а потом уснули на полу на принесенных с собой одеялах. Без сомнения, в школе был сторож, которому, видимо, поручили за нами присматривать. Но я этого не помню, осталось впечатление, что мы были одни. Рано утром выскочили на спортивную площадку, побегали, подурачились и пошли домой переодеться и позавтракать.

3.2. Городская школа

Переезд в Новосибирск был переломным годом во многих отношениях. Я не столько поняла, сколько почувствовала, что и школа, и люди и окружающий мир не так дружелюбен, как мне раньше представлялось. Да и мой статус в школе изменился, я больше не относилась к лидирующей группе в коллективе. Словом, как писал Ш. Бодлер:

«мы всходим на корабль и происходит встреча
безмерности мечты с граничностью морей...»

Изменилось и моё отношение к школе. Она уже воспринималась как необходимость, а не как место, где интересно проводить время. Соответственно этому настроению моя позиция одной из лучших учениц тоже понизилась до уровня просто хорошей ученицы. Причина снижения успеваемости была не в уровне Маслянинского обучения, который был по меньшей мере не ниже новосибирского. Учитель физики, например, на одном из первых уроков в новой школе проверил мои знания и сказал: «Вот что значит хорошая подготовка!»! А физика совсем не была моим любимым предметом. Дело было в смене обстановки. Я пришла в школу, где были другие порядки и взаимоотношения. Я потеряла былую уверенность в себе, кроме того, для меня было психологически важно и то, что пришлось сидеть на задних партах – передние места были давно закреплены за старожилками. Вначале установить контакт было трудно, хотя девочки ко мне относились нормально, но и особого интереса не проявляли, поскольку я была не из их круга. Они были более раскованными и нарядными, обсуждали артистов театра и мальчиков из соседней школы (наша была женская). А я особенно нарядной не была, театр только здесь начала посещать, знакомых мальчиков кроме брата и его друзей не было.

Впрочем, одета я была вполне достойно. Ещё когда учи-

лась в Маслянино, папа купил мне в Новосибирске шерстяное коричневое форменное школьное платье. На платье пришивались белые подворотнички из ткани или шитья, и я их постоянно меняла. Такое платье было первым во всей школе и меня даже приводили в учительскую, чтобы учителя могли его как следует рассмотреть. В старших классах папа вообще меня баловал. Покупал модные и хорошие вещи: серое в бледную клетку пальто с большим, как у взрослых дам, енотовым воротником, туфли на микропоре ("манке") у спекулянтов на рынке и т. п. Но иногда, была нехватка в самых необходимых вещах таких, как белье и чулки. Помню, осенью долго не удавалось купить, точнее, достать, мне чулки, а температура опускалась уже до десяти градусов. На переменах в школе я стояла у стенки с голыми, синими от холода ногами, боясь привлечь к себе внимание.

В восьмом классе мне купили первые ручные часики "Заря". Это было целое событие. Мои братья Володя с Юрой отстояли за ними всю ночь в очереди (Светлая им память!), зато мне достался самый желанный вариант в форме кирпичика. Я не сводила с них глаз, любовалась, как часы выглядят на руке и поблёскивают на солнце. Наш дом стоял рядом с железнодорожной насыпью и при прохождении пассажирских поездов, я всегда чувствовала себя как на сцене. У меня было ощущение, что люди из него только и делают, что смотрят на меня. Эта глупая мысль и была использована для демонстрации имеющегося у меня богатства. Устроившись

во дворе на бревнах с книгой в руках таким образом, чтобы часы были со стороны поезда, я погружалась в чтение и была абсолютно уверена, что пассажиры не могут наудивляться, какие замечательные часы у этой девочки. Кстати, часы у меня появились у одной из первых в классе.

Надо признаться, годы обучения в старших классах не были для меня радостными, даже трудно что-либо вспомнить позитивного из процесса обучения. Директором была, на мой взгляд, злая мегера, меня к ней посылали, когда я отказывалась от укола. Училась я хорошо, но без увлечения. На уроках отвлекалась, писала какие-то рассказы, рисовала по заказу девочек портреты мальчиков, стараясь добиться сходства с актёром Вячеславом Тихоновым, который был в то время для всех эталоном красоты. В школе не было никаких кружков по интересам и никаких занимательных мероприятий, кроме вечеров танцев, на которые приглашались мальчики из соседней школы. Из-за своей зажатости на них я не блистала, хотя в первый же вечер меня пригласил самый симпатичный из мальчиков, с глазами цвета золотистого бархата и таком же пиджаке. Я так смутилась, что едва передвигала ноги и больше он меня не приглашал.

Несмотря на то, что школьная жизнь не была интересной, унылыми те годы нельзя назвать. В школе у меня были подруги. Это Ада Бахман, Ксения Кожевникова и латышка Калля, фамилию которой я забыла. Ада, с которой мы сидели за одной партой все три последних года, была типичной нем-

кой: очень хорошенькая блондинка с пышными волосами и прекрасной фигурой, аккуратная, подтянутая, кокетливая. Всегда у неё все задания были выполнены, ничего дома не забыто, всё на своих местах – тетради, учебники, резинки и прочее. Дома у неё тоже был полный порядок, чисто, красиво, приветливые родители.

Ксения как будто вышла из картины Брюллова «Последний день Помпеи». Но несмотря на свою редкую внешность, она была болезненно стеснительной, возможно из-за диатеза на руках; ни с кем не дружила, но ко мне привязалась всей душой. Родители, особенно отец, очень переживали за неё и чрезвычайно ласково ко мне относились, боясь, как бы я её не оставила. Отец Ксении работал в Высшей партийной школе на какой-то маленькой должности и иногда брал нас с собой на доклады о международном положении с последующими концертами, из-за которых мы и ходили.

Каля, была из семьи перемещённых в Сибирь латвийцев. Жили они вдвоём с матерью в баньке у родственников. Там помещалась только кровать, где они вместе спали, маленький столик и один стул. Посуда стояла на плите, а одежда висела на стене. Но всё было идеально чисто, и сама Каля выглядела очень аккуратной девочкой, всегда с белоснежными воротничками. Не могу себе представить, как это матери Кали удавалось. Какое-то время я дружила с дочерью известного в Сибири художника Титкова. Она была высокая стройная красавица с толстыми косами и училась в музы-

кальной школе. У нас с ней были одинаковые пальто с пышными енотовыми воротниками. Их квартира была богатой, по моим тогдашним понятием, но по современным меркам, очень скромной.

Вне школы было множество разнообразных занятий: посещали театр, кино, местный художественный музей, выставки, библиотеку, много читали. Летом ходили на Обь купаться и загорать, зимой на каток в Дом офицеров. Каток был закрытый, только для членов семей военных, но кто-то мне достал пропуск, как сейчас помню, на фамилию Лунина. Володя же перелезил туда через забор. До катка было довольно далеко, более двух трамвайных остановок, но мы добирались туда прямо на коньках, ходили только в свитерах по любому морозу. Особенно трудно было возвращаться после катания по неровной дороге, ноги в коньках уже подгибались от усталости, а сами мы разогретые от катания быстро остывали и мёрзли.

Хорошо помню день смерти Сталина. В школе и учителя, и ученики рыдали навзрыд. Я же плакать не могла, только положила голову на руки и склонилась над партой, делая вид, что плачу, но глаза были совершенно сухие. Зато вечером уже дома и на меня, наконец, подействовал общий психоз, и я заплакала. Мама с укором мне сказала: "О чём плачешь?!" Она часто нам так говорила и цитировала Евангелие: "Дщери иерусалимские! Не плачьте обо мне, но плачьте о себе и о детях ваших». Лк.40.28

В эти годы я иногда уступала настояниям мамы сходить в церковь, тем более, что в хоре пел красивый мальчик. Я то и дело на него смотрела вверх на хоры, где он стоял у самого барьера. Исповедовалась и причащалась только один раз, сразу после приезда из Маслянино. Мама отправила нас с братом в единственно действующую тогда Кладбищенскую церковь, которая располагалась довольно далеко от дома и часть пути мы должны были ехать на трамвае. Деньги на транспорт были получены, но мы пошли пешком, а на сэкономленные капиталы, на обратном пути купили по мороженому в вафельных стаканчиках. Мороз стоял сильнейший, а мы совершенно замерзшие бежали по пустым и туманным улицам, откусывая понемножку твердое как камень мороженое. Это было мое последнее причащение перед перерывом более чем в 30 лет, а Володино последнее перед предсмертным соборованием.

В Новосибирске наша семья жили в доме с двумя комнатами. В одной из них размещались две большие кровати, стол со стульями и упомянутый выше старинный сундук, служивший складом одежды и при надобности ещё одним спальным местом. Вещи, которые были в носке, висели на стене. Во второй комнате кроме плиты стояла ещё одна кровать, обеденный стол, уголок для умывания и уголок для кухни. На этом маленьком пространстве постоянно проживала наша семья из 4 человек и часто кто-нибудь ещё жил или ночевал. Перед домом был участок, где высаживали карто-

фель, помидоры и некоторые овощи. Дом был на углу, с одной стороны через путепровод проходил трамвай, а с другой Транссибирская магистраль, по которой почти непрерывно шли поезда. В поездах, следующих на Восток, часто везли заключённых в вагонах с решётками. Иногда они что-то кричали и бросали из окон письма и записки с надеждой, что поднявшие их отправят. Не помню, как мы поступали, увидев подобные послания, но точно никогда не читали.

От насыпи нас отделяла узкая дорога, вдоль которой располагались такие же, как у нас насыпные бараки. К шуму мы быстро привыкли, а теснота была нам не в диковинку. Но зато наша семья никогда не жила в коммунальных квартирах с их специфической атмосферой. Район за железной дорогой пользовался дурной славой, но у нас было спокойно. Соседи бедные, но ни воров, ни пьяниц не было. В одном из домов было множество детей и постоянно появлялись новые. За всеми присматривал их старший сын, мой ровесник Валентин, тихий и симпатичный парень с мягким взглядом карих глаз. Он был так занят дома, что в наших сходках не участвовал. Однажды я заглянула к ним и увидела среди ужасного беспорядка грязных малышей и младенцев в каких-то тряпках.

Завершилось обучение в школе совсем не радостным выпускным вечером. К этому случаю я сшила белое платье и заказала пуговицы из той же ткани с красной окантовкой. Получилось очень эффектно, и, в предвкушении предстоя-

щего праздника, я полетела в школу. Но праздника не получилось. По дороге мальчишки запустили в меня мокрым мячом и всё платье заляпали грязью. Я всё-таки пришла на вечер, решила получить аттестат зрелости и возвратиться домой. Но меня не отпустили, повели в котельную, где была горячая вода, и можно было кое-как устранить пятна грязи и быстро обсушиться. На меня все смотрели с состраданием вместо восторженных взглядов, на которые я тайно рассчитывала. Вот такой последний и сильный урок своему тщеславию я получила в школе.

И в начальных, и в старших классах мы полностью были предоставлены самим себе в том смысле, что учиться нам никто не помогал, уроки никто не проверял. Смотрели только табели успеваемости и ходили на родительские собрания. Конечно, никто не занимался и нашим свободным временем: в музыкальную школу и спортклубы не записывали, учителей иностранных языков не нанимали. Всё это говорится не в упрёк родителям, они делали всё что могли, а их усилия дать образование всем своим детям в обстоятельствах жизни того времени можно назвать героическими.

Глава 4. Студенческие годы

4.1. Проходной балл

Моё намерение поступать в институт было безусловным, но выбор его не был результатом осознанного стремления к

какой-либо определённой профессии. Были некоторые способности к рисованию, но я понимала, что они недостаточны для художника, да я и не стремилась им быть. Но предполагала, что умение рисовать может пригодиться мне на Архитектурном факультете Инженерно-строительного института. К тому же я всегда любила дома как некие индивидуальные объекты. В местах, по которым я часто ходила, я знала каждый дом «в лицо», этот интерес сохранился у меня и до сих пор. Так как-то само собой определился выбор, и вопрос не обсуждался ни на семейном совете, ни среди подруг. Решение это было весьма рискованным, поскольку конкурс на этот факультет был самым высоким в институте. Абитуриенты особенно серьёзно готовились к экзамену по рисованию, занимаясь определённым видом рисунка с преподавателями. Я же, хотя и ходила в художественную студию при Доме Пионеров, но занятия там были не чаще раза в неделю и античные головы, которые предстояло рисовать на экзамене, мы вообще не рисовали.

К экзаменам по другим предметам я готовилась, но обстановка дома для этого была не вполне благоприятной. Родители на время экзаменов уехали в Москву. Причина этой поездки – навестить старшую дочь Зою и посмотреть столицу – казалось тогда вполне объяснимой. Однако спустя годы я поняла, что существовал более серьёзный повод для того, чтобы оставить нас одних в столь неподходящее время. При разговоре об этом с мамой обнаружилось, что ей именно в

это время поручили отвезти деньги церкви для Московского Патриархата в обход официальных структур. Она считала это дело важнее домашних и, кроме того, верила, что, выполняя эту миссию, она способствует и моему успеху. В общем, так и получилось, но не без некоторых затруднений для нас с братом.

Нам было оставлено немного денег, с тем расчётом, что дядя Володя возвратит имеющийся долг и этого будет вполне достаточно для нашего проживания до их возвращения. Однако деньги закончились, дядя Володя деньги не возвращал, и нам пришлось перейти на подножный корм. В огороде поспевала картошка и помидоры, что и стало нашей пищей. Картошку мы варили, а сначала даже жарили на маргарине, пачку которого нашли в шкафу. Это было ужасно, но «голод – не тётка». На последние деньги мы с братом съездили к дяде Володе в Толмачёво (вблизи Новосибирска), робко попросили деньги, но, видимо, у него их не было, к тому же, он подумал по тону нашей просьбы, что нам они и не очень нужны, и мы возвратились ни с чем. Но как-то мы всё-таки перебивались, Володя съездил за город за ягодой и привёз целое ведро полевой клубники, мы ели её три раза в день и не особенно переживали. Значительно большей заботой для меня было, что надеть на экзамен.

Физику, математику и сочинение я сдала на отлично. На экзамене по физике преподаватель даже удивлялся и громко меня хвалил за обстоятельное объяснение формулы эквива-

лентности массы и энергии. Однако с рисованием случился полный провал. Не знаю, как это получилось, но я перепутала время начала экзамена и опоздала на час. Пока в деканате решали, что со мной делать, шансы хотя бы получить минимальную оценку исчезали на глазах. Наконец меня привели в аудиторию, где абитуриенты сидели полукругом за мольбертами, на возвышении стояла голова не то Давида, не то Аполлона, а у всех на листах как мне показалось – практически готовые рисунки. Положение было сложное, но я была уверена, что справлюсь, потому что с детства привыкла быть первой в рисовании. Полученная тройка меня очень огорчила, и только позже я поняла, что при сложившихся обстоятельствах это можно было даже считать успехом.

По сумме набранных баллов я проходила по конкурсу, но тройка по профилирующему предмету была не в мою пользу. Позднее я узнала, что приняты были и с тройками по рисованию, и с более низкими баллами, но даже если бы я это знала, мне и в голову не пришло бы обращаться в приёмную комиссию. Списки новых студентов вывесили на стену и среди них я себя не нашла. Вокруг толпилось много народу, и было стыдно своим видом показывать окружающим, что я не принята. Оставалось возвратиться домой ни с чем. Денег не было, пешком идти около двух часов, и было время пережить неудачу. По пути зашла к дяде Никите и рассказала о своём горе. Он не поверил, что при таких результатах экзаменов можно не поступить и тут же отправился выяснять

ситуацию. Оказалось, что меня зачислили, но не на Гражданское, а на Сельскохозяйственное отделение Архитектурного факультета. Списки этого отделения висели рядом, но я не догадалась посмотреть. Возвратилась студенткой, хотя не вполне счастливой.

4.2. Лекции, зачёты, практики

Уровень преподавания я тогда не могла оценить, а когда сама начала работать в вузе поняла, что он был достаточно высоким. Институт имел собственные многолетние традиции, кроме того, сюда на время войны был эвакуирован головной Московский вуз (МИСИ), в котором я позже проработала много лет. После войны и возвращение МИСИ в Москву, ряд преподавателей остался, и продолжил работу в Сибири. Много лет спустя мне довелось проверять свой родной вуз в качестве председателя комиссии по Архитектуре Минвуза СССР, которая отметила по-прежнему высокий уровень обучения. Я встретила преподавателей, которых хорошо помнила, а профессор С.Н.Баландин, представляющий в комиссии Сибирский регион, был в мою студенческую пору аспирантом, и мы его звали Баландой.

От преподавателей того времени осталось приятное впечатление, они были доброжелательны и деликатны. Запомнился молодой ассистент кафедры Начертательной геометрии, который славился своим либерализмом. Он не запугивал студентов и даже обещал, что двоек ставить не будет и

слово своё сдержал. Я, к сожалению, будучи преподавателем, не сообразила повторить его опыт, оставшись, таким образом, в благодарной памяти учеников. За весь период обучения в моём общении с преподавателями было только два неприятных случая. Один на лекции по строительным материалам. Лектор, заметив, что я разговариваю, велела мне встать и спросила, интересуется ли меня что-то в жизни и учёбе. Не услышав ответа, она перед всем потоком сказала, что ничего путного из меня не получится. Последнее утверждение было уж слишком неадекватным случившемуся; это поняла не только я, но все студенты, возможно, и она сама тоже. Не помню, чтобы она специально «топила» меня на экзамене, не помню, какую она поставила мне оценку, но не менее чем «хорошо», иначе бы меня лишили стипендии, а этого не случилось. Хотя этот позор я и запомнила на всю жизнь, но не держу на неё обиды, зная теперь по опыту, какие ошибки случаются в педагогической практике, и сожалея о собственных промахах. О втором случае, произошедшем на практике, я расскажу далее.

Учеба в институте началась не с лекций и семинаров, а с уборки картошки. Нас отправили почти на два месяца на помощь колхозу в уборке урожая. На жительство разместили по пустым избам, где в комнатах от стены до стены построили нары. Мы на них укладывались на ночь рядком, каждая на своём месте. Обед варили девочки из группы, которые вызвались быть поварами, им привозили мясо, крупу,

макароны, хлеб, а по вечерам бидон сливок или флягу молока. Будущий чемпион института по поднятию тяжестей Вася снимал их с телеги, нёс на плече к общему столу, и мы пили, сколько хотели. Питание было здоровым, ели в компании с аппетитом и многие, в том числе и я, заметно поправились.

До этой поездки я никого из группы не видела, но все очень быстро хорошо узнали друг друга, жили буквально «бок о бок», вместе ели и работали. У меня уже появилась подруга Геля, с ней мы познакомились по пути в колхоз. Знакомство началось в поезде с удара по голове будущей подруге. Мой рюкзак с банкой консервов при резком торможении упал на неё с верхней полки. Я испуганно извинялась, а она, глядя на меня большими серыми глазами, мужественно улыбалась и утверждала, что всё в порядке. С тех пор мы дружили всю студенческую пору, а затем поддерживали отношения всю жизнь до её смерти.

Большинство студентов нашего потока отделения были не прошедшие по конкурсу на первое основное отделение факультета, и все мне понравились. Правда, девочки совершили там весьма неблагоприятный поступок. По какой причине они возненавидели одного парня. В качестве мести кто-то предложил плюнуть ему в тарелку супа, что и проделали. Но после того, как он начал есть, всем стало неловко. Мы с Гелей отказались участвовать в этом позорном действе, но я очень сожалею, что не приостановила его из чувства ложной солидарности. Мальчиков в группе было примерно столько

же, сколько и девочек, почти все они были скромными ребятами, внимание нам, конечно, оказывали, но вели себя вполне нормально. Выделялся только один, условно назову его «моряк», хотя помню его фамилию. Он отслужил на флоте, о чём свидетельствовала тельняшка и выколотый на руке якорь. Стараясь произвести хорошее впечатление, «моряк» пел под гитару песни тюремной тематики. К моему ужасу, он уделял мне повышенное внимание и всюду преследовал. Но мне он казался противным, несмотря на то, что был даже красив.

1953г. Девушки группы, я справа в среднем ряду

Однажды мы оказались с ним вдвоем около ж. – д. переезда перед мчавшимся мимо бесконечно длинным составом. «Моряк» обхватил меня руками мёртвой хваткой и попытался поцеловать. Я пригрозила броситься под поезд, если он это сделает. Тогда он понял, что имеет дело с «ребёнком из детского сада», отпустил меня и больше не приставал. К тому же после первого семестра его отчислили за неуспеваемость.

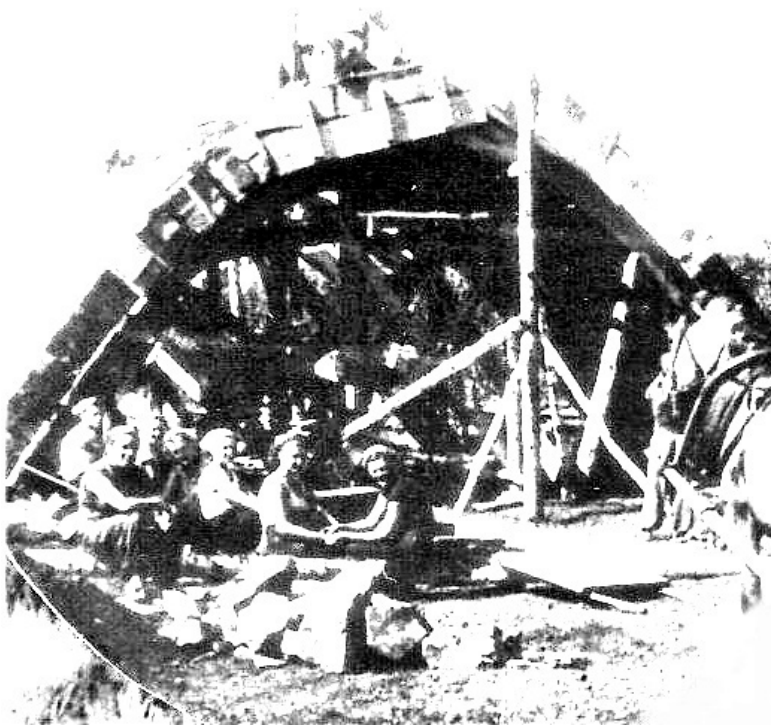
Во время первого курса обучения девочки нашей группы сфотографировались. Я первая справа во втором ряду, рядом подруга Геля. К студенческой жизни я адаптировалась не сразу. Частично это объяснялось тем, что не было понимания полезности обучения, меня не особенно интересовало содержание изучаемых предметов первого года обучения, а совершенная свобода не стимулировала регулярности занятий. Другой причиной была обособленность от коллектива группы, жившего в общежитии. Они быстро приспособились к учебному процессу. Постоянно находясь в тесном общении, они решали трудные вопросы, одновременно выполняли проекты, копировали друг у друга задания, делились перед экзаменами конспектами, не отмечали

1954г. Зачёт по сопромату, я справа

отсутствующих на лекции и т. п. К нам они относились хорошо, но общежитская солидарность на нас не распространялась, к тому же и мы сами к ней не стремились, находя общение друг с другом, вполне достаточным. Затягивание сдачи зачётов было нашей с Гелей настоящей бедой на первом курсе. То, что для «коллективного разума» в общежитии не было проблемой, для нас с Гелей любое непонимание останавливало работу над заданиями. Я ещё как-то справлялась, а Геля была на грани отчисления.

Были у меня трудности и с посещением лекций. Иногда я опаздывала, к первому часу, потому, что жила далеко от института, а единственный автобус, до остановки которого надо было идти полчаса, ходил очень редко. Как бы рано ни пришёл, никакой уверенности, что удастся втиснуться в переполненный автобус, не было. В неблагоприятные дни приходилось стоять на морозе или под дождём более часа и пропускать два, а то и три рейса. Но были и злостные прогулы, когда мы с Гелей сбегали с лекций, в основном, по марксизму – ленинизму. На первом курсе мы делали все графические работы у Гели дома, где у неё была отдельная комната с кульманом, достаточно бумаги и акварельных красок для «отмывания» фасадов. По многим предметам мы должны были делать задания на больших листах ватмана и, хотя для переноски они скатывались в рулоны, с ними было сложно садиться в переполненный автобус. Преподаватель по сопромату, принимая зачёт, спросила другую мою подругу Гаю Скобликову, где же второй лист задания. На что Галя ответила, что трудно везти в автобусе сразу два рулона. Она вообще отличалась необычными ответами. Как-то отвечала на экзамене по физике: «сначала сверкает молния, а потом гремит гром, ой нет, наоборот – гремит гром, а потом молния». Преподаватель уточнил, что же сначала гром или молния и получил ответ: «всяко бывает».

1956 г. На строительстве свинарника

После первого курса у нас была геодезическая практика. Мы выезжали в живописную местность на реке Ине под Новосибирском и жили в палаточном городке. Это было пре-

красное время. Утром все шли на реку умыться, потом в столовую: навес над длинными общими столами. На завтрак почти всегда была манная каша с молоком и хлебом, мне она нравилась, а у некоторых вызывала неудовольствие, пели «одна лишь каша манная вот наша пища главная». Потом до обеда ходили с теодолитом, после него обрабатывали результаты и оформляли отчёты. Был июль месяц, прекрасная погода, тепло, купания. Сокурсник Ваня учил меня плавать брассом, даже выстругал для этого специальную доску. Вечерами – костры, разговоры, словом, весело и радостная студенческая жизнь с возникающими симпатиями, влюблённостью, ревностью. Но ярких любовных историй, а тем более сексуальных отношений не было. Времена были строгие, платонические. Помню, Миша Трахтенберг, который был заметно старше всех нас, призывал не терять времени, а здесь и сейчас найти себе спутника жизни, потому что такого большого выбора уже не будет никогда. Он был прав, но к его совету никто не прислушался, только к концу обучения в группе неожиданно для всех сложилась одна пара.

Со второго курса всё наладилось, я вошла в ритм учебного процесса. С самого начала мне нравилось проектирование, и все проекты я выполняла с удовольствием. После второго курса мы работали на стройке в сельской местности как чернорабочие, строили свинарник арочного типа. Девочки вязали арматуру, подносили на носилках песок, гравий, цемент, мальчики месили бетон и заливали его в опалубку,

напевая переименованную тогда модную печенку "Тиха вода": "тиху воду лей в бетон, чтобы крепче вышел он." Но это закливание не помогло: перед завершением стройки вся конструкция рухнула. Кажется, это была какая-то научная разработка аспиранта, которая не удалась. К счастью, это случилось ночью, и никто не пострадал.

Практика после третьего курса сложилась для меня неудачно. Собственно, всё было нормально, работала как все и каждый выходной день ездила домой. Нужно было что-то постирать, поменять одежду, взять необходимые бытовые мелочи. К тому же к моему приезду мама готовила целый таз холодца, который я очень любила. Я чувствовала, что ответственный за практику преподаватель относится ко мне негативно, но не понимала почему, и не придавала этому особого значения. Когда же на заключительном собрании были объявлены оценки за практику, выяснилось, что получили тройки только двое: я и моя подруга Рая. Это означало снятие со стипендии и меньшая чем остальным сумма денег, заработанных на практике. Кажется, он ставил нам в вину отсутствие рвения в работе и ещё мои отлучки, хотя ездила домой не я одна и всегда в нерабочие дни. Весь поток дружно встал на нашу защиту и под давлением коллектива оценки были исправлены. После этой практики я ездила к сестре Зое в Ахтубу, о чем писала в первой главе.

На практику после четвёртого курса нас отправляли по два человека на разные стройки в качестве помощников про-

рабов. Мы с подругой Галей выбрали Убинск, там жила её тётя и был обеспечен стол и дом. Прораб быстро ввёл нас в курс дела и после этого практически пропал со стройки. Бригады сами знали, что делать, нашей обязанностью было фиксировать выполненный объем работ, что мы и добросовестно выполняли. Наряды, конечно, закрывал он сам, не знаю, использовал ли он наши данные. Однажды мне пришлось пойти на ж.-д. станцию принимать платформу с лесом. При разгрузке неудачно сняли крепления и брёвна полетели на землю. Я едва смогла отскочить, не успев испугаться, но сильно напугала присутствующих. Но одну травму я всё-таки получила, но не здесь, а на строительстве трамвайных путей в центральной части города. Нас послали разгружать гравий с грузовиков и разравнивать его. Работа была авральной, и прораб-женщина пообещала нам «на туфли» если мы будем очень стараться. Поскольку вдали мерещились туфли, мы работали с большим энтузиазмом. Я видимо перестаралась и в одно не прекрасное утро не могла повернуть головы и пошевелить плечом из-за острой боли. Однако кое-как дошла до места стройки, чтобы сказать о своей болезни – боялась, что если не приду, то получу взыскание от института, а денег наоборот не получу. Но их мы всё равно не получили, обещание было только способом заставить нас работать на пределе сил.

4.3. Прочая жизнь

В мою студенческую пору в институте, кроме спортивных команд не существовало никаких объединений по интересам. Возможно, я о них не знала, но это менее вероятно. Развлечением служили институтские вечера с танцами и вечеринки в общежитии по разному поводу. Они проходили в комнатах девочек нашей группы на основе складчины. Покупали колбасу, пряники, конфеты, лёгкое вино (водки не было никогда). Кроме того, Геля, которая жила сравнительно близко от института, готовила целое ведро винегрета и ещё что-нибудь прихватывала съедобного вроде сала и варенья из родительского дома. После застолья спускались в вестибюль, где были танцы под магнитофон. Танцы в общежитии были каждую субботу, но я на них была только однажды, когда там ночевала. По вечерам автобус ходил не регулярно, а пешком слишком далеко и опасно. Впрочем, и особенного желания не было, в общежитии меня никто не интересовал. А для всех, кто там жил, танцы были важным событием и девочки тщательно к нему готовились.

Одна девушка из нашей группы была по-деревенски очень осторожна во всех делах. Она перед танцами сшивала всю одежду на себе (комбинацию к блузке, блузку к юбке и т. д.) чтобы было невозможно её быстро снять. Это всех смешило, потому что о случаях насилия в то время не было слышно, тем более в общежитии. Шутили и по поводу её бережливости. Она оставляла все с вечера недоеденные кусочки, говоря при этом «завтра съедим замест мёда». Я до сих пор

использую это выражение в подобных случаях. Иногда мы с Гелей ходили на институтские танцы с оркестром, тогда наряжались и душились «Красной Москвой» её матери. На вечера приходили люди со всех факультетов, но мы обычно держались около своих. Были на факультете примечательные личности. Один суровый на вид парень, он ходил в институт босым, даже глубокой осенью, и одевался в телогрейку, даже в тёплое время года. Не знаю настоящей причины этих странностей, но по всему его виду было понятно, что из-за бедности. Это его не портило, он был высоким и красивым, и у него была очень красивая девушка.

С Гелей я дружила буквально с первого дня обучения, часто бывала неё дома, иногда оставалась ночевать. Её отец рад был нашей дружбе, считая, что я благотворно влияю на Гелю, помогаю ей в учебе, стимулирую к чтению серьёзной литературы. Как Геля потом рассказывала, во время моего прихода отец всегда распорядился приготовить лучшую еду и выставлять на стол варенье и конфеты, чем её мать была недовольна, но подчинялась. Отец был крут в семье, ноне в моём присутствии. Он был, безусловно, умным, тактично расспрашивал нас об институтских делах, а сам рассказывал интересные случаи из политической жизни, в частности, о случившемся тогда Карибском кризисе. Обсуждая отношения в своей семье, Геля всегда была на стороне, как ей казалось, угнетённой матери, но, когда стала взрослой, кардинально поменяла своё мнение.

Историю наших отношений омрачает только один некрасивый случай, а честно говоря, просто воровство. Меня смущало моё зимнее пальто с пышным меховым воротником, оно выделяло меня в среде студентов. Я хотела пальто английского покроя с поясом, но ткань купить было невозможно. Её "доставали" через знакомства, которых у нашей семьи не было, но они в изобилии были у отца Гели. Он работал каким-то начальником по снабжению и дом ломился от всяких запасов. На чердаке лежало несчитанное число отрезков разных материалов. Один из них, асфальтового цвета Геля выбрала для меня, а я отдала ей деньги, полученные у родителей. Не помню, соответствовала ли сумма реальной стоимости и как Геля ею распорядилась, скорее всего мы их вместе дружно расходовали. Обычно мы вместо еды в институте покупали на мои деньги бублики, конфеты, соевые батончики и пряники. Деньги мне давали дома, кроме того, я получала стипендию. Геля стипендию не получала, и карманных денег ей не давали, несмотря на то что семья была зажиточной. Думаю, что родители Гели догадались о пропаже, но промолчали, хотя её мама подозрительно поглядывала на мою обновку. Но главным в семье был отец, а он, по словам Гели, меня любил и даже если догадался о происхождении ткани, то мудро не позволил возникнуть скандалу. Тогда мы обе не думали об этом позорном поступке, а сейчас я с большим стыдом это вспоминаю.

На третьем курсе я подружилась с Галей Скобликовой, ко-

торая училась в соседней группе, но была в одном потоке со мной. Галя серьёзно занималась фигурным катанием, была призёром города среди девушек-одиночек. Я очень любила ходить с ней на каток, гордилась её мастерством, а в паре с ней и у меня получалось неплохо. Первоначально нас сблизил общий интерес к моде, мы обе следили за самыми модными тенденциями и шили наряды из подручных материалов: вчера увидели, сегодня уже надели. Гале шила мама, а я имела репутацию умеющей "из тряпки дивный сшить себе наряд...". Одними из первых мы облачились в узкие брючки из отцовских штанов и подходящие кофточка, но в институт в таком наряде появляться было нельзя и мы гуляли по Красному проспекту, вызывая внимание и получая лестные замечания. Мы постоянно посещали магазины в отдалённых рабочих районах, где можно было случайно купить редкую вещь. Там я сделала несколько удачных покупок: пушистое демисезонное пальто серебристо – голубого цвета, бутылочного цвета кофту, стильного покроя шерстяное платье со шнурками вместо застёжки. Когда я явилась в нём в институт, то увидела точно такое же на одной из наших студенческих «звёзд» – дочери известного в Сибири врача. Она посмотрела на меня с большим недоумением «она-то где могла такое достать?!».

1956 г. Три сестры. Светла слева и Ольга справа

Не последнее место в числе друзей того времени занимали мои братья и сёстры. По дороге домой я часто заходила поболтать к двоюродной сестре Свете, а дома меня ждала младшая сестра Галочка. Она вспоминает. «Побелка перед праздником. Я сижу на самом верху сложенных на одной кровати постелей, что само по себе отлично. Приходит

Валя. Со своей стипендии она купила мне книжку и пластмассовую голубую посудку. Невероятное счастье. И ещё два маленьких красивых махровых полотенца". Это я помню – стояла в очереди за этими китайскими полотенцами в Универмаге.

С братьями Володей и Юрой мы были по-прежнему близки, но вместе время проводили редко, все приходили домой только есть и ночевать. Каждый из нас был занят своей учебной и своей студенческой компанией, которые не пересекались. Учился Володя в Геологоразведочном техникуме и на свои вечера меня не звал. Однажды его друг Вадим пригласил меня не то в кино, не то в театр, но поход не состоялся, видимо, Володя ему запретил со мной встречаться.

Так, в учении, трудах и скромных развлечениях прошли четыре с половиной года и началось дипломное проектирование. Нам была выделена большая аудитория, где мы в основном и работали, только отмывки фасадов и генеральных планов делали у Гали С. дома, под руководством её отца. Он был главным архитектором Новосибирска и руководил моим дипломным проектированием. Как-то он рассказывал нам, что перечертил весь лист из-за ошибки в один миллиметр в каком-то размере. Простая история, а запомнилась на всю жизнь тем, как следует относиться к своему делу. Я часто бывала у них в доме, и поэтому отношение к нему было не вполне формальное, но, конечно, уважительное. Он же постоянно над нами подшучивал, меня называл Ваки, а дочь

Гаки, или вместе Ваки-Гаки. Я тогда на это прозвище немного обижалась, а теперь нахожу его забавным и взяла в качестве своего ника на одном из сайтов. С умелым и внимательным наставником дело продвигалось очень успешно и как только стало тепло, мы много времени проводили с Галей на пляже. К завершению диплома я стала коричневой, как после поездки на юг, да ещё пришла на защиту в платье подчёркивающим загар. Поскольку диплом был отличным, а по моему виду нельзя было сказать, что, разрабатывая его, я сильно утомилась, комиссия, видимо, заподозрила наличие посторонней помощи и снизила оценку до четверки. Это было несправедливо и огорчило и меня, и особенно моего руководителя. К Гале же, загоравшей слабо, комиссия подобных подозрений не имела и свою пятёрку она получила заслуженно.

Завершение студенческой поры, как и школьной, не получилось торжественным, на этот раз, по собственной вине. Мы Галей на церемонию вручения дипломов решили не ходить, обе не любили официальных мероприятий. Некоторое время спустя мы отправились их получать в канцелярию ректора. По дороге туда произошёл случай, который мы со смехом вспоминаем с ней до сих пор. В автобусе рядом с местом, где сидела Галя, стоял мужик и держался рукой с авоськой за верхний поручень. В авоське была живая бьющаяся рыба и одна из них выскользнула прямо в вырез платья на спине Гали. Возникла комичная ситуация – мужик запустил руку

в платье, рыба трепыхалась, и он никак не мог её вытащить. Пассажиры наблюдали с большим удовольствием и давали советы. В канцелярию мы явились в полной красе: в модных платьях и с лёгким макияжем, что привело сидящих там тёток в полную ярость. Они кричали нам в два голоса, что мы не достойны полученной профессии, не ценим дипломы, государство зря тратит деньги на таких и т. п. Наверное, они не знали о должности Галиного отца. Может быть, и знали, но это доставляло им дополнительное удовольствие. Так с дипломами в руках и с «добрыми» напутствиями мы вышли в самостоятельную жизнь.

Глава 5. Начало трудовой жизни

5.1. Освоение профессии

В советские времена над поиском работы для выпускников вузов можно было не задумываться – государство само распределяло их по нужным местам. Наш вуз обеспечивал специалистами всю территорию Сибири, включая стройки и проектные институты. Подруга Геля, например, поехала на остров Ольхон на Байкале. Но мы с Галей хотели работать только в проектном институте как архитекторы, уехать куда-нибудь в центральную часть России и жить самостоятельно. Мы обе почему-то не получили официального направления на работу, возможно их выдавали на выпускном вечере, а потом о нас забыли. А между тем, нас уже ждала работа в

Курске. Это стало возможным благодаря тому, что главным архитектором города был друг Галиного отца, он подобрал нам подходящие места в проектном институте и поселил в своей обширной квартире, где жил вдвоём с женой. Нам был отдан его кабинет, и мы спали на большом кожаном диване.

Жили мы у них как дома, практически, ни о чём не заботясь, не стирали, не убিরали, не готовили, однако понимали, что нельзя там «навек и поселиться». Пытаясь подыскать себе квартиру или комнату, ходили по жалким хибарам без всяких удобств, с маленькими окнами и косыми полами. Остаться ни в одной из них не хотелось и уже через месяц стало понятно, что дома лучше. Сравнительно небольшой Курск много проигрывал Новосибирску с его знакомым окружением, театрами, концертами, друзьями и родными. Нашему возвращению родители ничуть не удивились, они заранее предугадывали исход этого мероприятия, но всё-таки мудро дали нам шанс попробовать.

Дома мы начали устраиваться на работу, обходя проектные организации. В модно одетых, молодо и легкомысленно выглядевших девицах никто не хотел признать архитекторов, и мы согласились на должность техников с окладом в 70 рублей. Когда сказали отцу Гали что подали заявления на работу, он с недоумением спросил: «Но почему на должность техников?! А если бы вам сказали работать бесплатно, вы бы тоже согласились?!» Туда мы больше не возвратились и, наконец, нас приняли на работу в Институте по проек-

тированию промышленных зданий. Однако в отделе кадров предупредили, что и у них, и у нас могут быть неприятности из-за распределения и желательно как можно скорее выйти замуж. Галя действительно вскоре это сделала, конечно, не из-за этой рекомендации. Я тоже чуть было не согласилась на предложение выйти замуж, но вовремя опомнилась. В отделе кадров к этому вопросу больше не возвращались и нас никто так и не побеспокоил.

Мы освоились быстро, правда, я сначала стеснялась обращаться за помощью и иногда застревала. Помню, как на моём кульмане долго светились круги (цементные силосы в разрезе), потому что я не знала, как решить какой-то узел. Никто меня не упрекал за промедление и не подгонял, но главный инженер отдела видимо заметила, что на моём листе долго ничего не меняется, подошла и разъяснила, как и что делать.

Руководителем моей группы была женщина тридцати лет, полная и немного с косинкой в глазах. Она ужасно смешила нас с Галей рассказами о своей взаимной симпатии с технологом из соседнего отдела. Мы делали заинтересованный вид, но не верили, что она может при такой внешности и в такие годы кому-то нравится. Руководитель Галиной группы, совсем уж на наш взгляд немолодая, как раз отмечали её сорокалетие, учила нас разным житейским мудростям: Гале давала советы по части семейной жизни, а мне – быстрее выходить замуж и поступать в аспирантуру. Аспирантура была

для меня чем-то из области фантазий, научный мир совершенно далёким и недоступным, уделом беспросветных отличников.

А с проектированием я справлялась неплохо – чертила почти так же хорошо, как лучший архитектор отдела и втайне гордилась этим; быстро запомнила наизусть множество стандартов и требований, установила хорошие отношения с другими отделами (смежниками). Через довольно короткое время меня повысили в должности и в зарплате, и руководство решило командировать меня в столицу на курсы по использованию пластика в строительстве. Идея мне понравилась, в том числе предстоящей продолжительной поездкой в Москву, но она почему-то не осуществилась.

Я любила разрабатывать проектные задания, где был большой простор для творчества. Однажды, выполненное мной проектное задание, было передано для разработки в другую группу и по завершению они получили на редкость большую премию. Меня в число премированных сотрудников почему-то не включили, что было для меня неожиданным ударом, но я старалась это скрыть. Последней каплей, переполнившей чашу моей обиды, было предложение внести какую-то сумму денег, чтобы участвовать в вечеринке по поводу премии. Я отказалась, а возвратившись домой, не могла сдержать слез. Обеспокоенные родители едва добились от меня, в чём причина моего горя. Узнав, оба успокаивали меня речами типа: «никогда не стоит плакать из-за денег, не в

них счастье». На следующий день Владик Василенко, который сидел рядом со мной, сфотографировал меня, и никаких следов огорчения уже не было заметно. Кстати, этот портрет получил вторую премию на институтском конкурсе.

Вскоре я поехала в свою первую командировку в Красноярск и Новокузнецк. Надо было срочно внести изменения в генеральный план какого-то предприятия. Так спешили, что забыли связаться с этими организациями, чтобы меня встретили и поселили, а я по неопытности не проследила. Ещё в поезде девушка, с которой я в дороге познакомилась, предупредила меня, что в гостинице остановиться будет невозможно. В это время готовили к сдаче какую-то часть первого энергоблока Красноярской ГЭС, и в город наехало много народа. Девушка была санитаркой и сопровождала психическую больную до места жительства. Она настояла, чтобы я на всякий случай записала её адрес.

В Красноярск я прибыла вечером, обошла несколько центральных гостиниц – мест, как и ожидалось, нигде не было. Спросила у нескольких редких прохожих, где ещё можно переночевать, но никто не знал. Стояла поздняя осень, на улице было холодно, дул сильный ветер с сухим снежком, а я была в лёгком демисезонном пальто. Надо было надеть зимнее пальто, но это было модным и подходило к красивой дорожной сумке, которую я позаимствовала у брата. Оставался один выход – ехать к попутчице домой. К счастью, я не выбросила бумажку с адресом, но оказалось, что дом нахо-

дится в очень отдалённом районе на другой стороне Енисея. С транспортом тоже было неясно, и я пошла пешком через пустынный мост длиной около 2,5 км под пронизывающим ветром. Мне на всём пути не встретился ни один автобус, не говоря уже о пешеходах.

Безусловно, этот поход был чистым безумием и совсем не безопасным предприятием. Конечно, надо было остаться на ночь в вестибюле гостиницы или на худой конец пойти на вокзал и переждать до утра. Но всё, в конце концов, обошлось благополучно, каким-то чудом в темноте я нашла дом и квартиру. Она была странная – совсем без мебели и на полу лежала какая-то ветошь. На ней уже лежала больная и ещё какие-то люди. Легла и я рядом с девушкой-попутчицей. Не помню, чтобы обстановка меня напугала, я наверное, даже спала.

На предприятии меня приняли очень радушно – радовались, что избежали крупной ошибки. Предлагали мне остаться хотя бы ещё на день, чтобы съездить на Красноярскую ГЭС, но я отказалась, и, в тот же вечер уехала в Новокузнецк. Там проблем с жильём не было, я остановилась у двоюродного брата Валерия в его новой квартире, и они с женой тоже очень уговаривали меня побыть у них ещё денёк. Но город произвёл на меня ужасное впечатление: задымлённость, пыль и запах угля, всё вокруг чёрное и я поспешила обратно домой.

На работе меня загрузили общественной работой, назна-

чив дружинницей. Это же надо такое придумать – посылать девушек бродить по ночным улицам и отлавливать хулиганов! Конечно, мы были совершенно бесполезны для такого дела, ходили мы по светлым центральным улицам по несколько человек в сопровождении мужчин из отдела. Из официально значимых событий того времени – полёт Гагарина. Помню, главный архитектор. Засядь-Волк зашёл в отдел и громко провозгласил: «Человек в космосе!». По этому поводу было много шума, а раньше, в 1960 году мы с большим интересом отслеживали яркую точку спутника с собаками Белка и Стрелка на тёмном небе.

5.2. Опыт преподавания

В Учебном комбинате, где работал папа, потребовался учитель черчения, и папа предложил мою кандидатуру. Это был мой первый преподавательский опыт, который прошёл вполне нормально, не считая небольшого конфликта с одним слушателем. Он не выполнял заданий и, видимо, рассчитывая на свою неотразимость, надеялся получить зачёт без них. Когда это ему не удалось, он заявил, что обойдётся и без ненужного зачёта. При окончании курса задолженность у него обнаружили, не выдали диплом, и пришлось ему задержаться и сделать злополучное задание. Папа со смехом и даже с некоторой гордостью за мою непоколебимость, рассказывал об этом нам и своим братьям.

Однако в преподавателях мне не удалось задержаться на-

долго. Работала я по вечерам и после занятий до автобуса меня начал провожать преподаватель с очень импозантной внешностью. Я ничего про него не знала и не пыталась узнать. Он мне был интересен своей начитанностью и галантным несовременным поведением, хотя, думаю, был старше меня всего лет на 5–6. Кроме того, он снабжал меня запрещёнными в то время книгами и я очень благодарна ему за то, что он познакомил меня с литературой великих русских писателей. Помню, как я читала ночью роман «Антихрист» Д. Мережковского и плакала над судьбой царевича Алексея и сценами самосожжения староверов.

Папу, видимо, известили о внимании ко мне этого товарища, и он деликатно сказал мне что не стоит с ним сближаться, он в разводе и любит выпить.

Приём зачетов в Учебном Комбинате

Меня эти стороны его жизни совершенно не касались, никаких предложений от него я не получала и даже разговоров на эту тему не было, хотя я понимала, что мы нравились друг другу. Но после того, как его бывшая жена нанесла визиты сначала к нам домой, а потом ко мне на работу, оставаться в Учкомбинате становилось невозможно и пришлось его покинуть. Его жена мне сказала, что её счастье в моих руках, поскольку Борис, так его звали, не хочет к ней возвращаться

из-за меня. Я пыталась успокоить её на этот счёт и пообещала с ним не встречаться, хотя признаться, мне этого очень не хотелось.

Оставляя преподавание было жаль, и потому, что мне это нравилось, и потому что давало дополнительные деньги. Они очень нужны были нашей семье, поскольку мы выплачивали долг за дом. Вечерняя работа даже помогла мне избежать поездки в колхоз на картошку. Узнав, что я преподаю, в отделе кадров строго спросили: «Кто разрешил?» Я покаянно пробормотала что-то вроде «не виноватая я, не знала» и самовольство осталось без наказания. Наше интеллектуальное общение с Борисом закончилось громадным букетом белых флоксов, который он прислал мне с одним из слушателей.

5.3. Вокруг работы

В институте, как и в любом учреждении, были в традиции вечеринки и чаепития. Отмечали праздники, крупные премии, дни рождения. На этих вечеринках в отделе я часто была, как незамужняя девушка, предметом особого внимания. Меня «доставали» пожелания всех окружающих быстрее выходить замуж и не ждать «яхту с алыми парусами». Предлагались разные кандидатуры для знакомства, что меня очень раздражало, к тому же нужды в этом не было.

В отделе у меня тоже был поклонник, красивый и скромный парень Рафаил, с волнистыми волосами и яркими синими глазами. Он вырос в детдоме и в институте имел ре-

путацию ценного работника и завидного жениха. Многие, в том числе начальник отдела и директор института, советовали мне выходить за него замуж, всячески его расхваливали. Я и сама знала, что он хороший, но и только.

1962 г. подругой Галей, я справа

В эти годы я с подругой Галей часто ходила в театр, кино и на симфонические концерты и оперы в знаменитый Новосибирский Оперный театр. Там царил особая праздничная атмосфера – ярусы, ложи, бархатные кресла, нарядная публика. Ходили мы и на симфонические концерты по постоянным абонеентам. Билетов иногда в продаже не было, и люди просились владельцев абонементов провести их. Однажды к нам обратились с такой просьбой два довольно симпатичных паренька, как оказалось потом молодые учёные из Академгородка. Мы с Галей им отказали, но они прошли с другими, более добрыми любителями музыки. После концерта один из них провожал меня, но к дому я ему подойти не разрешила и от свиданий отказалась. Тогда он начал мне писать письма, причём, в адресе указывалась только улица и имя, номера дома он не знал. Девушка почтальон догадалась, что это мне, приносила письма и говорила: «Вот бы мне такой встретился!»

За границу, в Чехословакию, я впервые поехала по туристической путевке вместе с Галей Скобликовой. Впечатлений было множество. Тогда к русским относились очень хорошо, нам оказывали много внимания, особенно молодым девушкам, жениться на которых считалось престижным. Кроме Праги мы побывали и в Брно, и в Братиславе, и в Карловых Варах. Везде нас радушно принимали, устра-

ивали в нашу честь приёмы, дарили мелкие подарки, просили адреса для переписки. Я даже обменялась несколькими письмами с одним молодым чехом, а подаренная кукла из той поездки до сих пору меня.

На следующий год мы тоже вдвоём отправились в отпуск. Галя купила путёвку в Прибалтику, в дом отдыха в Кемери. Путёвка в институте была только одна, вторую мы надеялись купить на месте. Однако купить её не удалось, что и следовало ожидать; путёвки были большим дефицитом и нам предложили продать имеющуюся с вычетом какой-то суммы. Мы согласились без особого огорчения, погода была дождливая, и посёлок выглядел тоскливо. А у нас был возможность жить в Риге в квартире родственников Гали, которая в это время пустовала. Квартира была в самом центре города, в старом доме, со старинной мебелью, темноватая и казалась нам экзотичной. Рига нам очень нравилась, целыми днями мы бродили по городу, смотрели на дома, людей, магазины, посещали музеи, по утрам ходили в чудесные рижские кафе с вкусными булочками и ватрушками. Эти дни были одними из самых ярких впечатлений о Риге, которую я потом не раз посещала.

С Галей мы общались в течение всей жизни. Но с началом нападения на Крым 24 февраля 2022 сделали паузу в отношениях по причине диаметрально разного отношения в этой войне и к личности президента России Путина.

1962 г. С Аркадием и Тamarой, я в центре

Моей подругой в проектном институте, где я начала ра-

ботать, была Тамара Гизбрехт. У нас с ней было много общего: молодые специалисты, не замужем, у обеих в голове смутные мысли о поступлении в аспирантуру. Мысли никак не развивались, мы не делали никаких шагов к их реализации, а вот развлечения устраивали оперативно. Тамара была дочерью Главного инженера Западносибирской железной дороги и жила в самом центре города в очень большой квартире. В ней, образовавшаяся вокруг Тамары молодёжная компания, проводила блинные, пельменные и другие вечеринки, отмечала праздники и дни рождений. Зимой, по воскресным дням, мы часто отправлялись на электричке к Тамаре на дачу. Проходили на лыжах довольно большой маршрут по живописной местности, по дороге останавливались, дурачились, валялись в снегу и в стогах сена. Возвратившись на дачу, топили печь, варили глинтвейн, выкладывали на стол привезённую с собой еду. Было много разговоров, шуток и смеха. Домой возвращались только вечером. В институте прослышали про наши воскресные вылазки и многие захотели присоединиться. Так, фотографом компании стал Аркадий – ГИП (главный инженер проекта) института, а мой начальник – руководитель архитектурного отделения, и другие коллеги – постоянными участниками. Трудно сказать, что нас всех больше привлекало: сам лыжный поход или посиделки после него.

Сейчас понимаю, что почти все мои подруги, в отличии от меня, были из зажиточных по тому времени семей, но то-

гда на это мы обращали мало внимания. Материальное положение в моём окружении вообще не являлось критерием не только при выборе подруг, но и при выборе спутника жизни. Да и в дружбе всегда две стороны – не только мы выбираем, но и нас выбирают.

Политикой мы не интересовались, но протестный дух висел в воздухе. У упомянутого выше коллеги Владика был друг Вадим, работающий на телевидении. В одном из вузов он, в качестве режиссера, ставил спектакли с политическим подтекстом, имеющие большой успех в молодёжной среде. Он часто приглашал меня на них и на свои домашние вечеринки, где гостей ожидали разные сюрпризы, пугающие до ужаса или смешные до слёз. Однажды там я познакомилась с его матерью, и потом она сказала Вадиму: «Эта девушка с глазами цвета пива заслуживает серьёзного внимания». Но это был не тот случай.

1962 г., С Виталием

"Тот случай" всё-таки наступил. Я дождалась яхту с алыми парусами и в символическом, и даже в реальном воплощении. Правда, не сразу и маленькую с обычными парусами. Соблазнившись возможностью провести день рождения у моря, я поехала в мае на Кавказ. По дороге получила магический знак – попутчица нагадала мне на картах встречу и любовь на всю жизнь. Конечно, это обычное пожелание девушкам я не приняла всерьёз, хотя верить хотелось бы, но очень уж ненадёжный был источник. Потом последовал ещё один знак – на Красной Поляне парень из туристической группы принёс мне эдельвейс с дальних высоких гор. По легенде, у человека, получившего этот редкий цветок, исполняется заветное желание. В тот вечер на турбазу пришли на танцы два очень симпатичных, модно одетых парня. Наш девичий коллектив с волнением ожидал, кого они пригласят. Но они никого не приглашали и просто сидели на скамейке. Когда объявили «белый» вальс, на который, как известно, дамы приглашают партнёра, я решилась. Его я выбрала сразу и, как потом оказалось, он тоже сразу меня заметил. Не заметить меня было трудно, поскольку на мне было красное шёлковое платье с каймой по низу. Через год мы поженились, и я переехала к нему в Москву.

Часть вторая

Жизнь в столице

Глава 1.

Семейные события

1.1. Первые пристанища

Наша семейная жизнь началась в городе, где мы оба до этого времени не жили. Я приехала в Москву из Новосибирска, а мой муж Виталий постоянно жил и работал в Ленинграде. Но прописан он был в Москве, у матери в 13-метровой комнате коммунальной квартиры. Рынка аренды жилья в то время не существовало и эта комната, через порог которой Виталий перенёс меня на руках, была нашим первым пристанищем. Мать Виталия Фрина Юльевна в то время находилась у сестры в Харькове, но рано или поздно она должна была возвратиться.

Сейчас ужасаюсь той ситуации, но тогда ничего страшного я в этом не видела: почти всю предшествующую жизнь провела в тесноте, правда, никогда не жила в коммунальных квартирах. Но мы были уверены, что находиться в таких условиях нам придётся недолго. Виталий, благодаря своим постоянным командировкам на Дальний Восток, сумел накопить денег на кооперативную квартиру, и мы планировали как можно быстрее её купить. Был у нас и более авантюрный

вариант – поселиться на юге около моря.

Но прежде всего нам надо было оформить свой брак. Стараясь сделать это быстрее, мы обратились в районный ЗАГС, но нам отказали, поскольку первые браки регистрировались тогда только во Дворце Бракосочетания по ул.Грибоедова. Там обнаружилась очередь длинной почти в месяц, а время было летнее, и мы решили в ожидании этой даты совершить преждевременное свадебное путешествие в Крым.

Побросав в сумку купальники, шорты, моё платье и туфли мы направились в Севастополь. Потом мы вспоминали эту, почти пустую сумку, с которой мы отправились в нашу первую совместную поездку, когда в последующих наших путешествиях вся машина была забита предметами для удобного отдыха. Город был выбран не случайно, а как один из возможных вариантов будущего места жительства. На вокзале приезжих встречали квартирные хозяйки, и мы поехали к первой к нам подошедшей. Оказалось, что её домик довольно далеко от пляжа Учкучевка. Около получаса надо было идти пешком до пристани, а потом переправляться до него на катере. Однако нас это не смущало, большую часть дня мы проводили на пляже и быстро покрылись ровным золотым крымским загаром. В обед мы шли в столовую, ели там, в основном, свой собственный, тут же приготовленный салат из копчёной рыбы, яиц и зелени. С тех пор мы его зовём «Севастопольский».

С запоздалым сожалением вспоминаю, как на пляже я

ужасно потешались над толстой, как мне тогда казалось, тёткой, рассказывающей соседкам, как ей удалось сохранить фигуру. Наверное, в наказание за злословие, я потеряла в море обручальное кольцо. Я сразу по приезде в Москву, не ожидая регистрации брака, надела его на палец и наслаждалась своим новым положением замужней дамы. В море кольцо стянуло с пальца сильной волной, и это меня очень расстроило, поскольку считалось плохой приметой.

Не забывали мы и о второй нашей цели путешествия. Прежде чем изучить ситуацию с жильём, решили узнать, будет ли там для меня работа. С работой для Виталия проблемы не было: в портовом городе человека, окончившего Ленинградский Кораблестроительный институт, везде примут с радостью. Я надела специально взятое для этого случая платье и туфли и отправилась в Проектный институт. Выглядела я тогда молодо: тонкая, загорелая и меня приняли за студентку, хотя к тому времени у меня уже был четырёхлетний стаж работы архитектором. Специалисты были им нужны, и я могла начинать работу хоть на следующий день.

Но главным, как всегда, был жилищный вопрос. Мы навели справки, и оказалось, что жилищные кооперативы, на которые мы рассчитывали, там ещё не создавались. Можно было только купить частный дом. Несколько домов на продажу мы посетили и поняли, что жить в них не хотели бы. И с ощущением, что сделали всё, что могли, несколько не огорчившись, возвратились в Москву.

Фрина Юльевна, Виталий, Михаил Иванович

Мать Виталия была родом из Украины, из города Кременчуга, а отец – с низовой Волги. В год рождения Виталия семья жила уже в Москве. Отец, Михаил Иванович Коломийцев, работал заместителем директора ВАСХНИЛ. В 1934 году он был назначен на пост директора института Механизации, но через 4 дня арестован и в 1938 расстрелян. («Расстрельные списки. Москва 1937-1941 «Коммунарка» Бутово», Москва, Общество Мемориал, Изд-во «Звенья»,

2000 г., стр. 206.) Мать училась в аспирантуре и подрабатывала стенографисткой на съездах партии и других мероприятиях. В 1938 году она тоже была арестована, как член семьи репрессированного, и отправлена в ссылку на 10 лет. Возможно, ей удалось бы этого избежать, но их трёхкомнатная кооперативная квартира в доме на Арбате (теперь одно из зданий МИДа, раньше в этом здании находился Гастроном-2) привлекла внимание сотрудников соответствующих органов. Сначала Фрину Юльевну с маленьким сыном переселили в однокомнатную квартиру в том же доме, а после ареста и её забрали. По возвращению из ссылки в 1956 году, взамен своего жилья она получила только упомянутую выше комнату.

Виталия, которому не было и шести лет, забрали в приёмник для детей врагов народа, размещавшийся в строениях Данилова монастыря. Приёмник был на положении тюрьмы и охранялся солдатами в остроконечных будёновках с примкнутыми штыками, которых Виталий хорошо запомнил. Дальше его должны были направить в детский дом и, как тогда было принято, изменить фамилию, но помог счастливый случай. Один из сотрудников приходивший арестовывать мать, сообщил о местонахождении ребёнка её сестре Софье Юльевне в Харьков. Неизвестно, была ли это его личная инициатива или так было принято. Софья Юльевна немедленно приехала, забрала Виталия, и он прожил в её семье несколько лет. Виталий с благодарностью вспоминает и

её, и её мужа, который позволил взять мальчика в небольшую комнату коммунальной квартиры. Там он учился до 5 класса.

Во время второй мировой войны семья эвакуировалась из Харькова. Софья Юльевна отвезла Виталия к матери в посёлок Качиры под Семипалатинском. Поезд шёл по загруженным железным дорогам целый месяц и часто останавливался из-за бомбёжек. Люди по дороге болели, голодали, умирали, но Виталий и его тётя выжили. Жизнь в ссылке была не лёгкой. Фрина Юльевна работала в какой-то конторе по финансовой части, а на Виталии были все домашние обязанности: огород, дрова, вода, нехитрая еда. К счастью, его соседом был парень постарше, который всё умел делать по хозяйству, и Виталий у него многому научился. Потом он всю свою жизнь самостоятельно делает разные работы – от строительных, электротехнических, ремонта машин и всех приборов до компьютера.

Школу Виталий окончил с золотой медалью, которая давала ему возможность поступить без конкурса почти в любые вузы, но происхождение из семьи осуждённых этот выбор ограничивало. Он окончил Ленинградский Кораблестроительный институт и работал по его окончании в организациях соответствующего профиля. За аналитический ум и обширные познания во многих областях, он имеет репутацию «эксперта по всем вопросам».

Возвратились мы из путешествия по Крыму прямо к ре-

гистрации. Время на подготовку к свадьбе нам не требовалось: мы оба не любители пышных торжеств. У меня было простое белое платье, свидетели нашлись сами собой – Виталий встретил знакомого, а ко мне зашла бывшая сотрудница из Новосибирска. Не обошлось и без происшествий. По дороге во Дворец Бракосочетания такси, на котором мы ехали, было вынуждено резко затормозить и я, сидевшая рядом с водителем, врезалась головой в ветровое стекло. Удар был довольно ощутимым, но заметного следа не оставил, что было в тот момент главным. Кстати, эта была уже вторая плохая примета по поводу нашего брака. Возможно, они взаимно уничтожились, поскольку на продолжительность брака не повлияли. Праздничный обед тоже сами соорудили, помню, что среди прочего была жареная утка с яблоками и блинчики тоже с яблоками.

А между тем, я постепенно привыкала к жизни в коммунальной квартире. Оказалось, страшным проступком не выключить свет в местах общего пользования, положить в ванной мыло не на «своё» место и т. п. Надо сказать, что квартира была просторная, не захламленная, с широким коридором и большой кухней и содержалась в полной чистоте. Нашими соседями была пенсионного пара, занимавшая большую из двух комнат квартиры. Муж был тихим и незаметным, а жена Матрёна – особа довольно ядовитая. И хотя с Матрёной мы не ругались, но и нормальных человеческих отношений тоже не получалось. Я ей не понравилась сразу как «пона-

ехавшая». В то время такого термина не существовало, но смысл был тот же что и сейчас. Это настроение разделяла тогда и Фрина Юльевна, которая в мыслях, видимо, видела не такую жену для сына. Однажды мы случайно услышали, как Матрёна её утешала, найдя у меня одно положительное качество: «ну она хотя бы близко работает». Мы эту фразу до сих пор употребляем в подходящих случаях.

Ссор, однако, не было, Фрина Юльевна. даже готовила нам еду, аккуратно распределяла деньги на неделю и по воскресеньям покупала торт. В таких условиях мы прожили почти год, но в продолжении этого времени., облегчая нашу общую жизнь, Фрина Юльевна пару раз уезжала на долгое время к сестрам в Харьков. Сразу скажу, что впоследствии её отношение ко мне изменилось к лучшему. Она гордилась моими научными успехами, а также умением сохранять мир в семье, шить и готовить. По мере сил она всегда старалась помогать нам в наших делах, например, выверяла опечатки в текстах обоих моих диссертаций. Я тоже оценила её стойкий характер, умение себя вести, интеллигентность и начитанность, необычайную аккуратность. Она обладала феноменальной памятью, хорошо знала немецкий язык и занималась им бесплатно с молодёжью из знакомых ей семей.

В период нашего совместного проживания мы старались как можно чаще бывать вне дома. По вечерам ходили на каток во дворе, в кино и в театр. По воскресеньям на целый день отправлялись кататься на лыжах в Битцевский лес, око-

ло которого мы потом жили. Возвращались едва волоча ноги от усталости, до того голодные, что жевали в лесу сосновые побеги.

Готовить я не умела, не то чтобы плохо готовила, а просто не пробовала. Мама ограждала меня от домашних работ, только иногда я мыла полы и ходила в магазин. Но в Москве быстро всему научилась. Виталий имел большой опыт, поскольку и в Казахстане, и в студенческом общежитии приходилось готовить самому. Мне он подарил книгу о вкусной и здоровой пище, которая как раз тогда вышла в свет, и я руководствовалась ею долгое время. Потом появилась книга о французской кухне, образовалось моё собственное собрание рецептов на разных бумажках от хозяек из разных городов, республик и стран.

1.2. Выбор работы

Среди задач обустройства нашей жизни работа была одним из основных. Найти работу в Москве тогда ни для кого не было проблемой, и для нас тоже, задача состояла только в её выборе. Сначала я обратилась в главную организацию Проектного института, в котором работала в Новосибирске. Там в процессе беседы мне предложили назвать изображенную на листе деталь, я указала на сделанную в ней ошибку, и меня тут же были готовы принять. Но я взяла время подумать, и остановила свой выбор на Институте по проектированию предприятий текстильной промышленности. Он

находился в пешеходной доступности от дома, что большое удобство и редкость для Москвы. Работа была привычная, ничего нового не надо было осваивать, только ознакомиться с действующими предприятиями. Я съездила пару раз на подмосковные заводы по производству синтетики, пропахшие сероводородным запахом.

Отдел был примерно такой же по величине, как и новосибирский, и располагался в таком же большом зале. В отношениях между людьми я не успела, как следует, разобраться, но мне они показались значительно менее тёплыми и дружественными, чем в прошлом моём коллективе. Меня такая ситуация не расстраивала, почему-то появилось ощущение, что нахожусь здесь временно и я начала опять посматривать на объявления о работе, сама не зная что ищу. Однажды мне попалось на глаза приглашение архитекторов в научно-исследовательский институт, и я тут же туда направилась, тем более что это было в двух автобусных остановках от дома.

Оказалось, что отдел только создаётся и состоит из двух человек – начальника и руководителя группы Эльгена Порфирьевича Григорьева. Они развернули передо мной широкие перспективы, но меня не нужно было уговаривать, я и сама хотела попробовать заняться чем-то новым. Так начался мой научный путь. Новая деятельность казалась мне абсолютно не продуктивной по сравнению с предыдущей, где результатом работы были листы с чертежами. Передо мной поставили задачу графически упростить элементы архитектур-

ных конструкций без потери их информативности и приблизить к международным стандартам. Стандартов в наличии не было, ориентиром служили немногочисленные примеры из публикаций. К тому же, после проектной выучки рука не поднималась вносить в изображения кардинальные изменения. Я быстро откорректировала альбомы деталей и узлов и заполняла рабочее время чтением архитектурных журналов и переводами статей с немецкого языка. Тогда, в 1963 году мне впервые попались незнакомые слова, требующие объяснения: «компьютер» и «алгоритм». Сейчас, когда их знают и младенцы, в это невозможно поверить.

Руководитель отдела был немного странным, и я общалась, в основном, с Эльгеном или Эликом, как его все звали. Он стажировался довольно долго в Америке, где поднабрался новых идей и веяний. Он и выглядел «по-американски»: с короткой стрижкой и моложавый, как мальчишка, хотя был даже немного старше меня. Однажды он мне сказал, что ему негде стричься, и я простодушно вызвалась ему помочь, поскольку сама стригла Виталия. Жил он вблизи института по дороге ко мне домой, так что однажды я к нему зашла и постригла. Меня не беспокоило, будет ли кто дома и что он не женат, потому что я не рассматривала его (впрочем, как и всех других) как мужчину, а только как сотрудника. Элик был доволен, сказал, что я поработала как скульптор, но Виталий весьма удивился и пожелал в дальнейшем оставаться единственным моим клиентом.

Постепенно группа разрослась в отдел. Мы располагались в большом зале вместе с конструкторским отделом и отделом по организации производства. На весь этот зал был единственный телефон, который я после вступления в кооператив, долгое время занимала больше всех остальных. Дома у нас телефона не было, и я плотно и на длительное время оккупировала аппарат отдела. Удивительно, что никто мне не сделал ни одного замечания, а между тем, я не только мешала другим, но и говорила прямо над ухом начальницы конструкторского отдела. Ею была Светлова Е.Ф., очень властная современная женщина. Она коротко стриглась, курила, играла в бильярд, ездила на автомашине «Волга», что было тогда большой редкостью, и подбирала себе коллектив почти исключительно из молодых мужчин, в основном, евреев. Как я позже поняла, она была связана с правозащитным движением, и не случайно впоследствии стала тещей А.И.Солженицына.

Институт был настоящим прибежищем свободомыслящих людей. У нас работала целая группа диссидентов, самой известной из которых была Наталья Горбаневская. Ко времени моего поступлению в институт она уже довольно долго вела активную правозащитную деятельность и была хорошо известна КГБ, тем не менее, трудилась в издательском отделе. Я ничего не знала об этой стороне её жизни и даже после событий 1968 года, когда она с грудным младенцем в коляске вышла на Красную площадь в числе нескольких че-

ловек в знак протеста против ввода наших войск в Чехословакию. Только много лет спустя, я узнала о судебном «деле четверых», которое было возбуждено против этой группы, а в 1973 году, будучи в Финляндии, увидела её книги в магазине.

С Натальей Горбаневской я довольно плотно общалась в процессе подготовки изданий двух книг по результатам нашей работы, где я была одним из авторов, а она техническим редактором. В общении она была очень приятной, деликатной и дружелюбной, угощала меня шоколадом. Наталья Горбаневская первая сказала мне, что эти книги могут быть для меня основанием для поступления в аспирантуру и посоветовала это сделать. Тогда я не восприняла этот совет всерьёз, но была благодарна за него.

Разросшийся к тому времени отдел разместили в изолированном помещении. Появился у нас и новый начальник – Валерий Иванович Ретинский, с импозантной внешностью, высокий, с седеющей волнистой шевелюрой, всегда прекрасно одетый, в строгих костюмах с белоснежными рубашками и манжетами на запонках. Он был деликатным, интеллигентным и, как впоследствии оказалось, добрым человеком. Вскоре стало известно, что он не женат, что вызвало большое волнение во всех отделах. Но Валерий Иванович держался отстранено и никому не оказывал особого внимания. К своим сотрудникам относился доброжелательно, никогда не делал никаких замечаний, даже если мы много болтали. В

отделе к тому времени было человек десять, все молодые и среди них пять женщин, которым всегда было что обсудить. Как я теперь понимаю, такие начальники редко встречаются в жизни. К счастью, на моём пути такие были и не только в этом случае.

Никакого напряжения в работе не было, как не было и конкретных планов с конечными результатами. Нужно было только оформить представительный отчёт о работе, содержание и объём которой мы же и определяли. Отчёты были наполнены схемами, графиками и даже формулами. Нашим чертёжникам и оформителям было, над чем поработать и показать в ГОССТРОЕ «товар лицом». Валерий Иванович, насколько я помню, не особенно вникал и в содержание нашей работы, во всяком случае, не делал никаких предложений, а только читал и слегка редактировал тексты. Мне он говорил, что я пишу как Хемингуэй, видимо, подразумевая краткость содержания. Но я не была краткой, когда писала на работе личные письма, в то время, как прикреплённый ко мне техник переписывала для меня рецепты французской кухни.

К тому времени мы уже начали исследовать вопросы использования компьютеров в архитектурном проектировании, и были этим увлечены. Работа сплотила наш небольшой коллектив, и мы чувствовали себя почти единой семьёй. Глобальным генератором идей был Элик, а я развивала их на конкретном уровне, поскольку была единственным разработчиком, знающим досконально процесс проектирования.

Не буду вдаваться в технические подробности, но к моменту моего перехода в аспирантуру накопилось довольно много материала, и наша группа опубликовала результаты своих работ в довольно объёмном двухтомном труде.

Отдел пополнился архитекторами из архитектурного института – Игорем Маковецким, и семейной парой Игорем Минаковым и Женей Костогаровой. Кроме того, появились конструкторы, экономист, психолог, чертёжницы и другие люди самых, казалось бы, неподходящих профессий. Отношения в отделе после его расширения оставались, в общем, хорошими и хотя уже не такими дружественными.

Я ощущала в некоторых людях неприязнь, связанную с тем, что «понаехавшие» захватывают ведущие позиции. Эта неприязнь выражалась в мелких подколах такого типа. Както одна сотрудница громогласно на весь отдел спросила, почему я не делаю причёску в парикмахерской. Я и правда не любила туда ходить, разве что по особо торжественным случаям. Пока я думала, как ответить, один недавно пришедший и грубоватый на вид сотрудник изрёк:

– «Да если бы Валя ещё и причёску делала, тут бы никого кроме неё и видно не было бы».

Человек поспешил меня выручить, а я, неблагодарная, даже забыла, как его звали.

1.3. Жилищный кооператив

После устройства на работу мы сразу занялись жилищным

кооперативом. Обычно они создавались по месту работы, но в наших организациях их не было. Приходилось искать в других местах, причём мы хотели остаться в районе своего проживания, что сужало область поиска. Однако вскоре подвернулся счастливый случай: кооператив научных работников МГУ. Я немедленно туда направилась, представилась архитектором, меня приняли и даже ввели в состав правления.

Строительство нашего будущего дома велось довольно быстро. Я добросовестно посещала стройку, встречалась с прорабом, выявляла и заставляла исправлять недоделки. Как член правления я имела право на выбор квартиры, поэтому заранее знала, где мы будем жить. Менее чем через год после приезда в Москву мы уже имели «свой крупнопанельный замок» (как его называл Виталий) с двумя изолированными комнатами, маленькой кухней, прихожей и отдельным санузлом. Виталий занялся обустройством кухни, а я шила шторы, занавески и прочее. Купить всё это в магазине было сложно, а тканей в продаже было достаточно, причём очень хорошего качества. Как же мы радовались, когда нам поставили телефон. И вообще радовались каждой новой покупке, будь то магнитофон, кинокамера или швейная машинка.

После переезда на новую квартиру стали традиционными воскресные обеды у Фрины Юльевны. Меню было праздничным, тщательно продуманным и всегда включало куриный бульон с крошечными пирожками и домашний торт. На моих званных обедах эти два составляющие тоже присутствуют

почти непременно, а торт по её рецепту с некоторыми изменениями стал моим фирменным.

1965 г. В новой квартире

На майские праздники контора, где работал Виталий, организовала для желающих автобусную поездку в Ригу. Осталось в памяти, как в Вильнюсе ночью, на площади рядом с башней Гедимина, пока народ разминал затекшие ноги, мы с Виталием бегом поднялись на самый верх и любовались на город в огнях. В Риге, кроме осмотра достопримечательностей, было зарезервировано время для покупок, которое мы

использовали очень эффективно. На обратном пути под сиденьями стояла набитая вещами сумка, над нашими головами качался пакет посуды со столовым гарнитуром, а в конце автобуса стоял свёрнутый в рулон ковёр. Этот прекрасный шерстяной ковёр лежал на полу спальни почти полвека, и мы заменили его на другой только в Израиле.

В Москве некоторое время мы ходили по магазинам, пытаясь подобрать разные предметы мебели для нашей квартиры. Долго ничего не попадалось, но в результате неожиданной удачи Виталий купил добротный финский гарнитур для всей квартиры, который служил нам все годы вплоть до отъезда.

1.4. Поездки по стране

Летом мы совершили большое путешествие, которое началось с плавания на корабле из Феодосии до Батуми. Как раз в день прибытия в пункт назначения там закончились затяжные дожди, и весь город был в туманной дымке. Мы направились в знаменитый Ботанический сад, где долго бродили в полном одиночестве среди экзотических растений и влажных испарений. Атмосфера не располагала к морским купаниям, и мы в тот же день отправились местным поездом в Тбилиси. Поезд не был прямым, надо было сделать пересадку в Поти, где нам пришлось переждать ночь на вокзале. Вокзал был полон местного народа лежащего на скамейках и на полу с мешками, узлами и корзинами. Мы были един-

ственными чужаками и на нас все смотрели своими жгучими глазами. Я даже немного боялась, но всё прошло благополучно.

В Тбилиси мы остановились в гостинице, осмотрели город и посетили семью друга Виталия Тимура. В своём старинном доме недалеко от центра города они устроили в нашу честь вечеринку с набором грузинских блюд, шашлыками, зажаренными вместе с помидорами и баклажанами и ведром крющона из белого вина с персиками. Нам очень нравилось, как они говорили: «памидори, бадриджани». После этого мы часто, подражая грузинам, говорили также. Для меня визит омрачался тем, что новые белые туфли сильно жали, и гулять в них было одно мучение, но красота была важнее.

Покинув столицу Грузии, мы возвратились на побережье Чёрного моря и проехали через Сухуми и Хосту до Лазоревской. В Сухуми пили сваренный в песке густой кофе, как мне кажется, самый лучший в моей жизни. Может быть, он и не был таким уж хорошим, но был первым настоящим кофе, который я пила. На сельских базарах покупали необыкновенно вкусную домашнюю еду: сыр сулугуни, лаваш, жареных перепёлок. По дороге останавливались на ночь, обычно на туристических базах. В Хосте не оказалось ни отдельной комнаты, ни места в женской половине, пришлось и мне ночевать в мужской комнате. К счастью, кроме нас двоих там никого не было.

В марте 1968 года мы купили машину «Запорожец» – бу-

кашка, скопированный с итальянской модели «Фиат-600». Во дворе были большие сугробы после снежной зимы и Виталий, лавируя между ними, приобретал навыки вождения и заодно обкатывал машину. А на первомайские праздники мы поехали на ней через Новгород и Псков в Прибалтику. Виталий практически не имел опыта вождения, но это нас не остановило. Первого мая в день нашего выезда была ужасная погода: холод и мокрый снег. Печка и дворники отказали ещё до выезда из Москвы. Дворники Виталий как-то подправил, хотя они и постоянно останавливались, а с печкой не получилось. Ехать пришлось в холодной машине. Я с ногами закуталась в стёганое одеяло, а Виталий мёрз всю дорогу в своей модной синтетической куртке и ботинках.

Недалеко от Новгорода мы почему-то ехали просёлочной дорогой, и машина провалилась по самое днище в рытвину, полную талой воды. Выбраться из неё самостоятельно было невозможно, но Бог приходит на помощь дуракам и неумелым. Откуда-то (в праздник!) появился трактор и мужики в высоких резиновых сапогах. Они дружно вытянули машину, и нам даже не пришлось выходить из неё. Граница с Прибалтикой была очень чёткой – ровно с неё, как отрезанная ножом, начиналась хорошая дорога. К тому времени улучшилась погода, и все сельские жители вышли на поля, несмотря на выходные дни. Они с интересом и уважением поглядывали на нашу машинку-букашку, которых было ещё совсем не много, как впрочем, и других машин. На дороге мы бы-

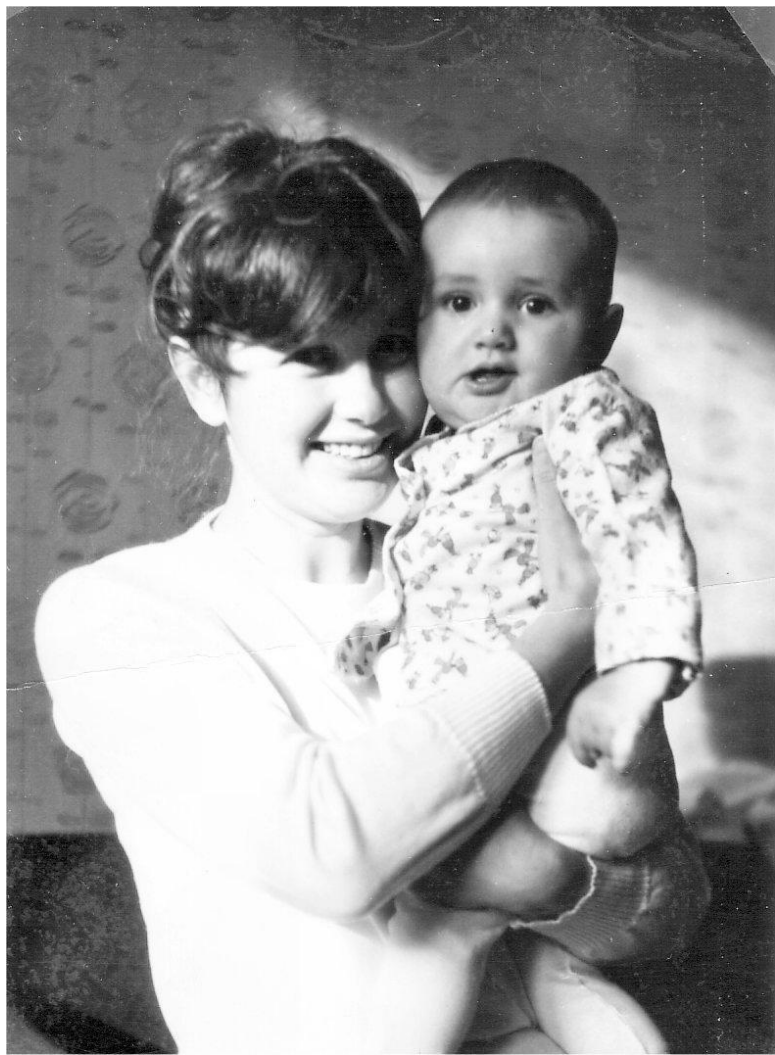
ли практически одни. Автотуризм был развит очень слабо, и можно было без труда останавливаться в любых гостиницах. В Талине мы ночевали в гостинице на центральной площади, на ней же стоял и наш Запорожец.

1.5. Наш сын Миша

Появление у нас ребёнка вся семья ждала с нетерпением и очень обрадовались, когда я им сообщила, что скоро это случится. Первые дни дома с новорожденным сыном были одними из самых радостных дней моей жизни, я не могла на него наглядеться. Но одновременно эти дни были и довольно трудными. Я была одна, а работы с ребёнком было немало, к тому же я не спала по ночам. После 10 дней такого режима я послала телеграмму маме с просьбой приехать, и через короткое время она была уже у нас, и жизнь мгновенно наладилась. Мама пожила у меня некоторое время, пока я полностью не набралась сил.

После её отъезда я самостоятельно справлялась со всей домашней работой. Возникла проблема только с получением питания для Миши из детской кухни, которая работала до 8 утра. Миша в это время спал, и будить его, одевать, вытаскивать коляску было трудно особенно зимой. Поэтому я старалась сходить на кухню как можно раньше, оставляя его одного и из-за этого всегда очень беспокоилась. Однажды проснулась, быстренько оделась и побежала, но кухня была закрыта. Оглянулась – кругом ни души, только синие сугро-

бы и светит луна. Вернувшись, посмотрела на часы – шёл третий час ночи.

1966 г. С сыном

Декретный отпуск заканчивался в марте. Я должна была возвратиться на работу, а Мишу нужно было определить в ясли. Как мы были наслышаны, уход за детьми в яслях был недостаточно хорошим, они порой целыми днями лежали мокрыми в кроватках и часто болели. Мама решительно настаивала не отдавать ребёнка в чужие руки, чтобы он с ранних лет не потерял здоровья. Она снова приехала, пожила у нас некоторое время, а потом забрала его с собой в Новосибирск.

После их отъезда у меня оставалось ещё две недели свободного времени, и мы с Виталием оправились кататься на лыжах в Закарпатье, в живописное место Яремче. Прямого поезда туда не было, приходилось делать пересадку в городе Коломыя, где предстояло провести ночь. На вокзале хозяйки предлагали комнаты, и мы пошли с одной из них. Комната оказалась чудесной: тёплой, уютной с изразцовой печкой и лоскутным одеялом на кровати. Добравшись наутро до Яремче, мы сняли маленький домик, где едва размещалась кровать с продавленной, как гамак сеткой, крошечный стол и такая же крошечная печь. Домик был летний, температура в нём мало отличалась от уличной, но мы возвращались в него только вечером, а целыми днями катались на горе, ходили на лыжах по окрестностям, делая только перерыв на обед.

Обедали мы в ресторане, где тоже было холодно, но отлично и недорого кормили, готовили местные блюда вроде фаршированной телятины с грибами и другие деликатесы. Вечером по дороге домой мы заходили в магазин, покупали вино, колбасу, сыр, хлеб и сладости. Хорошо протапливали печку, варили глинтвейн и чай. Ужинали в тепле, а просыпались утром уже в холодной избе. Умывались снегом, а Виталий даже обтирался им по пояс, и снова шли на гору.

Изучив окрестности Яремче, мы перебрались в Рахов – центр горнолыжного Закарпатья. Там мы разместились в избе вместе с хозяевами. Они были примерно нашего возраста, приняли нас как друзей и устроили вечеринку в нашу честь с домашними продуктами, самогоном и копчёностями. В Рахове было неплохо, но больше людей и в кафе, где мы питались, кормили не так шикарно. Возвратились домой оба загорелыми, особенно Виталий. Он был на горе в красивом белом свитере и пользовался большим успехом у девушек. Они с ним фотографировались, чтобы дома похвастаться поклонником. А я давала советы: "Встаньте поближе, обнимитесь, шире улыбнитесь".

Весна прошла незаметно, а в июне я прилетела в Новосибирск и нашла Мишу весёлым и здоровым, похожим на гриб – боровичёк. Вскоре мама с Мишей возвратилась в Москву, и мы сделали попытку отдать его в детский сад. Он не хотел туда ходить, плакал и отбивался каждое утро. Плакал он и там и, как позже выяснилось, воспитатели запирали его в

тёмную кладовку, поскольку не могли с ним справиться. Мама тоже плакала и настаивала, чтобы мы его оттуда забрали, обещала ещё у нас пожить. Но постоянно жить она у нас не могла, дома также в ней нуждались. И в феврале мама с Мишей улетели в обратно Новосибирск. Оттуда писали письма полные всяких смешных историй. Не буду говорить о своих слезах и переживаниях, но и сейчас, и тогда я искренне считала, что они ничего не стоят по сравнению со здоровьем ребёнка, которое, несомненно, подвергается риску в яслях. В то время мне и в голову не могла прийти мысль, что эта ситуация может быть истолкована иначе.

В июле я прилетела в Новосибирск и увезла Мишу домой. Билетов на самолёт не удалось достать, и мы ехали двое суток поездом. Мише это очень нравилось, он очень активно себя вёл, весь вагон в него влюбился, все звали к себе в гости. В вагоне ехала девочка его возраста, с которой он играл. По прибытии домой он стал чесаться, и я не сразу поняла, что он подхватил вшей.

1967г. Миша с сестрой Галей и папой

Когда я увезла Мишу домой, мама, папа, сестра Галя и все сибирские родственники очень о нём скучали. Мама писала: « Добрый день дорогие мои дети – доченька Валентина, Виталий и внучек Мишенька, мой милый и любимый! Как я скучаю о нём, не могу никак себя успокоить, думаю как он без меня. Никогда вас не забываю, только тёмной ночью, когда уснёшь крепким сном. Мой миленький Мишенька всегда со мной. Если я приеду, то не могу себе представить, как буду уезжать от него. Мне так жалко было его оставлять, так

я была расстроена. Однажды вечером мне показалось, что идёт Валя с Мишей. Я только хотела вскричать: «мой Мишенька приехал!», но увидела, что это не они, а только похожие и пошла с печалью. Наверное, Миша читает, он ведь буквы знал, когда я была у вас. Все говорят, что снится, о чём думаешь, а я вот не вижу Мишу во сне. Дедушка его видит часто и Галя видит. А мне нет этого счастья. Я даже завидую».

Детсадовский период прошёл довольно благополучно, хотя Миша ходил туда не очень охотно, но с удовольствием играл с ребятами. Я как-то спросила, есть ли у него в саду друзья, на что он ответил:

– «Да, есть одна женщина в жёлтом пальто».

В него там влюбилась девочка и захотела его поцеловать, но он не позволил, говорил:

– "Мне нет дела, я же в неё не влюблялся".

В 1970 году летом мы поехали на Азовское море на автомашине. Машина была новая «Жигули» и, когда Миша впервые её увидел, он даже отвернулся от избытка чувств. А потом сказал:

– «Чтобы ехать на юг, надо знать дорогу».

Видимо, он был не очень уверен в нашей осведомлённости. Доехали мы благополучно, но вскоре нас ожидала беда. Ночью заболел Виталий, поднялась высокая температура и началась рвота. Утром заболел Миша, и мы решили поехать домой, несмотря на то, что единственный водитель болен (я

на напряжённых трассах за руль не садилась). Кое-как свернули свою палатку и, нашему удивлению, все вокруг тоже собирались уезжать. Оказалось, что началась эпидемия холеры. Все дороги в сторону от моря были забиты автомобилями, и движения почти не было из-за пробок. До Москвы мы обычно ехали два дня, но при таких темпах путь мог продлиться надолго. Тогда мы повернули на Днепропетровск, где жила сестра Фрины Юльевны, чтобы быстрее обратиться в больницу. Продвигались медленно и из-за загруженной дороги, и из-за необходимости постоянно останавливаться, потому что у Миши был сильный понос. Но держался он стойко, тихо лежал на заднем сидении, и иногда мне даже удавалось его рассмешить.

В Днепропетровске после обращения в больницу всю нашу семью обязали оставаться в многодневном карантине. Но, к счастью, попалась добрая врачиха, которая оказала необходимую помощь, дала рекомендации и отпустила домой. В Москве анализ подтвердил наличие болезни у Миши, с нами было всё в порядке. Мишу направили в больницу, и опять нам повезло. Его уже забрали в палату, куда он пошёл без плача, сжимая в кулаке маленького Деда Мороза (эта фигурка и сейчас у нас каждый Новый год под ёлкой). Мы с Виталием оба стояли в печали, не в силах уйти, и вдруг врач возвратилась, ведя за руку Мишу. Она сказала, что жалко такого идеального ребёнка класть инфекционную палату, объяснила как за ним ухаживать и отдала нам. Второй раз на

этом пути попался хороший человек, вспоминаю их с благодарностью.

Глава 2. Аспирантура

2.1. Поступление и обучение

Намерения поступать в аспирантуру у меня не было. Но однажды разговор на эту тему зашёл с питерским другом Виталия Юрием Герштейном, который сам прошёл этот путь, и считал, что у меня для кандидатской диссертации есть уже все необходимое. Тогда на семейном совете мы решили, что стоит попробовать. Ещё одним человеком, уговаривающим меня поступить в аспирантуру, был мой коллега Игорь Маковецкий. Сам он уже был аспирантом кафедры Архитектуры МИСИ и мог дать мне хорошую рекомендацию при поступлении. Естественно, что туда я и нацелилась. Между прочим, он так и не закончил тогда аспирантуру, отправившись на работу в Организацию Объединённых Наций. Конечно, такой шанс пропустить было невозможно, и на его дальнейшую успешную карьеру отсутствие диссертации не повлияло.

Я не хотела тратить время и силы на вступительные экзамены и решила сдать вместо них все кандидатские минимумы. Немецкий язык прошёл на «хорошо» без подготовки. А «Диалектический материализм» (так, кажется, назывался экзамен), несмотря на подготовку, вытянул только на тройку.

Попался «Анти-Дюринг» Энгельса, о котором я имела весьма смутное представление. С такими оценками поступить не было шанса, и я отложила это мероприятие до следующего 1969 года.

После того как я начала делать попытки поступить в аспирантуру, отношение ко мне со стороны некоторых коллег стало не очень доброжелательным. Дело в том, что ни в нашем, ни в соседних отделах никто, в том числе и имеющие конкретные результаты ведущие разработчики, ещё не защищали диссертаций.

Из числа нескольких, поступавших в аспирантуру, был принят только один упомянутый выше Игорь. Этому были причины не всегда связанные со способностями. Во-первых, почти все потенциальные соискатели были евреями, которых в аспирантуру брали, мягко говоря, неохотно. Во-вторых, не каждый мог себе позволить перейти на почти вдвое меньшую зарплату, да ещё с не гарантированным результатом. И не последнее в этом списке – конкурс был большой.

На следующий год к «политическому» экзамену я уже готовилась основательно, не оставляя слабых мест и сдала злополучный предмет на «отлично». По совету Игоря Маковецкого я встретила с заведующим кафедрой Архитектуры и одновременно проректором по учебной работе МИСИ Всеволодом Михайловичем Предтеченским. После нашей беседы он согласился быть моим научным руководителем. По его указанию мне разрешили сдать экзамен по специально-

сти, который полагалось сдавать не ранее чем после года обучения. Получив очередную отличную оценку, я завершила весь комплект кандидатских минимумов и была свободна от вступительных экзаменов. Буквально под новый год меня зачислили в очную аспирантуру, и мы отметили это событие одновременно со встречей Нового года. С нами была сестра Зоя, которая выложила на печёночном паштете лимонной корочкой цифры 1969, что и осталось в памяти.

В аспирантуру я поступала с надеждой на то, что у меня не будет никаких проблем с диссертацией. Главный вопрос, волнующий всех при поступлении, был выбор темы и руководителя. Для меня эти вопросы были решены. Больше того, основная часть работы была уже сделана: сданы кандидатские минимумы, публикаций достаточно для защиты. Оставалось чётко структурировать результаты исследований, внести в него некоторые новые задуманные элементы, написать текст диссертации по установленному порядку и оформить результаты внедрения. Самым трудным считалось представить доказательства проверки теоретических положений на практике. Это были акты внедрения разработок в производство, а в моём случае, в проектные институты.

Это тоже удалось сделать, благодаря тому, что я была руководителем по хоздоговорной теме с крупной организацией. От неё и от ряда других институтов я получила подтверждение об использовании моих работ с внушительными цифрами экономического эффекта. Ещё в 1968 г. на конфе-

ренции в Новосибирске, я познакомилась с Русланом Ивановичем, директором крупного института оборонного характера в Москве. Руслан Иванович заинтересовался моими работами, и передал нашему отделу деньги по хоздоговору на выполнение научных исследований. Потом этот договор перешёл вместе со мной в МИСИ. С Русланом мы работали несколько лет, подружились семьями, ходили друг к другу домой, гостили у него на даче. А в 1973 году вместе ездили на юг с детьми двумя машинами.

В процессе работы я по всем правилам социологических исследований провела довольно интересный экспертный опрос среди специалистов высокого профессионального уровня. Мне нужно было предложить механизм для оценки таких факторов, которые не могут быть выражены в цифрах, например, красота или удобство. Опрос также выявлял некоторые черты и самих опрашиваемых, например, завышенная самооценка или конформизм (приспособляемость к мнению большинства). Я опрашиваемых лично не знала, но мой руководитель В.М. Предтеченский был поражён сходством полученных мной результатов с реальными характеристиками участников опроса. До них эти сведения, естественно, не доводились. Впоследствии, в моей докторской диссертации этот метод был значительно усовершенствован.

Поначалу у меня, как и у всех вновь поступивших аспирантов, сначала не было никаких обязательств, кроме посещения заседаний кафедры и составления планов работ по

годам. Поэтому у меня с в аспирантуре появилось ощущение небывалой свободы. По утрам я брала лыжи, переходила через дорогу в наш Битцевский лес и уходила по лыжне довольно далеко. Потом возвращалась, готовила обед, прибирала квартиру, забирала пораньше Мишу из сада, шила себе наряды – в общем, блаженствовала.

Но так продолжалось недолго: всех аспирантов привлекли к руководству проектированием в студенческих группах. Никаких занятий по педагогике перед этим не было, не проверялся и уровень знаний достаточный для руководства проектированием. Промышленное проектирование не представляло для меня труда, но проекты как раз были гражданскими, а ими я раньше не занималась. Эта работа отнимала какое-то время на подготовку и лыжи пришлось оставить. Правда, освоилась я быстро, помог и преподавательский опыт, который приобрела в период работы в Учебном комбинате.

2.2. Аспиранты кафедры

В 1969 году вместе со мной в аспирантуру кафедры поступили четверо: Жанна Кароева, Пётр Буга, Энвер Чиковани и немец их ГДР Харальд (забыла его фамилию). Жанна была москвичкой, дочерью заведующего кафедрой Начертательной геометрии в Архитектурном институте, Петр прибыл из Белоруссии, Энвер – из Сухуми, а Харальд – из Лейпцига. Мы сразу же включились в круг аспирантов всех го-

дов обучения и молодых преподавателей. Основных направлений исследований на кафедре было четыре: звукозащита, теплозащита, освещение и людские потоки. Моя работа была единственной по теме автоматизации проектирования. Поэтому в рамках исследований я ни с кем из аспирантов не контактировала. Общение проходило на кафедре, на разных общественных мероприятиях и на вечеринках. Время от времени кто-нибудь защищал диссертацию, и тогда все шли в ресторан на банкет. Собирались и дома у Жанны на праздники и дни её рождения, где присутствовали и учёные мужи – друзья её отца. Один из них даже пытался переманить меня к себе на кафедру в другой институт. Впоследствии Жанна и Петя поженились. После защиты диссертации Пётр стал заведовать издательским отделом Минвуза СССР. Через него проходили все учебники и учебные пособия, в том числе и мои. К сожалению, он рано ушёл из жизни.

Харальд, возможно из-за ограниченности знания языка, был довольно прямолинейным. На одном из первых наших собраний он спросил, сколько мне лет и, узнав, с сожалением сказал, что я его старше и поэтому не подхожу ему в жёны. При этом не удосужился спросить, подходит ли он мне, не говоря уже о том, что я была замужем. Харальд всю зиму ходил в лёгкой кожаной курточке, и в сильные морозы на него было страшно смотреть. При этом он иногда ещё ел мороженое, заглушая голод. В столовой он есть не мог. Наверное, у него была цель жениться на русской, что он, в конце

концов, и осуществил, выбрав энергичную аспирантку с другой кафедры. Точнее, выбрала она его. Потом уже в Лейпциге она проявила бурную активность и «выбила» в институте, где они вместе работали, квартиру. Я посетила их в этой квартире, будучи в командировке, и увидела, что немцы могли бы поучиться у неё скупости. Во время моего к ним визита она сказала что-то вроде того, что хорошо бы, если бы я не хотела есть, а то готовить неохота. Конечно, я не хотела. Харальд слабо протестовал, но ясно было, что в доме он не хозяин.

Круг общения не замыкался только аспирантами и преподавателями кафедры. Используя возможность научных командировок во время аспирантуры, я полетела в Проектный институт гражданского строительства в Тбилиси. Я знала, что там проводятся исследования близкие к моим

1972 г. Подарок от грузинских друзей

разработкам, и, действительно, нашла небольшую группу энтузиастов. Она состояла шести человек примерно моего возраста: пяти мужчин и одной девушки Заиры. Приняли меня чрезвычайно радушно, предложили взять из своих работ всё, что мне нужно для диссертации и поселили у Заиры, которая жила одна. Вечером она приготовила отличный ужин, пришёл её приятель Зураб с домашним вином и мы праздновали почти до утра. На следующий день у меня болела голова, но зато я приобрела друзей. Потом Заира неоднократно останавливалась у меня в Москве, а я у неё в Тбилиси. С Зурабом мы тоже не раз встречались на конференциях, взаимно способствовали публикациям друг друга, писали отзывы на диссертации и статьи. После одной из конференций в большом доме Зураба был банкет, где я присутствовала и слушала прекрасные грузинские песни, исполнением которых славилась его семья.

В течение срока обучения я написала ещё несколько статей, в дополнение к имеющимся. Печатала всё сама на пишущей машинке «Идеал», которую мне купил Виталий. Купить машинку было проблемой даже в комиссионном магазине. Власти боялись распространения самиздата, и для покупки требовалось журналистское удостоверение. Помог наш друг, тоже Виталий,

который работал тогда журналистом. Диссертацию я писала на нашем маленьком кухонном столе, там же чертила листы для экспозиции. На исходе второго года обучения, за год до окончания срока аспирантуры моя диссертация прошла предварительную защиту на кафедре и в декабре была назначена защита в Совете.

2.3. Защита

Для этого события я сшила себе костюм из прекрасной светло-лимонной итальянской шерсти и думала, что закончила основные приготовления. Но примерно за неделю до назначенного срока меня вызвал к себе в ректорат мой руководитель. Всеволод Михайлович. В его кабинете, к большому удивлению, я увидела своего коллегу по ГИПРОТИСу. Как оказалось, он пришёл предупредить моего руководителя о кардинальных просчётах в моей работе и рассказать что-то весьма не лестное и обо мне самой. О последнем мне Всеволод Михайлович ничего не сказал, но по ряду замечаний об этом можно было догадаться. Коллега не ожидал такого хода и страшно смутился, а Всеволод Михайлович, не вдаваясь в детали, уверенно заявил, что я успею исправить все недочёты до защиты.

Естественно, я ничего не исправляла: диссертация и автореферат были уже напечатаны. Поступком моего коллеги, не

буду называть его фамилию, я была потрясена. Он мне казался честным и правдивым парнем, и я допускаю, что он думал именно то, что сказал. Меня огорчило и удивило, только то, что это не было сказано мне. Мы были почти друзьями, он даже привёз как-то мне милый подарочек из Болгарии, который и сейчас стоит у меня и напоминает о прошедших страстях. Конечно, я давно на него не обижаюсь, хотя он продолжал противостоять мне и при защите докторской диссертации, но не так явно.

Этот случай усилил и без того моё волнение, которое было столь большим, что я даже не разрешила Виталию присутствовать на защите чтобы меня дополнительно не смущать. Он бедняжка простоял всю защиту под дверью аудитории. Однако после первых же фраз я обрела уверенность, чем вызвала одобрение членов совета, которым понравился и мой внешний вид, как потом сказал мне Всеволод Михайлович. Он был председателем Совета и голосование, как и ожидалось, было единогласным.

Банкет Виталий заказал в ресторане «Националь» на ул. Горького человек на 40-45. Я, естественно, сидела во главе стола рядом со своим руководителем. Вино, речи и остроумные комментарии к ним лились рекой. Виталий расположился в самом конце стола, но был вторым центром внимания, вставляя реплики, оживляющие беседу, и следил за порядком подачи блюд и вин. Наша начальница лаборатории, незамужняя красавица рассказывала мне позже, что она сра-

зу его заприметила, устроилась рядом и придвигалась к нему всё ближе и ближе с целью познакомиться. На её вопрос кто он и как сюда попал, Виталий ответил: – «Я тот, кто за всё это платит».

Глава 3. Кафедра Архитектуры

3.1. Состав

Сразу после защиты диссертации меня зачислили в постоянный штат кафедры Архитектуры на должность ассистента. Со второго семестра 1972 года я получила постоянную нагрузку в виде руководства курсовым проектированием. В феврале утвердили в ВАКе мою диссертацию и со следующего учебного года, когда я была старшим преподавателем, к этому прибавились и лекции.

Кафедра Архитектуры была одной из самых больших в институте с числом постоянных сотрудников примерно 60 человек. В то время на кафедре работали известные профессора старой школы и авторы учебников Л.Б.Великовский, В.М.Ильинский, Л.Ф.Шубин, Л.Г.Осипов, Н.Ф.Гуляницкий, С.Д.Ковригин, И.Н.Себекин, Т.Г.Маклакова. Немало значительных фигур было и среди доцентов. Так, В.А.Вольнов – один из авторов типовых проектов крупнопанельных жилых домов.

Заведующим кафедрой, как я уже упоминала, был про-

фессор Всеволод Михайлович Предтеченский. Поскольку он был моим научным руководителем, я вскоре стала его помощницей во многих делах: была ответственной за НИР на кафедре, вела его аспирантов, писала за него отзывы на диссертации, была учёным секретарём комиссии Минвуза СССР по совершенствованию высшего образования. Эта комиссия была создана только для выработки рекомендаций, действовала около полугода и состояла

В.М.Предтеченский

исключительно из известных учёных разных специальностей. Среди них был даже известный психолог А.Н.Леонтьев. За время работы в комиссии я получила некоторое представление о научном мире и массу комплиментов, что

делало работу особенно интересной.

Л.Ф. Шубин

Познакомил меня Всеволод Михайлович и со своей семьёй. Его жена Людмила Александровна тепло нас с мужем принимала. Считала его красавцем, не уступающим знаменитым американским актёрам, а нашим сыном они восхища-

лись оба. Мы бывали у них дома, они приглашали нас иногда в Суханово (подмосковный Дом отдыха архитекторов) на целый день.

Любим Фёдорович Шубин был освобождённым секретарём партийной организации института и профессором нашей кафедры. Он выделялся своей интеллигентностью и манерами поведения, очень солидно и вальяжно держался и прекрасно выглядел, благодаря белоснежной шевелюре, ярким карим глазам и чёрным бровям. Любим Фёдорович хорошо ко мне относился, мы много работали вместе с зарубежными вузами, он способствовал защите моей докторской диссертации, продвинул меня в депутаты Москворецкого районного Совета. Не раз Любим Фёдорович приглашал нас с Виталием к себе домой на празднование Нового Года и по другим случаям. Мать его была потомственной дворянкой и в семье у них сохранились остатки старого уклада жизни: очень красиво сервированный стол со старинной посудой, ритуал рассаживания гостей, застольной беседы и т. п. При этом никакого панибратства и поблажек в работе не было. Однажды на майские праздники мы с Виталием хотели присоединиться к группе яхтсменов для похода на Волгу. Для этого мне требовалось получить разрешение у Любима Фёдоровича не присутствовать на демонстрации, и он мне его не дал.

Своей обстоятельностью и чёткими формулировками в выступлениях, которые всегда совпадали и с моим мнением,

направился мне и профессор Шевцов К.К. Он пришёл к нам из военного института и был в чине полковника. Впоследствии я включила его в комиссию по Архитектуре Минвуза ССС, которую возглавляла несколько лет в последние годы работы в институте.

Вся старшая кафедральная публика выглядела очень достойно – всегда в официальных костюмах и при галстуках, с прямой осанкой и седыми головами. Мой коллега Игорь Маковецкий называл их «белыми песцами». Заседания кафедры всегда вёл сам Всеволод Михайлович, но всю организационную работу вёл его заместитель Лев Георгиевич Осипов.

Лев Георгиевич был весьма занятой личностью, выглядел сгорбленным старичком с хитрым прищуром глаз. Он любил шутить и рассказывать анекдоты, часто не вполне приличные, а также говорить женщинам вещи, вводящие в смущение, что его очень забавляло. Однажды я, проходя мимо него, поздоровалась, но он, как обычно, смотрел вниз и не поднял головы. Я подумала, что он меня не заметил и, увидев снова через некоторое время, опять поздоровалась. На этот раз он удивлённо вскинул глаза и сказал:

– «Мы же уже встречались!».

На моё: – «Я думала, что вы не видели меня, вы не посмотрели...», он ответил:

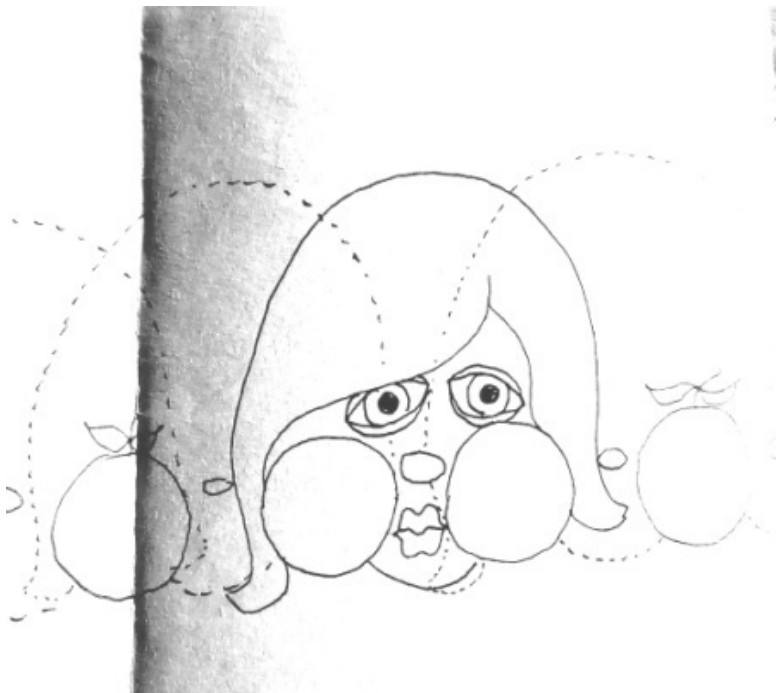
– «А зачем мне на вас смотреть, я же видел ваши ноги».

Но, несмотря на шутки и балагурства Льва Георгиевича, порядок на кафедре был строгий. Все боялись и его, и его

острого языка. В то же время он проявлял и небывалую доброту. Когда одна из преподавательниц, жившая в Москве на птичьих правах, оказалась без крыши над головой, он приютил её на время у себя в квартире в доме на Котельнической набережной, где жил вдвоём с женой. Я как-то была у них в гостях, квартира хоть и трехкомнатная, но, заставленная массивной старинной мебелью, выглядела даже тесной. Профессора старой школы Ильинский В.М. и Великовский Л.Б. не состояли в партии, держались независимо, и по любым вопросам их слово было решающим. Они были мне очень симпатичны.

В молодёжную группу преподавателей кафедры входили упомянутый выше Юрий Тимянский, Валерий Холщевников, Анатолий Герасимов, Анатолий Кондратенков, Аркадий Захаров, Алексей Соловьев, Юрий Алексеев, Лия Павлова и другие. Юрий Тимянский был человеком талантливым и разносторонним. Кроме отличной профессиональной подготовки, он рисовал, писал стихи, тексты для передачи «радио-няня» и многое другое.

Впоследствии он стал профессором, но по-прежнему писал стихи на разные темы, в том числе и о знаменитых людях и политических деятелях. В своё время он на какой-то праздник написал стихи и обо мне: «И на конгрессы звали Валю, и на симпозиум вели, но там, где Валю узнавали, забыть о Вале не

1972 г. Дружеский шарж

могли». Архитектор Валентин добавил к этому дружеский шарж.

Валерий Холщевников был парнем прямолинейным, жёстким, нацеленным во всех своих действиях на успех и продвижение в карьере. В конце концов, он стал крупным

специалистом в области своей научной деятельности. Поскольку я пишу о событиях многолетней давности, то использую прошедшее время, хотя многие упомянутые люди живут и сейчас. Анатолий Герасимов был добродушным, мягким и весёлым человеком, всегда готовым, если требуется, помочь.

Алексей Соловьёв держался вежливо и отстранённо, никогда не высказывал свою точку зрения и в наших тусовках участия не принимал. Он знал английский и немецкий языки, что было тогда большой редкостью. Много лет спустя он возглавил кафедру Архитектуры, но тогда до этого момента был ещё длинный путь.

Неординарным человеком во многих отношениях был Аркадий Захаров. Иногда с хитрой искоркой в глазах он задавал провокационные вопросы, например, по внутренней политике партии. Было непонятно, действительно ли ему интересно моё мнение или это какая-то проверка. Неординарной была и его личная жизнь, но это другая история.

С Лией Павловой мы были подругами, нас сближало много общего: обе приехали из крупных провинциальных городов, обе считались хорошими преподавателями, успешно развивали свои научные направления, следили за модой, шили, хорошо готовили, и каждая считала другую, более энергичной. Я высоко ценила Лиины таланты, в том числе и организационные. Она решала сложные бытовые вопросы, а муж занимался исключительно творчеством. Муж Лии Леонид

Павлов был известным архитектором и хорошим художником. Она и сама рисовала и выставляла свои работы в Доме Архитекторов. А я давала основание считаться более активной в научной сфере: последняя по времени присоединилась к группе молодёжного состава кафедры, я первая опубликовала книгу и защитила докторскую диссертацию. С Лией и её мужем мы иногда вместе отмечали праздники, дни рождения, новый год.

Всей жизнью кафедры заправляли две старшие лаборантки, они негласно, но отчётливо конкурировали между собой. Одна была, по слухам, фавориткой Льва Георгиевича, а вторая – приближённой Всеволода Михайловича. Пожалуй, их боялись больше, чем самих руководителей. Ко мне они сначала отнеслись настороженно, а потом я установила хорошие отношения с обеими. Обе они были умными женщинами с высшим образованием, но излишне суровыми и придирчивыми. Вероятно, чувствовали некую несправедливость в том, что молодые девицы защищают диссертации и становятся преподавателями, а они остаются обслуживающим персоналом. Одна из них мне рассказала, что её шеф предложил написать за неё работу и подготовить к защите, а затем – «три часа позора и будет тебе хорошая жизнь».

3.2. Условия работы

Институт в моё время размещался на Шлюзовой улице в старом здании. Там располагался ректорат и все админи-

стративные службы. Поскольку помещений там было не достаточно, некоторые факультеты занимали другие здания в разных частях Москвы. Потом был построен большой комплекс на Лосиноостровкой и сначала часть, а постепенно и все структуры института туда переместились. А пока, при острой нехватке помещений большая наша кафедра располагалась в трёх комнатах. В двух из них проводились консультации студентов, в одной сооружена светотехническая лаборатория. Даже у профессоров не было официально закреплённых за ними столов. Негласно они были распределены, но ими пользовались ими только при личном присутствии. В остальное время они занимались любым преподавателем. Кстати, у меня был такой стол, поскольку я отвечала за научную работу и хранила там разные бумаги и документы. Помещения кафедры всегда были заполнены народом, особенно в период сдачи проектов. Вокруг преподавателя, принимающего зачёт, стояла плотная толпа студентов, а часть их, уже пройдя первую проверку, на соседних столах исправляла ошибки в своих работах. На проверку листов у каждого студента уходило уйма времени. В период сдачи проектов я часами сидела в окружении студентов, не поднимаясь с места.

Много собственной нервной энергии требовалось мне и для экзаменов. Одни студенты просили поставить хотя бы тройку, чтобы не выгнали; другие: «спросите ещё что-нибудь», чтобы была четвёрка и стипендия; третьи хотели толь-

ко отлично. Хотя я считалась строгой, однако в душе сочувствовала студентам, которым подобно мне в далёком прошлом, затягивали сдачу зачётов и экзаменов и создавали себе большие трудности. Правда, с переходом на кафедру САПР проблем с отстающими почти не было. На эту специальность из-за высокого конкурса поступали почти сплошные отличники

В большей комнате проводились заседания кафедры. За длинным центральным столом располагались профессора и доценты, по бокам за столами – старшие преподаватели и ассистенты. Аспиранты устраивались плотной толпой на стульях в конце помещения. На заседаниях обсуждались текущие вопросы жизни кафедры: успеваемость студентов, посещаемость лекций, своевременность сдачи зачётов и экзаменов, ликвидации задолженностей, научная работы соискателей ученых степеней. Заседания продолжались долго и были, по моему мнению, мне чрезмерно затянутыми. Потом, когда я сама не стали их вести, мне так не казалось.

К учебной нагрузке по проектированию и лекциям было немало дополнительных дел. Мы, например, должны были периодически участвовать в политзанятиях. Их проводила у нас доцент кафедры Научного коммунизма (так она, кажется, называлась). Она была потомственной и глубоко убежденной коммунисткой. Рассказывала, что её отец был начальником политотдела на строительстве канала «Москва-Волга», где работали заключённые. С восторгом говорила об

исследованиях по управлению сознанием народа. И всё это преподносилось доверительно, вкрадчивым голосом, с полной уверенностью в общности убеждений. К этому нужно добавить партийные собрания, обязательную агитационную работу во время выборов, работу в школах по привлечению будущих студентов и прочее, и прочее.

Иногда обязательные занятия такого рода не были совсем скучными. Так, нам читал курс ораторского искусства сравнительно молодой профессор из Военно-политической академии. Не помню, чтобы я вынесла полезного для себя из содержания его лекций, но было занятно наблюдать за дискуссиями, возникающими в их процессе. Лектор был хорош собой, прекрасно говорил и очень нравился женской части слушателей. Мужчины же пытались поставить его в трудное положение, но это им не удавалось.

Что касается неформальных отношений на кафедре, то они были вполне благоприятными, когда кафедру возглавлял Всеволод Михайлович. Он мгновенно гасил мелкие конфликты, а для крупных не было причин. За моральным обликом преподавателей в институте следили, родственные связи на кафедре не приветствовались. Но невозможно было запретить любовные отношения между членами кафедры. Они, конечно, скрывались, но в результате все тайны оказывались достоянием многих. Вся информация аккумулировалась у лаборанток, постоянно находившихся в помещении кафедры и внимательно следивших за всеми. Да и сами пре-

подаватели делились с ними своими семейными проблемами, симпатиями и антипатиями.

3.3. Преподавание

Материал лекционного курса «Промышленные здания», который мне предстояло вести, был частично знаком по опыту проектирования, но не охватывал весь круг необходимых вопросов. К лекциям пришлось довольно основательно готовиться летом, в дополнении к учебникам изучать современный опыт, разрабатывать иллюстративный материал.

Но, несмотря на тщательную подготовку, мой первый лекционный опыт был ужасен, хотя ранее я выступала на конференциях перед гораздо более серьёзной и многочисленной аудиторией. Это произошло оттого, что к понятному волнению перед лекцией добавилось и присутствие зам. зав. кафедрой Льва Георгиевича Осипова, который пришёл на мою первую в жизни лекцию с инспекцией. А его прихода боялись опытные доценты и профессора. Не исключаю, что он просто хотел позабавиться, но у меня от страха и волнения голос звучал неубедительно, а рука не рисовала на доске, как полагается. Мне он не сказал ничего, но отзыв, что лекция прошла неважно, до меня дошёл. Однако на заседании кафедры об этом не было речи, и я была очень рада. Не могу не похвастаться, что впоследствии я справлялась с этой задачей неплохо и в рейтинге лучших лекторов двух факультетов, на которых я работала, неизменно занимала первое место.

Я читала большие по объёму курсы лекций на двух потоках факультета Промышленного и Гражданского Строительства. Потоки были по 120 человек, а аудитории практически не оснащены ничем, кроме доски с мелом. Приходилось постоянно форсировать голос, нужно было быстро и чётко рисовать на доске без вспомогательных линий довольно сложные схемы и детали. В некоторых аудиториях были проекторы, позволяющие проецировать изображения на экраны. Такие аудитории в начале работы заполучить было не просто, но с повышением статуса у меня с этим не было проблем. Кстати, расписание занятий по институту составляла женщина, и от неё зависело надо ли вставать рано и ехать к первой паре в 8.30 утра или к более позднему времени. Профессорам обычно назначали лекции на вторую пару, к 10 утра.

Держать большой поток в постоянном внимании задача не простая, но дисциплина на лекциях у меня была, можно сказать, идеальной. Как-то мне удалось с самого начала создать имидж строгой, но справедливой преподавательницы. Однажды Лев Георгиевич, который был свидетелем моей первой неудачной лекции, пришёл ко мне на экзамен послушать ответы студентов. А потом с юмором спросил:

– «Откуда они у вас всё знают?»

Конечно, работала я немало, к лекциям добросовестно готовилась, разработала подробные конспекты и собственные, легко запоминающиеся иллюстрации, в частности в ви-

де иерархических структур, которые я использовала в научной работе. Рассказывала и о новинках по публикуемым источникам, и о личных впечатлениях по следам своих зарубежных поездок.

В моём преподавательском опыте было много забавных случаев. Из-за моей былой молодости меня часто не хотели обслуживать в преподавательском гардеробе, а студенты присылали мне анонимные записки и стихи лирического содержания. Однажды я пожалела одного беззлобного балагура и решила поставить ему «хор» вместо «уд» чтобы он не потерял стипендию. Но ошиблась и поставила «отл». Я иногда исправляла оценки в зачётках, но всегда в сторону повышения, а в данном случае исправление выглядело бы странным. Студент был счастлив, а я переживала из-за несправедливости к другим более достойным студентам, получившим только заслуженное «хор».

3.4. Партия и депутатство

С 7 класса школяя всеми возможными способами избегала любой общественной работы и, уж тем более, никогда не думала о вступлении в КПСС. Этот мир для меня – скрытой диссидентки, внучке раскулаченного и родственнице врагов народа – был чуждым. Большинство же молодёжного состава кафедры состояло в рядах КПСС, другие туда стремились. Однако вступить было не просто. Партийная организация института была большой, более тысячи человек и основную

его часть составляли преподаватели. Для соблюдения некоего равновесия с рабочим классом, последние принимались охотно, а первые ждали особого приглашения. И вдруг такое приглашение обрушилось на меня!

Конечно, оно исходило от Любима Фёдоровича Шубина, который задумал продвинуть меня в депутаты Москворецкого Совета народных депутатов. Видя моё полное смятение, В.М. Предтеченский повёл себя благородно и даже смело, сказав, что я могу отказаться и, пока он здесь, со мной ничего не случится. Другой мудрый человек, с которым я советовалась, напротив предупредил, что отказ от такого предложения может сильно испортить моё положение в институте, и не стоит терять интересную работу из-за формального присутствием в партии. Он и сам в ней состоял и уверял, что в наше время требуются только ходить на собрания и платить взносы. Как я потом узнала, такой подход, например в Венгрии, был доведен до совершенства: все преподаватели поголовно вступали в партию и таким образом оказывались равными в ситуации карьерного роста.

В результате мучительных раздумий я всё-таки, «поступившись принципами», приняла предложение Шубина Л.Ф. Заявление о вступлении в КПСС я составила в таких расплывчатых выражениях, что при его зачитании на собрании кто-то в аудитории выкрикнул:

– «Да ей в профсоюз надо!»

И, действительно, ничего в моей жизни ничего не измени-

лось, кроме ежемесячных собраний и немалых партвзносов. Зарплата у меня была довольно высокая и к моменту выхода из этих славных рядов, записи в партбилете подтверждали что сумма, выплаченная мною, равнялась, по меньшей мере, стоимости двух машин «Жигули». В самом начале перестройки я пошла в партком и первая из профессорского состава (так мне там сказали с угрожающими нотками в голосе) сдала свой партбилет. Наверняка, потом были и другие, но они это не афишировали. Многие члены партии на всякий случай партбилеты сохранили. Когда в 1991 году произошёл путч, первое, что я подумала: «Больше мне в институте не работать». К счастью, обошлось.

После избрания депутатом меня сразу же назначили председателем территориальной группы, а, после одного из докладов на сессии, предложили перейти на постоянную работу в райком. Я уже была в то время доцентом и, естественно, такая перспектива меня не привлекала. Депутатская работа заключалась в участии в ежемесячных сессиях, регулярных приёмах населения и массе других мероприятий. Кроме времени, она требовала и много душевных сил, поскольку по радостным событиям к депутату на приём не ходят. Впрочем, иной раз и они случались: я поздравляла молодожёнов при регистрации в ЗАГСсах. Приходилось встречаться с зарубежными делегациями, выступать на отчётных и перевыборных собраниях, ходить на демонстрации, сидеть в разных комиссиях и т. п. Я очень уставала от этой работы, но и отка-

заться от выдвигения на последующие сроки не могла. Пренебрежение таким почётом и доверием было бы истолковано однозначно. Приятной стороной этой деятельности была возможность купить дефицитный товар на сессиях. В основном, я покупала французские духи и косметику для себя и для подарков.

На этом поприще я отслужила 10 лет и, в отличие от большинства, ничего материального для себя не извлекла. Не попросила даже дачный участок, который тогда могла получить легко, а потом это стало большой проблемой.

Глава 4. Научная работа, конференции

4.1. Кафедральная наука

Все преподаватели кафедры должны были проводить или участвовать в научно-исследовательской работе (НИР). Она проходила в различных формах: работа над диссертацией, кандидатской или докторской; руководство аспирантами; участие в хоздоговорных работах. По всем этим работам исполнители должны были составлять годовой отчёт и передавать ответственному за НИР по кафедре. Эта обязанность лежала на мне, и она была довольно обременительной. Во-первых, надо было собрать у всех отчёты, а их писать не хотели даже те, кому было что написать. Во-вторых, было неприятно требовать от людей никому не нужный отчёт. Как правило, приходилось брать предыдущие отчёты и делать самой

новую версию..Это занимало много времени и отвлекало от действительно нужных дел. В конце концов, что-то собиралось, я компоновала общий отчёт и передавала в НИР института.

Научная работа включала участие в конференциях, совещаниях и семинарах по темам исследований. По направлению моих исследований их проводилось много – область науки была новой, и шло широкое обсуждение идей и результатов. Самое большое их число организовывалось в Москве разными институтами и учреждениями, и я во многих из них участвовала.

На одной из конференций меня заинтересовал доклад, совершенно отличающийся от всех прочих подходом, подачей материала и даже манерой речи автора работы. В перерыве я подошла к нему с какими-то вопросами, и он предложил обсудить их в близлежащем Доме актёра, чтобы одновременно перекусить. Еды в буфете никакой не было, и он принёс две чашки, как я думала, кофе и какие-то конфетки. В чашках оказался коньяк, мы за разговорами выпили его, почти не закусывая, и оба не опьянели. Он даже возвратился к докладам, а я всё-таки поехала домой. Человеком он оказался совершенно необычным, обладающим феноменальной памятью, помнил всё, однажды прочитанное и мог свободно цитировать. К сожалению, я забыла его фамилию. По специальности он был математиком, работал на каком-то закрытом предприятии в Ленинграде, и редко публиковался в от-

крытой печати. Но и в общедоступных его статьях, был не просто разобраться, из-за используемого сложного математического аппарата.

4.2. Поездка в Ленинград

1975 г. В Павловске

Я много ездила по своей стране и часто в этих поездках

приобретала друзей – коллег, с которыми потом постоянно общалась. Иногда в такие поездки меня посылал проректор по научной работе вместо себя в порядке личной помощи. Такая поездка была осенью 1975 года в Ленинград, где мне предстояло ознакомиться с работой одного научно-исследовательского института и установить с ними сотрудничество. Поскольку я замещала проректора, принимали меня с особым вниманием и возили по окрестным достопримечательностям. Сотрудничество было оформлено, один из начальников отдела стал моим аспирантом, и успешно защитил диссертацию.

4.3. Семинары в Киеве

Весной 1975 года в Киеве, в пору цветения каштанов, была конференция по автоматизации проектирования. Надо сказать, подобные конференции всегда устраивались в интересных местах и в хорошее время года. В свободное время для участников организовывались обширные познавательные и культурно-развлекательные программы. Таким образом, я познакомилась со многими прекрасными местами и сохранила о них самые приятные воспоминания. Нашу делегацию представляли Всеволод Михайлович Предтеченский, проф. Татьяна Георгиевна Маклакова и я. Все мы делали доклады, а потом досконально ознакомились с научными работами этого института. Исследователи использовали персональные компьютеры и печатающие устройства, которых у

нас ещё не было

1979 г. На совещании в Киеве

Руководил отделом Дмитрий Нилович Яблонский, с которым я раньше была знакома, восхищалась оригинальностью

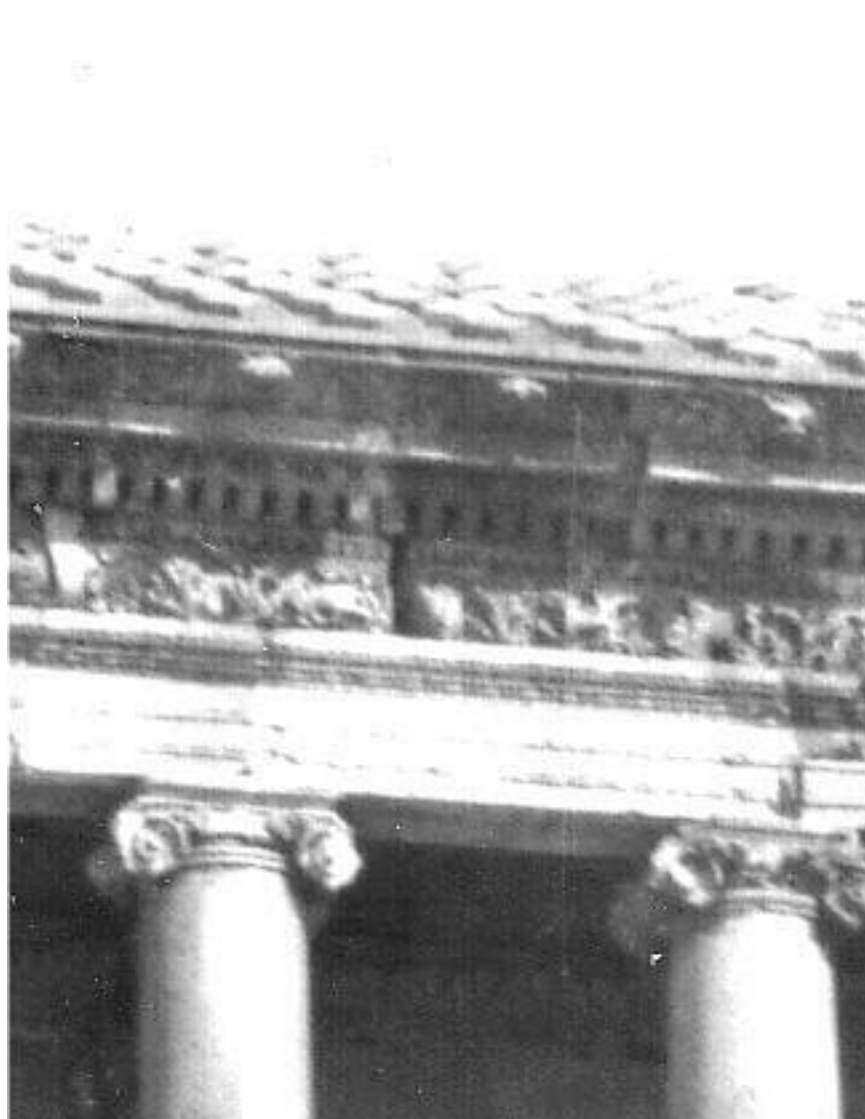
его мышления и ярким ораторским мастерством. Его сестра была знаменитым художником, и Дмитрий Нилович говорил, что ему всю жизнь суждено быть «братом Яблонской», а после смерти эти слова будут высечены на его надгробье. На самом деле, и он был известным человеком, доктором архитектуры и академиком УАН. В конце восьмидесятых он обратился к христианству и проектировал храмы. Впоследствии он был первым оппонентом по моей докторской диссертации и произнёс блестящую речь в её защиту на нашем учёном совете.

Тогда же я познакомилась и с учеником Дмитрия Ниловича. – Мироном, ещё не зная, что он человек совершенно неординарных способностей. Сейчас таких людей называют экстрасенсами, а тогда меня поразила его пронизательность и доброжелательность ко всем людям. Выглядел он хрупким юношей с приятным почти девичьим лицом и высоким голосом. Но, по рассказам его коллег, обладал «железным» характером, выдержкой и находчивостью.

В следующий раз я ездила на совещание в Киев в составе экспертной группы по стратегии развития автоматизации проектирования. На фото вверху я среди заведующих кафедрами Короевым Ю.И., Кимом Н.Н, Семёновым Д.Н., а спиной сидит Григорьев Э.П., с ним рядом Минаков И.П. – представители моего бывшего института ГИПРОТИС . И замыкают ряд представители от Киевского научно-исследовательского института.

4.4. Конференция в Ереване

Весной 1980 года я была среди докладчиков Международной конференции в Ереване. Среди приглашённых участников были заведующий нашей кафедрой Н.Н.Ким и Лия Павлова. Конференция была организована с восточным размахом: многочисленные банкеты, поездки по знаменитым памятникам архитектуры. Поскольку народа было довольно много, некоторые банкеты и частные приёмы были для

Лией Павловой перед храмом в Гарни

более узкого круга. Мы с Лией были королевами конференции, нас приглашали везде, иной раз нам приходилось переезжать в течение вечера с одного праздника на другой. Повышенное внимание нам оказывал и главный архитектор города, который повсюду нас возил в своей машине. По – кавказки красуясь, он ездил рискованно быстро, и я удивляюсь, как мы остались живы.

В один из дней мы поехали сначала за город на винзавод, где дегустировали вина, а потом в лучший ресторан Еревана. Весь ресторан в этот день был снят для банкета армянской диаспоры. Но нашим сопровождающим не могли отказать и накрыли отдельный столик в стороне. Приезжие потом передали с официантом вопрос: «С каких пор армяне предпочитают русских женщин?», на что получили ответ типа: «Это не то, что вы подумали, это учёные дамы». Не знаю, поверили ли они такому ответу – мы не очень походили на дам, тем более учёных.

Главный архитектор города устраивал приём у себя дома, члены семьи отсутствовали, что было немного странно, но обстановка была приятная, все радовались взаимному знакомству, ели, пили и веселились. Среди приглашённых были и финские архитекторы М.Мяккинен и М.Аннила. С ними я познакомилась в первые же дни конференции, поскольку осенью мне предстояла стажировка в Финляндию и связи в

этих кругах были нужны. Контакт получился очень удачным, оба они в своей стране помогали мне и знакомили с другими архитекторами.

4.5. Конференция в Тбилиси

Всегда было приятно ездить на конференции в Тбилиси. Там меня встречали коллеги, с которыми я подружилась во время учёбы в аспирантуре. Жила я у своей подруги Заиры и чувствовала себя как дома. Мне нравился дружеский тон дискуссий и вопросов докладчикам, царивший на конференциях. Банкеты по завершению работы были целыми представлениями. На них пелись чудесные грузинские песни, читались стихи, устраивались шуточные блиц – опросы. Во время одного из них меня спросили:

– «Как бы вы поступили, если бы вас пригласили на нудистскую конференцию».

Я обычно не находчивая, на этот раз мгновенно ответила:

– «Послала бы тезисы доклада».

И заслужила приз за лучший ответ. На банкете одна девушка была одета в национальный грузинский наряд с кованым серебряным поясом. Она его сняла и предложила примерить присутствующим женщинам. Никто не решался, потому что пояс выглядел очень коротким. Я тоже не хотела, но окружающие настояли, и я, к своему удивлению, легко застегнула его на талии. Сейчас приятно вспоминать такие невозвратимые времена.

4.6. Семинар в Гантиади

В грузинских деловых мероприятиях всегда было больше отдыха и банкетов, чем работы. Так было и на этот раз. Погода была чудесная, мы проводили много времени на пляже и за 5 дней загорели так, что неприлично было возвращаться на кафедру к бледнолицым коллегам.

Жили мы в пансионате на самом берегу моря. С моей соседкой по комнате коллегой Алевтиной Феофановой мы однажды пошли купаться в полной темноте. Когда услышали, что кто-то за нами плывёт, немного испугались, повернули к берегу, выскочили из воды и побежали через пляж к зданию пансионата. Нас преследовали две бесформенные белые фигуры, которые в какой-то момент исчезли, как будто растворились в темноте. Перед зданием мы встретили трёх знакомых по пляжу, грузинских врачей из Тбилиси. Они, выслушав наш сбивчивый рассказ, побегали вокруг в поисках «привидений», но никого не нашли. Предположили, что это подстроили местные ребята. Потом я подумала, что, возможно, они сами и устроили этот спектакль. Принесли с собой коньяк и арбуз и мы до утра хохотали до упаду над этим случаем и другими рассказанными ими историями.

После заключительного банкета начались танцы, и на середину зала буквально вылетел, как на крыльях парень, который, как нам позже сказали, танцевал в Государственном грузинском ансамбле. Он сделал круг в одиночестве, танцую

в национальном стиле, а потом к моему ужасу подлетел ко мне, приглашая на танец. Никогда, даже в балете не видела такой лёгкости, а я и обычно-то танцевала неважно, с таким партнёром выглядела бы как корова на льду. Поэтому отказалась и, чтобы ситуация не повторилась, ушла с банкета. Парень выскочил следом и всю дорогу до корпуса танцевал передо мной и просил вернуться в зал. Однако моё нежелание позориться было твёрдым, и я не сдалась.

Глава 5. Международное сотрудничество

5.1. Как тогда это было

Сотрудничество с зарубежными вузами регулировалось специальным отделом института. Выезды за границу считались в эти годы довольно большой редкостью и рассматривались как своего рода премией для немногих. Я попала в число таких счастливиц благодаря Л.Ф.Шубину. Он был инициатором организации сотрудничества с вузами стран коммунистического блока, в том числе с ГДР, Чехословакией и Венгрией. Я была активно задействована во всех этих проектах: писала и редактировала статьи для сборников, неоднократно ездила на согласование их содержания в названные страны, а также на стажировки и конференции. Эта привилегия требовала массу времени и энергии.

Для выезда необходимо было оформлять множество доку-

ментов и проходить так называемые выездные комиссии. Их было две: в институте и в райкоме партии. Это были по существу экзамены с неопределённым кругом вопросов. Обязательными среди них были только вопросы внешней и внутренне политики. Требовалось знать поимённо членов Политбюро КПСС, даты и содержание партсъездов и т. п. Это запомнить было ещё можно, а гадать, что придёт в голову членам комиссии просто невыносимо. Так, при первом прохождении такого экзамена была отклонена моя поездка в Англию из-за того, что я не знала, сколько станций в метрополитене и как зовут лошадь-призёра на каких-то соревнованиях. Только став профессором я освободилась от подобных комиссий не только в своём институте, но и не ходила и в райком.

Ещё одной обременительной стороной зарубежного сотрудничества была необходимость организовывать ответные визиты, принимать гостей в дома. Кроме времени и денег это требовало изобретательности в условиях дефицита продуктов, билетов в театры и т. п. В качестве принимающей стороны мы с Виталием были показательной и удобной парой: хорошая квартира и обстановка, машина, необходимое для общения знание языков, моё кулинарное умение и Виталины организаторские способности. Поэтому в мероприятиях по приёму иностранцев мы были задействованы по максимуму. Их перебывало у нас немало – от известных архитекторов, директоров, проректоров, профессоров и а мэра города Вей-

мара бывал у нас в каждый свой приезд. Всех гостей независимо от ранга мы угощали на кухне, благо площадь позволяла свободно рассадить до 10 человек.

Привлекательной стороной поездок для меня была, естественно, возможность посмотреть другие страны, познакомиться с жизнью и людьми и, не в последнюю очередь, купить необходимые вещи, достать которые в стране было трудно. Языком общения был, в основном, русский. Тогда его изучали в школах стран социализма и среди коллег всегда находились люди его знающие. Однако для общения необходимо было знать и немецкий, которым я владела хорошо в профессиональной области и не очень хорошо, но достаточно, чтобы говорить на любую тему. И в ГДР, и в Венгрии у Любима Ф. были личные друзья. Они вскоре стали и нашими с Виталием друзьями. Во время их довольно частых визитов в Москву я всегда была ответственной за приём, организовывала рабочие и культурно-просветительные мероприятия.

5.2. Стажировки в Финляндии

В 1973 году я поехала в свою первую зарубежную служебную поездку на семинар архитекторов в Финляндию. Перед поездкой членов делегации вызвали в КГБ для получения инструкций по поведению. Ничего особенного сказано не было, вероятно, на нас хотели только посмотреть. И смотрели только на мои коричневые после Крыма ноги, а я жале-

ла, что не надела плотные колготки.

Семинар проходил в Хельсинки, затем мы примерно полтора месяца путешествовали по городам, посетив Ювяскюля, Турку, Хамеенлину, Лахти, Тампере, Оулу. Наша делегация состояла из 4-х человек, и принимали нас на высоком уровне: в каждом городе был приём у мэра, осмотр достопримечательностей, поездки на заводы и предприятия, встречи с архитекторами формальные и неформальные, в том числе у них дома и в саунах.

Впечатление от архитектуры, дизайна, одежды, саун, гостиниц и ресторанов и даже от студенческого общежития, словом от всего увиденного, было таким ошеломляющим как перемещение в другой мир. Чтобы окончательно поразить наше воображение, руководитель группы даже повёл нас на эротический фильм. Невероятным казался комфорт жилищ, теплота саун (погода стояла холодная), спокойная размеренность жизни и работы. Даже женская тюрьма, куда нас возили на экскурсию, не уступала по удобствам отечественным санаториям. Я была так потрясена всем увиденным, что фотографировала исключительно архитектурные объекты, и собственных фото почти нет.

Не последней задачей было купить что-то на полученные в поездке деньги. Соблазнов было множество, глазам не верилось, что всё продаётся свободно. Чтобы больше приобрести вещей, я устроила себе жёсткий режим экономии: ела только то, что привезла с собой в чемодане, ходила всюду

пешком, хотя общежитие отстояло от центра города не менее чем на 5 км.

Чемодан заслуживает особого внимания. Большой, жёлтый, кожаный, его было буквально не оторвать от земли, когда мы нагрузили продуктами на полтора месяца пребывания за рубежом. В вагон мне его занёс Виталий, оттуда я как-то сумела его выволочь на перрон. Встречающий нас здоровый молодой финский мужик сначала легко подхватил его, а потом крикнул и присел. Говорит, такой тяжести чемодан он нёс только раз в жизни, когда встречал российского музыканта. Тот объяснил ему, что тяжесть от нот, но я предполагаю, что, как и в моём случае, от продуктов. Такова была реальность, даже известные люди питались привезённой с собой едой. Я не раз читала об этом в мемуарах знаменитых людей.

Утром я пила кофе, вечером чай с чем-нибудь, а целыми днями ходила, не испытывая голода. Зато результат экономии был не плох: приоделась сама, купила несколько вещей своим мужчинам, необходимые подарки нужным людям и возвратилась стройной, как в 20 лет. Ценным результатом поездки было формирование вкуса у моего сына Миши, постоянно изучающего привезённые мной финские журналы по дизайну, популяризирующие идеи изысканной простоты.

Вторая моя поездка в Финляндию в 1980 году имела статус индивидуальной стажировки. Я ехала одна, с собственной программой работы, которую я сформулировала как

анализ финского опыта архитектуры промышленных зданий. Командировка включала также посещение других городов и тех фирм и организаций, с которыми я сама об этом договарюсь. Последнее условие было весьма необычным, наши люди в то время привыкли к тому, что за рубежом их водят за руку.

Основной принимающей организацией была архитектурная фирма Маркку Аннила, с ним я познакомилась в Ереване. Он был типичным финном неброской внешности, но с разносторонними талантами: прекрасно рисовал, увлекался философией, коллекционировал старое стекло и играл в самодеятельной музыкальной группе. При этом он любил выпить, и его симпатичная жена говорила мне, что жить с ним невозможно, к тому же он всегда имел «вторую». Со «второй» я тоже познакомилась, она терпела все его причуды и, в конце-концов, они поженились и вырастили ещё двоих детей, в дополнение к имеющемуся у него сыну от «первой».

Маркку Аннила собрал уникальную коллекцию стекла. Мы тоже внесли в неё свой вклад: Виталий где-то достал старинные русские бутылки. В соответствии со своим увлечением Маркку Аннила запроектировал завод по производству художественного стекла, куда меня возил для ознакомления. У нас до сих пор сохранились его подарки: изготовленные на этом заводе большое роскошное блюдо и маленькая серая птичка. Он неоднократно бывал у нас в Москве, мы долго переписывались, уже находясь в Израиле.

Нагрузка в виде меня досталась ему ещё и потому, что он много проектировал для северных областей нашей страны. В Хельсинки, он отвёл мне в своём офисе стол, поставил на него телефон, положил список архитектурных бюро и предоставил свободу действий. Некоторое время я была в замешательстве: совсем не владела английским, на котором там все говорили, и неважно немецким. Но пути назад не было, пришлось звонить, объяснять кто я такая, и что хочу от них получить. В результате этих разговоров я познакомилась со многими ведущими архитекторами страны, бывала у них и на работе и дома, участвовала в многочисленных вечеринках по поводу наступающего Рождества. Была в гостях даже в одном небольшом замке с картинами известных художников. Лес, в котором он был расположен, также принадлежал хозяину. Один архитектор, увидев что я записываю при знакомстве свои данные на бумажках, заказал для меня сотню прекрасных визитных карточек, что было тогда большой редкостью.

Другой финн, с которым я познакомилась в Ереване Матти Мяккинен, был известным, успешным и модным архитектором. И внешне он выглядел как из журнала Плэйбой. Жена его была из богатой старинной венгерской семьи и их роскошная, стильная вилла была обставлена тяжёлой тёмной старинной мебелью. Матти Мяккинен организовал мне поездку в Университет г.Оулу, куда он еженедельно летал на лекции. Там меня ожидало наряду с новыми впечатлениями

несколько неприятных приключений.

Ответственная за организацию моих поездок девушка за-была договориться с гостиницей и дать мне её адрес. А я, проявив беспечность, обнаружила это только в поезде. Он прибыл в Оулу около 3 часов ночи, никто меня не встречал. Народ быстро разошёлся, и я осталась одна на открытом перроне (здания вокзала не было) на холоде в довольно лёгком кожаном пальто. Сквозь морозный туман едва светились фонари. Мысль о гостиницы почему-то не возникла, я даже не размышляла, хватит ли мне денег на номер. Решила найти общежитие Университета, о котором рассказывал один из наших русских стажёров. На улицах не было ни души, адреса я не знала и могла только надеяться на отрывочные данные из рассказа, который я слушала не внимательно. Вывески мне тоже бы не помогли, во-первых, они на совершенно непонятном финском языке, а во-вторых, их там принято делать незаметными. Однако каким-то чудом общежитие я нашла, позвонила в дверь и участливая дежурная в 4 часа ночи начала звонить в Хельсинки, а потом поселила меня в гостиницу.

В гостинице я упала на кровать и проснулась около 12 часов дня, чему никак не могла поверить, потому что за окном была ночь. Оулу находится примерно в 200 км от Северного полярного круга и зимой там темно даже днём. Я чуть было не проспала встречу с местными архитекторами в ресторане, куда они меня пригласили, и где планировали «есть малень-

ких рыбок».

Вечером Матти Мяккинен пригласил меня в дорогой ресторан на ужин, и по дороге у меня наполовину оторвалась подошва на сапоге. Так я и пошла в ресторан, хлопая на каждом шагу. Так потом ходила по городу и вызывала, вероятно, всеобщее недоумение. Конечно, надо бы немедленно купить сапоги, времени на магазины у меня не было. Я переходила из фирмы в фирму, с которыми договаривалась заранее, к тому же новые сапоги лежали у меня в чемодане в Хельсинки.

С сапогами в Финляндии у меня была целая история. Те, в которых я приехала, начали тут же протекать, а погода была холодная и на дорогах снеговая каша. Я попросила Виталия по телефону прислать мне другие с проводником. Им было запрещено что-либо передавать, но Виталию кое-как удалось уговорить одного проводника и сапоги быстро ко мне прибыли, и у этих-то привезённых (тоже, кстати, финских) оторвалась подошва в самый неподходящий момент.

Впрочем, на новые сапоги денег я не потратила ни копейки. Один из архитекторов пригласил меня осмотреть запроектированную им фабрику эксклюзивной обуви. Директор фабрики после экскурсии привел меня и сопровождающую меня девушку-архитектора в выставочный зал выпускаемого ассортимента и предложил нам обоим выбрать то, что нам понравится. Девушка чуть не завизжала от счастья и взяла меховые сапоги, которые, как она потом призналась, что ни-

когда бы не смогла купить их из-за высокой стоимости. А мне показалось неудобным брать такие дорогие, и я выбрала демисезонные по типу тexasских сапожек медового цвета. Позже увидела их в витрине с надписью «модель сезона» и такой ценой, что ужаснулась. Вот так, хотела продемонстрировать свою скромность, а показала жадность.

Там же у меня произошёл ещё один запоминающийся эпизод. В гостях у вышеупомянутой девушки я зашла в туалет, но выйти из него мне так долго не удавалось, что я чуть не опоздала на поезд в Хельсинки. Замок туалета был старинный и меня не предупредили, что им нельзя пользоваться. Я вообще плохо справляюсь с любой техникой и советы по открытию, слабо доносившиеся из-за толстой двери (дом был старой постройки), тоже не помогали, потому что я не знала этих слов по немецки.

Результатом поездки в Финляндию был большой материал, достаточный для написания книги. Я оформила заявку, получила хорошие отзывы, но на каком-то этапе дело всё-таки затормозилось. Вместо книги я написала большую статью со многими иллюстрациями работ моих знакомых в весьма престижном журнале «Архитектура СССР», который получали и все финские архитекторы.

5.3. В Веймарской Высшей Школе Архитектуры и Строительства

Сейчас это «Государственная высшая школа строитель-

ства и формообразования (Баухаус)». С эти вузом у нашего института был тесный контакт, благодаря дружбе двух секретарей партийных организаций: Л.Ф. Шубина и Бернта Грёнвальда. В первую же поездку туда я тоже подружилась с Бернтом и его прекрасной женой Марлис. Бернт был очень интеллигентным, приятным, открытым человеком и, в то же время, искренним апологетом социализма и коммунизма. Он всегда устраивал для меня прекрасные приёмы, поездки по городам страны и разные увеселительные мероприятия. Однажды он встретил меня с орхидеей, и она простояла в моей комнате весь срок моего пребывания в ГДР, месяц или полтора.

1974 г. С семьёй Грэнвальд, я слева, Бернт, Марлис

Бернт и Любим Фёдорович организовали частную поездку для сотрудников института с семьями, что было в то время редкостью. Мы с Виталием тоже ездили по этой программе, правда, отдельно от всего коллектива. Семья Бернта с тремя сыновьями приезжая в Москву, всегда бывала у нас в гостях, очень хвалили мою еду и любили чёрный Бородинский хлеб. Жили они в самом прекрасном месте Веймара, в

парке вдоль реки Ильм, в доме, который построил знаменитый архитектор Муха, один из основателей стиля «Баухаус».

Бернт самостоятельно восстановил его в первозданном виде, и в центральном двухсветном помещении организовал музей с оригинальными артефактами того времени. Он периодически проводил конференции по Баухаусу, приглашал всех известных участников этого движения. Я тоже приглашалась, как представительница современной новации в проектировании: использовании компьютеров. Так мне довелось увидеть некоторых уже очень старых участников Баухауса.

Во дворе этого дома Грёнвальды устраивали вечеринки для командированных в Веймар зарубежных коллег из социалистических стран. Готовилось ведро салата, в этом я принимала участие, какие-то мелкие закуски. Столы располагались в саду, народ мог подкрепляться, свободно знакомиться и общаться. Удалось мне побывать и в местном КГБ, где я присутствовала на защите докторской диссертации Бернта, вход куда был по заранее заказанным приглашениям. По пути на защиту произошло небольшое происшествие: на дороге неожиданно выехала женщина с коляской, водитель резко повернул и врезался в столб. Я сидела на переднем сидении и врезалась головой в ветровое стекло, но без последствий – спасла меховая шапка. После защиты мы пошли в ресторан, как раз кончалось время для кофе (около 5 часов вечера) и с немецкой пунктуальностью, не нарушая очерёдности трапез,

выпили сначала кофе и тут же приступили к ужину.

Однажды я приехала в Веймарскую Высшую Школу Архитектуры и Строительства на конференцию по Баухаузу. Оставила свой чемодан в гостинице и пошла на открытие. С собой взяла только папку с материалами доклада и бумажник с документами и деньгами. Денег было довольно много: я по максимуму обменяла допустимую сумму рублей на марки и получила щедрые командировочные от принимающей стороны.

Любая поездка за границу рассматривалась в те времена как возможность купить товары, которые были в России в дефиците. Покупать нужно было много всего, кроме повседневно нужных вещей были и остро необходимые. Как-то меня попросили купить специальные приборы для лежачего больного. В Веймаре магазинов медицинского оборудования не было, а в Берлине у меня было мало времени для их поиска. И я пошла прямо в больницу, зашла в урологическое отделение, встретила с врачом, рассказала ему ситуацию. Он упаковал мне всё необходимое и даже с запасом. Сейчас удивляюсь своей тогдашней смелости и объясняю это тем, что просить для других много легче, чем для себя.

Возвращаюсь к конференции. Она продолжалась целый день с перерывами, а вечером состоялся банкет по поводу её открытия. Всё это время я спокойно оставляла свою папку в разных местах – окружающая публика опасений не вызывала. Когда же я возвратилась в гостиницу, бумажника в пап-

ке не оказалось. Я осталась без паспорта, обратного билета и денег.

На следующий день я рассказала о случившемся в иностранном отделе, и они привлекли полицию для расследования. Меня допрашивали с такими мельчайшими деталями и таким тоном, что я ощущала себя виноватой. Спрашивали, одна ли я шла, каким путём, не заходила ли в парк, ночной клуб или рестораны. Конечно, а они просто делали свою работу, а я проявила безусловную беспечность. Но я только что делала доклад на международной конференции, а они задавали мне вопросы как дамочке, вырвавшейся на свободу из-за железного занавеса и сразу пустившейся во все тяжкие. Это было обидно, но я терпела. Возможно, так это и выглядело в глазах полиции. Деньги на проживание мне выдали, но в кассе я расписалась за вдвое меньшую сумму, чем получила. Мне объяснили, что вторая половина от дарителя, пожелавшего остаться неизвестным. Я посчитала, что будет неудобным отказаться, и попросила передать мою благодарность и сказать, что эту сумму от имени немецкого друга, я отдам нуждающимся в России.

Через два дня в полицию принесли бумажник в полной сохранности, но без денег. Сказали, что нашли его по дороге из института в гостиницу. Я допускаю, что бумажник выскользнул из неплотно застёгнутой папки. Так ли это было или иначе, но, в конце концов, я была счастлива, что всё закончилось благополучно.

5.4. В Высшей Технической Школе в Будапеште

Это учебное заведение (сейчас Университет технологии и экономики) я посещала дважды по вопросу издания совместных научных сборников. В то время вузы социалистических стран были заинтересованы в сотрудничестве и гостеприимно принимали приезжающих, организовывали поездки по стране и культурную программу. Во время этих командировок я довольно подробно познакомилась со страной, мне показали не только все известные места столицы музеи, но и наиболее интересные города – Печ, Эгер, Секешфехервар. Как мне рассказали, по тому, как произносит человек имя последнего в моём списке города, определяется, родной ли его язык венгерский. Сходила я и в бассейн, вырубленный в горе Геллерт с естественными горячими источниками и последующим массажем. До сих пор помню гигантский мрачноватый зал с лёгким облаком пара над водой и высокими скальными потолками. Целый день я отдыхала на озере Балатон, где я блеснула своим крымским загаром. Но класс плавания продемонстрировать не удалось – волна оказалась довольно крутой и не регулярной, и я тут же захлебнулась.

В Будапеште я жила на частных виллах, где каждый раз со мной что-нибудь приключалось. В первый раз я приехала поздно вечером, хозяйка меня встретила, передала ключи от входа и удалилась. А я пошла принять ванну и случайно потушила газовый бойлер для нагрева воды. С бойлерами я

никогда дела не имела и не знала, как его снова включить, да и спичек у меня не было. К хозяевам я обратиться не могла, во-первых, потому что не знала, где они располагаются, а во-вторых, время было ночное. До утра я не спала боясь что что-нибудь случится.

В следующий раз, на другой вилле, я спокойно сидела в ванне, как вдруг распахнулась вторая дверь, которую я считала всегда закрытой, и стремительно влетел мужчина. Я потеряла дар речи, а он, не ожидавший увидеть такое зрелище, тоже смешался и совсем не спешил удалиться. В точности, как в каком-нибудь комедийном кино. Потом оказалось, что это был жилец из другой комнаты, который пользовался той же ванной. В качестве извинения за причинённое неудобство, он пригласил меня в ресторан, но я ответила, что пространной речи, сказанной в ванной, вполне достаточно.

Смешные ситуации возникали и из-за языковых трудностей. Мой принимающий коллега, как и все тогда в школах соцлагеря, учил русский язык и старался на нём говорить. Объясняя с серьёзным видом, устройство цепного Будапештского моста, показывал на пальцах, как соединяется цепь и говорил такие двусмысленности, что здесь неудобно даже повторять.

Однажды на улице меня плотной толпой обступили цыганята. Они просили денег, цепкими грязными ручонками держались за платье, и пытались дотянуться до сумки. Я не могла от них отбиться, пока не выручил прохожий. Он объ-

яснил, что дети во мне распознали туристку и поэтому вели себя так смело.

Порядки в Будапештском и Веймарском Университетах заметно различались, но я не вникала глубоко в учебный процесс, поскольку ездила туда с научными целями. Но всё-таки мне удалось наблюдать отношения между студентами и преподавателями в 3-х дневной поездке для знакомства с памятниками архитектуры. Мне тогда всё понравилось: и сам факт этой поездки, и поведение группы, и работа с объектами ознакомления.

Моим научным соредактором сборника был проф. А. Диак, и я неоднократно бывала в их замечательном доме. Он построен на склоне горы, гостиная отделена стеклянной стеной от сада, переходящего в естественный лес. Его жена коллекционировала старинные ковры, которые своим блеклым великолепием украшали все комнаты.

В свою очередь мы радушно принимали чету Диак у себя дома и показывали им все московские и окрестные примечательности.

Глава 6. Семейные события

6.1. Новая квартира

В 1971 году рядом с нашим домом началось строительство нового корпуса кооператива, в котором мы состояли.

Мы решили купить там трехкомнатную квартиру. Я уже не входила в состав правления, и на этот раз по окончании строительства мы участвовали в общей жеребьёвке. Нам досталась квартира на втором этаже, и мы были очень довольны: близко от земли, вокруг деревья, оставшиеся от бывшей на этом месте деревни Зюзино. Через дорогу от дома начинался Битцевский лесопарк – прекрасное место для прогулок в любое время года. Ко времени нашего заселения это был просто лес без всякого благоустройства. Зимой мы переходили через дорогу и сразу становились на лыжи, а осенью собирали, не заходя далеко, по ведру грибов. Позже лес благоустроили: вдоль центральной аллеи поставили скамейки и деревянные скульптуры, а к Олимпиаде 1980 года построили конноспортивный комплекс.

В 90-х годах здесь по воскресеньям стихийно образовалась выставка – продажа картин. Мой коллега Дмитрий Семёнов, владелец личной ценной коллекции, советовал нам покупать по одной картине каждое воскресенье, и так собрать хорошую подборку работ современных русских художников. Картины на этой выставке были не дороги и вполне нам доступны. Но у нас были другие приоритеты.

Мы вступили в гаражный кооператив рядом с домом. Гараж был капитальный, с электричеством, водой, охраной. Некоторые владельцы, в том числе и мы, сделали из боксов двухэтажные помещения, для размещения в подвальном этаже двух отделений: хранилища для овощей и склад. Запасы

овощей, яблок и других продуктов очень облегчали нам хлопоты ежедневной жизни. Мы ходили туда, как в магазин с той разницей, что там всегда было то, что нам надо и без всякой очереди. Кроме того, появилось помещение для мастерской, где Виталий постоянно чем-нибудь занимался.

В новой квартире он сделал встроенный шкаф в прихожей, установил там большое старинное зеркало; заново обставил и оборудовал кухню; в дверях установил витражи, заказанные в мастерской. Причём, витраж в кухонной двери был старинным, также как и керамические плитки, от облицовки камина, которые он добыл в пустых домах, предназначенных к сносу. Словом, квартира была удобная, просторная с большой кухней и балконом.

6.2. Поездки в Чабан-Кале

В 1973 году, перед Мишиным поступлением в школу и моей командировкой в Финляндию, мы поехали в отпуск в Чабан-Кале, местечко у моря вблизи Феодосии. Там нам так понравилось, что мы приезжали туда ещё четыре раза. Чабан-Кале в переводе с татарского означает Пастушья Башня по имени сохранившейся здесь башни 15 века. Стоянка хорошая, пляж отличный, галечный, широкий, и народу мало. Миша немедленно решил забраться на эту башню, но подъём оказался более трудным, чем виделся снизу. Помощи от нас он не хотел, но на каком-то этапе остановился, вцепился в землю и начал от бессилия её жевать. В конце концов вер-

шина была им покорена

У нас с собой была палатка, раскладушки, стол и стулья, газовый баллон для приготовления пищи и складная металлическая лодка. Почти у самой кромки моря, сделали тент и зажили со всеми удобствами. Все необходимые продукты мы привезли с собой, ходили в соседний посёлок Морское только за фруктами, творогом и всем что попадалось подходящего. До сих пор вспоминаем оладьи, которые я пекла почти каждый день из блинной муки, и как после обеда пили кофе с конфетами «Золотой ключик» и «Раковые шейки».

На лодке мы уходили на ней далеко в море, ныряли и плавали вокруг. Однажды её даже использовал матрос для спасения утопающего. Но вскоре ночью к нам пришли пограничники. Говорят, минут 15 свистели, кричали, светили фонарями, стучали по лодке. Наконец Виталий проснулся от слов

– "Как же их разбудить?"

Они запретили нам пользоваться лодкой, вероятно, во избежание побега за границу, хотя на ней далеко не уплывёшь – она легко переворачивалась даже при малой волне.

Но и без лодки было чем заняться. Вблизи были раскопки, где было много интересного: хорошо сохранилась обжиговая печь 1000-летней давности, кругом множество черепков того времени. Поднимались в горы, ходили на катере в Новый Свет, пробираясь туда по каменистой тропе. Осмотрели Голицинские подвалы шампанских вин, заходили на "Царский

пляж".

Были и мелкие неприятности. Как-то соседи нам сказали, что на месте стоянки водятся фаланги и скорпионы. После этого известия стало страшно ложиться спать. Каждый раз мы перетрясали всё в

1973г. В ЧабанКале

палатке, и действительно один раз Виталий поймал фалангу. Однажды, во время ливня Виталий выскочил из палатки, и над ним разрядилась со страшным треском шаровая молния. Одновременно в море ударил гигантский разряд. От такого грозного и опасного зрелища мы долго не могли прийти в себя. Закончилось это явление сильным шквалом с градом и весь пляж засыпало льдом. Потом на море начался шторм, мы все трое купались в больших волнах, а

когда выходили, Миша продолжал бегать в прибое, пока не замерзал до синевы и, выскочив, ложился прямо лицом в песок.

У Виталия отпуск закончился, он возвратился в Москву, а мы с Мишей переехали в посёлок Морское. Там сняли маленький домик во дворе хозяйского дома. Хозяйка организовала вечеринку для живущих у них отдыхающих, и вместе с матерью пела на два голоса старинные песни – очень трогательно и необычно. Кроме нас здесь снимали комнаты ещё две отдыхающие пары, мы часто беседовали с ними по вечерам на разные темы. Миша, конечно, при этом присутствовал и однажды, когда мы говорили о политике, он спросил:

– «А что такое коммунизм?».

На моё объяснение, что каждый делает что может, а получает что хочет, Миша без промедления заметил:

– «Ну, это у них не получится!».

Развлечений, кроме моря, было немного. Иногда мы ходили в летний кинотеатр. Часто я отправляла Мишу туда одного, сама на время сеанса шла на море, а потом поджидала его у выхода. У владельцев дома были кролики, и Миша с большим удовольствием с ними подолгу занимался, пока один кролик не сдох по непонятным причинам. Хозяйка решила, что Миша накормил его чем-то не тем, и запретила ему к ним подходить. Чтобы занять его и себя, я научила Мишу играть в преферанс. Он быстро всё понял, но с большей охотой играл в «дурака», и им всегда оказывалась я.

В эти последние дни нашего пребывания на море произошло событие, из-за которого я страшно переволновалась. После обеда Миша договорился с мальчиком Серёжей, с которым играл на пляже, тайком уйти гулять в горы. Я не сразу заметила его отсутствие, начала искать сначала у Серёжи, потом на море. Нигде их не было, тогда на поиск пошли все обитатели дома в разные концы, а я собралась бежать в воинскую часть и просить, чтобы подключились солдаты. Беглецов нашли уже к вечеру далеко от дома. Оказывается, они пошли в горы, заблудились, сделали большой крюк и вышли к морю в соседней бухте, откуда возвратиться можно было только по воде. К счастью, там было не глубоко, и они перешли вброд. Кроме того, они избежали и много других опасностей: в послеобеденную жару оба были без панамок, в шортах и сандалиях. В таком виде в горы, где полно колючек, острых камней, водятся змеи и ядовитые насекомые, никто не ходит.

В следующий приезд в Чабан-Кале на месте нашей стоянки уже был платный и более благоустроенный кемпинг и народу прибавилось. Регулярно привозили пресную воду и торговую палатку с ограниченным набором продуктов. Появился туалет, увидев который Миша заявил:

– "Я хочу стать посетителем гальюна".

После двух недель стоянки в Чабан-Кале мы обычно отправлялись в другие места, ездили по всему побережью Крыма вплоть до Севастополя. Были в Бахчисарае, с его пещер-

ными городами и известным, на удивление скромным дворцом. Одним из самых интересных пещерных городов Крыма является средневековая крепость Чуфут-Кале, которую мы тоже посетили. В переводе с татарского языка, это означает Еврейская крепость, названная так в память об одном из иудейских племён караимах, владеющих ей в последнее время. Там находится гробница дочери Тутанхамона, сохранились остатки кварталов домов, руины мечети и синагоги, глубокие колеи от телег в каменной дороге, ведущей к крепости. Всё это производит сильное впечатление. Миша писал в школе сочинение на тему об этом посещении.

6.3. Сын первоклассник

В 1973 году, во время моего пребывания в Финляндии, Миша пошёл в первый класс школы с усиленным изучением английского языка. Школа располагалась довольно далеко, на расстоянии нескольких троллейбусных остановок от нашего дома. Виталий отвозил его туда, после уроков и он оставался на продлёнке, а потом Фрина Ю. забирала его к себе или отвозила к нам домой. В письме ко мне в Хельсинки Миша пишет: «В школу я хожу, чтобы у меня каждый день прибавлялось немножко ума, а ума у меня не прибавляется, я получаю только опыт писать. Решил, что уже сейчас надо как можно больше выучить из таких предметов как алгебра и химия, чтобы потом не зубрить».

К нему приходили играть школьные ребята, и один из

мальчиков тайно унёс пистолет. Я привезла его из Финляндии, и он, как две капли воды, походил на настоящий. Поэтому устоять было трудно. Миша нам не пожаловался и только много позже рассказал что и у того мальчика пистолет украли. Тоже хорошо, многие им наигрались.

Новый 1974 год Миша впервые встречал вместе с нами и нашими гостями. Около часа ночи он заснул, а мы поехали в ЦДРИ (Центральный дом работников искусств) праздновать дальше. Там уже все были в весёлом настроении, танцевали, проводили шутливые конкурсы. Несмотря на то, что я обратила на себя внимание своим красивым чёрным брючным костюмом из Финляндии с большой искусно сделанной чайной розой на лацкане, и большое число узнаваемых лиц, весело и интересно мне не было. Я беспокоилась за оставленного дома Мишу. Ему было уже 7 с половиной лет, но дома он один не ночевал, и пришлось возвратиться. Утром он проснулся раньше нас, включил свет, всё обыскал – подарка нет! Разбудил меня и спрашивает:

– «Может ли быть так, чтобы Дед Мороз про меня забыл?»

Пока я уверяла его, что такого быть не может, Виталий выложил подарки под ёлку и предложил Мише ещё поискать.

Поскольку мы оба с Виталием работали, Мише приходилось с

раннего детства учиться самостоятельности. Уже со второго класса он, как правило, без сопровождения ездил в школу и возвращался домой на троллейбусе. В 1981 году

он попал в дорожную аварию: троллейбус перевернулся. Не знаю, почему это случилось, даже трудно представить себе эту ситуацию. Миша выбрался до приезда спасателей и не сразу сказал нам о случившемся, чтобы не мы не волновались. Когда я бывала в командировках, он помогал в подготовке ужина – чистил картошку, а Виталий тушил мясо. Мне он тоже охотно помогал: мог сбежать в магазины столько раз, сколько попросишь, постоять там в очереди, взять бельё из прачечной и т. п.

После второго класса Миша поехал в пионерский лагерь нашего института «Бронница.» В Москве он к тому времени начал заниматься карате в почти тайном кружке (каратэ было официально запрещено) с одним из моих молодых коллег позарубежной работе. В лагере он тоже собрал группу по занятию каратэ и назначил себя руководителем.

6.4. Миша в санатории

В ноябре – декабре 1976 г., когда Мише было 10 лет, мы отправили его в санаторий в Евпатории. У него был диатез на кистях рук и в детской поликлинике мне предложили отправить его на море вместе с другими московскими детьми. Пребывание там лучше всего представить по сохранившимся оттуда Мишиным письмам. Он писал их очень регулярно, нумеровал, ставил даты и даже часы. В первых письмах были подробные описания санатория и распорядка дня и прочее. Далее привожу несколько цитат из последующих писем без

изменения.

1975 г. В летнем лагере «Бронницы». Перед расставанием

«Я по вам, по правде говоря, скучаю. По английскому я себя не щажу, выучиваю наизусть, хотя можно пересказывать. Теперь понял, как здорово знать язык, но больше за-

данного мне учить не разрешают. Из 200 чел. языком занимаются только 11. Я сплю на досчатом настиле для исправления осанки, твердовато, но утешает о что станешь прямее. Ем всё, что дают, кормят нас вкусно. В день мы поглощаем в среднем 3000 кал., белков – 250, желтков – 300.

Я люблю, чтобы в палате было много человек, можно «загинать» анекдоты и в тихий час поболтать. Вообще мне тут неплохо утром и вечером беситься в кроватях и бегать по коридору, хотя это и запрещено. А когда нас издали засекают, мы бежим в палату как молния и молчим как рыбы или все вместе говорим: «я», хотя ясно что бегал один или двое.

У меня много друзей и один из них Миша, с которым никто не дружит, потому, что он писается, но тут от этого тоже лечат. Хочу вас и немного порадовать, потому что я вас очень люблю. Как приехал сюда и сказал, как посоветовал папа: «Лечите меня от всего». И тут же начали выжигать железы, теперь они у меня совсем маленькие. В бассейне я плаваю лучше всех. Приятно вылезти из морской воды ощущение холодка немного напоминает лето. Диатез на руках стал немного похуже, но дальше руки уже хуже стать не могут – не дают процедуры.

Каждый день нас водят в лечебный корпус (подробное описание стоматологического кабинета). Мы занимаемся упражнениями для исправления осанки, я всё запоминаю, сам буду делать и вас научу.

У нас есть труд, мы выжигаем на фанере, я выжигаю пса,

может быть, мне отдадут домой. Приеду домой и буду выжигать скобкой. А когда заведутся лишние деньги, может быть, куплю аппарат. Или Дед Мороз подарит. В кинотеатр мы ходим по подземному ходу, у нас почти по всему санаторию можно пройти под землёй, как в Париже.

Если бы вы знали, как я без вас скучаю. Напишите мне что-нибудь успокаивающее. Целый день я был вместе с мамой в поезде. (Я ездила в командировку в Киев и писала Мише в поезде письмо). Я представлял себе, как мама мне пишет, иногда задумается, посмотрит в окно. Не забудь, напиши мне пару строчек из какого-нибудь черновика твоего учебника. Время идёт очень быстро. Не успел одеться на завтрак, смотришь уже дня три прошло. Сейчас я помогаю библиотекарю нашего санатория (подробное описание процесса) и это очень приятно. Ещё одна счастливая случайность – нашёл книгу «Война миров» Г.Уэлса, ты знаешь, я её ищу уже года два.

Сегодня ходили к морю, там был небольшой шторм, такого я ещё ни разу не видел (подробное описание волн и их чередований с рисунками). Мы ездили к морякам на автобусе. Корабли были украшены сигнальными флагами. (подробное описание корабля, приборов, обеда, подарков в виде веточек кораллов и акульей пасти). Потом они приезжали к нам и на торжественной линейке приняли нас в юные моряки, вручили берет или пилотку, погоны и настоящий морской воротник.

Зуб запломбировали, но пломба моментально вывалилась как до этого много раз. Тогда я сделал из нитки петлю, дергал, как следует и зуб отлетел шага на 3. В общем, всё о кей!

Встретили мы его на вокзале больного, с высокой температурой и настолько измученного (лежал всю дорогу привязанный ко второй полке), что он не мог даже нам улыбнуться.

6.5. Водные походы на Волгу

На Пироговском водохранилище конторе, где работал муж, принадлежал яхт-клуб «Чайка». Мы хорошо в нём обосновались: в полном распоряжении у Виталия была моторная лодка «Москва» с причалом и личным понтоном с деревянным полом площадью не меньше нашей десятиметровой кухни. На нём мы загорали, жарили оладьи, шашлыки и сосиски, варили кофе, распространяя вокруг вкусные запахи. Совершали походы по соседним водохранилищам, останавливаясь в живописных местах. Первое наше большое водное путешествие мы совершили по Волге в августе 1975 года. Из-за отсутствия опыта подготовились не очень хорошо, и весь поход превратился в сплошную проблему. К тому же жаркая погода, как только мы вышли из клуба, сменилась холодной с дождями и ветрам.

Путь до Волги был самостоятельным и нелёгким путешествием: надо было пройти четыре водохранилища – Пироговское Учинское, Пестовское и Икшинское общей протяжённостью примерно 50 км, канал 120 км и 6 шлюзов. На

Пестовском было сильное волнение как на море, около 4 баллов, но мы его успешно преодолели. Неполадки начались перед первым шлюзом: оказалось, что мы не можем двигаться, у мотора срезана шпонка. К счастью, соседняя лодка взяла нас на буксир. Шлюз представляет собой впечатляющее зрелище. Вода опускается на 9 метров, обнажая мощные, уходящие вверх бетонные стены. Поверхность воды бурлит как кипящая, лодки раскачиваются и ударяются о стены. Страшно, что в их бортах могут образоваться пробоины или не выдержат страховочные канаты.

Яхт-клуб на Пироговском водохранилище

С помощью добрых людей прошли ещё один шлюз, но при подходе к следующему налетели на камни. Откололась часть лопасти, пришлось остановиться для ремонта. Кругом первозданная природа, вода спокойна, как зеркало, отражает облака, заходит солнце, пахнет травами и дымком. Но подходящей стоянки для ночлега нет, до шлюза ещё 15 км, на-

ступает темнота, приходится останавливаться в маленьком углублении канала. После каждого проходящего теплохода лодку бросает на камни, беспокойно и холодно.

Утром над водой туман, ветрено, но солнечно. Удачно прошли ещё один шлюз, вышли к Дубне и подошли к Волге. Надо было загрузить вручную 4 канистры бензина по 20 литров. Виталию от этой работы жарко, а мы с Мишей начинаем мерзнуть в своих легких курточках на ветру, затянувшему небо хмурыми тучами. Прошли последний шлюз, и вышли на Волгу. Шли без остановки часов 5 и только в в час дня остановились позавтракать. Погода неустойчивая, ветер, дождь, временами солнце. Я, стоя за рулём, посадила лодку на мель посреди Волги, едва выпутались из травы и направились к намеченной стоянке. Вошли в устье реки Медведицы, она при впадении такая же широкая, как и Волга, из неё вошли в затон реки Пудицы, где и остановились на небольшом пляже. Место красивое, лес подходит почти к воде, но пасмурно и холодно. Миша пошёл сразу обследовать окрестности и надолго исчез. Мы искали его. Кричали, но нашли уже в темноте, заблудившегося в камышах, на берегу. Ночь была холодной, днём 13-15. Позавтракали и пошли за грибами, нашли только сыроежки и разные ягоды: бруснику, чернику, голубику. Обнаружилось что в лесу много "лосиных вшей" – противных летающих клещей. Они нас просто облепили, особенно Виталия, пришлось раздеваться, осмотреться и выловить некоторых из волос. На обед приготовила картош-

ку с грибами и большую миску с ягодами. Виталий с Мишей разобрали рыболовную снасть и проводили пробный лов – поймали 3 маленьких ерша, которых тут же и отпустили. Вечер был чудесный – молодой месяц над сиреневой рекой, мы сидели у костра с соседями, которые на утро отбывали домой, а мы пошли дальше на Колязин и Углич.

По дороге зашли в устье Нерли, а затем в речку Волнушку, где рыбаки как раз тянули вручную невод. Но пока начальство было рядом, купить рыбу мы не могли, пришлось подождать их ухода. Наконец они принесли ведро подлещиков, мы пошли дальше, я чистила и жарила рыбу прямо на ходу. Рыбу ели, сколько могли. Вечером остановились в красивом месте с хорошим пляжем и лесом, жгли костёр. Но останавливаться не было смысла, купаться холодно, в лесу «лосиные вши», и мы пошли дальше.

Прошли знаменитую затопленную церковь около Калязина, вошли в устье реки Жабни. В поисках заправки подошли к берегу, застряли в траве и срезали шпонку. Дул резкий ветер, а Виталию пришлось раздеваться и лезть в воду. Однако главная опасность была не только в холоде – на дне в тине неизвестно что набросано. Стоя по колено в иле, наконец, подтолкнул лодку к берегу и залил 2 канистры бензина. В магазине купили пряники, сушки, джем, а на местном рынке яблок и семечек, кроме этого покупать было нечего.

С трудом выбрались с заправки, и вышли в Углическое водохранилище. Оно встретило нас ветром и высокой вол-

ной. Началась сильная качка и каюту заливало через уплотнения окон. На обед причалили к берегу, опять попали на мель и выбирались очень медленно, закидывая якорь и подтягиваясь.

На следующий день дошли до Углича, конечной цели путешествия, дальше Волгу перегораживает плотина. Зашли в грузовой порт с риском наскочить на камни, сваи и прочее. Остановились у детской купальни, оставили Мишу на лодке и пошли в город, похожий на большую, старую деревню. Осмотрели Кремль, княжеские палаты, несколько церквей. По возвращению оказалось, что опять нужно заменять злополучную шпонку. Мы и без того промёрзли под холодным ветром, а Виталий во время ремонта ещё упал в воду. Дальше уже работал, стоя по грудь в воде, да ещё уронил на дно гаечный ключ. Наконец всё исправил, переделался в мой тренировочный костюм, вся его одежда была мокрой. Я вскипятила чай, налила туда алкоголя, чтобы его немного согреть, и мы отправились в обратный путь с Мишей, завернутым в стёганое одеяло. Добрались до места ночевки в живописной Волжской бухте с крутыми берегами. Изжарили и съели всю оставшуюся рыбу. Целый день с приключениями добирались до Калязина, там встретили старую компанию, помогавшую нам пройти шлюзы, остановились рядом ночевать. Сидели допоздна у костра, слушали разные истории. Они были опытными путешественниками, их катер хорошо оборудован, а сами они в тёплых куртках и лыжных шапочках. А мы в лет-

них куртках и панамках.

1983 г. Поход на моторной лодке на Волгу

От Колязина шли под дождём, Миша тоже нёс вахту и стоя за рулём декламировал:

– "Волна мешает мне стрелять, судёнышко, креня, скорее к мачте капитан привязывай меня!"

Виталий всё-таки простудился и сильно заболел. С трудом прошли шлюзы, дальше при прохождении канала при-

шлось стоять за рулём мне. Было очень трудно, я боялась идти близко к стенке канала, была большая вероятность срезать шпонку, а ремонтировать некому. Такое вождение создавало трудности шедшим рядом судам, с них через мегафон кричали:

– "Убери бабу с руля!!!"

Но Виталий ничего не слышал, лежал в каюте с высокой температурой почти без сознания. Наконец вышли уже в темноте на большую воду. В водохранилище я с трудом ориентировалась по огням, не зная куда идти. Всё-таки «с грехом пополам», как говорила мама, добрались до клуба. Там нам очень повезло с такси.

На следующий день Миша писал в дневнике: «Сегодня я встал рано по сравнению с родителями, они спали до 10 часов. Да они, конечно как я думаю, и не могут встать раньше. И поэтому сразу видно, что они устали за отпуск. Это путешествие на лодке через шлюзы (6 шлюзов и туда и 6 обратно), как я понимаю, было отпуском только для меня. Папа всё время менял шпонки и успел в проклятушем Калязине простудиться. В последний день папа даже не мог стоять за рулём, и весь день стояла мама».

Несмотря на трудности первого водного похода, путешествия по воде мы продолжили. С моторной лодки «Москва» мы перешли на яхту «Ассоль», выпускаемую заводами организации, где работал Виталий. Она тоже была в полном распоряжении Виталия, а во время Перестройки перешла в его

собственность. Мы часто проводили на ней воскресные дни, ходили по Пироговскому водохранилищу, купались и загорали.

Яхта была небольшая, с каютой на 4 человека и местом для кухни с газовой горелкой. Это было очень удобно, можно было готовить на ходу и при любой погоде, но однажды с газом у меня произошёл неприятный случай. Я спустилась в каюту, чтобы приготовить обед. День был холодным, я закрыла люк и зажгла газ. При солнечном свете пламени было не видно, я подумала, что газ не зажётся и снова чиркнула спичкой. Вспыхнуло всё внутреннее пространство яхты, обожгло мне лицо и кисти рук, остальное было прикрыто одеждой. Пришлось ехать в больницу, но всё обошлось благополучно, помогло облепиховое масло.

Два года подряд мы ходили на «Ассоли» на Волгу. Первый поход был в компании с сотрудниками Виталия. Во второй раз мы были в одни и взяли на борт своих друзей, чтобы доставить их до дачи, расположенной вблизи места нашей предполагаемой стоянки. Пассажирами они оказались неудобными: загрузили слишком много багажа, в походе помочь не могли, а ночью оба храпели.

Яхта только со стороны кажется сплошным удовольствием, а в действительности, это большая и постоянная работа. Для дальних походов требуется сильная и умелая команда, а в нашем случае все основные работы делал Виталий. Мы с сыном помогали, как могли, но сил у нас было немного.

Стоянка, как и ранее, была запланирована на р.Пудица, там уже находился коллега Виталия по работе, и мы пришвартовались к его большому моторному катеру. Место совершенно дикое, сосновый лес покрыт сплошным ковром черники. Мы её поглощали в сыром виде в огромных количествах и ходили постоянно с чёрными губами и зубами. Набрали и много для варенья. Соседи рыбачили на плоту посреди реки и однажды взяли с собой Мишу. Он легко оделся, а в августе уже было холодно, по утрам иней покрывал лодки и на реке постоянно дул ветер. Миша сильно замёрз и заболел, поднялась высокая температура. Пришлось срочно возвращаться домой.

На обратном пути ему стало много лучше и когда мы подошли к Угличу и он увидел речной трамвай, то захотел на нём прокатиться. Мало ему было всех приключений на воде.

Конечно, эти походы не обходились без происшествий. Дважды подводило рулевое управление. В первый раз нас несло прямо на прогулочный «Метеор» к ужасу всех пассажиров. С него нам кричали в рупор с требованием немедленно остановиться, но это было не в нашей власти. Тогда затормозил «Метеор», и мы отделались легким испугом – только стукнулись о борт. Во втором случае ситуация была опаснее: нас понесло под баржу, которая уже не могла ни свернуть, ни остановиться. Но и здесь проскочили. Неприятность на этом не закончилась – сломалась мачта. Виталий с помощью парня с другой яхты временно её закрепил, и мы пошли дальше

под мотором, благо это было на обратном пути. Однажды на ночной стоянке так засосало якорь, что мы не могли с него сняться более суток, пока не переменился ветер. В обычных условиях никто из нас не страдает морской болезнью, но на этот раз нас с Мишей укачало до полного озеленения, и всё это время мы не могли есть, и лежали пластом на палубе.

1978, 1981 гг., Поход на яхте на Волгу

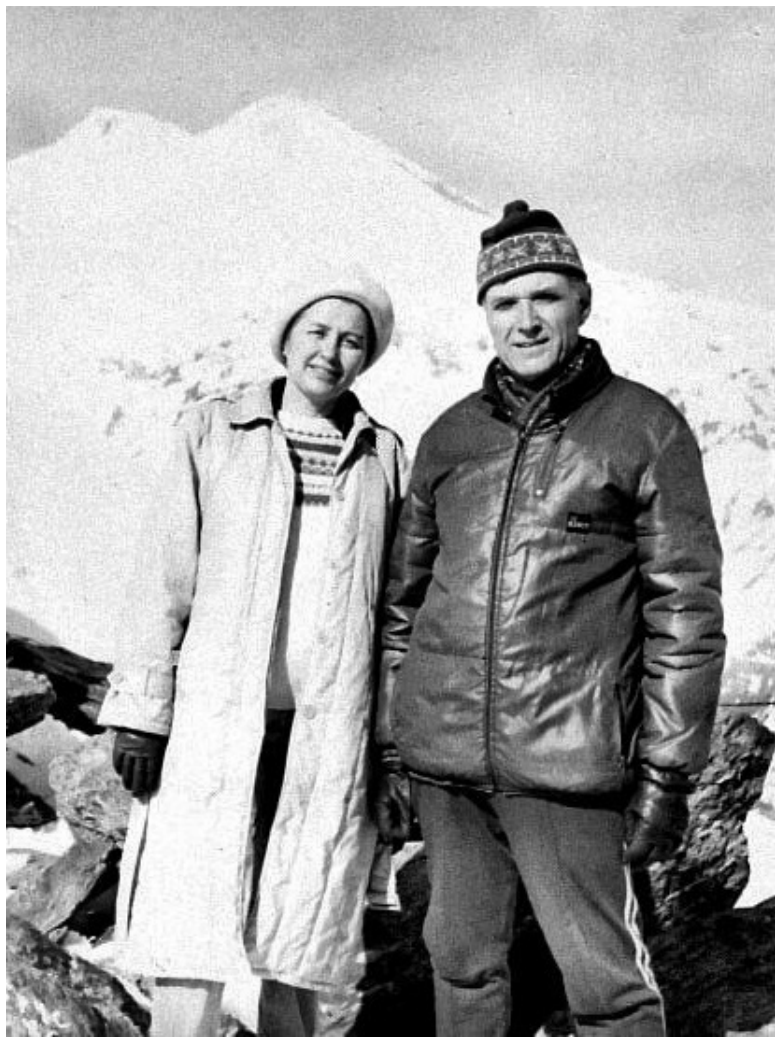

6.6. В санаториях Кавказа

Поликлиника для учёных, в которой я наблюдалась, располагалась в Плотниковом переулке на Арбате. Ею пользова-

лись в своё время и родители Виталия, и он сам. У меня были некоторые проблемы с желудком, и врачи посоветовали пить минеральную воду. Начиная с 1977 года, я ежегодно ездила на с этой целью в Железноводск, Ессентуки, Кисловодск. Жизнь в санаториях была хотя и скучноватой, но приятной и беззаботной: хорошее питание, ванны, разные процедуры и прогулки при отличной погоде по живописной местности. Оптимальные условия для проживания и лечения обеспечивались за счёт подарков. В моём случае это была французская косметика, тогда она не была такой дорогой, и я покупала её на депутатских сессиях.

Жила я обычно в двухместных номерах, и за эти годы познакомилась со многими женщинами разных сословий и из разных регионов страны. Они удивляли меня рассказами о своей жизни, а я их – отказом есть сосиски по утрам и, особенно, равнодушием к знакомствам с мужчинами. Некоторые из них считали даже, что со мной в этом смысле не всё в порядке. Сами они, в подавляющем большинстве, считали это главной целью пребывания в санатории. Их поведение легко объяснялось и вызывало сочувствие. Как правило, они были или одиноки, или несчастливы в браке, а в маленьких городках очень трудно было рассчитывать на изменение ситуации.

1980 г. С Виталием в Домбае

Одна молодая и симпатичная женщина рассказала мне свою необычную историю. Её изнасиловал незнакомый парень, предположительно, работающий на том же заводе, что и она. После этого она постоянно пыталась его найти, много раз подолгу стояла у проходной, посещала все людные места их небольшого города, но найти не могла. Наверное, он, боясь наказания, скрывался, а она искала его потому, что он ей понравился.

Нас с Виталием тоже однажды принимали за «курортную» парочку. Мы купили путёвки в Кисловодск почти на одно время, но в разные санатории. Обстановка была романтичной, соседка по комнате лукаво мне подмигивала, покидая комнату, когда Виталий приходил. Было забавно и, хотя я говорила, что он мой муж, никто не верил. Город в снегу был необычно красив, погода тёплая и солнечная. Мы совершали каждый день дальние прогулки в горы, ездили в Домбай и другие окрестности. Отпуск у меня был длинным и, кроме санаториев, я ещё успевала ездить с семьёй на юг.

6.7. На соревнованиях в Лиепая

Весной 1978 года Виталий взял меня с собой в служебную командировку в Лиепаяе, где проходила выставка и соревно-

вание моделей лодок изготавливаемых в стране. Это было довольно интересное мероприятие. Команды со своими лодками располагались вдоль берега, и их по порядку вызывали на старт. Они с рёвом носились по воде, демонстрируя возможности своих изделий. В результате выявилась самая быстрая лодка и самый умелый капитан. Чемпион соревнований прокатил нас с Виталием на своей открытой лодке по заливу на большой скорости. Мы так подпрыгивали на волнах, что едва не вытрясли свои души. На банкете было много алкоголя, в том числе знаменитого ликёра «Вана Таллин». Народ после ветра, холода и воды с удовольствием ел, пил и веселился. Все очень активно и много танцевали. Виталий и ещё несколько смельчаков пошли купаться. Ночью было ещё холоднее, вода ледяная, и, чтобы в неё окунуться, надо было долго идти по мели. Когда они скрылись в темноте, то казалось, что уже не возвратятся, но море их всё-таки отпустило дрожащими, синими и как бы уменьшившимися в размерах. Призом была новая бутылка «Вана Таллин», и никто не простудился и не заболел. На память об этом вечере у меня остались две связки бус из янтаря, которые мне подарил какой-то моряк, нанизывающий их собственноручно во время длительных плаваний.

6.8. На машине по Чехословакии

Автомобильную поездку в Чехословакию мы совершили дважды: в 1978 и в 1981 годах. В первой поездке мы не де-

лали записей, а только фотографии, во второй – наоборот. Напишу о них вместе, и хотя маршруты были разными, но по существу они похожи: переезды от города к городу, осмотр старой части и достопримечательностей, посещение магазинов, остановки в кемпингах. Опускаю наши впечатления от описания красот многочисленных городов, городков и замков, которые мы посетили, приведу из своих записей только некоторые эпизоды и приключения, случившиеся с нами в пути в обеих поездках.

Собирались мы в страшную жару, температура доходила до 35, поэтому теплых вещей много не взяли и, как почти сразу же выяснилось, напрасно. Ночью было прохладно, шёл лёгкий дождь, а Миша спал на лежаке под тентом. Мы долго не могли уснуть, волновались, что он спит отдельно и в дальнейшем спали чаще всего втроём в машине. Хотя в машине было неудобно, тесно, жестко, но всё-таки теплее и, главное, спокойнее. Утром дождь продолжался, мы отправились без завтрака и с мокрым тентом, а Виталий и Миша ещё и с мокрыми ногами. К 11 часам проехали 460 км, дождь кончился и мы, наконец, позавтракали. Границу переехали в в Ужгороде без всяких формальностей и досмотров.

Ночевали на стоянке, у источника минеральной воды вместе со многими другими, в том числе, и двумя московскими семьями. В Оломоуце, где стояли советские войска, мы заправились у доблестных воинов, залили 40 л. бензина и поехали в кемпинг в Мохельниц. Очень долго искали его в

темноте, без указателей, просто замучились. Наконец, к нам в машину сел чех и вместе мы туда добрались. Оттуда поехали в Градец Кралов через Пардубице – очаровательный городок с ипподромом, известное место проведения соревнований по конному спорту. Здесь купили палас с красивым рисунком в виде звёздных галактик, который потом 15 лет до нашего отъезда в Израиль пролежал в кабинете. Ночевали в маленьком, но приличном кемпинге, помылись теплой водой. Расслабились, потеряли бдительность и, уезжая, оставили колья для палатки. В этой поездке мелкие неудачи следовали одна за другой. Началось с забытого красного стёганого одеяла, сопровождающего нас во всех поездках, потом колья, потом вышел весь газ из баллона, и мы остались без горячей пищи, время от времени сбивались с дороги и, наконец, Виталий с Мишей сильно отравились.

1978, 1980 г, На машине по Чехословакии

Но было много и приятных моментов. После потери кольев мы остановились в кемпинге в местечке Либехов близ г.Мельник. Там мы были первыми русскими людьми и, когда выяснилось отсутствие у нас кольев, начался настоящий ажиотаж. Все хотели помочь, образовалась толпа. Путешествующие немецкие пионеры прибежали с пилкой, привели руководителя – лейтенанта. Тот подключил ещё людей, а в это время Миша принёс из леса палки, и всё уладилось, но никто не хотел уходить, и искали чем бы ещё нам помочь.

Кемпинг нам очень понравился: красивейшее место, горячий душ, хорошая комната.

В первую поездку при посещении Праги, мы жили в кемпинге на окраине города. Однажды Миша там остался один на целый день, устав от наших культурно-просветительных походов. Он замечательно провёл время, развлекаясь на игровых площадках и питаясь мороженым. Сейчас мы бы ни за что не решились его оставить одного даже на короткое время.

Далее, плутая по дороге, мы направились в Карловы Вары и там основательно поехали, чтобы найти городской кемпинг. Виталий не поверил объяснениям полицейских и поехал наугад, но запрещающие знаки преграждали путь. В результате он выскочил навстречу идущему на большой скорости автомобилю. Слава Богу, оба вовремя среагировали. Кемпинг оказался переполненным, и мы остановились поблизости в хорошем и бесплатном месте и в очень приятной компании с чехами и поляками. Днём гуляли по городу, вечером ходили в открытый кинотеатр на фильм об Э.Пресли. Здесь у нас закончился газ, и поляки вскипятили нам чайник.

1980г. В Праге

В первую нашу поездку в Карловы Вары свободных мест в кемпинге не было и мы останавливались просто на окраине города в подходящем месте. Время провели хорошо, ходили купаться в бассейн с минеральной водой, гуляли по городу, пили воду и даже купили для этой цели специальные поильнички. После Карловых Вар поехали в Хеб, походили немного по городу и повернули по направлению к дому. Останавливались во Франтишковых Лазнях, Миша там потерялся, мы его целый час ждали. Следуя дальше, сбились с основной трассы и буквально пробирались по живописным просё-

лочным дорогам вдоль границы с Западной Германией, где встретили множество грибников.

В кемпинге на берегу озера под СтриблOVO Виталий занялся ремонтом колеса (которое пришлось выбросить), а мы с Мишей разожгли костёр, вскипятили чай, нажарили колбасы с яйцами. Колбасы было немного, я сама её не ела, положила только Виталию и Мише, и оба отравились. Ночью у них поднялась температура, началась рвота, сильная слабость. Погода тоже испортилась: упорный дождь, небо серое, в тучах без единого просвета, всё кругом раскисло и промокло. Наконец, часов к 11 моим мужчинам стало лучше, дождь прекратился и мы выбрались из этого несчастливого места.

На стоянках и в кемпингах по вечерам автотуристы разжигали костры и собирались вокруг них пообщаться. Мы тоже разводили костёр для Миши, и около него собирались подростки. Иногда удавалось остановиться в диком месте, присоединившись к уже стоящим автомобилям или, наоборот, к нам присоединялись. Как правило, это были поляки, с которыми мы устраивали вечера дружбы и сидели почти до утра в разговорах о жизни. Ночевать на стоянке в одиночестве тревожно, однажды мы провели ночь в лесу, но больше этого не повторяли.

Самой запоминающейся была встреча с местными жителями в Словакии в нашу первую поездку. Мы остановились на обед и отдых на лесной опушке в отдалении от села. По-

сле того, как сварили гречневую кашу с тушенкой и поели, к нам подошёл человек с ружьём, в охотничьей одежде и шляпе с пером. Поговорили, и он пригласил нас в гости к себе в дом. Там приготовил в нашу честь обильный ужин с гигантскими стейками, пивом и алкоголем. Есть мы не хотели, но и отказываться было неудобно. Пришлось оказать должное уважение угощению, а потом Мишу рвало, и нам было не по себе. Мы долго беседовали с гостеприимными хозяевами о жизни, и они настояли, чтобы мы остались у них ночевать. И тут случилось два казуса: во-первых, в их доме на втором этаже, где мы спали, испортилась канализация; а во-вторых, как раз в эту ночь был ограблен магазин, где работала наша хозяйка. Выходило, что мы принесли им неудачу.

После посещения центра производства обуви г. Готвальдова с полной машиной ботинок и кроссовок повернули на дорогу к дому. Мы планировали пересечь границу до полуночи, поэтому мчались на большой скорости. Почему-то врезалась в память эта пустая дорога, освещаемая только яркими катафотами, знаками километража, указателями и полной луной. Но напрасно мы торопились – прибыли к закрытому шлагбауму. Начали искать, где бы переночевать. Увидели свет в недостроенном доме, люди там ужинали после долгого трудового дня, и хозяин разрешил нам переночевать у них во дворе.

Ехать обратно было тяжело, все устали, но благополучно прибыли домой, проехав в общей сложности 5200 км.

Глава 7. Докторантура

7.1. Кафедральные интриги

Преподавание и все другие работы на кафедре шли у меня вполне успешно, но докторская диссертация до последнего времени не была включена, ни мои, ни в официальные планы. Правда, В. М. Предтеченский говорил иногда, что к 50 годам я буду доктором и профессором, но я его слова всерьёз не принимала, хотя впоследствии всё это осуществилось к 47 годам. Независимо от моих намерений, научные исследования в соответствии со статусом доцента, я обязана была продолжать. Я вела их в рамках, так называемого хозяйственного договора, с организацией, которая поручала мне выполнение определённых работ. Эти договора давали возможность приличной дополнительной оплаты и свободных поездок в любые города страны. Договора я получала настолько крупные, что платила зарплату по ним не только себе, но ещё и нескольким членам кафедры, хотя специалистами в этом вопросе они не были и их вклад был или очень малым или вообще никаким. Реально работали только секретари – машинистки, печатающие отчёты. Всё остальное мне приходилось делать самой, кроме математического обеспечения. Им занимался доцент В.Ф.Яковлев, приглашённый мной с кафедры Теоретической механики.

В 1978 году умер В.М.Предтеченский и кафедрой стал за-

ведовать Николай Николаевич Ким, бывший директор института ЦНИИПромзданий. В начале я не почувствовала никаких изменений – всё шло как обычно, Николай Николаевич прекрасно ко мне относился, продвигал мою научную работу, брал с собой на важные конференции и совещания, приглашал нас с Виталием к себе домой на праздники и дни рождения. Но на кафедре он был чужаком, и постепенно сформировалась группа, желающая его смещения. Во главе её был один из доцентов, претендовавший на место заведующего. Во мне, как потенциальной кандидатуре на эту должность, он видел реальную угрозу. Сама я совсем не стремилась к должности, связанной с административной работой. Я не раз ему об этом прямо говорила, но ни он, ни его сторонники этому не верили.

Тайная конфронтация против Н.Н.Кима перешла к явной. Начались собрания, голосования «за» и «против», анонимные письма. Это было крайне неприятно, тем более, что касалось и меня. По слухам даже создана была группа по поиску на меня компромата. Но успехом её работа не увенчалась.

Как раз в это смутное время Минвуз СССР потребовал план подготовки докторов. У меня появилась возможность достойно уйти и, по словам классика, «не стоять во всём этом». От кафедры было представлено несколько человек, но только я решилась на переход в докторантуру. Он был не простым делом. Требовалось получить заключение кафедры и Учёного Совета профилирующей организации о значимо-

сти темы диссертации, её реальной готовности, а также примириться на пару лет с меньшим окладом.

Появлению нового доктора наук по разным причинам, но всегда, оказывается противодействие. Учитывая, что группа преподавателей кафедры не хотела пропускать в докторантуру именно меня, без мощной поддержки было не обойтись. Она у меня была в лице двух людей: Л.Ф.Шубина и директора института ЦНИИПромзданий Ю.Н.Хромца. Во многом, благодаря этим людям, оба эти этапы я прошла успешно и с осеннего семестра 1981 года получила вместо должности доцента статус старшего научного сотрудника. Официально я оставалась на кафедре, но с меня снималась учебная нагрузка, однако оставались аспиранты, зарубежное сотрудничество, немало общественных и депутатских дел.

7.2. Работа над диссертацией

Объём работы, которую мне предстояло сделать в период докторантуры, был большим, но достаточно ясным, и я надеялась уложиться в заданные сроки. Мне предстояло решить две основных задачи: разработать принципы методики автоматизированной компоновки промзданий, предложить систему объективизации качественной оценки объектов строительства и довести до рабочего состояния программное обеспечение. Задача была для меня интересной и даже увлекательной, мои аспиранты тоже с энтузиазмом занимались написанием и тестированием необходимых для этого про-

грамм.

Успешная защита любой докторской диссертации зависит не только от её объективной ценности, но также от поддержки ведущих специалистов в данной области и организации всего процесса её представления в Учёный Совет. Очень важно было согласование с исследованиями крупных научных организаций, и здесь мне сопутствовала двойная удача.

Выбор разработанных вариантов проектов основывался на теории принятия решений, которая разрабатывалась в Институте Системных исследований РАН. Я связалась с руководителем этого направления проф., д.т.н. а впоследствии и академиком РАН Олегом Ивановичем Ларичевым, который был настоящим классическим учёным с широким кругозором. Его отдел, и по существу, и внешне, представлял собой академический заповедник. Я много почерпнула от общения не только с ним самим, но со всеми сотрудниками этого отдела, которые просто боготворили своего шефа, будучи и сами очень высокообразованными ребятами. О.И.Ларичева заинтересовали мои работы, как пример прикладного использования своей теории, и мы наладили взаимовыгодное сотрудничество. По его результатам мы опубликовали большую статью в очень солидном английском журнале.

Второй серьёзной организацией, работы которой я использовала, была, как ни странно, та самая Ленинградская контора, из которой Виталий уволился перед переездом в Москву. В ней была создана отличная, и нужная для моих

целей, программа по обработке неформализуемых данных. Получить её официально представлялось почти невозможным. Но удалось и это.

Из поездок того времени самой запоминающейся, вернее самой кошмарной, была поездка в Ташкент на конференцию. Я полетела с надеждой шире представить мою работу публике перед защитой. Неудачи начались с погодного катаклизма: в Узбекистане в ноябре стоял небывалый холод. В своём кожаном пальто я ужасно мёрзла, к тому же в руках был неудобный груз – планшеты размером 1х1 м, сверху падал снег с дождем, сбоку дул пронизывающий ветер, а на тротуарах лежала снежная каша по щиколотку.

В гостинице я взяла отдельный номер, чтобы никто мне не мешал, но, только прилегла после трудной дороги, увидела громадного таракана на стене и потеряла покой на всё оставшееся время. Конференция была такая заурядная и не представительная, что я даже не стала выступать и развешивать так сложно доставленную экспозицию. Кроме того, я там почти не ела, еда была даже с виду такая ужасная, что я предпочитала оставаться голодной. На следующий день работы конференции объявили о смерти Л.И.Брежнева, и все ринулись домой. В аэропортах стояла невообразимая толчея и неразбериха, едва отправили наш самолёт, но посадили его в Кирове. Там в аэропорту, в буфете я впервые после Москвы поела, вернее, выпила стакан кефира и попросила моего спутника профессора В.Н.Масточенко принести ещё один.

Он принёс и сказал:

– «Но учтите, что это сметана».

Не знаю, так ли я проголодалась, что не заметила разницы или сметана была больше похожа на кефир.

Много времени заняли разные организационные вопросы – оформление актов внедрения, экспозиции, реферата, отзывов лиц и организаций и т. п. Помня опыт защиты кандидатской, я прежде всего постаралась получить отзыв от ведущей организации по данной теме, моего бывшего института ГИПРОТИС. Начальник отдела В.И.Ретинский подписал заключение без лишних слов, а на среднем уровне возникли проблемы – мои бывшие коллеги из других отделов не были в восторге от того, что я защищаюсь, и противодействовали подписанию отзыва от института. Однако, они и сами хотели поступать в аспирантуру МИСИ и боялись, что я могу как-то на это повлиять. Всё благополучно уладилось, к сроку вышло и второе издание моей книжки, которая была размещена в вузах страны как учебное пособие.

7.3.Защита и утверждение

В Совете по присуждению учёных степеней у меня, наряду со сторонниками, было и немало противников. Они не знали содержания моей работы, но были настроены против меня лично описанной выше группой преподавателей кафедры, препятствующей моей защите. Поэтому исход голосования мог быть не в мою пользу, независимо от велико-

лепных отзывов, полученных мною от уважаемых людей и организаций.

В день защиты самая большая аудитория нашего института в виде амфитеатра была заполнена до отказа. Защита докторской диссертации на тему автоматизации проектирования была едва ли не первой и вызывала большой интерес. Из Киева приехал Д.Н.Яблонский, который был моим официальным оппонентом и Мирон Демкив для моральной помощи. Были люди и из других городов и конечно, из Москвы. Пришли О.И.Ларичев, директора институтов, с которыми я работала, на этот раз был и Виталий. Присутствовали и представители всех моих противников, народ красноречивый, умеющий говорить убедительно, и я ожидала их разгромных выступлений.

Но защита прошла внешне почти спокойно, словесных баталий не было, а я достойно отбивалась от немногочисленных нападков. Говорят, я выглядела спокойной, только побледнела. Одета я была в чёрный бархатный пиджак, естественно, с белой блузкой и в парикмахерской причёске. Результат голосования был положительным, но «против» было четыре голоса, а это не мало. Меня горячо поздравляли, но было ясно, что утверждение в ВАКе будет не простым. Так оно и случилось. Банкета после защиты не было, как раз в это время действовали жёсткие Андроповские меры против алкоголизма и, в частности, против организации банкетов после защит диссертаций.

С утверждениями докторских диссертаций в ВАКе обычно не спешат: может поступить информация о нарушении процедуры защиты, плагиате, несостоятельности работы и анонимные письма. В моём случае последние как раз были. С их содержанием меня не ознакомили, но официально вызвали на заседание экспертного совета для выяснения ситуации. Момент, конечно, очень волнующий, но добрейший профессор нашей кафедры Сергей Дмитриевич Ковригин вышел ко мне в холл из зала заседания и подбодрил тем, что Совет на моей стороне. После этого я вошла и спокойно ответила на пару незначительных вопросов. Спустя полгода после защиты 24 июля, я получила степень доктора технических наук.

Глава 8. Семейные события

8.1. Автомобильная поездка в Венгрию

Летом 1982 года мы совершили две отпускных поездки. Первая была в Венгрию на машине. Туда мы съездили без особых происшествий, посетили места и города, где я бывала раньше. После Крыма, Кавказа и карельских озёр Балатон показался нам скучным, мы объехали его по периметру и не стали там останавливаться. В Будапеште задержались для осмотра достопримечательностей и для покупок. Миша интересовался пластинками, купил Аббу и Куинс и ходил, прижимая их к груди. Мы с Виталием приобрели себе недо-

ступные тогда в Москве дублёнки. К сожалению, ни записей, ни фотографий не было сделано, хотя ярких впечатлений от этой поездки было немало.

8.2. Отдых на Десне

Вторая поездка была на реку Десну близ города Остёр. Сейчас это Украина, а тогда была республикой и входила в состав СССР. По дороге на Десну произошёл забавный случай. Я вышла из машины, чтобы зайти в магазин. На улице было грязно после дождя и мои босоножки оказались испачканными. Перед тем, как сесть в машину, я их сняла с намерением очистить, но отвлеклась, закрыла дверь, и мы поехали дальше. Обнаружила, что сижу босая, только на следующей остановке, возвращаться не было смысла. Босоножки были новые, красивые, белые с жёлтой лаковой вставкой, Виталий только что их купил мне по случаю. Но, как говорится, «пальта не надо». Были у меня в жизни ещё два подобных эпизода. Один раз я оставила куртку у дороги, где присела отдохнуть по пути на дачу. Во второй раз вывесила отличный бархатный пиджак горчичного цвета на балкон, чтобы он выветрился от табачного дыма после ресторана. Надолго забыла о нём, потом искала, пока не поняла, что его, видимо, снесло ветром на землю кому-то в подарок.

Стоянка на Десне была пасторально прекрасной: вековая чистая дубовая роща на ярких зелёных лугах. По утрам по росе в лёгком тумане мы делали пробежки босиком, потом

купались в быстрой и глубокой Десне, готовили себе еду на газовой печке. Продукты и зелень в изобилии покупали в селе на другом берегу, куда добирались на лодке. Я под сенью дубов писала свою книгу, а Миша с Виталием общались с соседями. Мы ездили на это место два года подряд, компания для общения у нас там была идеальная – приятная пара из Украины с девочкой Мишиного возраста. Идиллия была разрушена Чернобыльской аварией. Это прекраснейшее место было загрязнено радиоактивным излучением и попало в зону отчуждения.

С Десны, как, впрочем, и из других южных мест, мы возвращались с машиной, загруженной до самого верха овощами и фруктами. Заезжали в Нежин, знаменитый своими огурчиками и закупали для засолки на всю зиму. Везли помидоры, фрукты, баклажаны и прочее, а дома солили, мариновали и закатывали в банки. Погреб в гараже был полон: овощей, солёных огурцов и помидор, варенья, капусты, антоновских яблок, нам хватало на зиму и даже оставалось для раздачи знакомым. Однажды, когда мы остановились на перекрёстке в каком-то месте с нагруженной машиной, к нам подошёл мужик и злобно крикнул в открытое окно:

– «Хапуги московские!»

Нам было и смешно и неприятно, поскольку это было просто выражением национальной нетерпимости. Признаки её были всегда, что бы ни говорили сейчас о былом братстве славянских народов. Но в торговых отношениях как раз ни-

какой неприязни не было. Покупки сельхозпродукции наоборот способствовали развитию частных хозяйств.

8.3. Поездки в Друскининкай

Летом мы отправились на машине в Литву, в Друскининкай, бальнеологический курорт на юге страны. Место чрезвычайно живописное и удобное для отдыха. Сам городок чистый и красивый, кемпинг расположен на его окраине в прекрасном сосновом лесу на берегу реки Неман. Рядом минеральная вода и предприятия питания, кругом леса полные грибов. По утрам мы совершали пробежку до минеральных источников, пили воду, возвращались, завтракали, купались, ходили за грибами. В первое время мы обедали в кафе, где нам нравилось местное блюдо «цеппелины» (картофельные котлеты фаршированные мясом), а потом начали готовить сами, как правило, гигантский жульен: целую кастрюлю лисичек с сыром и сливками.

Собирать грибы там было одно удовольствие. В лесу на склонах ярко – зелёных полян светились многочисленные огоньки: жёлтые лисички. Можно было без труда набирать их в любом количестве, и мы мариновали на зиму по 3-4 трёхлитровых банки. Везли банки открытыми, чтобы грибы не испортились, поскольку их обработка была предварительной и должна была завершиться дома. Однажды Виталий, переливая бензин из канистры, случайно плеснул немного в одну из банок. Выбрасывать все грибы было жалко, я сняла

верхний слой, дома замариновали и съели без последствий.

Нам очень понравилась эта поездка, и мы повторили её и на следующий год. Было тоже очень хорошо, только в отличии от первого раза, когда мы жили в палатке, мы сняли домик на территории этого же кемпинга. А потом совершили поездку по всем прибалтийским республикам.

8.4. Домашние дела

В домашнем хозяйстве у нас было всё неплохо организовано. У Виталия на производстве были частые «заказы» (наборы дефицитные продуктов и товаров) и он постоянно привозил домой полный портфель, набитый как рюкзак. С одеждой и обувью тоже как-то решалось. Много я покупала в своих загранпоездках, что-то удавалось по случаю купить дома, что-то шила сама.

Все годы моей жизни в Москве я была постоянно занята, расписывала дела на каждый день, но не чувствовала себя как загнанная лошадь, потому что мне нравилось многое из того, что я делала. Кроме того, в плане работы я никогда не испытывала давление извне. А после защиты докторской диссертации чувствовала себя ещё более свободно. На скуку, даже о родных, времени никогда не оставалось. С ними я регулярно и подробно переписывалась, часто бывала в Новосибирске, к нам приезжали мои сёстры Зоя, Галя, папа; а мама, как я уже писала, подолгу у нас жила. Единственным тяжёлым временем для меня было, когда маленький Миша

находился в Новосибирске.

В 1983 году Миша окончил школу, и поступил в МИСИ на факультет Промышленного и гражданского строительства.

8.5. Печальные события

Осенью 1982 года поступили от семьи в Новосибирске печальные известия: папе сделали неудачную операцию, и спустя немногим более двух месяцев, он умер. Это случилось 18 декабря. В Москве шёл дождь со снегом, погода была не лётная, и аэропорт был забит до отказа, негде присесть. Билет мне по телеграмме продали, но рейс постоянно откладывался. Я под дождём ездила домой и обратно в аэропорт пока наконец не улетела. Печальное событие собрало многих родственников: прибыл брат Володя из Тынды и сестра папы Полина из Киева. Мама очень горевала, всю ночь просидела около гроба, ей было, что вспомнить за шестьдесят лет совместной жизни.

Спустя 6 лет после смерти папы, в июле 1988 года, после двух месяцев болезни. Она попросила мою сестру Галю пригласить священника для соборования. После принятия этого таинства мама была уверена, что немедленно умрёт, но продолжала жить и очень переживала по этому поводу. Тогда она попросила привезти священника ещё раз, но тот отказывался, ссылаясь на достаточность одного соборования. Галя просила и плакала, и, когда он согласился поехать, выяснилось, что у Гали нет денег на такси. В волнении она остави-

ла кошелёк дома, и священнику пришлось оплатить проезд в троллейбусе не только за себя, но и за Галю.

Не помню, по какой причине я не прибыла в Новосибирск, пока мама ещё была жива, но не могу себе этого простить. Ведь какие бы важные дела у меня ни были, я всё равно полетела на похороны. Предполагаю, что с одной стороны, я боялась увидеть её смерть, а с другой, боялась своим приездом как бы подтвердить её скорую кончину. Тогда я не понимала, что это событие не было для неё ужасным, она была к нему давно готова.

Отпевали маму в храме, который она много лет посещала, очень торжественно, с хором послушников и зажженными свечами. Мы заранее это не предусматривали, так само получилось. Похоронили её рядом с могилой отца. Вечером после похорон и поминок Володя, я и Галя разговаривали, и на нас напал нервный смех. Успокоившись, мы легли спать, а Володя пошёл в комнату мамы. Среди ночи он вбежал к нам с испуганным криком:

– «Валя, Валя!!!».

Что ему приснилось или привиделось, он нам тогда не сказал. Только в последние дни своей жизни признался, что ему было предсказано, что после смерти матери он проживёт недолго. И действительно, он прожил только 7 лет. Володя приехал в Москву из Тынды с тяжёлым диагнозом рака желудка на последней стадии. Собственно, он приехал в больницу, у нас он уже не бывал. Врачи мне сказали, что лечение

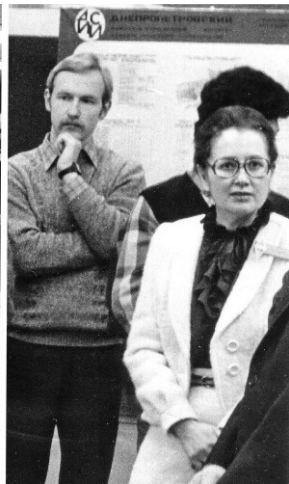
бесполезно и жить ему осталось около 4-х месяцев, так оно и случилось. Народное средство, привезенное его женой из Таджикистана, естественно, не помогло.

Поскольку болезнь была скоротечной, он не успел поху- деть и выглядел хорошо, но знал что умирает. Его жена Зоя прямо ему об этом говорила и даже показывала купленный для захоронения костюм. В день смерти я была с ним до са- мого последнего вдоха, держала его за руку, он её то сжи- мал, то отпускал, но уже не говорил. Мы с Зоей перевора- чивала его на бок, стараясь облегчить положение. Наконец, мать Зои сказала, чтобы мы оставили его в покое и тогда он тихо отошёл. На похороны приехала моя сестра Зоя, при- шло неожиданно много народа: московские друзья и друзья и коллеги из Тынды.

Глава 9. Новые обязанности

9.1. Смотр дипломных проектов

Сразу после защиты меня назначили ответственной за проведение смотра дипломных проектов, благодаря которо- му

Рядом со мной ректор В.Я.Карелин

руководство предполагало сделать хорошую рекламу своему институту. Работа была большая: создание по отбору проектов по факультетам, просмотр, единое графическое представление и оформление выставки, аннотации, отчёт и подготовка его к изданию. Естественно, желающих тратить собственное время на это не было, а я, по мысли проректора по учебной части И.В.Прозорова, должна была «отработать» полученную степень. Он курировал все работы и настаивал, чтобы я сама представляла выставку при её открытии, видимо, желая подчеркнуть мою ведущую роль в этом мероприятии. Но я уклонилась от этой чести, и без того я была на

ней самая заметная не только из-за своих постоянных мельканий туда-сюда и распоряжений, но и из-за белого костюма на почти однородном тёмном фоне.

Весь коллектив, который я имела полномочия подобрать по своему усмотрению, хорошо поработал, и выставка удалась на славу. Было много заметных посетителей, даже из ЦК партии, о нас писала центральная пресса, показывали по местному ТВ, а общесоюзной программе «Время» я давала краткое интервью. Потом мне долго звонили знакомые из разных городов страны с поздравлениями. Отчёт был издан великолепно и все мы получили хорошую премию, которую я сама распределяла.

9.2. Комиссия по Архитектуре Минвуза СССР

После защиты докторской диссертации, когда я ещё работала на кафедре Архитектуры, мне предложили быть председателем комиссии по образованию Минвуза СССР и сформировать её состав. Ещё одна нагрузка, но от такой чести не отказываются. Как принято, в любую комиссию включаются симпатичные председателю люди, и я не была исключением. В данном случае все были специалистами высокого класса, и за короткое время комиссия проверила три строительных вуза: Новосибирский, Ленинградский, Самаркандский. Поездки в другие, уже намеченные города, были прерваны начавшейся Перестройкой.

Работа была поставлена солидно. К нашему приезду ин-

ститут готовил выставки учебных и научных материалов и работ, мы встречались с ведущими преподавателями, нам показывали институт и его службы и, конечно, возили для осмотра достопримечательностей городов и памятников архитектуры. Наша задача состояла в составлении заключительного протокола о состоянии обучения и уровню научной работы в вузе и рекомендациями по его совершенствованию.

В родном Новосибирском институте я застала ещё преподавателей, которые вели у меня занятия. Не знаю, помнили ли кто из них меня, но все знали, что руководитель делегации выпускница этого вуза. Я вместе со своим коллективом ездила на экскурсии и, хотя я неплохо знала Новосибирск, существенно пополнила свои сведения благодаря лучшему знатоку города С.Н.Баландину. Это был наш первый отчёт Минвузу СССР, и от там очень понравился.

В Ленинградском инженерно-строительном институте (ЛИСИ) тоже прошло всё хорошо, хотя началось не очень удачно. Когда мы приехали в гостиницу института, где нас поселили, комнаты её были предельно захламлены, кругом мусор. Я поговорила с директором гостиницы, мы поехали в институт, а когда вернулись, всё сверкало чистотой. Наша компания много смеялась над моей строгостью, мы вообще слишком много смеялись, а это всегда не к добру. На обратном пути в поезде мы проснулись от крика проводника. Оказалось, он забыл нас разбудить, поезд давно стоит в Москве, а вся наша команда крепко спит. В купе со мной

ехала Татьяна Бирюкова – секретарь комиссии, а в соседнем – профессор МАРХи С.В.Демидов и профессор нашей кафедры К.К.Шевцов. Последний, как бывший военный, собрался мгновенно и выскочил на перрон. Я из тамбура, бросила ему свой саквояж, но поезд уже начал движение, и я побоялась прыгнуть. Втроём мы поехали в далёкое депо. Проводник ругался, а когда поезд остановился на какой-то стрелке, предложил нам выметаться из вагона. Кое-как мы вылезли (у С.В.Демидова был протез ноги) и пошли по рельсам до ближайшей станции. Там удалось взять такси и, когда мы приехали на вокзал, К.К.Шевцов стоял на краю платформы и смотрел вдаль из-под руки, видимо, ожидая увидеть нас на путях.

Поездка в Самарканд была проблематичной по своей содержательной стороне. Нужно было выработать предложение оставлять ли архитектурную специальность в составе строительного факультета. Понятно, что узбеки очень хотели бы её оставить, и потому изо всех сил старались нас принимать как можно лучше. Но я, как руководитель, не хотела оказаться в неудобном положении и решительно отказывалась от всяких банкетов и приёмов, ссылаясь на проводимую в то время кампанию активной борьбы с алкоголизмом. Узбеки всё-таки нашли способ. После пары дней работы в стенах института, они отправили нас на три дня для составления заключения в загородный дом отдыха. Там для начала мы отметили в своём коллективе недавно прошедшие

дни рождения: мой и К.К.Шевцова (у нас они совпадают). Он прихватил с собой из Москвы коньяк, я купила на рынке ведро клубники и мы славно попиروвали среди зеленых деревьев, цветущих маков и журчащих ручейков.

Наша рекомендация оставить архитектурную специальность была в пользу узбеков, но на неё никак не повлиял их радушный приём и даже то, что домой мы везли в качестве подарков ящики с фруктами. Не знаю, повлияло бы или нет мнение комиссии на принятие решений Минвузом СССР, но наши четко аргументированные рекомендации оказались бесполезными: грянули глобальные изменения, связанные с Перестройкой и распадом страны.

9.3. Высшая Аттестационная Комиссия (ВАК СССР)

С начала 1885 учебного года я была включена в качестве представителя нашего института в Высшую Аттестационную Комиссию (ВАК) СССР по присуждению учёных степеней и званий. Это была высокая, и надо сказать, неожиданная честь, поскольку другие институты и организации представляло высшее руководство: директора, ректора или проректора. Проработала я в ВАКе семь лет, за это время состав комиссии менялся и, таким образом, я имела возможность познакомиться со многими значительными людьми в нашей области, не только из Москвы, но и из других городов.

В задачу эксперта входило ознакомление с диссертацией, протоколом защиты, отзывами и написание краткой резолю-

ции, завизированной ещё двумя членами комиссии. Как правило, по кандидатским диссертациям они всегда были положительными, хотя мне пришлось однажды вызывать автора работы для разъяснений. По докторским диссертациям разбирательства, как и в моём случае, случались часто. Мне однажды вручили на экспертизу очень слабую работу, её никто не хотел брать, чтобы не писать отрицательную рецензию, потому что автор был внуком знаменитого артиста. Мне тоже не хотелось затевать это обсуждение, но было обидно за тех, кто годами работает и не может пробиться к заветной степени. К тому же Н.Н.Ким, хорошо знавший соискателя, призывал меня к объективности, горячо говорил о падении уровня научных работ и нашей ответственности за это. История закончилась небольшой суматохой в Совете, утверждением претендента и появлением у меня потенциального врага.

На заседаниях комиссий мы дружески общались, в том числе и в хорошем буфете. Нам даже за это платили, кажется, по 3р.50 коп. за час; примерно, 10 руб. за посещение. Я была одной из двух женщин в комиссии, вторая бывала на заседаниях редко, так что я считалась безусловной королевой и все за мной галантно ухаживали. Особенно увлекательными были наши философские беседы с директором института Градостроительства Владимиром Владимировичем Владимировым. Мы часто уходили с ним вместе с заседаний, нам было не только по пути к дому, но и по пути к религии.

9.4. Мои аспиранты

Моей первой аспиранткой была Магда из Каира. Официально она числилась за В.М. Предтеченским, но фактически полностью была под моим руководством. Я начала с ней работать сразу после защиты своей кандидатской. Я очень не хотела её брать, зная, что за многими зарубежными аспирантами приходится делать работу самой. Предлогом было то, что она не знает русский язык, а я – английский. Она пообещала русский выучить и через 3-4 месяца явилась ко мне без переводчика. Я ушам своим не поверила: она говорила, причём почти без акцента! Очень была способная и практичная девушка со стальным характером, но не очень привлекательной внешностью. В Москве она вышла замуж за своего богатого и красивого соотечественника, родила ребёнка, которого поместила в русские ясли, а перед отъездом на родину накупила в Доме моделей на Кузнецком мосту нарядов, говоря, что у нас они продаются просто даром. После защиты она, по слухам, работала вместе с мужем в Арабских Эмиратах. На память о ней у меня сохранился ажурный серебряный браслет с египетскими мотивами.

Следующей аспиранткой была Наталья Чернышева из ЦНИИПромзданий – добросовестная, скрупулёзная, усидчивая, идеально подходящая для секретаря Учёного совета, кем она впоследствии и стала. С Наташей было много хлопот, она была выпускницей МАРХи, хорошо рисовала и упорно пыталась возместить недостаток научных идей гра-

ффикой. Жаль, что я не сохранила созданный ею специально для меня рисунок «Древо жизни» по мотивам идей моей диссертации.

Два аспиранта из Молдавии – Николай Павлович. Чиобану и Нистор Грозаву были моими любимыми аспирантами. Оба серьёзные, инициативные, умные ребята, всё делали самостоятельно, я только осуществляла общее руководство и направляла в рамки нужных мне задач. После защиты Николай Павлович многие годы руководил кафедрой в Техническом Университете Молдовы и до сих пор параллельно занимается проектированием. Нистор Грозаву избрал политическую карьеру, но продолжает читать лекции. Из всех моих аспирантов они оказались самыми верными и благодарными. После моего отъезда в Израиль отыскивали меня по Интернету, написали письма и регулярно поздравляют с памятливыми датами. А Николай Павлович с женой посетили нас здесь.

Гинтарис Цинялис из Вильнюса – человек практичного склада и западной ментальности: серьёзный, суховатый, чёткий, отстаивающий собственное мнение, не взирая на лица. В этом он был сильно похож на свою мать, в то время как его отец Антониус был приятным и открытым для общения человеком. С его родителями мы познакомились на Куржской косе, где вместе отдыхали. Ещё раз мы были вместе с ними на озере, на базе отдыха проектного института, где работал Антониус. Гинтарис после защиты много работал в странах Запада, в частности, Швейцарии. Двух человек

я вела по линии заочной аспирантуры – Вячеслава Тимощука из Питера и Дмитрия Морозова из Алма-Аты. Оба были немного старше меня, и у себя в организациях руководили большими коллективами. С ними не было никаких проблем, оба успешно защитились. Вячеслава Тимощук подарил мне две небольшие акварели известного новгородского художника С.Пустовойтова, они постоянно передо мной. А Дмитрий Морозов убедил меня в том, что я могу читать по старославянски. Будучи в моём домашнем кабинете, он увидел старое Евангелие и спросил, читаю ли я его. Услышав, что я не знаю старославянского, он очень убеждённо сказал:

– «Вы его знаете, попробуйте читать!»

И правда, я сразу начала читать и практически всё оказалось понятным, а непонятное можно было прояснить в параллельном русском тексте. Наверное, мамино чтение, которое было всегда на слуху, этому способствовало.

Был у меня аспирант из Узбекистана, Абилкосим. В отличие от других, которые поступали с намерением работать со мной, он достался мне по распределению между потенциальными научными руководителями кафедры. Братъ его ни у меня, ни у других особого желанія не было, он и сам не знал, чего хотел, но оказалось, что у нас с ним совпадают дни рождения и это решило дело. Ему повезло ещё один раз, когда после развала СССР прошёл слух, что аспиранты из бывших союзных республик должны будут платить за обучение и за все процедуры, связанные с защитой. Я знала, что

он из аула, из очень бедной многодетной семьи, платить ему нечем, к тому же он уже был женат. Я была зам. председателя Совета по присуждению учёных степеней и потому имела дерзость выпустить его на защиту не только раньше окончания срока аспирантуры, но и с диссертацией сомнительной на тот момент ценности и он защитился. О его дальнейшей судьбе мне не известно, но уверена, что он умело использует своё московское обучение. Надеюсь, что из него получился хороший учёный или преподаватель, но я так и не могла понять, есть ли у него для этого другие качества кроме исполнительности. Он во всём со мной соглашался и, даже когда я его провоцировала, он не смущаясь тут же менял своё мнение. От него у меня тоже осталась память: он научил меня варить узбекский плов. Кстати, он недавно нашёл меня через Интернет на сайте и попросил с ним связаться, что, к сожалению, не удалось.

Ещё одна аспирантка до моего ухода с кафедры не закончила свою работу, и я передала её своему коллеге Вячеславу Фёдоровичу Яковлеву, который довёл её до защиты. Светлая ему память.

Среди моих аспирантов не защитился только один Александр Завенович Акопов. Безусловно, талантливый человек, обладающий блестящими способностями, но в области его интересов значительное место занимала работа, связанная с ТВ. В наступившие времена Перестройки у него появилась возможность заняться мультимедиа профессионально.

На пути к успеху он не мог терять время даже на защиту, хотя диссертация у него была уже полностью готова. У него хвалили деликатности попросить меня, чтобы я его отпустила с кафедры. Я, понимая ситуацию, не могла его не его отпустить, хотя он и без моего разрешения ушёл бы. Сейчас он теле – и кинопродюсер, телеведущий и президент крупного концерна.

Глава 10. Работа в зарубежных вузах

10.1. Чешское Высшее Техническое Училище в Праге

В командировку в Чехословакию я ездила в разное время года и на длительное время: от трёх недель до месяца. Дел в этих поездках было немного, основное время я проводила в осмотрах достопримечательностей, посещениях музеев, в магазинах и на улицах. Я целыми днями ходила по разработанным мной маршрутам, подробно изучила Прагу и знала её безусловно, лучше чем Москву. Моим партнёром по научному сотрудничеству был Вацлав Гаек с внешностью чешского короля. Его многочисленные связи позволили мне побывать в местах, где туристы бывают редко. Вацлав всегда был готов что-нибудь поесть и выпить, и знал где это лучше всего сделать. В Пльзене по подвалам знаменитого пивного завода нас водил главный технолог. Там мы пробовали пиво из медных кружек прямо из-под кранов, а продолжили это

заяние в его кабинете. Естественно, это было лучшее пиво в моей жизни, хотя повлекло за собой тяжелейшую проблему из-за отсутствия туалетов на обратной дороге в Прагу.

С Вацлавом мы побывали и на не менее знаменитой фабрике чешской бижутерии, где я была одарена всякими украшениями. Были и во вновь отреставрированном театре оперы и балета, где осмотрели все помещения и сцену. Вацлав любил приезжать в Москву, иногда вместе со своей женой Кветой. Мы тоже устраивали им разнообразные развлечения, ресторанные и домашние обеды. Я, приезжая в Прагу, бывала в их прекрасном особняке, построенном Вацлавом по собственному проекту. Однажды для собравшихся гостей делала пельмени, которые Вацлав очень любил у нас есть. Не раз бывала я и на их чудесной даче. Собственно, это была старая усадьба с просторным красивым домом с камином, в необычайно живописной холмистой местности. В 1984 году я поехала в Прагу уже со степенью доктора. Этот статус позволил на церемонии выдачи дипломов выпускникам Высшего Технического Училища одеть меня в мантию, но поскольку я тогда ещё не получила звание профессора, то не имела права на цепь, отличавшую их от остальных преподавателей. У нас такой формы ещё не существовало и для меня облачение казалось атрибутом средневековья.

10.2. Веймарская Высшая Школа Архитектуры и Строительства

В Веймаре я тоже бывала часто и жила подолгу. Благодаря моим коллегам, ознакомилась не только со всеми примечательными местами города, но и со всеми окрестными замками и городками, летними и зимними базами отдыха Тюрингии. Как-то в воскресенье я решила посетить расположенный вблизи Бухенвальд. Сопровождение немецких товарищей я посчитала не корректным, и отправилась одна. Оказалось, что автобусы в этот день не работают, и я пошла пешком. Выйдя за город, увидела совсем недалеко, через поле строения лагеря. Поле показалось мне ровным, и я пошла прямо через него, хотя была в дорогих сапогах на высоких каблуках. Вскоре я обнаружила, что поле всё изрыто и покрыто рвами, как я потом узнала, оно служило танковым полигоном советских войск, которые там дислоцировались. Я попробовала выйти с поля кратчайшим путём, но ещё большее увязла. Тем временем пошёл дождь со снегом. Кое-как я добралась до остановки автобуса рядом с лагерем, села на скамейку, и идти в лагерь уже не было сил. Шёл дождь, до города было несколько километров, но выбора у меня не было, и я пошла пешком по шоссе. Зонта у меня тоже не было, кожаное пальто намокало, тяжелело и теряло форму и, поэтому я сразу же согласилась сесть в машину человека, который предложил меня подвезти. Мы приятно с ним побеседовали, и он довёз меня до дома Б.Грюнвальда. Хозяева тут же затопили печь в маленькой комнате, уложили меня на диван и я немедленно и надолго уснула.

Мой второй коллега профессор Герхард Баумгертель стал к тому времени мэром города Веймара и принимал и меня, и нас с Виталием вместе, на высшем уровне. Ужинали мы, не иначе, как в лучших ресторанах «Элефант» или «Русский двор». С ним мы совершили двухдневную поездку по осенней Тюрингии. Ночевали в г. Лейнефельде, где директор текстильной фабрики пригласил нас к себе домой на вечер. Меня удивило, что перед визитом мы зашли в ресторан и поужинали. К двери дома директора подошли за пару минут

В Народном Доме Праги на вручении дипломов. Вацлав справа

до назначенного срока, подождали эти минуты и только тогда позвонили. Директор с женой оказались очень весёлыми и простыми людьми, у них был роскошный винный подвал, но еды действительно не было, только какие-то орешки и хрустелки. Потом, когда уже много выпили, начали жарить сосиски, звонить Виталию в Москву и приглашать его приехать.

Памятная поездка с Герхардом у нас состоялась во Владимир и Суздаль. Институтские машины были в этот день все заняты и мне дали для экскурсии большой автобус. Я приглашала всех желающих с кафедры, но набралось всего человек 5. Дело было поздней осенью, погода холодная, сырая, с гололёдом. Несмотря на это, ранним утром мы тронулись в путь в надежде, что днём ситуация улучшится. Путь предстоял долгий, более 200 км и, когда мы проехали половину, пошёл мокрый снег, и дорога превратилась в настоящий каток. Разумно было бы повернуть назад, но шофёр не настаивал и мы продолжали движение.

Соборы Владимира никого не оставили равнодушными. А когда в свете угасающего дня возникли, как мираж в белой пустыне, церкви Суздаля все так и ахнули. Пока мы обедали в ресторане с шампанским по случаю дня рождения Гер-

харда, стало почти темно. Возвращались мы по всё ухудшающейся дороге, и я после того как развезла всех по домам, добралась до дома в третьем часу ночи. Виталий и родные моих спутников уже обзвонили все милиции, и находились в страшной тревоге. Но более всего мне до сих пор жалко безропотного водителя, на которого пала вся тяжесть поездки.

В ГДР я совершенно неожиданно обнаружила, что моя кандидатская разработка успешно применяется в проектном институте г. Ростока. Я свою программу им не передавала, но не возражала против её использования. Наоборот, было приятно, что мой труд и труд моих аспирантов кому-то пригодился.

После того, как я перешла на кафедру САПР, работа с бывшим Восточным сектором Германии продолжалась, хотя и не так интенсивно, как раньше. В конце 1995 года я поехала туда вместе с А.А.Гусаковым. Его друг и мой давний знакомый Питер должен был нас встретить на вокзале, но его там не оказалось, и домашний телефон не отвечал. Стояла зима, вокзал в Веймаре не приспособлен для ожидания, там холодно, как на улице, и мы мгновенно замёрзли. Я оставила Александра Антоновича на вокзале и пошла в институт, чтобы найти дежурного и как-то устроиться на ночлег. К моему счастью, в институте было какое-то происшествие, и я встретила у главного здания ректора, который меня знал. Нашли Питера, и он забрал нас на ночь к себе. Питера я хорошо знала, ни раз принимала его и бывала у них в гостях. Их приёмы славились однообразностью и минимализмом ассортимента угощения: всегда и только горячие бутерброды с сыром. В тот вечер они достались и нам.

Утром нас поселили на частные квартиры. С ней Александру Антоновичу не повезло: завтраки там были чрезвычайно скудными, в то время как у моей хозяйки просто роскошными. Но главное, его обидело поведение Питера. Он не только неоднократно жил дома у Александра Антоновича, но тот устраивал ему поездки в разные места, в том числе, в Узбекистан. Кроме неблагодарности, Питер ещё позволял

себе небрежное отношение к бывшему другу, обращался исключительно ко мне, а ему говорил:

– «Пора бы тебе изучить хоть какой-нибудь язык».

После падения Берлинской стены малозаметные прежде Питер и его жена стали проявлять большую активность и стали членами какого-то элитного клуба. На клубную Рождественскую вечеринку в ресторане «Русский двор» приглашены были и мы. Там проводили очень забавную игру с розыгрышем подарков. Моему коллеге досталась аляповатая перечница в виде дамы с громадным бюстом, а мне удалось выиграть главный приз – хрустальный колокольчик, которым председатель клуба открывал заседания. Я оставила его нашим друзьям Кернхенам.

В последние годы перед падением Берлинской стены Бернд был директором института Градостроительства в Берлине, где я тоже у него бывала. А после он, как функционер и убеждённый коммунист, был отстранён от всех должностей. К материальным благам Бернд относился спокойно, жили они скромно, много помогали людям. Помню, в Москве, возвращаясь из Вьетнама, он пришёл к нам в одной рубашке. Всё что у него было, отдал бедным коллегам. Крушение своих идеалов он перенёс тяжело и трагически ушёл из жизни. Светлый и честный был человек. Его жену Марлис уволили с работы, выселили из дома, и ей пришлось снимать комнату. В последний наш приезд в Веймар в 2000 году мы нашли её телефон, но лично с ней не удалось поговорить. Мы по-

няли, что она не хочет встречаться с людьми, знающими её в лучшие времена. Их бывший дом теперь занимает созданный Берндом музей, который мы хотели посетить, но, к сожалению, он был в тот день закрыт.

Сотрудничество с этой школой развивалось по нескольким направлениям. Мы создали ряд совместных сборников научных статей, обменивались результатами исследований, обе стороны принимали студентов и аспирантов для включенного обучения.

Выше я уже упоминала и о неформальных связях между коллегами из дружественных вузов. В 2019 году исполнилось 50 лет совместного сотрудничества, и это дата торжественно отмечалась в Московском Государственном университете.

10.3. Технический Университет Западного Берлина

В 1988 году группа из трёх профессоров с разных кафедр института была направлена в Западный Берлин для определения возможности сотрудничества с Техническим Университетом. В составе группы, кроме меня, были профессора Т.Г.Маклакова и Д.С. Самойлов. Этот город в силу его статуса считался тогда почти враждебным и на наших совещаниях в Берлине частенько присутствовал очень вежливый и внимательный сотрудник посольства. Поездка для меня окончилась успешно, мне удалось установить контакты с зав.кафедрой проф. Эберхардом Кернхеном. В дальнейшем с ним и

сотрудниками его кафедры мы весьма плодотворно работала многие годы вплоть до моего отъезда в Израиль.

Поездки в Западный Берлин и ответные Эберхарда в Москву стали ежегодными. Мы организовали также обмен студенческими группами, совместные проекты, в частности, варианты реконструкции ул.Пречистенка, застройки Красной площади и т. п. Естественно, все проекты выполнялись с помощью компьютеров.

Обменявшись первыми визитами с Эберхардом К., мы познакомились с семьями друг друга и подружились. Жена Эберхарда Вальтраут работала на кафедре своего мужа и иногда приезжала с ним в Москву. В своих командировках в Берлин я стала жить у них и в Берлинской квартире, и в собственном доме в Эрфурте. Они жили у нас дома, и их коллеги, размещавшиеся в гостинице, расспрашивали в подробностях: что они у нас ели на завтрак, обед и ужин. Как правило, им наша еда очень нравилась и ели они с отменным аппетитом. Только однажды Вальтраут отказалась от сардельки, сказав, что такие они покупают только для собаки. Между тем, у нас это был весьма дефицитный продукт, и я радовалась, что могу накормить избалованных гостей совсем по-немецки: с пивом, горчицей и тушёной капустой.

С семьёй Кернхен мы с Виталием много ездили по Германии, обычно из их дома в Эрфурте. Отец Эберхарда был частным застройщиком, и дом построен на большую семью: 2 этажа с мансардой, на прекрасной территории, примыка-

ющей непосредственно к реке и городскому парку. Внутри двора семье принадлежит ещё один, оставшийся от далёких времён дом в нарядном традиционном фахверковом стиле. До воссоединения Германии Ерфурт находился на территории ГДР, их дом был отчуждён в пользу государства и передан другим владельцам. После падения Берлинской стены всё возвратили Эберхарду, а незаконные владельцы остались, превратившись в съёмщиков части дома. В старом домике никто не жил и хозяева предлагали нам занимать его на лето, если мы того пожелаем.

С Вальтраут Керхен, я слева

В нашем сотрудничестве участвовал ещё один интерес-

ный человек – проф. Вагнер. Под его руководством была группа разработчиков всевозможных устройств, предназначенных для людей с ограниченными возможностями. Позже я узнала, что его дочь страдает болезнью Дауна, что, наверное, повлияло на характер его исследований. Он за долгие годы работы в Университете никогда не приглашал к себе домой сотрудников. Моё появление изменило эту ситуацию, и я вместе с Эберхардом, получила приглашение на ужин. Поскольку у меня была племянница с этой болезнью, умершая в двухлетнем возрасте, я с интересом наблюдала за взрослой дочерью хозяев дома. Она сидела за общим столом и вела себя почти нормально. Жена профессора Вагнера посвятила себя её воспитанию, обучала дома и в разных спецучреждениях, где для больных детей создавались все условия для развития. Их даже вывозили за границу.

1991 г. Виталий, проф. Вагнер, я, проф. Кернхен

Вальтраут познакомила нас со своей подругой Анной – Дорой, одинокой и богатой женщиной. Она много лет болела раком, но держалась стойко, не бросала работу учительницы биологии, что совсем ей было не нужно с материальной точки зрения. С Анной- Дорой мы много ездили вместе, я не раз была в её квартирах в Берлине и на её чудесной даче. Она была приятной в общении, любила поесть и всегда приглашала в рестораны. На память от неё осталась подаренная мне шёлковая блузка из дорогого магазина.

В Москве мы тоже старались показать гостям достояние

нашей столицы и страны с выгодной стороны. Возили их по памятникам архитектуры, в Сергиев Посад, Новый Иерусалим, Архангельское и прочие исторические места. Как-то мы поехали в Новый Иерусалим глубокой осенью, было очень холодно и слякотно. Воскресенский собор был закрыт для посещения и мы, чтобы его осмотреть, присоединились к группе специалистов-реставраторов. Их беседа была для нас излишне подробной и затянулась на долгое время. Мало того, что мы промёрзли до костей и не могли выйти, ещё и проф. Вагнер остался на улице за закрытой дверью. Потом мы его нашли в поисках нас мечущегося по территории. Но немцы, по крайней мере те, с которыми я знакома, отличаются тем, что никогда не жалуется и все трудности переносят стойко.

С семьёй Кернхенов мы общаемся до сего времени, а в 2000 году они пригласила нас в большое путешествие по Европе с отдыхом в Швейцарии. Об этом в следующей части моего повествования.

10.4. Узбекистан

Я в свою очередь устроила своим немецким друзьям Кернхенам путешествие в Самарканд, которое произвело на них сильное впечатление. С гостиницей и прочими организационными делами нам помог вуз, где я бывала раньше, и семья моего аспиранта Абилкосима. Институт для ознакомления с городом и окрестностями предоставил нам в качестве

гида знатока местной архитектуры и микроавтобус. Мы всё подробно осмотрели, побывали на рынке, вечернем шоу на площади Регистан о истории страны, концерте музыкальной группы, исполняющем популярную национальную музыку. На нем в проход между рядами кресел выходили умелые танцоры из зрителей, вызывающие бурные аплодисменты.

С братом Абилкосима мы ездили на машине в Бухару, осмотрели её крепость с медресе и минаретами. На ямы для пленников было жутко смотреть даже сейчас. Обедать нас завезли в глухой аул к родственникам наших сопровождающих. Дом за высоким и крепким глухим забором мы не осмотрели, нас прямо провели в комнату для гостей с низким столиком и вокруг него посадили на ковёр в окружении множества подушек. Подавались узбекские блюда, для гостей коньяк и вода для местных жителей.

Потом ходили к мулле, он произнёс для нас молитву, мы поклонились и поехали дальше. Самый незабываемый момент этого путешествия для меня – наша обратная дорога из Бухары в Самарканд. Ехали в полной темноте, какая бывает только на юге, а чёрное небо сплошь покрывали звёзды необычайной крупности и яркости. Таких громадных звёзд я больше в своей жизни не видела.

В узбекском ауле

10.5. Ленинград

Ещё одна совместная поездка с нашими друзьями Эберхардом и Вальтраут Кернхен была у нас в Ленинград, Она состоялась через несколько дней после похорон матери Виталия. Отменить поездку было нельзя, всё было заранее подготовлено, заказана гостиница, назначены встречи с коллегами. Поскольку я была не в форме, то слабо контролировала ситуацию, и мелкие неприятности сопровождали нас всю

дорогу. В первый же вечер Кернхены потерялись. После нашего приезда в Ленинград, мы остановились в ведомственной гостинице ЛИСИ. Я валилась с ног от усталости, а они захотели погулять по ночному городу и заблудились. Гостиница располагалась в доме на канале Грибоедова, а застройка в этом районе весьма однообразная, и они никак не могли узнать нужный дом. Блуждали, чуть ли не до утра, спросить было не у кого, потому что гостиница не имела названия и о ней мало кто знал. Да они и не говорили по русски.

Я была постоянно озабочена тем, где мне с ними поесть и что. Это были тяжелые годы с продовольственным обеспечением. Хорошо, что помогали друзья Виталия – Володя и Бэла Фромзели. Они организовали личного экскурсовода по Эрмитажу и устроили у себя шикарный приём. Мать Володи была преподавателем немецкого языка и с большим удовольствием общалась с гостями, разгрузив меня от постоянного перевода. В конце путешествия я едва не попала под туристический автобус, вызвав большой переполох на улице.

Весной 1996 года, перед самым отъездом в Израиль, я ещё слетала в Западный Берлин, чтобы передать сотрудничество другим людям и попрощаться с зарубежными коллегами. Восемь лет оно держалось на моих личных связях с Э.Кернхеном, но это мне не удалось по целому ряду причин.

Глава 11. Лекции в российских вузах

11.1. Иркутский инженерно-строительный институт

Автоматизация архитектурно – строительного проектирования к моменту защиты моей диссертации интересовала уже практически все вузы страны, и я получала многочисленные приглашения на чтение лекций в разные города. С этой целью я неоднократно ездила в Вильнюс, Новосибирск, Иркутск, Петрозаводск, Махачкалу, Ереван. Города я выбирала по своему усмотрению в зависимости от собственных интересов и предпочтений. Давно мне хотелось посмотреть на Байкал, и приглашение в Иркутск, для чтения лекций позволило реализовать это желание.

1984 г. Первая книга. Автографы

Поездка оставила неизгладимое впечатление: от города, особенно старой его части, мест пребывания декабристов и, конечно, от самого знаменитого озера. Была ранняя весна и Байкал покрыт многометровым слоем прозрачного голубоватого льда. Настолько прозрачного, что страшно было по нему ходить. Сопровождающая меня женщина зачерпнула в месте незамерзающего истока из озера реки Ангары целый воды стакан воды с температурой 4 градуса. Стакан был хрустальный, она специально привезла его для этого момента, и воду в нём было не видно, настолько она была чистой. Я не пью очень холодную воду из-за чувствительного к холоду горла, но я не устояла и не раскаялась: вода была необычайно вкусной, и ангины не случилось.

11.2. Дагестанский Государственный Технический Университет

Приглашение от этого вуза в Махачкале я приняла из-за экзотичности этого места. Коллеги после моих лекций спросили, что бы я хотела увидеть в их республике. Я попросила показать мне какой-нибудь далёкий аул, и как раз такой был у родственников принимающего меня преподавателя. Возник вопрос кого из женщин выбрать для сопровождения, что считалось необходимым по их понятиям. Я без всяких со-

мнений пренебрегла этой условностью, и мы поехали в аул с моим коллегой и его братом на машине.

В горах с машиной что-то случилось и пока мои спутники её ремонтировали, я прогуливалась по пустынной дороге. Первая же проезжающая машина остановилась, и вышедшие из неё люди, похожие на ваххабитов, долго о чём-то говорили с моими сопровождающими, поглядывая в мою сторону. Как оказалось, это и были ваххабиты и, узнав, что я учёная дама, настойчиво предложили завезти меня к ним в селение на обратном пути. Мои спутники были явно напуганы и обсуждали, как можно проехать другими путями. Рассказали, что ваххабиты держат под контролем всю эту округу и стараются привлечь в свою организацию как можно больше людей. С этой целью они каждый раз платят приличную сумму людям, приходящим на религиозные службы.

В ауле встретили меня очень радушно, вскоре всё население знало о моём приезде, и стали приходить люди и приносить разные вкусности. Спать меня уложили на верхнем этаже дома, вход в который перекрывался люком с внутренней задвижкой. Туалет находился в огороде, и при походе туда хозяйка давала мне кувшинчик с тёплой водой. Я попросила моего коллегу сходить со мной в горы. Вместо моих туфель, которые, кстати, мой сопровождающий вымыл вечером, я получила кеды, и мы отправились. Дорога проходила мимо чайханы, где сидели старейшины. Все на нас смотрели, а я не знала, стоило ли мне с ними здороваться. Подумала,

что не стоит, достаточно и приветствий моего сопровождающего, чем, наверное, произвела плохое впечатление, не говоря уже о том, что отправилась вдвоём с женщиной в горы. Кстати, он тогда спросил меня, не боюсь ли я находиться одна в мужском обществе. Вопрос звучал смешно, поскольку и он, и все окружающие держались со мной предельно почтительно. Я ответила, что в компании цивилизованных людей с этим нет проблем.

На прощальный ужин собралась половина аула. Я получила приглашение от хозяев приехать с семьёй к ним на отдых, а от директора школы – на свадьбу сына. Сказал (с восточными преувеличениями) что прилёт за мной самолёт. А хозяйка дома подарила мне старинный кувшинчик. Обратная дорога в Махачкалу была ужасной. Началась непогода, дождь со снегом, а гололёд на горных дорогах очень опасен. Машина наша опять сломалась, пришлось возвратиться на прицепе к большому грузовику. Нас водило из стороны, в сторону: от поднимающихся стеной скал до края пропасти. Было страшновато, но больше волновалась, боясь опоздать на самолёт. Но всё закончилось благополучно, мы возвратились как раз ко времени моего отлёта в Москву.

11.3. Государственный Инженерный Университет Армении

Мои коллеги из Армении пригласили меня прочитать несколько лекций на архитектурно-строительном факульте-

те. После лекций я много ездила по стране на машине в сопровождении двух своих коллег. Поездки были радиальными, каждый вечер я возвращалась в гостиницу, а утром мы опять выезжали. Городские и близлежащие от него достопримечательности я осмотрела в свой прежний приезд, а на сей раз поездки были в более отдалённые места, редко посещаемые туристами. К сожалению, я не только не вела записей, где побывала и что видела, но и поехала без фотоаппарата. Но в памяти остались чудесные комплексы монастырей, храмов и горных пейзажей. Сопровождающие были преподавателями архитектуры, хорошо осведомлены и сделали эту поездку одной из самых запомнившейся в моей жизни. Вдоль горных дорог, также как и в аулах, естественно, не было никаких туалетов, и мои спутники отыскивали какие-нибудь сарайчики и загородки и предупредительно предлагали мне их посетить. По ходу пути в местных ресторанчиках заказывались обеды с настоящими армянскими блюдами. А в Заключительный вечер они привезли меня к родственникам в аул, где был приготовлен целый банкет. Стол ломился от разных яств, но моё внимание привлекла вазочка с красиво оформленной кремовой массой. Оказалось, что это только что приготовленное вручную сливочное масло, искусно выложенное ради гостей в виде розочек.

Глава 12. Семейные события

12.1. К маминым заветам

В начале девяностых годов среди интеллигенции возник большой интерес к религии. Появилась в продаже Библия и другая православная литература, начал читать лекции о. Александр Мень. В 1988 году широко праздновалось Тысячелетие крещения Руси, кстати, я была на торжественном заседании в зале гостиницы «Россия», которая потом сгорела. Сотрудник Виталия, Валентин Акиншевич, очень активный товарищ в делах предпринимательства, устроился старостой в одном из храмов и попросил меня о консультации по вопросам его реконструкции. От оплаты я отказалась, зато получила в подарок прекрасное компактное издание Библии. При храме стараниями старосты был создан, наверное, первый в Москве православный хор из профессиональных певцов

В. Акиншевич хотел вовлечь меня в свои деловые проекты и предложил моделировать одежды из Павлово-Посадских платков для бутика и одеяния для хора. От первого предложения я уклонилась, а для женщин хора нарисовала фасон платьев, их сшили,

Священник о. Николай (Ведерников)

и получилось удачно. На первом благотворительном концерте этого хора в их собственном храме я присутствовала вместе с Кернхенами. Там были и приглашённые представители каких-то посольств, и всем очень понравилось выступление. По просьбе священника я потом написала статью в какую-то газету.

В одну из своих поездок в Киев я общалась с упомянутым выше Мироном Демкив, который организовывал для меня и культурную программу. Несколько дней мы ходили с ним от одного памятника архитектуры к другому, в основном, по церквям и монастырям. Были в музеях, в мастерской у его знакомого художника и всё это время он очень деликатно и в то же время убедительно говорил мне о Боге. Я была захвачена его речью, но слегка его боялась, потому, что было полное впечатление, что он читает мои мысли. Тогда я уже знала, что он обладает необычайными способностями, называемыми экстрасенсорными.

Мирон пообещал познакомить меня с женщиной – психологом из ГИПРОТИСа, а через неё представить священнику о. Николаю Ведерникову, вокруг которого собралась группа московской интеллигенции. Психолог Татьяна Алимарина оказалась очень приятной женщиной, мы подружи-

лись сначала с ней, а потом и с о. Николаем и его женой Ниной Аркадьевной. Слово «подружились» по отношению к о. Николаю не совсем точное, он не был светским человеком. Композитор и пианист по образованию, ещё в консерватории, по рассказам его жены Нины Аркадьевны, которая была его сокурсницей, он уже тогда был погружён в свой мир, а духовный сан лишь усугубил эту отрешённость. Но, тем не менее, он был в курсе бытовых дел и событий культурной жизни. Они с Ниной Аркадьевной – изящной женщиной с тонким иконописным лицом – были очень красивой парой.

Люди, приходившие в дом о. Николая были, в основном, тоже творческих профессий. Вместе они собирались по поводу дней рождения хозяев, церковных праздников, соборования приближённого круга людей. Застолью в этом доме особого значения не предавалось, главным были духовные беседы, диспуты, музицирование, пение. Диспуты велись порой на такие сложные религиозные темы, что я ничего в них не понимала. Только потом я догадалась, что одним из гостей бывал С.С.Аверинцев, который являлся духовным сыном о. Николая. Среди его духовных детей был и очень уважаемый мною Г.А.Явлинский, но, к сожалению, его я ни разу не встретила.

Вообще, ни с кем из окружения о. Николая я не только не подружилась, но и даже не познакомилась. Народ вёл себя не так, как на обычных вечеринках, где все друг с другом разговаривают, здесь всё внимание было на о. Николая. Об-

щалась я там, кроме хозяев и их дочерей, только с Татьяной и со знаменитым в то время оперным певцом, с которым у нас как-то сразу завязалась беседа. Иногда он пел, и звук его мощного голоса просто физически заполнял всё пространство. Садился за рояль и сам о. Николай, он исполнял свои собственные вещи, импровизировал и всегда производил на меня большее впечатление своей игрой.

Отец Николай был дружен с митрополитом Антонием Су-рожским, который, по мнению многих авторитетных людей, был лучшим проповедником нашего времени. Приезжая из Лондона (место его жительства и служения), он всегда оста-навливался у о. Николая. Мне удалось его увидеть только раз на службе в храме Иоанна Воина. Множество народа подхо-дило к нему на миропомазание с какими-то словами, а я не знала, что сказать и просто на него посмотрела, а он на мою растерянность ответил чуть заметной улыбкой. Хорошо знал о. Николай и о. Александра Меня, с которым они вместе ру-кополагались в священники.

Семья о. Николая жила очень скромно, жена Нина А. не работала, и они ещё помогали своим двум взрослым доче-рям. Иногда о. Николай приходил к нам домой за картош-кой, кабачками и другими овощами с собственной дачи. Ко-гда они с Ниной А. были у нас в гостях, о. Николай очень хвалил мою еду. Он и сам как-то приготовил замечательное соте по случаю моего прихода к ним. От него на память у ме-ня осталось несколько писем и расписное деревянное яичко,

подаренное мне на Пасху.

12.2. На Куржской косе

Летом мы поехали на машине сначала в Вильнюс, а потом на Куржскую косу. Для въезда на неё требовалось разрешение, но нам его достали. Жили мы в Доме отдыха организации, где работали родители моего аспиранта Гинтариса: Антониус и Ирма. Мы с ними подружились и прекрасно провели время. Совершали далёкие прогулки вдоль косы, обедали в ресторане или жарили на кухне свежую рыбу, купленную у рыбаков, купались и загорали. На побережье были nudistские пляжи, отдельные, но не огороженные. Как-то мы с Ирмой пошли на этот пляж и, прогуливаясь вдоль длинной песчаной полосы, увлеклись разговором и дошли до мужского пляжа, едва не столкнувшись с его обалдевшими посетителями. Мы резко развернулись и, не прибавляя шага, пошли обратно, в ужасе, что последуют замечания. Но публика оказалась воспитанной. Зато по возвращению Виталий с Антониусом подшучивали над нами до конца отпуска. Мы ожидали появления внука, и каждый день ходили звонить по телефону-автомату в Москву. Наконец, 12 июля мы стали бабушкой и дедушкой. По этому поводу была организована вечеринка с вином и тортом.

Атониус и Ирма уехали раньше, чтобы продолжить свой отпуск на озере Айсетас, и пригласили нас последовать за ними. Там была ещё одна база отдыха, застроенная малень-

кими домиками на одну семью. Нам был отведен лучший домик на самом берегу озера. Мы прожили там 10 прекрасных дней, купались, плавали на лодке каждый день в разные места. Озеро в длину 16 км с многочисленными ответвлениями, по берегам сосновые боры, полные грибов и черники. Мы сделали большие запасы того и другого, благо условия позволяли. На обратном пути мы побывали в доме у наших хозяев в Каунасе. Дом, вернее двухэтажная вилла, располагается на большом участке недалеко от центра города. Дед Гинтариса был ботаником, и участок заполнен разными диковинными растениями, фруктами и ягодами. Семья была с давними традициями, и единственный раз в жизни я видела в доме золотые ложечки, которые были поданы к кофе.

12.3. Наши дачи

Однажды на первомайские праздники мы полетели в Крым. Наш друг Вадим встретил нас в аэропорту в Симферополе и, чтобы показать весеннее цветение в полном великолепии, повёз нас в Феодосию длинным путём через Ай-Петри. На пикнике в живописном месте Вадим с женой Расимой и Виталием всё это аппетитно уминали, а я мужественно обходилась одной печёной картошкой, дожидаясь завтрашнего разговления. Заканчивалась Страстная неделя. Пятницу мы провели в поезде, и я целый день ничего не ела, как истинная неофитка, строго соблюдающая все правила. С собой мы везли много вкусного столичного припаса, в том чис-

ле, куличи и крашеные яйца. Погода была прекрасной и весенний цветущий Крым покори́л нас, особенно сплошь покрытые розовыми цветами «иудины» деревья.

В Феодосии нас пригласили на дачу, расположенную на горе, но довольно близко от моря и от центра примерно в 20 минутах пешком, если идти через старое кладбище. Место чудесное, всё в садах, с прекрасным видом на город и море. Самым привлекательным в дачном посёлке был укромный закуток с собственным лужком и колодцем. За почти глухим забором просматривался старый сад и маленький, похожий на трансформаторную будку, домик. Нам всё так понравилось, что возникла практически нереальная идея купить этот участок. Он не продавался, но я почему-то сразу подумала, что он будет нашим. Невероятно, но сбылось! Не буду описывать все трудности связанные с покупкой дачи, но в конце лета мы вместе с Вадимом стали её владельцами. Содружество с Вадимом было и приятно и необходимо потому, что купить дачу можно было только жителю Крыма и ещё потому, что она требовала постоянного присмотра и ухода. Сад был великолепный: около 40 фруктовых деревьев: миндаль, вишня, черешня, яблони, груши. Все это надо было обрабатывать, снимать урожаи, что-то с ними делать.

На крымской даче

Форма участка была неправильной, поэтому он казался очень большим и ни одного соседа не было видно. Вечером, мы любили подниматься на крышу и ощущать себя невесомыми между бархатисто тёмным южным небом и раскинувшимся внизу освещённым городом. Внизу был чёрный массив моря с разбросанными на нём редкими сигнальными огоньками кораблей. Мы планировали бывать там часто, тем более что дорога от московского дома до дачи в общей сложности при благоприятных условиях полёта занимала 8 часов.

Жизнь на даче нам очень нравилась. Утром мы шли купаться с полными карманами свежего миндаля и, поедая его в дороге, быстро «скатывались» с горы. На обратном пути с моря заходили в магазины и поднимались с покупками под жарким солнцем и уже без былой лёгкости. Виталий тащил сумки, а я плелась сзади. Днём я ухаживала за садом и маленьким огородом, а Виталий занимался строительными работами. Вечером приезжали Вадим с женой Расимой. Она привозила что-нибудь вкусное, жарили мясо, если его удавалось достать, пили пиво или вино производства Вадима, ели овощи со своего участка. На участок заходили кошки, гуляли по вечерам ёжики, и стояла почти абсолютная тишина.

Зимой я запроектировала на месте будки двухэтажный до-

мик и Вадим с Виталием приступили к строительству. Но побывать там нам удалось всего несколько раз в течение двух лет. Наши замечательные планы не осуществились – отстроить удалось только подвал и частично первый этаж. В стране началась Перестройка. Ситуация стала нестабильной, во всех отношениях. Поездки на дачу в Феодосии становились проблематичными из-за того, что там резко снизился уровень комфорта: ухудшилось продуктовое обеспечение, кто-то срезал электрические провода, и дачу пришлось оставить (к тому времени частично разграбленную).

Перестройка, начавшаяся в конце восьмидесятых, вызвала энтузиазм у передовой части населения, она давала надежду на построение более свободного общества. Мы тоже восприняли её с радостью: ходили на митинги, слушали радио и ТВ. Я вела разъяснительную работу со студентами и даже хотела вступить в ряды активных борцов в какую-нибудь организацию. На кафедре работала доцентом Ольга Сергеевна, она была знакома с Б.Н.Ельцыным и жила с ним в одном доме. Такое соседство означало принадлежность к высшему правящему тогда классу, но внешне это никак не проявлялось – она держалась просто, дружелюбно и была прекрасным и интересным человеком. Ольга Сергеевна обещала меня познакомить с Борисом Ельциным, если я захочу, но сама его не любила и мне не советовала входить в его компанию. Не советовал и Виталий, и о. Николай и я приняла решение не ввязываться ещё и в политику, хотя соблазн был велик.

Между тем, жизнь в стране становилась труднее, магазины пустели, и сбережения населения стремительно обесценивались, в том числе и наши. Чтобы как-то использовать свои деньги, мы решили обзавестись дачным участком вблизи Москвы. Это была нелёгкая задача, но, в конце-концов, Виталий получил участок по Калужскому направлению в 60 км от нашего дома. Он был вдалеке от дачных поселений, вблизи не было ж. – д., и от шоссе надо было ехать не менее 4 км на машине по очень плохой грунтовой дороге. Начинать стройку на участке было сложно из-за дефицита всех строительных материалов, и мы решили попробовать купить сборный финский домик, которые изготавливали тогда в Петрозаводске. Очень кстати я получила предложение от Университета этого города прочитать курс лекций. Попала я в страшный гололёд, что при слегка холмистом рельефе города и моих высоких каблуках было катастрофой. Помню, как периодически падая, передвигалась от гостиницы до Университета по главной седловидной улице.

Добралась и до строительного комбината, где без всякой протекции и мзды договорилась с добродушным директором о покупке домика. Потом Виталию пришлось ещё туда поехать, чтобы оформить поставку в Москву двух домиков (ещё и для его сослуживца). Он захватил с собой большую коробку с коньяками и разными дефицитными деликатесами, чему директор был очень рад. Такие скромные тогда были способы благодарности, их и взятками назвать невозможно.

но.

Строил Виталий дом в одиночку от фундамента до кровли и в неблагоприятных погодных условиях. Летом этого года не было ни одного дня без дождя, сеял непрерывно днём и ночью. Попытка привлечь местных мужиков в помощь не имела успеха. После одного дня работы они больше не появлялись. Помогать в строительстве мне Виталий не разрешал, работы были тяжёлые, и я отсиживалась в машине, выходя только под тент приготовить еду на газовом баллоне. Никаких строений, кроме туалета, у нас на участке ещё не было. К октябрю, перед нашей общей поездкой в Западный Берлин, Виталий установил стены дома, перекрытие, стропила и покрыл кровлю профилированным алюминиевым листом. После бесконечных дождей всё вокруг размокло, и при завершении сезона выехать на машине с нашего участка было невозможно. Пришлось прибегнуть к помощи могучего грузовика. Он тащил нас на прицепе по морю грязи, как

Дача в Подмосковьѐ

щенка на привязи, который не достаёт до земли лапами.

В следующем году Виталий настелил полы, а к моему дню рождения установил лестницу с террасы на мансарду. Там на втором этаже мы отметили праздник вдвоём с онемевшими от холода руками. В последующие годы вплоть до продажи

дачи Виталий вложил в неё много труда. Для огурцов и помидор он построил теплицу. Обработал участок, завёз туда чернозём, посадил деревья и кустарники, выложил тропинки. Виталий всегда покупал лучшие сорта саженцев, и в результате у нас была смородина величиной с вишню, заросли крупнейшей малины. Чеснок был величиной с мой кулак, а целое поле клубники давало много ягод.

Картошка была нашей особой гордостью. Приятель по гаражу подарил Виталию немного голландских клубней, и мы засадили ими небольшой участок. Виталий за ними ухаживал: несколько раз их окучивал, уничтожал колорадских жуков. Урожай был просто фантастическим. При копке мы, к изумлению соседей, засыпали картошкой весь наш двор и не знали, куда её девать – раздавали и даже часть продали. То же было и с другими овощами: наш московский погреб в гараже был заставлен и завален ими, а помидоры осенью занимали всю свободную площадь в квартире.

Дачный кооператив принадлежал конторе, связанной с сельским хозяйством. Дачники, будучи специалистами в этой области, соревновались, у кого лучший урожай и ревниво относились к нашим картофельно-овощным успехам. В отличии от них, делающих всё по науке, я познакомилась с местными жителями из окрестных деревень и все советы получала от них. Покупала у них и семена, и саженцы, и мёд, и молоко. Молоко мы покупали у Никанорыча, умного, зажиточного мужика, мастера на все руки. Как-то Вита-

лий спросил у него, почему он не устроит у себя водопровод, ведь речка рядом с домом. Никанорыч ответил, что не хочет вызывать зависть соседей. Его беспокоило и международное положение. Он был уверен, что американцы имеют виды на его землю и могут её отнять, если не вооружаться.

Наши рекордные урожаи требовали не только труда, но и нуждались в воде, которой на участке не было. Частично потребность в ней восполнялась двумя большими, вкопанными в землю ёмкостями под водостоками, которые Виталий установил для сбора воды и купания. Но их не хватало и приходилось носить вёдрами воду из ручья. За питьевой водой мы ездили с канистрами в деревню и приносили из родника около пруда, где купались.

Ездили мы на дачу с большим удовольствием. Я любила ухаживать за растениями, удобрять, поливать, пропалывать. Особенно любила запах в теплице, когда подрезаешь помидоры и огурцы. В доме мы тоже славно обустроились с занавесками на окнах и ковриками у кроватей. На светлой террасе всегда стоял сезонный букет цветов, пахло деревом и свежeweымытым полом. Хорошо было спать в просторной избе, по утрам топить печь, жарить блины и пить кофе.

Отдалённость участка от мест цивилизации способствовала сохранению окрестных лесов, полных грибами и лесными орехами. Осенью опять покрывали всю землю и деревья в лесу, и мы их срезали в большие мешки из-под картошки. Однажды целый мешок оставили на поляне и, не в

силах остановиться, бродили вокруг, подрезая ещё в пакеты. В результате закружились, мешок потеряли и долго искали его в быстро сгущающихся сумерках. Чуть было не сбылась для кого-то моя детская мечта: найти в лесу полную корзину грибов или ягод в зависимости от сезона. За орехами мы ходили только однажды, но сплошь обсыпанные ими кусты – незабываемое зрелище. Мы набрали полный мешок из-под картошки, и щелкали их всю зиму.

В год нашего отъезда в Израиль цены на недвижимость резко упали, но нашу дачу купили быстро, не торгуясь и особенно не рассматривая, такой она выглядела нарядной и ухоженной. Купила её очень приличная на вид пара высоких начальников из МВД. Как-то, уже в Израиле, мы видели их по ТВ. Из всего оставленного в Москве, дачу с деревьями, кустами и растениями мне было жалко больше всего.

Последние несколько месяцев жизни мать Виталия Фрина Юльевна жила вместе с нами. Мы давно её звали, но она никак не могла расстаться с привычной обстановкой. Несмотря на то, что здоровье её ухудшалось, она медлила с переездом, потому, что боялась потерять свободу и независимость. Хотя расположение изолированной комнаты в нашей квартире позволяло ей при желании вообще с нами не встречаться. Когда она, наконец, решилась, мы жили спокойно, без всяких неприятностей.

Довольно тяжёлыми были только последние месяцы перед её смертью. Хотя она и не чувствовала болей, обычных при

раке, но других неприятных последствий избежать не удалось. Фрина Юльевна была неверующей, в последнее время хотела поверить и не могла. Спрашивала у меня как это сделать, но я была бессильна ей помочь. Только читала истории из Библии, которые она помнила ещё с времён гимназии, стихи Пастернака и других авторов; я тогда много помнила наизусть. Последние полтора месяца нам помогала сестра Фрины Юльевны Женя, приехавшая из Днепропетровска и проводившая её в последний путь. В день похорон с нами случилось необъяснимое происшествие. У всех 4-х сопровождающих членов нашей семьи сломались по одной пуговице: на пальто у женщин и на костюмах у мужчин.

Глава13. Кафедра САПР

13.1. Положение и состав

С осеннего семестра 1984 года одновременно в нескольких головах, в том числе и в моей, возникла идея создания специализированной кафедры систем автоматизированного проектирования в строительстве (САПР). Не буду описывать всех перипетий и обсуждений по этому поводу, скажу только, что я способствовала, как могла реализации этого плана. Работа по её организации заняла примерно полтора года. Вновь созданная кафедра вошла в состав Экономического факультета, что диктовалось не её направленностью, а организационными соображениями. На должность заведующе-

го пришёл директор ЦНИИПИАСа Александр Антонович Гусаков.

Эту должность предлагали мне, но я отказалась, не хотела заниматься административной работой. Всё это время я продолжала оставаться на кафедре Архитектуры, хотя уже начала читать курс по профилю создаваемой кафедры. В весеннем семестре 1985 года я получила звание профессора, а концу семестра была утверждена и кафедра САПР, куда я перешла с осеннего семестра 1986 года.

Я оговорила себе особый, довольно независимый статус и маленький кабинет, что в условиях тогдашней тесноты было большой привилегией. Договорённость по поводу кабинета нарушилась сразу же – Александр Антонович попросил моего разрешения поставить там стол для доцента А.И.Синенко, и мне неудобно было отказать. Зато моя деловая независимость постоянно укреплялась. Я продолжала оставаться на должностях, не относящихся непосредственно к профилю кафедры: председателем комиссии по Архитектуре, членом ВАКа, зам. председателя одного из Советов МИСИ по присвоению учёных степеней по промышленному и гражданскому строительству, членом ещё двух Советов, депутатом и прочее. Принимая во внимание всё перечисленное, я сама планировала себе учебную нагрузку и расписание занятий. Теперь я ездила на лекции не раньше, чем ко второй паре, т. е. к 10 часам и не вела больше практических занятий. Моя независимость не очень нравилась Александру Антоно-

вичу, он называл меня «пятой колонной», но был вынужден смириться.

Ассистентов у меня было трое: Ирина Цветкова, Ирина Яковлева и Александр Акопов. Всех их я сама пригласила на работу. Ирину Цветкову я знала по институту ЦНИИ-промзданий, с которым сотрудничала; Ирина Яковлева была знакома по личным связям; Александр Акопов был взят по просьбе и рекомендации уважаемого мной коллеги. Все они были отличными работниками и находились только в моём распоряжении. Отношения у нас были доверительными, я даже была инициатором крещения и крёстной матерью обеих Ирин. Отец Ирины Яковлевой просил меня её воспитывать, и я это делала в силу своих понятий и возможностей. Когда она впоследствии вышла замуж за дипломата, все лавры достались мне. Студенты любили их всех, особенно Александра Акопова, привносящего во все дела блеск, игру и изобретательность. Ассистентов с разным успехом пытались у меня переманить. Александр Антонович предложил Александру Акопову своё покровительство взамен моего руководства, но он с честью выдержал испытание.

Ирина Цветкова подобного испытания, к моему большому сожалению, не выдержала, хотя получала от меня всё, что только я могла ей дать: дополнительную зарплату по НИР, неоднократные поездки в Западный Берлин, длительные командировки по моей протекции в Америку. Там она помогала в качестве секретаря и переводчицы нашему декану

И.Г. Лукмановой и приняла её предложение в дальнейшем работать с ней. Они без согласования со мной сделали перевод Ирины на другую кафедру, и я даже не сразу это поняла, т. к. вместе с ней передали и учебную нагрузку, которую она вела. Мало кто умеет достойно уходить, но уходить тайно, учитывая наши прошлые отношения и обстоятельства, по меньшей мере было странно. Если бы она мне это сказала прямо, я бы не препятствовала её уходу. Каждый имеет право распоряжаться своей жизнью, хотя и жаль было бы терять подготовленного преподавателя. Но теперь я потеряла человека.

На новой кафедре она проработала недолго и ушла из института. Не знаю причин её ухода, но предполагаю, что при её прямоте, честности и искренности стиль работы нового начальства, требующий безусловного повиновения и знаков особого почтения, показался ей неприемлемым.

13.2. Деятельность кафедры

На кафедре была очень благоприятная атмосфера для работы со студентами. Поток по нашей специальности составлял всего 50 человек, т. е. общее число студентов всех курсов было около 250 и преподаватели отлично знали каждого из них. Мы направляли небольшими группами студентов для практик и выполнения дипломов по реальным данным в научно-исследовательские и проектные организации. Некоторых мне удавалось даже послать на включённое обучение в

города других стран, в частности, в Веймар и Марсель. Один из таких студентов, Андрей Волков, после обучения в Веймаре сделал быструю и блестящую карьеру. Теперь он ректор МГСУ и обладатель всех возможных титулов и званий.

В рамках сотрудничества с Техническим Университетом Берлина удалось организовывать совместные проекты и поездки больших групп студентов с нашей и немецкой стороны. Ребята знакомились с методами обучения и проектирования в наших странах, но что ещё более важно друг с другом, заводили друзей. Выпускники нашей кафедры очень ценились на рынке труда, работали в престижных отечественных и зарубежных фирмах.

г. Пятидесятилетний юбилей

В одну из поездок с группой студентов в Берлин к нам присоединился Виталий. До Белорусского вокзала нас на своём джипе подвозил Миша. Однако Виталий решил что-то ещё проверить в квартире и выезд задержался. Компенсируя потерянное время, Миша ехал очень быстро пока не оказался на ул. Горького (она ещё не называлась Тверской), где была колоссальная пробка. Ж – д. билеты на всю группу были у меня и я очень нервничала, боясь опоздать на поезд. Хотела даже выскочить и бежать бегом, но Миша меня остановил и умело пробирался сквозь поток машин, сохраняя удивительное спокойствие, что и спасло положение. До вагона мы добежали буквально в момент отправления, но проводник держал на всякий случай дверь открытой, куда мы с Виталием и запрыгнули почти на ходу. Группу он в вагон пустил по согласованию с начальством, так что всё уладилось.

На кафедре я отмечала своё пятидесятилетие. В тайне была создана комиссия по организации празднования, но информация до меня дошла, и я категорически отвергла любые официальные мероприятия. Совсем не приходило в институт в этот день было бы неправильно уже потому, что вся кафедра об этом знала. Виталий привёз на машине всё нужное для застолья – торты, фрукты, конфеты, кока-колу (вино строго запрещалось) и прочее и мы славно и весело попирировали всем коллективом. Потом стали подъезжать послан-

ники из других институтов и организаций, я им не давала читать адреса, откладывала в сторону, а самих усаживала за накрытый стол. Я, как примадонна, была вся в розах и цветах и, как и 25 лет назад, в красном платье. Это было второе платье такого цвета в моей жизни, а третье (не совсем красное, а вишнёвое) я сшила на своё 75-летие.

13.3. Американский грант

В первые годы перестройки было множество международных проектов и грантов из-за рубежа. Наш институт получил грант Всемирного Валютного Банка, который спонсировал семинар для молодых руководителей. Была сформирована группа в 42 человека из разных организаций и городов страны. Семинар продолжался 3 месяца, первая половина времени в в Москве, вторая – в Вашингтоне. Приглашались лекторы по теме, проводились дискуссии и тестирование. Вся группа проходила американский тест на время и множество тестов на характеристику личности и пригодность её к руководству. Результаты тестирования не обнародовали, но я была причастна к организации семинара, поэтому их знала. Что касается меня, я прошла тест хорошо, оказавшись в высшей из трёх групп, правда, не в первых её рядах. Их заняли молодые и способные люди из провинции. Некоторые наши профессора, не привыкшие к экзаменам и временным ограничениям, оказавшись в хвосте последней группы. Собственно, мы все, в отличии от западных коллег, к тестам не привыкли.

Впечатления от поездки начались с полёта из Москвы в Вашингтон. С высоты невероятно прекрасным зрелищем была ярко-зеленая Шотландия с белоснежной полосой прибо́я вокруг острова. Сам он разделён полосами из валов на участки с домиками, коровами и прочим, как на детской картинке. В аэропорту Шенон, где была остановка, как будто специально для нас проходила выставка архитектуры страны. Следующим потрясением был вид бесконечного как небо голубого океана с белыми барашками волн, походящими на звёзды в постоянном движении. Потом барашки стали уплотняться, превращаться в валы и образовались концентрические линии окаймляющие материк. И, наконец, открылся вид на гигантский, простирающийся до горизонта Нью-Йорк. Он выглядел как искусно выполненная гравюра. Перед нашим прилётом выпал снег, и на белоснежном фоне резко очерчивались острова, мосты, реки, дороги.

Жили мы в Вашингтоне и занимались в одном из зданий Всемирного Валютного Банка, располагаясь по четыре человека за столиками в большой аудитории. Лекции читали профессора Гарварда и специалисты из других организаций с переводом на русский язык. Один молодой профессор из Гарварда поразил нас тем, что на первом же занятии называл всех нас по именам. Он признался, что всегда перед лекциями выучивает имена студентов по фото в личных делах. На этот раз ему было сложнее из-за незнакомого звучания речи и изменения причёсок у женщин, но он ни разу не ошибся.

Училась группа по Гарвардской системе: выполняли мини-проекты и задания, в которых предлагались реальные жизненные ситуации и подробные данные по ним. Материалы распечатывались для каждого индивидуально, отводилось время на их изучение и выработку решения. Не могу не похвастаться. В одном из таких заданий моё мнение не совпало с мнением всей группы. Мне пришлось его устно обосновывать, спорить с оппонентами, но оно оказалось именно тем, которое было принято в реальности. Профессор дал высокую оценку

1994 г. Перед Белым домом

моему анализу, хотя обычно он этого не делал.

В перерывах пили кофе или чай. Обслуживающий персонал не успевал подносить термосы того и другого и пакетики со сливками и сахаром – все брали по 2 пакетика и пили не по одной чашке. Часто это заменяло нам обеды. Иногда ходили в салатные буфеты, где можно было накладывать в корочки из многочисленных рядов любые продукты по одной цене. Некоторые клали себе исключительно что-нибудь наиболее ценное, например, крабов. Супермаркет был поблизости, и нам всем доставляло большое удовольствие закупать там продукты, которых в Москве тогда и в помине не было, и готовить ужины и завтраки в микроволновке.

Размещались мы в прекрасной гостинице квартирного типа со всеми удобствами, бассейном и саунами. В первый же день приезда один наш коллега устроил серьёзный пожар. Постирал рубашку, сам пошёл гулять и как-то так её развесил, что она загорелась. Приехали пожарные, всё залили водой, и инцидент закончился благополучно.

В Вашингтоне я много ездила и ходила по городу, посетила множество музеев, удалось побывать в Белом доме. Нас возили в Нью-Йорк и Балтимор, а я ещё самостоятельно летала в Питтсбург к дальней родственнице. В Нью-Йорке я покинула группу и провела время со своей знакомой Мариной. Город мне не понравился, я чувствовала себя затерянной песчинкой среди продуваемых ветром «каменных джун-

блей». Правда, нигде кроме центра и Брайтон Бич я не побывала, наверняка там есть прекрасные места. После него Балтимор показался просторным и малолюдным. Его основная достопримечательность – гигантский аквариум, где акулы плавают просто рядом, за стеклом, а великое разнообразие подводного мира не поддаётся описанию. Интересно было посетить и современнейший завод по сжиганию мусора, обеспечивающий электроэнергией весь город. Что характерно: ни вокруг него, ни внутри не чувствовалось никакого запаха.

Поездка в Питтсбург была с приключениями. Билет вызвалась купить моя родственница Мария Розанова или Муся, как мы её зовём. Она была уверена, что ей удастся сделать это дешевле. Действительно, мест дешевле не бывает: по дороге туда я сидела около двери без окна на невероятно малом пространстве. Думала, что меньше невозможно, но на обратном пути убедилась, что минимализму нет предела. Не думаю, что Муся сохранила для меня большую сумму, но в результате экономии я не могла наблюдать Америку сверху.

Авиабилет я так и не видела, он был послан авиапочтой, но письма я не дождалась. Правда, на телефоне в моей комнате время от времени зажигалась лампочка, но я не сообразила к чему бы это и в информацию не обратилась. Поехала без билета в аэропорт, величиной с город, имеющий свои автобусы и метро. Я понятия не имела куда обращаться. Мои вопросы на примитивном английском понимали, но я пло-

хо понимала ответы. Однако всё-таки добралась до нужной стойки, и нашёлся билет в компьютере. Сейчас это норма, но тридцать лет назад было редкостью.

Муся устроила мне целый праздник: экскурсии по городу на машине и пешком, ресторан, театр, большую вечеринку со всеми её русскими и американскими знакомыми. Муся имеет небольшую студию для обучения игры на фортепиано взрослых людей. Живёт она в небольшой квартире из двух комнат в самом центре города, в высотном здании. Это социальное жильё, но выглядит как жильё для зажиточных: цветы в вестибюле, ковры в коридорах, чистота и тишина. Казалось бы все отлично. Но вечером, наблюдая в громадное окно, как кружатся снежинки над пустым в это время городом, я представила, как должно быть одиноко здесь чужому человеку среди устремлённых в небо стеклянных «карандашей».

Но утро принесло замечательное настроение. Пока Муся готовилась к вечеринке, я прогулялась по городу, сделала покупки, в том числе, традиционный американский плащ, от цены которого Муся пришла в ужас. На вечеринке все приглашали меня к себе домой, а один из американских гостей предложил подвести на виллу знаменитого архитектора Л.Райта, когда я сказала, что знаю о её нахождении недалеко от города. Было бы очень интересно посетить семьи «наших в Америке» и послушать их истории, но надо было возвращаться на семинар.

13.4. Заведование кафедрой

По ряду причин А.А.Гусаков оставил заведование кафедрой и передал её управление своему заместителю В.О.Чулкову, который был оформлен временно исполняющим обязанности. В качестве постоянного заведующего его кандидатура не рассматривалась, и ректор института снова предложил эту должность мне. После очередного моего отказа поиск нового руководителя шёл около года. Все кандидаты на эту должность не устраивали руководство института, и предложение занять её мне возобновилось. На этот раз я согласилась, считая, что так будет лучше и для меня, и для кафедры.

Первое время приходилось очень многое приводить в порядок. А.А. Гусаков отлично осуществляя общее руководство, но в подробности особенно не вникал, а его заместитель не имел опыта работы в вузах, контактов со всеми необходимыми людьми и службами института. На налаживание чёткой и слаженной работы потребовался примерно год. Состав кафедры был частично изменён, привлечены сильные специалисты из других организаций и кафедр, которых я знала по предыдущей работе: В.П. Игнатов, Б.С.Истомин, В.Ф. Яковлев – будущие ведущие профессора кафедры. Кардинально переделан учебный план подготовки специалистов, изменен набор преподаваемых дисциплин, их содержание и т.п.

Лаборатория кафедры быстро оснащалась компьютерами

и другим оборудованием, не в последнюю очередь, благодаря моим хорошим отношениям с руководством института. На кафедре, впервые в институте, большая часть документации (учебные планы, распределение нагрузки и др.) была перенесена на компьютер, что очень облегчало контроль и составление расписаний занятий и отчётов.

Отношения со всеми сотрудниками у меня были нормальными, а с большинством даже очень хорошими, не считая упомянутой выше историей с Ириной Ц. Между тем, коллектив был не маленький, вместе со штатными сотрудниками, совместителями, инженерами лаборатории и аспирантами не менее 40-45 человек. В дальнейшем он пополнялся нашими выпускниками.

1996г. Подпись дипломных проектов

В начале Перестройки активно создавались новые структуры, реорганизовывались и переименовывались существующие. На этой волне была создана Академия Информатиза-

ции, возглавляемая известным академиком РАН Ю.Б. Хари-тоном, одним из руководителей атомного проекта. Я поехала в центральный офис, чтобы узнать, какова область её деятельности и можно ли извлечь что-то полезное для кафедры. Секретарь меня пропустила в кабинет к руководству без всяких препятствий, и я там встретила двух почтенных учёных старца. До сих пор не знаю, был ли один из них академиком Ю.Б.Харионом или поразительно на него похожим, потому что я это впоследствии не уточнила. Они внимательно выслушали мой рассказ об области наших исследований и предложили создать Строительное отделение Академии. Я согласовала предложение с руководством института и, получив одобрение, активно этим занялась. Была сформирована группа из 7 человек и документы на их представление к званиям поданы в Академию. Через какое-то время пятеро из группы, в том числе и я, получили звание академиков Академии Информатизации, а двое – членов-корреспондентов. Среди академиков был и мой берлинский коллега Э.Кернхен. Президентом Отделения стал проректор нашего института А.А.Забегаев, а я была назначена вице-президентом. Наша активная работа продолжалась недолго – собиралась покинуть не только кафедру, но и страну.

Весной 1996 года я ещё слетала в Западный Берлин и попробовала передать сотрудничество своим коллегам. Было жалко прекращать хорошо налаженную работу, которая восемь лет оно держалась на моих личных связях с Э.Кернхе-

ном. Но это сделать не удалось.

Никто, кроме ректора и нескольких близких мне людей, не знал о моём отъезде в Израиль. Объявление об этом я сделала на заседании кафедры, и оно прозвучало, как гром среди ясного неба. Заседание состоялось в день моего рождения, стол был празднично накрыт и меня проводили очень сердечно, высказали много хороших слов и сожалений. Одна ассистентка, бывшая моя студентка, девушка строгая и сдержанная даже заплакала. На этом трогательном моменте мой трудовой путь завершился. Лучшего в жизни я бы и не пожелала.

13.5. Отъезд из страны

В 1995 году у нас появились основания подумать об эмиграции. Рассмотрев возможные варианты и поняв, что реально мы можем рассчитывать только на Израиль, мы отправились туда на разведку. Тогда ещё для посещения требовалось приглашение на въезд, и нам прислала давняя знакомая Фаина Долгин, сама недавно туда переехавшая. У неё же мы и остановились. Стояла июльская жара, а их с мужем небольшой квартире не было кондиционера, но мы от этого не очень страдали. Правда, в первую же ночь мы буквально прилипли к раздвижному дивану. Он был новым и хозяева не сняли целлофан с покрытия выдвигаемого матраца, забыли, а мы подумали, что в целях сохранности. Над этим потом

много смеялись, вообще жили мы весело, ходили вместе на море, Фаина организовывала в нашу честь вечеринки, созывала гостей, чтобы мы послушали о здешней жизни.

В течение двух недель мы почти каждый день ездили по Израилю с экскурсиями по многим местам Севера, Центра и Юга страны. Очень нам здесь понравилось: солнце, море, цветы, дивные виды, красивые посёлки, изобилие фруктов, овощей и всего остального. После этой поездки было принято окончательное решение покинуть свою страну.

И мы постепенно стали готовиться к отъезду: продавали движимое и недвижимое имущество, наиболее ценные вещи, мои украшения, везти с собой которые было запрещено. Оформляли документы на провоз картин. И хотя старых картин у нас не было, хотелось сохранить работы друзей, хотя морока с этим была большая. Из старых книг у меня было только мамино Евангелие, 1904 года, его разрешили вывезти.

Без проблем продали всё, буквально хватали изпод рук в день объявления, а мне ничего не было жалко. По мере опустошения дома укреплялось чувство свободы, освобождения от всего материального. Я любила свою работу и свою кафедру, но в тот момент желала освободиться от всякой ответственности и обязательств. Когда возникало чувство утраты, вспоминала, как ходила по горячему песку пляжа и кромке тёплого моря в Нетании. Машинами отвозил Олег (отец бывшей Мишиной жены) наши вещи и книги к себе

домой и на дачу, раздавали кое-что знакомым, что-то остав-
лялось для родных в Новосибирске.

1996 г. В своём домашнем кабинете

С продажей квартиры получилось не так быстро: рынок жилья был перенасыщен и цены постоянно снижались. И всё же за несколько недель до отъезда проданась и наша квартира. Какое-то время мы ещё продолжали в ней оставаться, а потом перешли доживать последние дни в Москве к нашей знакомой Алле Степановне. Багаж был отправлен заранее, причём в контейнере перебрали каждую вещь и украли при досмотре ценные детали для яхтенного спорта.

Когда самолёт взлетал над Москвой, я услышала, как сидевший сзади меня умный мальчик, глядя на город, сказал:

– «Как микросхема»,

а я подумала:

– «Вот и состоялся переход в другой мир».

Я побывала в последующие годы ещё несколько раз в Москве, но простилась я с ней тогда, глядя с высоты взлетающего в самолёта.

Москва одарила меня щедрыми подарками: счастливая семья, любимый сын, любимая работа, вполне обеспеченная жизнь. На моём пути встречались прекрасные и интересные люди, дарящие мне свою дружбу и любовь. Я имела возможность увидеть многие места своей Родины и зарубежных стран. И за всё это я каждый день благодарю Бога.

Глава 1. На пороге тысячелетий

1.1. Временные пристанища

Третьего июня 1996 года мы приземлились в аэропорту Тель-Авива. Вновь прибывших приветствовали представители власти Израиля, вручили все необходимые бумаги и деньги на обустройство. По нашему желанию нас доставили до Эйзорима вблизи Нетании. Там жили знакомые Фаина и Иосиф, у которых мы остановились на первое время. Хозяева предоставили нам отдельную комнату, и мы начали входить в новую жизнь. Она поначалу была беззаботной: каждый день ходили на море, готовили вместе вкусную еду, отмечали семейные события. Через две недели после приезда аотпраздновали сначала день рождения хозяина квартиры Иосифа, а потом тридцатилетие нашего сына Миши, который прибыл раньше и поселился в Тель-Авиве.

Сразу после приезда нам надо было решить некоторые дела, связанные с официальными инстанциями: получить паспорта, встать на учёт в Министерстве социального обеспечения, поликлинике, открыть счёт в банке.

Сопровождать нас было некому, наши друзья не могли нам помочь, оба они говорили на иврите. Нам удалось справиться со всем этим самим. На английском Виталий объяснялся, его здесь знают практически все. Я тогда свободно говорила на немецком, и меня понимали люди, знающие идиш. Где-то, к нашему облегчению, находился и русскоговорящий

служащий.

1996 г. В день прилёта в Израиль

Фаина и её муж Иосиф были первыми нашими друзьями в Израиле. Фаину Виталий знал в детстве, их матери дружи-

ли, но в последующие годы они встречались редко. Фаина самая остроумная и артистичная женщина, каких я встречала в жизни. Над её рассказами на любую тему я постоянно хохотала до слёз. Иосиф, спокойный и сдержанный, тоже иногда самым обычным голосом между делом выдавал фразы, которые помнятся и сегодня. Он, далёкий от христианства, удивлял меня впоследствии своим пристальным вниманием к моему иконописному творчеству.

Жили мы дружно, однако наше пребывание у гостеприимных хозяев затянулось больше, чем всем хотелось бы. Причина в том, что мы решили сразу купить собственную квартиру, и это оказалось не просто. В Нетании нам не очень нравилось, да и квартиры здесь были дороже, чем в других местах. Почти целый месяц Виталий был в поисках, ездил и ходил по жаре с утра до вечера. Нам очень понравился город Наария, основанный в своё время выходцами из Германии, но квартир на продажу непосредственно вблизи моря не было. Мы уже почти согласились на покупку квартиры довольно далеко от него, но хозяйка агентства по съему и продаже жилья, увидев наше колебание, посоветовала нам не спешить и пожить хотя бы год в городе, где мы собираемся обосноваться. Это был, чуть ли не единственный дельный и бескорыстный совет, полученный нами в Израиле от заинтересованного лица, и мы вспоминаем её с благодарностью. И, кроме того, это был первый контакт с местными жителями, и он оставил благоприятное впечатление. Но вскоре нас ожидали

совсем не такие приятные встречи.

После того как быстро купить квартиру не получилось, мы переключились на поиски съёмной квартиры в Нетании. Это оказалось тоже не простой задачей: город популярный, небольших квартир немного, требовались гаранты. С трудом нашлась двухкомнатная квартира на первом этаже – грязная и с тараканами. Отмывали её целый день, травили насекомых и от химических средств я сильно отравилась. Мне было очень плохо, и той ночью я впервые подумала:

– «Зачем я здесь и почему убираю мусор за чужими людьми?».

Утром взошло солнце, мне стало легче, ушли ночные сомнения, мы почистили садик под окнами и стали обживать-ся. Устроились по спартански, но довольно уютно. Купили ткань и закрыли старую мебель, потом получили из Москвы контейнер с нашими вещами, и жильё приобрело более или менее приемлемый вид.

Дом, в который мы попали, был социальным жильём для выходцев из Марокко. Мы уже были наслышаны, что марокканцы считают себя истинными евреями и традиционно плохо относятся к евреям из России, большая часть которых религиозные традиции не соблюдали. По приезду наши знакомые и мы вместе с ними начали отмечать все религиозные праздники, но в значительной степени формально, в синагогу не ходили, кашрут не соблюдали. Другой причиной неприязни является высокий уровень образования российских ев-

реев. Это, вызывает зависть и недоверие у других общин. Если человек из Марокко оканчивает какие-нибудь трехмесячные курсы, он уже считает себя специалистом и ни на какие грязные работы не согласится. В то же время народ из России берётся за любую работу, особенно в первые годы приезда. Нередко бывшие доценты метут улицы, а бывшие врачи работают сиделками.

В доме нас встретили неприветливо. Хозяйка квартиры воспользовалась нашей неопытностью и незнанием языка и вписала в договор о съеме неблагоприятные для нас пункты. Но это был не худший вариант, так или иначе, обманывают почти всех вновь прибывших. Соседка сверху почти немедленно пришла требовать полотенце, которое якобы упало на наш балкон и мы его присвоили. Никакие полотенца на нас не падали, но я для погашения конфликта предлагала ей свои на выбор. Их она не брала и ещё долго к нам приставала, звонила в дверь, что-то кричала из окна, как только мы появлялись на улице. Хорошо, что мы тогда её не понимали, но было ясно, что это отнюдь не приветствия.

Сосед из смежной квартиры был напротив очень дружелюбен и даже заинтересован в знакомстве с нами. Он был инвалидом, не выходил из дома и, вероятно, страдал от одиночества. Но, несмотря на заманчивое для нас обещание помогать с изучением иврита, мы не пошли на сближение, зная, что наше пребывание здесь не затянется надолго. Да и времени на общение практически не было.

В этой квартире мы отметили мой шестидесятилетний юбилей. Перед этой датой муж нашёл на улице невзрачный браслет и преподнёс его мне как подарок к дню рождения. В ответ я предложила отметить праздник в бесплатной столовой. Мы посмеялись, но браслет я решила оставить. Он был серебряный, старинный, грубой работы с восемью голубыми камешками непонятного происхождения. Помыла каким-то моющим средством, и вдруг из камешек брызнули яркие лучи. Сомнений не было – это бриллианты. Проверили, поцарапав ими стекло, на нем остались борозды, что указывало на верность нашего предположения. Потом знакомый художник-ювелир подтвердил их подлинность. Камешков было 8, весом примерно по 0,2 карата. Вероятно, это находка была компенсацией за мои серьги и кольцо оставленные в Москве. Тогда вывоз бриллиантов был запрещен, и мне было жалко с ними расставаться. Найденный браслет я так и не носила, он не подходил к моему образу жизни здесь. К тому же, у него была очень ненадежная застёжка, и крепление камней.

Через несколько лет в Помпее, муж нашел еще одну драгоценность: крупную жемчужину, оправленную в золото. Конечно, она не сохранилась со времени извержения вулкана, а потеряна какой-то туристкой. Он решил из всего найденного заказать мне подвеску «Находка» и извлёк бриллианты из браслета. Но я отказалась – такое роскошное украшение некуда будет надеть, и некому передать по наследству. Камешки я положила в надёжное место, но забыла куда. Много раз потом начинала их искать, но так и не нашла, наверное, выбросила с какой-нибудь сумочкой. На этот раз мне их совсем жалко: прошло время собирать камни, пора их разбрасывать.

1.2. Ульпан

Сразу после вселения в съёмную квартиру мы пошли на пятимесячные курсы по изучению иврита (ульпан). Иврит язык древний и в нем много своих особенностей: письмо начинается справа налево, некоторые буквы имеют двойное значение, отсутствуют гласные. Их заменяют значки, называемые огласовками. Но в текстах они обычно отсутствуют. Поэтому прочитать правильно слова, можно только зная их значения и понимая текст. Например, слова «он говорит» и «пустыня» пишутся одинаково, но звучат по разному. Однако структура языка и правила словообразования достаточно

четкие, хотя и содержит множество исключений.

Нашей замечательной учительнице Малке, говорившей только на иврите, удавалось объяснять материал предельно понятно, и воспринимался язык легко. Иногда возникал школьный синдром – не хотелось ходить на занятия и делать уроки, но, в общем, учеба у нас шла успешно. Но не всем иврит давался легко. Некоторые никак не могли усвоить его законы. Не раз мне приходилось по просьбе Малки повторять для всех её объяснения на русском языке, и я видела, что некоторые слушают с совершенно непонимающим видом. В людей в группе были люди среднего возраста и молодёжь, которым предстояло работать. Иврит им был им необходим, и они старались. Мы работать не собирались, у нас была задача приобрести достаточный уровень знания языка для общения, чтобы быть независимым в быту. Как нам тогда представлялось, улыпан его давал, но впоследствии оказалось, что это не совсем так.

Сейчас мне смешно вспомнить с какой уверенностью я говорила на иврите уже после первых месяцев обучения. Обычно коренные израильтяне с пониманием относятся к трудностям с языком у новых репатриантов. Но некоторые не хотят слушать наш детский лепет, и на все отвечают: «Не понимаю». В таких случаях я повторяла свою фразу медленно и спрашивала: «Что именно вы не понимаете?». Теперь, зная значительно больше, я уже не веду себя так решительно и иногда теряюсь.

Наряду с ивритом, были занятия и по истории страны, ее обычаям и религиозным основам иудаизма, естественно, на русском языке. Нас водили в синагогу на праздники, возили на экскурсии, на встречи с израильтянами. До приезда в Израиль о еврейских религиозных традициях я не имела представления. Лекции слушала с интересом, но, к сожалению, наша учительница быстро погасила не только мой, но и всеобщий интерес. Она держалась высокомерно, говорила с взрослыми образованными слушателями, как с малыми, глупыми детьми. Муж перестал ходить на ее занятия, она жаловалась начальству, бегала за ним по коридору, но безуспешно. Другие ученики тоже бы хотели отказаться от такого назидательного просвещения, но, как и я, не решались и терпели.

Однажды, в самом начале нашей учебы в ульпане, на улице ко мне подошел старичок религиозного вида. Он очень дружелюбно спрашивал, откуда я приехала, где работала, какая у меня семья. Моего иврита хватило, чтобы понять и ответить на эти простые вопросы. Я не удивилась такому участию, поскольку к тому времени уже поняла, что народ здесь более общительный. Тогда я еще не знала, что этот разговор представлял собой совершенно исключительное явление – религиозные евреи никогда не заговаривают со светскими женщинами и даже на них не смотрят. Не знала я и того, что религиозные партии занимают в стране особое положение и кардинальным образом влияют на образ жизни всех жите-

лей, внутреннюю и внешнюю политику.

1996 г. Вульпане с учительницей Малкой(я слева, в кибуце

Но это было позже. А пока нас продолжали знакомить со страной, возить по многим знаковым местам еврейской истории. Побывали в Иерусалиме, Тель-Авиве и в двух кибуцах: «Негба» на Юге страны и «Эйон» на Севере. Там нам рассказывали об истории создания поселений, войнах, судьбах здесь живущих людей. В кибуце «Негба» любовались на коров, дающих больше всех в мире молока, благодаря технологии кормления и содержания. Там нам устроили концерт русскоязычного барда и встречу с репатриантами, давно живущими в Израиле.

В кибуце «Эйон» мы катались на осликах. Меня ослик не слушался и постоянно останавливался, чтобы поесть колочек, а муж ездил без проблем. В керамической мастерской кибуца желающие могли попробовать создать мозаичные барельефы. Я, конечно, поучаствовала и сделала свой барельеф с рыбкой – древним символом Христа. Ночевали мы в домиках для гостей, завтракали и ужинали в общей столовой вместе с кибуцниками. Вся наша группа прониклась общинной атмосферой и была в восторге от тишины и спокойствия, красоты поселка и окружающей природы.

В ульпане мы познакомились и подружились с Романом и Любой. До обеда мы занимались в классе, а после обеда они приходили к нам каждый день. Мы вместе делали домашние задания, потом шли на море, а вечером гуляли по набереж-

ной. С тех пор наша дружба не прерывается, несмотря на то, что они живут в Реховоте. Роман успешно работает по специальности, Люба художница, рисует для собственного удовольствия.

В отличие от нас, либералов и демократов, Роман позиционирует себя как еврейский националист. Из-за разности политических убеждений у них с Виталием часто возникали споры, переходящие на личный уровень. Я предложила пресечь эту практику и теперь оба при разговоре обходит острые углы. Люба, русская и христианка, перешла в иудаизм. Она как истинная неофитка трепетно соблюдала правила и в нашем доме, читая вслух молитвы перед едой. Протеста это не вызывало, но для равновесия я предложила читать ещё и «Отче наш». Такой вариант молчаливо не был принят, и мы возвратились к исходному состоянию.

В израильском обществе такое смешение религий в компаниях происходит часто, но в среде образованных людей помехой не является. Так, все друзья Ирины Абелевой, о которой я упомяну позже, состояла исключительно из врачей евреев, не получивших религиозного воспитания. Только один из них стал в Израиле сугубо ортодоксальным, ел за столом принесённую с собой кошерную пищу и это никому не мешало.

1.3. Среда обитания

Предложений по продаже квартир в то время было очень

мало и мы опасались, что нам не удастся найти что-то подходящее за целый год. В начале, в круг наших поисков была включена Наария и Крайоты, а потом искали только в Хайфе, где решили поселиться. И случай, удовлетворяющий почти всем нашим пожеланиям, всё-таки подвернулся, причём у моря в самом желательном районе Бат Галим, что в переводе на русский означает «Дочь Волн».

Дом входит в комплекс называемый «Бригада», он построен после второй мировой войны правительством Англии для евреев, воевавших в их легионе. Комплекс состоит из 7 рядов трёхэтажных домов по 2 дома в каждом ряду. Квартира наша располагается на последнем этаже, и нам сначала это не понравилось. Но когда мы в неё зашли, то этот недостаток показался преимуществом: во всех окнах много неба, а с балкона открывается обширный вид на гору Кармель. Квартира всегда принадлежала одному хозяину и поэтому была в относительно хорошем состоянии.

Бат Галим, благодаря близости моря, равнинному рельефу, малоэтажной застройке, отсутствию всякой промышленности и тишине нам понравился с первого взгляда и уже четверть века мы наслаждаемся его «деревенской» атмосферой. Много зелени, в пять утра начинают петь птицы. Они любят посещать наш балкон, и постоянно пытаются устроить там гнёзда. В густые кроны окружающих деревьев залетают попугайчики, а утром можно увидеть ежей, торопливо бегущих по своим делам. Дворовые кошки, закармливаемые и об-

ласканные жильцами, возлежат по самому центру дорожек и не сдвигаются с места, заставляя прохожим их обходить.

Район издавна привлекает людей творческих профессий. Здесь живут много художников, проводятся ежегодные фестивали искусств, выставки-продажи картин и других изделий. Мастерские художников открыты в эти дни для свободного посещения. На наших глазах старая невзрачная застройка активно обновляется, реставрируются дома имеющие историческую ценность, строится новое современное жильё и другие объекты инфраструктуры. Приятно, что до сих пор соблюдается принцип малой этажности зданий, что сохраняет первоначальный облик района. Существенным его недостатком, о котором мало кто догадывается, является уязвимость в случае большого землетрясения. Предсказывают, что он будет затоплен мгновенно и полностью. Небольшие землетрясения случаются здесь часто и несколько раз мы их реально ощущали, даже немного сдвигалась мебель. Знакомый специалист сейсмолог напугал нас имеющимися прогнозами, но мы стараемся об этом не задумываться.

Море и набережная – главные достояния района. Красоту и бескрайность моря описывать не берусь, это мне «не по таланту». Почти каждый день его вижу и каждый раз передо мной новая картина. Море то спокойное как озеро, то бурлит, покрывается белыми «барашками», создавая кипящий пеной прибой. Во время штормов громадные волны перехлёстывают всю ширину набережной, нанося на неё тол-

стый слой песка. Иногда бури ломают деревья, валят столбы, заносят всё мусором, но такое случается не часто. В нескольких минутах от нашего дома очень удобный и хорошо оборудованный песчаный пляж «Бат Галим». Искусственные насыпи по бокам образуют лагуну, отгораживая её от больших волн, и создают относительно безопасную зону даже при большом волнении на море. Тем не менее, несчастные случаи случаются ежегодно, в основном, из-за плохого физического состояния купальщиков, значительная часть которых люди преклонного возраста. Для пенсионеров это место ежедневных встреч в воде, где они часами висят, обмениваясь новостями.

Я членом этого клуба не являюсь, но невольно получаю информацию, пока переодеваюсь или проплываю мимо. Плаваю я брассом, при котором голова почти постоянно опущена, а когда её поднимаю, слышу только отрывки фраз. Доносятся фрагменты рецептов блюд, описаний болезней, жалоб на детей, ужасных и романтических историй и даже признаний в любви. Слышу однажды:

– «... Сара, я человек немолодой, но так тебя люблю...».

Вынырнула, хотела посмотреть на столь любимую Сару, но она отвернулась и от меня и от него.

Вид на район Бат Галим

В ветреные дни море заполнено любителями водного спорта: на досках с парусом и без него, на кайтах, байдарках и реже на яхтах. На пляже тренируются команды пловцов и солдаты расположенной вблизи военно-морской базы. Море у берегов Хайфы не отличается большим разнообразием живности. Можно наблюдать через очки громадные стаи мелких рыб. В лучах солнца, пробивающегося сквозь толщу воды, их скопление блестит и переливается, постоянно и рез-

ко, как по команде, меняет направление движения, но никогда не касается тел пловцов. Купальщиков же, неподвижно стоящих в воде они кусают и довольно ощутимо, оставляя кровавые следы.

Более опасны медузы, когда они подходят в определённое время года близко к берегу. Мелкие ожоги от их укусов проходят быстро, а сильные, похожие на химические, остаются надолго. Запасливые купальщики смазывают ожоги уксусом, а в тяжёлых случаях приходится обращаться даже за медицинской помощью. Чаще всего страдают пловцы на дальние расстояния, такие как Виталий. Он не раз попадал в скопление медуз и получал многочисленные ожоги. Кожа на их месте сжимается, краснеет и долго остаётся в таком состоянии, поднимается температура, чувствуется общее недомогание. Бывали ожоги и у меня, к счастью, в меньшей степени.

В воде можно увидеть набольших скатов и черепах. Но безобидная черепаха может сильно испугать, когда она плывет близко к поверхности воды, вытягивает вверх голову и становится похожей на водяного змея. Это явление не частое, я встретила в море такого «змея» такое только однажды, и это было очень неприятно.

На пляже Бат Галим

Крайне редко, но бывают и встречи с акулами. Такая встреча состоялась у Виталия далеко в море. Как-то в августе, когда жара особенно тяжёлая, он начал свой ежедневный утренний заплыв раньше обычного и был около шести часов утра далеко за поплавокми. Вдруг под ним мелькнула громадная тень, а когда он поднял голову, то вокруг из воды торчали острые плавники. В первое же мгновение Виталий понял, что это акулы, но потом пришла успокоительная мысль, что вероятнее дельфины. Насколько он мог понять, их было пять, и все плавали вокруг него и под ним на близком расстоянии. Виталий не испугался, но почувствовал себя неуютно в гостях у хозяев моря и повернул к берегу. Они метров сто его сопровождали, потом отстали. Дома мы сравнили фото плавников акул и дельфинов и убедились, что это были акулы. Кроме того было сообщение, что как раз в это время акулы подходили к берегам Хайфы. Акулы, заплывающие в прибрежный район Израиля, как правило, не нападают на людей, но несчастные случаи бывают, особенно с рыбаками.

Жизнь набережной разнообразна. Утром она немногочисленна, принадлежит бегунам, ходокам, людям, гуляющим с детьми или с собаками. По праздникам и субботам здесь настоящее народное гуляние. Представлены все возрастные слои населения от детских садов до школьников, молодёжи и пенсионеров. Очень пёстрый национальный состав и религиозная принадлежность. Здесь любит гулять и светское на-

селение, и еврей-ортодоксы и арабы. Множество групп занимается различными гимнастиками и йогой. По всему побережью стоят рыбаки с удочками, но, по нашим наблюдениям, улов у них не очень богатый. Настоящие уловы только у арабских рыбаков, выходящих в море на лодках. Раньше они подходили к пляжу и продавали рыбу, но сейчас, наверное, это им запретили. Часто можно видеть, как один из находящихся в лодке рыбаков стоит у неё на носу как мачта, не подверженная колебаниям волн.

Случаются на набережной и разные истории. Однажды летом мы с сыном разговаривали дома, а потом уже ночью, в надежде, что на улице стало прохладнее, вышли на набережную. Предположение наше не оправдалось, но мы всё-таки сели на скамейку и продолжали беседу. Через некоторое время к нам подошёл полицейский и потребовал предъявить документы. Документов у нас, конечно, не было, и только наша похожесть помогла убедить его в смешной ошибке. Дело в том, что набережная славится как место встречи с женщинами «низкого социального статуса» и он принял нас за парочку.

А это история другого рода. Как-то утром по дороге на пляж я увидела одиноко лежащий у передней дверцы машины большой туго набитый кошелёк. Постояла, подумала, брать ли, понимая, что будет целая история с поиском владельца, но всё-таки решила взять. Представила сколько хлопот будет у потерявшего, если кто-то другой возьмёт деньги,

а всё остальное выбросит. Тем более что мне в похожем случае подобную потерю возвратили, правда, без денег.

Кошелёк оказался полон разных карт – удостоверение личности, водительские права, золотая кредитная карта, проездной и примерно 100 долларов. По ним было ясно, что владелец студент-медик, но адресов и телефонов я не нашла. Я позвонила в ближайшую квартиру и спросила, не живёт ли здесь поблизости студент такой-то и получила отрицательный ответ. Сходила домой, написала записку о находке, возвратилась и положила под дворник ветрового стекла машины около которой нашла кошелёк.

До вечера никаких звонков не поступило, и я уже волновалась, представляла, что надо будет ехать в полицию, объясняться, составлять какие-то акты. Виталий предложил сходить на место находки ещё раз и оставить записку на заборе. При подходе мы увидели рядом с машинами трёх печальных парней. Сразу поняли, что один из них владелец кошелька. Эти молодые олухи даже не увидели мою записку на машине, которая там лежала с утра! Кошелёк мы оставили дома, и парень дошел с нами до самой нашей квартиры, спросил сколько там было денег и едва процедил сквозь зубы «спасибо». Я предположила, что это от волнения и на следующий день он пришлет нам цветы.

Муж посмеялся и сказал, что хорошо ещё так закончилось, и парень не потребовал от меня деньги, якобы находящиеся в кошельке. Но я сама виновата – действовала не

по правилам. Обычно кошельки возвращают не только после изъятия оттуда денег, но и за определённое вознаграждение. Поэтому моё поведение вызвало подозрение. После этого случая остался неприятный осадок, но урок я получила – никогда не поднимать кошельки.

Бывают на набережной и приятные встречи: кто-то ракушку или цветок подарит, с кем-то приятно побеседуешь, кто-то просто улыбнётся, поздоровается или скажет комплимент. Самый ценный комплимент я услышала от маленького мальчика, который звонким голосом спросил свою маму:

– «А что это за тётя такая хорошая?»

Я помахала ему рукой, он смутился и спрятался за маму. Его внимание привлекла, конечно, не я, а моё заметное платье, но всё равно приятно.

С появлением смартфона я стала делать снимки из жизни набережной. Фотографий накопилось уже много, я систематизирую их по рубрикам: «Море», «Берег», «Люди», «Кошки». Кошки или «морские котики», как я их называю, составляют постоянное и многочисленное население набережной. Их ежедневно кормят добровольцы, и часто перепадает мелкая рыбка от рыбаков, вокруг которых они крутятся. Охотиться на мышей и крыс у них нет никакой необходимости, и видимо, они прекрасно сосуществуют. Пару лет назад появились в нашем районе и кабаны, находящие себе пищу около мусорных баков. Как-то вечером недалеко от дома я видела громадного кабана, вальяжно идущего по улице с ви-

дом хозяина. Обошла его на всякий случай за квартал, потому что прочитала ранее, что бывают случаи нападения на людей.

Люди на набережной и на прогулочной тропе меняются, одни исчезают, другие появляются. Постоянным, но незнакомым спутникам я мысленно даю имена: «Философы» – двое пенсионеров громко обсуждающие современные и прошедшие мировые события. Они всегда выступают с противоположных позиций, и в обосновании своих мнений приводят цитаты из философов и известных деятелей. «Рок-няня» – парень с собакой и косой почти до пола, выглядевший как солист рок группы, а на самом деле – воспитатель детского сада. «Барби» – самая красивая женщина на тропе, блондинка с отличной фигурой и длинными волосами. «Кошатник» – человек, сидящий всегда на одной и той же скамейке в окружении десятков кошек. «Бегунья» – дама почтенного возраста, с явно спортивным прошлым в ярких, постоянно меняющихся нарядах. Она очень быстро ходит и обгоняет меня на тропе как стоячую. Не успеваю я вынуть телефон, чтобы ей сфотографировать, она уже далеко.

В конце набережной находится институт Океанографии, а за ним начинается парк Шикмона, получивший своё название от расположенного здесь в древности города. Собственно парк с пальмами и деревьями расположен по другую сторону ж – д, а вдоль моря идёт тропа по плоской равнине, покрытой травой и редким низким кустарником. Летом тра-

ва совершенно высыхает, а с осени до конца весны всё зеленеет, покрывается цветами. На этой территории археологи раскопали несколько домов и большой храм римского периода, от которого сохранился только дивной красоты мозаичный пол и несколько обломков могучих колонн. Сейчас раскопки заброшены и законсервированы. Но территория древнего города, несмотря на её выгодное положение и удобный рельеф, не застраивается. Вероятно, раскопки когда-нибудь возобновятся.

Мы обошли Хайфу пешком, что называется вдоль и поперек. Проши её из конца в конец с севера на юг и с востока на запад. В первые годы мы очень много ходили пешком и потому, что мы большие любители пешей ходьбы, и потому, что интересно было знакомиться с городом. Люблю выходить из дома ранним утром, когда ещё темно, на набережной никого нет, горят фонари, отражаясь в воде, и на небе светит луна. Люблю наблюдать восход солнца, увидеть тот миг когда из воды появляется огненный его край и постепенно увеличиваясь превращается в шар, сначала, огненно оранжевого, потом жёлтого и наконец почти белого цвета.

1.4. В своей квартире

Я уже упоминала выше, что наш дом строили англичане, поэтому квартира имеет традиционную европейскую планировку с прихожей и отдельной кухней. В израильских квартирах, как правило, сразу за входной дверью находится об-

щий салон, нередко совмещённый с кухней, прихожей обычно нет.

Перед въездом в квартиру мы договорились с агентом по продаже, что будут выброшены все вещи, оставшиеся от прежней хозяйки. Выбросили даже больше – вынули стеклопакеты на больших, во всю стену окнах кухни. Зато оставили тяжеленный ненужный бойлер для нагревания воды на антресолях. Такой способ обмана нас поразил, но разбираться с этим не было желания, да и бесполезно после того, как всё оплачено.

Заселились мы вдвоём, наш сын Миша переехал из Тель-Авива в Раанану, где находился его офис. Работу ему даже не пришлось искать, она сама его нашла. В то время был большой спрос на программистов, и как только Миша появился в сети, его заметили и пригласили в стартап, занимающийся разработкой компьютерных игр для детей. Он купил себе новый компьютер, а нам отдал свой. В доме засветился голубой экран, и я почувствовала себя почти как в Москве. Вскоре по той же схеме мы получили второй компьютер, и устроили себе рабочие места в разных комнатах.

Но это было немного позже, и а пока мы находились в пустой квартире, и нужно было покупать всё, начиная с мебели, холодильника, стиральной машины, и прочего оборудования. Кондиционер был, но старый, громоздкий и производил много шума и мало холода, его нужно было менять и ставить кондиционеры в другие комнаты. Надо сказать, что

деньги на холодильник и стиральную машину нам были выданы сразу после приезда в страну. Во-первых, восстановили окна и начали устраиваться на новом месте.

В подъезде шесть квартир и в каждой из них, на момент нашего вселения жили выходцы из разных стран Франции, Болгарии, Венгрии, Украины, Румынии и Марокко. Все, кроме украинцев, снимавших здесь квартиру, долгие годы жили в этом доме, но между собой практически не общались. Наш соседи по этажу – полицейский Иосиф и его мать Руты. С ней мы сразу подружились. В первые годы создания государства она приехала из Болгарии, и вышла замуж за марокканца. Он был послом в какой-то африканской стране и у них на стенах висят большие, оригинальные картины. Иосиф, ответственный по подъезду, теперь уже на пенсии, и у нас тоже отличные отношения. Если он встречает меня с тележкой внизу, всегда поднимает её на наш третий этаж, как бы я этому не противилась.

Этажом ниже жила женщина из Венгрии, жертва геноцида евреев в период второй мировой войны. Вторая квартира сдавалась, и там жили, как правило, выходцы из СССР. Но со временем обе эти квартиры заселили молодые пары и русскоязычных соседей у нас не стало. На первом этаже живет инвалид детства Цвика, отец его репатриировался из Румынии, а он родился в Израиле. Сначала Цвика с трудом передвигался, а потом совсем не мог ходить. С ним у нас были самые дружественные отношения: Виталий покупал ему что-

то на рынке, а я – в магазине. С ним легко было говорить на иврите, он сам говорил очень чётко и поправлял наш язык и произношение. В последнее время он совсем не выходил из дома, но ползал по квартире и мыл пол, хотя у него была прикреплённая помощница. Входная дверь в его квартиру всегда была открыта. За ней ещё одна открытая дверь – в ванную. И постоянно звучала громкая музыка. Нас музыка не раздражала, у Цвики хорошая аппаратура воспроизведения звука и большая отличная коллекция коллекции пластинок. Её пополнял и Виталий, покупая ему их на блошином рынке. Музыка уже не звучит, Цвика, видимо, в доме для людей неспособных себя обслуживать.

Наш друг Роман смеялся:

– «При входе в ваш подъезд тебя встречает вид на унитаз и оглушительная музыка. Поднимаешься на второй этаж – из-за двери облаивает собака. И, наконец, попадаешь к вам, прямо к накрытому столу и запаху сдобной выпечки».

Обустривая квартиру, Виталий целыми днями на балконе пилил, строгал и сверлил, создавая много шума. Все соседи относились к этому с пониманием, кроме, живущей на первом этаже, Ханы из Марокко. Она обратилась в полицию с жалобой на то, что у нас в квартире устроена мастерская, и мы продаём мебель. Отчасти по поводу мастерской она была права. Виталий один за другим купил два подержанных, но добротных мебельных гарнитура, реставрировал их и один передал Мише.

Пришёл симпатичный, вежливый участковый, попросил разрешения войти и остался у нас надолго. Виталий показал ему свои поделки, тот восхитился, они разговорились, и дело кончилось тем, что полицейский стал советовать, где можно брать хороший материал бесплатно. Потом побеседовал с соседкой, но ему не удалось её убедить, что мы вправе заниматься ремонтом.

Хана всех выходцев из России воспринимала как «понаехавших» и, сидя у входа в дом, в разговорах с соседками, громко их ругала, и нас в том числе. Мы, желая сохранить нормальные отношения, делали вид, что не понимаем её речи и, как ни в чём не бывало, продолжали с ней здороваться. Я при встречах ещё и разговаривала, а Виталий однажды даже хотел её наградить за такие «добрососедские» отношения. Как-то, во время праздника Пурим, он получил в больнице Рамбам довольно объёмистую коробку со сладостями. Возвращаясь домой, встретил Хану, с совершенно несчастным видом сидящую у подъезда и, как всегда, чем-то недовольную. Сожалел, что не догадался отдать ей подарочную коробку Хане. Я была возмущена его намерением, но в душе понимала, что это было бы великодушно.

По приезде в Хайфу нам нужно было снова открывать счет в банке, вставать на учёт во всех официальных инстанциях. На этот раз это прошло проще, с языком, практически проблем не возникало. Кроме того, мне предстояло принять решение стоит ли устраиваться на работу. По возрасту я была

свободна от этой обязанности и могла рассчитывать на пособие. Но для лиц, имеющих учёные степени, была возможность получать в течение 3-5 лет так называемую стипендию Шапиро. С этой стипендией брали на любую подходящую по профилю работу, поскольку содержание сотрудника полностью или частично оплачивалось государством. Я оформила все документы, получила подтверждение учёной степени и разрешение на получение стипендии.

Естественно, я и близко не могла рассчитывать на получение работы сравнимой с моим прежним статусом. Не было и экономических причин: разница в деньгах между стипендией и пособием никаким образом не могла восполнить предстоящую занятость и большую психологическую нагрузку. Но всё-таки поехала в архитектурную фирму, от которой получила приглашение на собеседование. Поговорила с владельцем, кстати, моего иврита на это хватило, посмотрела чертежи, поняла, что легко бы справилась. Но объекты были небольшие, вспомогательного значения, возможностей для творчества там практически не было. А постоянная рутинная работа за компьютером меня совсем не привлекала. Обсудили на семейном совете все позитивные и негативные стороны трудовой деятельности в местных условиях и решили, что начинать мне её не стоит.

Среди прочих дел нужно было выбрать семейного врача. Мы пошли в ближайшую от дома клинику, где принимала доктор Абелева. Та же фамилия была у моего московского

коллеги Марка Абелева. Я спросила, не родственница ли она ему, оказалось – родная сестра. Мы понравились друг другу и подружились.

У неё мы встречались с теми из российских успешных врачей, кто добился здесь подтверждения бывшего статуса. Это очень не простая процедура и не всем это не удаётся: кто-то и раньше не был в своём деле силён, кто-то не мог в нужной степени освоить иврит и английский. Ирина легко получила разрешение на работу врача и открытие собственной клиники благодаря своему диагностическому таланту. Будучи стажеркой в больнице Рамбам, она имела смелость спорить с профессорами и оказывалась права, что было замечено и оценено. Ирина признавалась, что ставит диагноз в тот момент, когда видит больного, а потом только находит подтверждение и тянет время, чтобы это нормально выглядело. Кстати, Виталию она поставила диагноз почти за десятилетие до того, как болезнь обнаружилась. Сказала мне об этом, но я не захотела верить

На пикнике с Ириной (я слева)

Пациентов у неё было много. И хотя они её её не очень любили, из-за того, что она была резковата и была немногословна, к другим врачам не уходили, понимая что врач она хороший. Сидя у неё в приёмной я не раз слышала их дружное ворчание. Коллеги тоже ценили её профессиональный уровень, и она была семейным врачом у многих из них. Потом она встретила Ефима, тоже врача, и тоже москвича и вышла за него замуж. Он нам нравился, мы часто встречались, помогали им обустроить новую квартиру, вместе ездили в лес на шашлыки, вместе ели конфеты, приносимые больными.

Наша дружба с Ириной оказалась непрочной и распалась по причине, о которой здесь долго рассказывать и трудно объяснить. Так сложилось, что не мы должны были делать первый шаг к примирению, но были к нему готовы и ждали целый год. Не дождались, сменили семейного врача, а вскоре Ирина уехала в Америку. Виталий случайно иногда встречается Ефима в больнице Рамбам, где тот работает, и они вполне доброжелательно беседуют.

Были у нас в Хайфе и старые друзья, знакомыми ещё из России – коллега Виталия по работе, Саша Фрейдлин и его жена Диля. Они жили в Феодосии и в своих поездках в Крым мы иногда заезжали к ним в гости. О том, что они репатрировались в Израиль, мы узнали случайно, нашли адрес по

специальной службе поиска и к обоюдной радости встретились. В Хайфе мы были близкими соседями и постоянно бывали друг у друга в гостях, вместе ездили на экскурсии, играли в теннис, плавали. После моря иногда заходили к нам на завтрак, съесть на балконе горячую пиццу моего производства, которую Саша очень любил.

На Кармеле. Дия, её сватья, я и Саша

Сейчас их уже нет с нами, оба ушли из жизни, причём Саша внезапно – остановилось сердце, когда он гулял по набережной. Саша был человеком спортивным, тренировал теннисистов, мы вместе совершали далёкие прогулки, он много ходил, плавал, даже после того как перенёс открытую операцию на сердце.

Дия пережила мужа, но все эти годы с ней происходили сплошные несчастья. Она перенесла инсульт, восстановилась после него, затем и у неё была операция на сердце. После неё она тоже возвратилась к приемлемому физическому состоянию, но утратила интерес жизни. Дважды совершала попытки самоубийства и дважды медицина возвращала её из небытия, но её здоровье было окончательно подорвано.

Расположение нашего дома очень способствует занятию спортом. Виталий был постоянным членом теннисного клуба, пытался приобщить и меня, но не получилось. В клуб он ездил на велосипеде, совершал на нём и дальние поездки по окрестностям Хайфы.

В относительно прохладное время года мы с Виталием почти ежедневно ходили по туристической тропе, проложенной вдоль моря. Её протяжённость составляет 25 км, но мы по всему маршруту не проходили, осиливали только 10 км. Многие годы регулярно поднимались по тропе мимо пещеры Ильи Пророка на гору Кармель, на высоту около 400 м.

Были у нас и более дальние походы до 30 км. Один из них через гору Кармель по лесу до посёлка Тират Кармель и обратно по берегу моря мимо водоёмов для разведения рыбы и далее по пляжу.

Второй маршрут – до северной границы Израиля Рош а Никра. До города Наария доехали на поезде, а дальше шли пешком, примерно 10 км в одну сторону. При возвращении случился опасный эпизод. Дорога пустынная, по ней редко кто ходит и ездит, вблизи арабские поселения. Мы шли по обочине и навстречу нёсся мотоциклист, похоже, что у него было первоначальное намерение наехать на нас, но передумал и пролетел мимо.

Море у нас рядом и ежедневные купания сразу вошли в наш распорядок дня. Первое время проживания в Израиле мы купались круглый год, потом стали пропускать зимние месяцы. Часто ходили купаться в неположенные места, где не было людей, но не было и спасателей. Это казалось нам безопасным, но во время сильного волнения я очень тревожилась за Виталия заплывающего очень далеко. Однажды, когда он был в море, на берег пришёл человек с большой собакой. Она начала на меня прыгать и до крови исцарапала мне руки. Хозяин её не останавливал и даже не извинился, спокойно сказал, что ничего страшного, у собаки есть прививки.

1.5. Снова иврит

В Хайфе мы искали возможности продолжить изучение иврита. Присоединились к группе спонсируемой Сохнутом, но её вскоре закрыли из-за недостатка финансирования. Кстати, учительницей там была марокканка, очень дружелюбная и симпатичная. Нас порадовала встреча с ней, поскольку предыдущие контакты с выходцами из этой страны были неприятными. На этих курсах мы познакомились с Марикой, единственной в группе не говорящей по русски. Нам она понравилась, мы пригласили её домой и подружились. Дружить с ней легко, она общительная, позитивно настроенная, правдивая и без комплексов. Говорим мы с ней, в основном, на иврите и поскольку он у нас примерно одинакового уровня, мы прекрасно понимаем друг друга. Правда, в сложных случаях прибегаем к английскому или немецкому языкам.

Она родом из Голландии, окончила французскую Академию художеств в Париже. Её муж Эд тоже был художником и до пенсии преподавал в Училище изящных искусств в Хайфе. У них собственный дом и отдельно стоящая мастерская на обширном участке в престижной деревне художников Эйн Ход, расположенной вблизи города. Вокруг естественный лес, что большая редкость для Израиля. Несколько лет назад он пострадал от крупного пожара, но сейчас уже почти восстановился. Пожар подошёл непосредственно к дому Марики, и был остановлен, иначе бы сгорели все их картины. Другие художники этой участи не избежали.

С Марикой мы дружим уже четверть века, часто встречаемся, вместе ездили на Голаны, на Кармель за грибами и спаржей, на Кинерет, в библейском написании Генисаретское море. Купание мне там не понравилось – берега так замусорены, что я зашла только потому, что невозможно не погрузится в с детства бывшее на слуху озеро. В 2000 году мы приезжали вместе со своими немецкими друзьями на дачу Марики во Франции.

После закрытия группы по изучению иврита я узнала, что в соседнем с нашим домом клубе ведутся занятия по языку под руководством энтузиаста-волонтера Жака Куно – историка, писателя, общественного деятеля. В 90-е годы он учил ивриту евреев Украины и по возвращении продолжил преподавание репатриантам в клубе района Бат Галим в Хайфе. Каждый вторник в течение 20 лет он приходил на урок почти до самого ухода из жизни в 2022 году. Своих учеников Жак старался не только научить говорить на иврите, но и приобщить их к истории и культуре страны, объяснить политическое устройство и состояние общества. Он был прирожденным учителем: артистичный, прекрасный и остроумный рассказчик. Когда я впервые пришла на урок, он серьезно, без улыбки сказал мне:

– «Обучение стоит 5 шекелей (примерно полтора доллара) в месяц, но можно разбить на платежи». Иногда уроки проводились на улицах района, имеющего богатую историю. Он приглашал всю группу к себе домой для встреч с интерес-

ными людьми: политиками, писателями, дипломатами, единомышленниками по партии «Мерец», единственной либеральной левой партии в Израиле. И читал лекции по проблемам арабо-еврейского конфликта в колледже.

Группа, кроме нас с Марикой, состояла из выходцев с Украины и была, напротив, ультраправых, националистических взглядов. И всех талантов Жака не хватило, чтобы переубедить хотя бы одного нашего человека с советской закалкой. Хорошо, что он не знал русского языка и не понимал ужасных высказываний своих учеников, но настрой на ненависть, конечно, чувствовал. Виталий первый не вынес такой атмосферы и покинул группу. Я держалась дольше, но и моего терпения не хватило. К тому же, и ко мне стали относиться недоброжелательно, когда узнали, что я не поддерживаю их политических взглядов, да ещё и из нелюбимой ими Москвы. Жалко было покидать невосполнимые уроки Жака, но на набережной я с ним встречалась почти ежедневно. Мы приветствовали друг друга, но говорили мало, перекидывались лишь парой фраз. Я с ним стеснялась говорить на иврите. Он всегда гулял один, заложив руки за спину, подбирал по пути мусор и относил в урны.

Жизнь Жака была полна драматическими событиями. Он родился в Бельгии, и там во время второй мировой войны, как и в других оккупированных Германией странах, евреи оказалась в смертельной опасности. Некоторые отдавали своих детей в христианские семьи, чтобы сохранить им

жизнь. По своей инициативе священник Ян Брюйландтс и его жена взяли двухлетнего Жака, горячо его полюбили и привязались. Воспитывали его в католической вере, водили в храм, и это ему нравилось. Жак вспоминал, что день Победы был для них праздником, омрачённым печалью будущего расставания. В 1947 году настоящие родители забрали уже девятилетнего мальчика, который их не помнил. Это было трагедией для обеих семей и, конечно, для Жака. Он до последней минуты надеялся остаться, плакал и тянул руки из окна вагона к провожающим в надежде на чудо. Приёмные родителями всю жизнь считали его своим сыном, а в Израиле они были признаны Яд Вашем праведниками народов мира.

Родители увезли Жака в Бразилию и приобщили к традициям ортодоксального иудаизма: он накладывал тфилин, носил пейсы и кисти. В 1961 году он приехал на родину предков. Работа в кибуце и погружение в израильские реалии жизни привели его к либеральным идеям и светскому образу мысли. Этот трагический и волнующий сюжет стал темой написанной Жаком книги «Путешествие на крест», адаптированной им затем в спектакль.

1.6. Под покровом Ильи Пророка

Ещё в Нетании я искала возможность присоединиться к христианской общине. Меня тоже искали – посетили какие-то миссионеры, я так и не разобралась, к какой конфессии они относятся. Подарили мне Библию, от неё я не отка-

залась, поскольку моя ещё была в багаже по пути в Израиль. Узнала об общине «Евреи за Христа» и посетила её. Местом их служения была вилла на окраине Нетании, а паства состояли из двух групп: англоговорящих и русскоговорящих. На службе псалмы высвечивались на экране, проповедник пел под гитару, а чаша с причастием передавалась по рядам из рук в руки. Обстановка вполне приятная, но, по моему восприятию, не духовная.

Вскоре после переезда в Хайфу я узнала, что здесь есть церковь Ильи Пророка. Он, как известно из Ветхого Завета, жил на горе Кармель, которая ближе всего подходит к морю одним из своих отрогов как раз вблизи нашего дома. Здесь же находится и его пещера, может быть поэтому, зимой грозы здесь такой небывалой силы, что от их раскатов трясутся стёкла в окнах.

Мне сказали, что церковь находится районе проспекта Наси, точного адреса я не знала, но была уверена, что найду её легко – обычно купола и кресты видны издали. Однако с улицы ничего похожего не просматривалось, и я прошла несколько раз мимо, прежде чем нашла незаметную калитку на территорию храма. За забором неожиданно открылся вид, сразу восхитивший меня своим обширным свободным пространством со старыми красивыми деревьями, окружающими маленький белый храм со стройной колокольней. Дверь храма была открытой, я вошла в главный предел, оказавшийся довольно просторным, несмотря на небольшие размеры и

отсутствие подкупольного пространства. Пришла я рано, народ ещё не собрался. В ожидании службы присела на скамью и поднялась при появлении священника, он мягко сказал:

У храма Ильи Пророка

– «Сидите, сидите»

и опустился рядом. Мы поговорили, я узнала, что храм принадлежит Московской Патриархии и обрадовалась, что нашла островок российского мира в новой для меня стране. Познакомилась с женщинами, не очень слаженно, но старательно певшими в хоре. Они же, за неимением опытных чтецов, читали часы. Я тоже стала их читать, поскольку с детства знала нужные ударения. Слушая как мама, стоя в своем уголке, вполголоса говорила:

– "Иже на всякое время и на всякий час..."

После службы хор и другие прихожане часто пили в саду кофе, варить который матушка Ирина, будучи по происхождению арабкой, большая мастерица. Говорили на разные темы, а о. Мирослав, с присущим ему остроумием, всегда шутил.

Многие годы я ходила в церковь пешком зимой и летом, поднимаясь от самого моря на высоту примерно 400 м., по лестницам через район, заселённый арабами. Местные жители уже привыкли к моему регулярному мельканию и некоторые приветливо здоровались. Путь занимал примерно час с четвертью, в продолжение него все житейские дела оставались позади, и я всегда приходила в храм в отличном на-

строении. Обратный путь под гору много легче. Особенно я любила возвращаться домой после ночных Рождественских и Пасхальных служб в полном одиночестве по совершенно пустому городу.

1.7. Поездки по стране

Мы много ездили по стране: побывали в Хамат Гадере, Акко, Эйн Ходе, Кейсарии, Реховоте, Тверии, на Голанах, на озере Кинерет и, конечно, неоднократно на Мёртвом. В Хамат Гадере на границе с Иорданией хорошо сохранился комплекс Римского периода из купален с минеральной водой разной температуры. Мы посетили его зимой и так долго наслаждались горячей водой, что все почувствовали сильную усталость. В развлекательной зоне там устраиваются сеансы с красивыми тренированными попугаями, имеется питомник с множеством крокодилов. Но если бы мне и заплатили, и тогда бы не пошла бы смотреть на эти чудовища.

Со своим церковным коллективом я побывала в Хевроне и ряде монастырей. В Хеврон ездила с о. Мирославом и его семьёй в микроавтобусе. Город находится на арабских территориях, но нас не остановил ни один патруль. Монастырь Святой Троицы в Хевроне (Подворье в честь святых Праотцев) построен на месте встречи Авраама с Господом, явившемся ему в виде трёх Ангелов. Там находится Мамврийский дуб, под которым Авраам с Сарой принимали гостей. Этому событию посвящена знаменитая икона А. Рублё-

ва «Троица», с которой я неоднократно делала списки в своём иконописном прошлом. В год моего посещения от древнего могучего дуба оставался еще сухой ствол, и пробивались зелёные побеги.

Как-то Миша пригласил нас съездить с ним и его подругой в Акко, и там случилось небольшое приключение. Мы до вечера задержались в старой части города и оказались единственными туристами на почти темных узких улицах, которые неизвестно где начинаются, как называются, куда идут и чем заканчиваются. Ориентироваться в переулках, дворах и тупиках старого города совершенно невозможно и мы окончательно заблудились. На улицах сидели одни мужчины, покуривающие кальяны и поглядывающие на нас со скрытым интересом. Самое смешное, что мы не знали что спрашивать, так как не знали как называется место, где Миша оставил машину. Я, наслушавшись страстей про арабов, была немного напугана, но, в конце концов, всё закончилось хорошо, какой-то старик указал нужное направление.

1.8. Иконописание

В Великий пост 1998 года, на первой неделе Торжества Православия и иконопочитания я узнала, что среди наших прихожанок есть женщина из Москвы пишущая иконы. В то же мгновение я решила, что стоит попроситься к ней в ученицы. Но моя землячка Шеля к тому времени уже перестала этим заниматься и отказалась взять меня в свои ученицы по причине своего малого умения. Однако пообещала погово-

ритель с монахиней

Параскевой из Назарета, у которой училась сама. Не ожидая результатов её переговоров, я начала подготовку. Собирала образцы, покупала книги, Миша по моей просьбе распечатал целую гору литературы по этой теме.

Монахиня Параскева живёт в монастыре Благовещения, принадлежащем Французской Греко-Католической церкви. Монастырь расположен в южной стороне Назарета на большом живописном гористом участке, где имеется храм, дом для насельниц, гостиница для паломников и хозяйственные постройки. Монахинь в то время было восемь, теперь осталось только четверо и все преклонного возраста. Две из них занимались иконописанием, остальные шили одежды для священников. Семья сестры Параскевы оказалась после революции в Финляндии, но сохраняли язык и русскую культуру в надежде, что ситуация скоро изменится. Она получила хорошее образование, знает несколько языков и многие десятки лет пишет иконы, которые ей заказывают и местные храмы, и монастыри, и люди со всего света. Пишет она в стиле традиционной русской иконописи с соблюдением древних технологий.

Монахиня Параскева

Сестра Параскева разрешила мне приехать со своими рисунками, чтобы понять можно ли меня брать в ученицы. По-

смотрев мои смелые эскизы икон, она сказала, что это не иконописная техника, но взять меня согласилась. Собственно, я не была у неё настоящей ученицей, поскольку не начинала с азов и упражнений (хотя стоило бы!), а сразу начала писать иконы. Приезжала я к сестре Параскеве довольно часто, получала наставления и продолжала усердно рисовать дома.

Мне нравилось туда ездить по дороге с красивыми видами, нравилась атмосфера монастыря и просторная, прохладная иконописная студия. По её стенам развешивались готовые иконы, ждущие, когда их заберут заказчики или купят посетители монастыря. В студии был идеальный порядок: все необходимые материалы для иконописи хранились в закрытых шкафах, на полках размещалась большая библиотека книг на разных языках и иллюстративные материалы. Я тоже немного принимала участие в их упорядочении. Кроме сестры Параскевы, в студии работала ещё одна монахиня, симпатичная и приветливая сестра Теодора. Писала она в другом стиле, но тоже очень профессионально. У каждой из них были свои заказчики и ученики, но несмотря на то, что места было достаточно, они почти никогда не пересекались во времени. Оценивать работы было не принято, но добрая Теодора говорила мне иногда на английском (она из Америки):

– «Очень хорошо».

Сестра Параскева не только не брала с меня денег за обу-

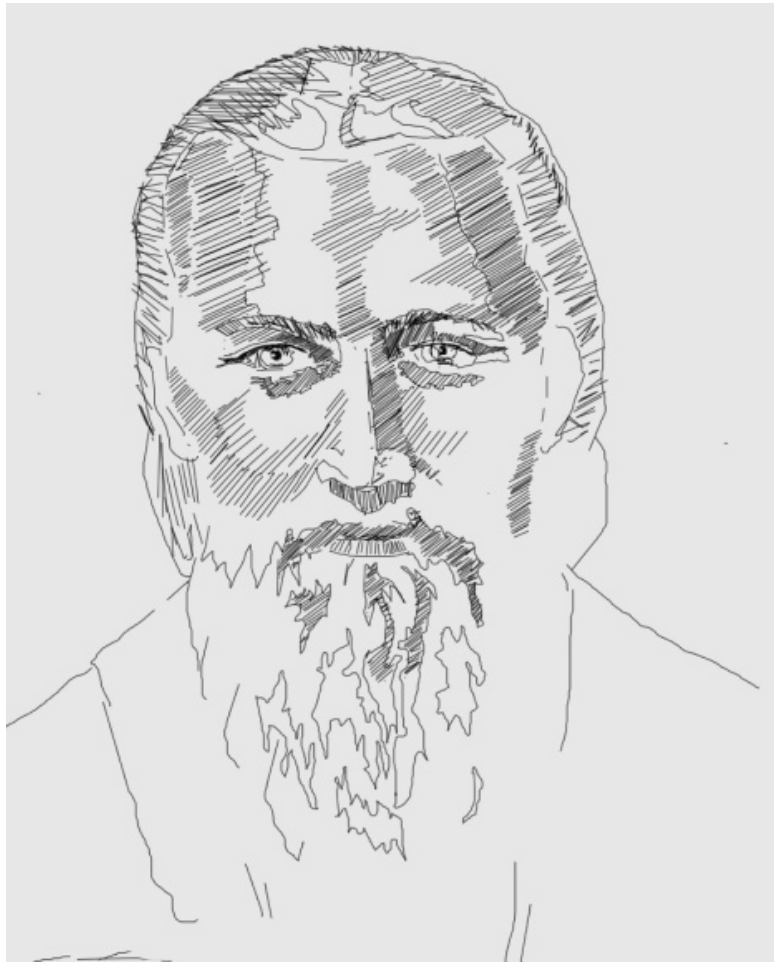
чение, но и снабжала необходимыми материалами, которых в Израиле нет или их трудно достать. Доски красного дерева поставлялись из Африки, лаки – из Франции, пигменты и золото из Германии. Обычно я приезжала в монастырь утром и оставалась там почти на весь день. Сестра Параскева покидала меня на обед и отдых, я в это время тоже пила чай и гуляла по саду. Для освоения техники наложения листового золота на левкас (клеево-меловая основа иконы) я оставалась ночевать в гостинице монастыря. Ночью, чтобы не пропустить время наклейки золота, часто вставала и пробовала лак «на отлип». Утром ходила в храм на службу, поливала цветы и помогала в садовых работах.

С сестрой Параскевой мы быстро подружились, рассказывали друг другу о своей жизни, она бывала у нас в гостях. Я делала первичную редакцию её романа, который был основан на биографических данных автора и издан в Финляндии. Мне также довелось быть одной из её учителей, когда у неё появился компьютер. Виталий тоже учил её и русскоговорящую монахиню Ирину работать на компьютере, и они с большим старанием осваивали новую для них область. Он купил для монастыря всё нужное оборудование, установил и загрузил необходимые программы.

Однажды мы с Виталием поучаствовали и в другой работе – собирали урожай маслин в монастырском саду. С целью сохранения деревьев здесь их не трясли, как это принято, а собирали маслины руками. Дело оказалось не таким лёг-

ким, приходилось стоять высоко на лестнице, руки постоянно подняты вверх и царапаются окружающими ветками, а в глаза сыпется какая-то труха. Но всё равно мы поработали с удовольствием. Потом с.Параскева вручила нам в подарок оливковое масло, конечно не из собранных нами маслин, но от здешних производителей. А Виталий обычно передавал со мной монахиням солёную лососину.

Однажды мы ездили туда с Мишей, ему было интересно посмотреть на монастырь и иконописную студию. Мише понравилась написанная сестрой Параскевой икона «Вседержитель» ещё и тем, что доска была с закруглёнными углами. Он очень внимателен к таким мелким деталям. Как-то я делала эскизы лика для иконы Святого. Иоанна Кронштадтского и никак не могла добиться сходства с оригиналом, что было пожеланием заказчика. Миша мгновенно сделал карандашный набросок, который и лёг в основу иконы. Моему увлечению иконописанием способствовал и Виталий. Он выполнял предшествующие рисованию трудоёмкие работы: нанесение шилом сетки на доски, шлифовка левкаса и доводка его до зеркального блеска на местах, где накладывается золото. Для икон, которые я передала в наш храм Ильи Пророка, Виталий сделал несколько неплохих окладов.

Эскиз к иконе Св.Иоанна Кронштадского

Первое время я работала с необычайным рвением часов по пять ежедневно. Ночью просыпалась и не могла дождаться утра чтобы продолжать. После приобретения некоторых навыков немного успокоилась, но продолжала работать в большом темпе. Я писала иконы не только для нашего храма, но и для других церквей и монастырей в Израиле и за рубежом, для родных и знакомых, по заказам частных лиц из разных стран. Большинство заказов я получала через сестру Параскеву, она же их и продавала. Иконы я писала активно в общей сложности примерно 17 лет. К 2015 г. мной написано около 140 икон, которые находятся в нескольких десятках городов в 14-ти странах мира, том числе во многих странах Европы, Америки, Австралии. Большой честью для меня является то, что мои иконы есть у главы Греческого Епископата в Назарете и у Патриарха Мармонитов в Ливане.

1.9. Первая ласточка

Первой гостьей в нашем доме была моя старшая сестра Зоя. Она не хотела, чтобы её опекали, и почти всюду ездила и ходила одна. На автобусной экскурсии в Иерусалим она попала в сильную бурю и дождь. Улицы Старого города заполнились водой и это, по словам Зои, было страшно. Но она была выносливой и терпеливой и была даже довольна, что попала в такую экстремальную ситуацию. В Хайфе она

целыми дни проводила на пляже, загорала, вязала нам шерстяные носки, чем привлекала всеобщее внимание, здесь на пляже никто этим не занимается. Дома пекла вкусные пироги и плюшки, до которых мы с Виталием большие охотники. Зоя пробыла у нас два месяца, почти до нового года. Виза у неё была только на месяц, и нам потребовалось немало усилий, времени и денег, чтобы её продлить.

Провожала я Зою с приключением. Мы выехали последним автобусом в аэропорт Бен Гурион, чтобы дождаться там раннего утреннего рейса в Новосибирск. Было темно, народу мало и водитель не объявлял остановки. Я не беспокоилась, думала, что увижу освещённый огнями аэропорт, но как-то пропустила. И не только я, но и ещё двое пассажиров оказались в таком же положении. Когда я сообразила, что мы едем слишком долго, оказалось что мы уже близко к Иерусалиму. Водитель не мог возвратиться, но пообещал нас отвезти обратно на своей машине за 100 долларов. Девушка-солдат, находящаяся в автобусе, услышала мой робкий иврит, подошла к водителю, сказала, что он виноват и потребовала доставить нас в аэропорт бесплатно. Она также предупредила, что завтра позвонит в компанию и проверит, как всё закончилось. Это испугало водителя, и он пристроил нас на автобус, следующий в Аэропорт. Девушка контролировала все его действия и сама таскала Зоины тяжёлые вещи. Жалко, что я в волнении не спросила, как её зовут, но вспоминаю с благодарностью.

Хорошо, что запас времени у нас был, мы благополучно пересидели в аэропорту остаток ночи, а когда Зоя зарегистрировалась на рейс, я уехала домой. Возвратилась без сил и, потеряв бдительность, оставила ключ в дверях снаружи. Узнали мы это только через два дня, т. к. всё это время не выходили из дома. А Зоины злоключения на этом не закончились. Отлёт отложили на целый день, который она должна была провести в кресле после тревожной бессонной ночи и без еды – денег у неё не было, а компания расщедрилась только на стаканчик кофе с булочкой.

1.10. В Москве как гости

После трёх лет проживания в Израиле мы получили загранпаспорта (тогда было такое правило) и возможность выезжать без визы во многие страны. Начали мы с Москвы, куда нас усиленно приглашали Олег со Светланой – родители бывшей жены нашего сына. Хотелось провести жаркий летний месяц у них на даче и посмотреть снова на Москву. Первое впечатление после трёхлетнего отсутствия был загазованный воздух в городе, которым казалось невозможно дышать после свежего морского бриза в нашей израильской «деревне». И мы сразу же отправились на дачу, где воздух был совершенно упоительным благодаря окружающим её лесам. Дача располагается на большом участке, где кроме основного двухэтажного дома есть ещё баня, бильярдная, открытый бассейн и маленький домик с крошечной спальней

и гостиной, отапливаемой камином. В нём мы и расположились. Рядом поспевали целые поля клубники, на которых мы паслись с самого утра. Погода была отличная, постоянно купались в бассейне и ходили на близлежащее озеро поплавать. Приятно было бродить по лесу полному грибов и малины. Но были там и клещи, и один из них всё-таки впился мне в бок в последний день перед отъездом. Пришлось обращаться в больницу, там без проблем его вытащили и не спросили медицинскую страховку, которой не было.

На даче дела всегда находятся. Виталий занялся строительными работами, а я шила платья Свете и Оксане(моей бывшей невестке), поливала огород, готовила обеды, пекла пироги и пиццы. За весь период нашего там пребывания мы только однажды выезжали в расположенную неподалёку Троицко – Сергиеву Лавру. Эта поездка очень меня разочаровала. Со времени моего последнего посещения Лавра стала производить впечатление чисто туристского объекта с толпами людей и бойкой торговлей церковными предметами и книгами. Я тоже купила несколько и для себя и по заказам прихожан.

В Москве у нас были некоторые запланированные дела, и мы на неделю поселились в пустующей тогда квартире Оксаны. Виталий посетил общество «Мемориал» и узнал о месте погребения своего отца. Им оказался так называемый спец-объект «Коммунарка», где массово хоронили жертв сталинских репрессий. Нас впустили на охраняемую территории кладбища, мы ходили там, поклонились общему для всех кресту, побеседовали со священником строящегося храма Святых Новомучеников и Исповедников Российских. Живя в Москве, мы постоянно ездили по этой дороге, не подозревали, что проезжали мимо могилы отца Виталия. Посетили и Донской монастырь с расположенным там крематорием и прилегающим к нему кладбищем, где захоронен прах матери Виталия Фрины Юльевны.

На могилу моего брата Володи я поехала вместе с его первой женой Ниной. Помянули его коньяком, пропололи траву в оградке, подрезали розы и пионы. Нина жаловалась на бедность, несмотря на то, что её квартира была прекрасно обставлена, а сама она хорошо одевалась. Но пенсии не хватало для оплаты коммунальных услуг и питания. Пенсионерам, особенно одиночкам в ту пору действительно трудно жилось. Нина говорила, что так иногда мечтает съесть конфетку, что даже во сне видит. Я пошла в торговый центр, чтобы купить ей конфет и пока в одиночестве стояла перед прилавком с

громадным ассортиментом в раздумье что выбрать, ко мне подошёл пожилой мужчина и сочувственно сказал:

– «Мы с вами теперь на это только смотреть можем...».

Я быстро купила кулёк конфет и бросилась ему вслед, чтобы отдать, но он уже скрылся. До слёз жалко было видеть интеллигентных, проработавших всю жизнь, а теперь бедствующих людей.

Посетили и наш бывший район, и дом, но всё уже показалось чужим и в следующий свой приезд я туда не пошла. С удовольствием накупила хлопка и льна в любимых мной магазинах тканей, запаслась также пигментами и кисточками для иконописания.

1.11. Роспись храма

Накануне нового тысячелетия в Хайфу приехала московская бригада иконописцев и начала работы по росписи всей внутренней поверхности храма Ильи Пророка. Я напросилась в помощницы, и руководитель охотно согласился, поскольку сроки были сжатыми и лишние руки были кстати. Для меня это было честью и удовольствием, и я очень старалась. А дома пекла для бригады печенье, варила плов. Моим наставником был изограф Вася, он доверял мне расписывать нижнюю часть стен, так называемые «полотенца», точнее раскрашивать размеченные им рисунки. Я показывала Васе свои иконы, он давал мне дельные советы и горячо рекомендовал продолжать это занятие.

На Рождество приезжал Патриарх Алексей 2 с будущим Патриархом Кириллом. Росписи торжественно освятили, повесили подаренную люстру, но, несмотря на ударный труд, работа полностью не была закончена. Мне оставили оформить два окна, орнаменты под ними и завершить раскраску «полотенец». В апреле, когда стало тепло, я закончила работу, хотя не без трудностей. Я не имела опыта работать кистью в вытянутой руке, да ещё стоя на верхней ступени стремянки. К тому надо было провести две тонкие полоски вокруг окон, на что у меня ушло не менее двух часов. Но, так или иначе, преодолела дрожание рук и ног и эти обрамления и орнаменты под окнами сохраняются как память о моих трудах. А нижние росписи теперь закрыты мраморными плитами.

Глава 2. Галопом по Европам

2.1. Большое путешествие

В 2000 году мы получили два приглашения от наших друзей: Марика пригласила нас на дачу во Франции, а немецкие друзья Эберхард и Вальтраут – в совместное путешествие по Швейцарии. Нам удалось объединить оба приглашения и посетить Францию, Германию, Швейцарию и проездом Чехию. Наши друзья организовали нам волшебное путешествие, достойное смены тысячелетий. В каждом из пунктов, где мы останавливались, было подготовлено множество интересных

мероприятий.

Началось наше путешествие в Праге. Центр города очень красив, но долгие годы социализма сделали свое – большинство зданий тогда еще требовало ремонта. Тем не менее, исторические места переполнены туристами до отказа, настолько, что это мешает восприятию. Гуляем по знакомым местам, посещаем знаменитый паб «У Флеку», где подают черное крепкое пиво. В 1980 г., когда мы здесь были на машине, наш сын Миша захотел его попить, мы разрешили попробовать, и он убедился, что последствия не из приятных. Вечером на маленьком самолете и прибываем в знакомый аэропорт Берлин-Тегел, где попадаем в объятия друзей почти в полубессознательном состоянии от бессонницы и усталости.

В Берлине мы жили в доме наших друзей в одном из лучших районов города, на озере Шлахтензее. В этом и прилегающих районах в довоенные времена селилась высшая знать, в том числе и семья Вальтраут. Мы купались по утрам, выходя на озеро прямо в халатах, совершали поездки по городу и окрестностям. Посетили Подстамерплатц – заново отстроенную площадь старого центра Берлина. Архитектура поражает воображение, взлетевшие вверх узкие здания, подвешенные стеклянные конструкции, новейшая техника и внутри и снаружи. Затем пошли в кино, снятом в формате 3D. Кресла устроены таким образом, что под тобой как бы бездна, а над тобой – небо. Кроме того, съемки дают полное

ощущение движения. Фильм о Египте. Летим на вертолете, спускаемся в гробницы пирамид, оказываемся в бушующих водопадах – впечатление ошеломляющее, вплоть до легкой тошноты от качки. Тогда почти четверть века назад, всё было внове и очень нас впечатлило.

Побывали в окрестности Подстама в небольшом, довольно скромном замке Капут, похожим на российские усадьбы с традиционными парками. На кофе заехали к Андреасу – тогда ещё жениху, а впоследствии мужу Аннеты, дочери наших друзей. Он ландшафтный архитектор, живет на территории бывшей усадьбы, в парке, в доме садовника, с прекрасными видами на парк, озеро. Интерьер этого дома интересен: комнаты со старинной мебелью, а гостиная – совершенный модерн с громадным до потолка живым деревом.

После насыщенной программы в Германии мы вместе с немецкими друзьями отправились во Францию, в деревню Ла Ферре в гости к Марике и её мужу Эду. Границу перешли незаметно, потом вспомнили, что не поменяли деньги, снова вернулись в Германию. Пограничников так и не заметили. Земля Франции очень красива – холмы, луга, леса, замки. Но все заметно беднее, чем Германии. В Ла Ферре приехали прямо к накрытому столу. Эд приготовил роскошный, приготовленный ужин с громадным куском мяса, жаренным на вертеле, большим количеством прекрасного вина и 7 сортами дивного сыра.

Деревня Ла Ферре, куда нас занесло, состоит из 3 десят-

ков домов, церкви (давно не действующей), почты и какого-то управления. Все очень живописно, все встречные говорят: «бонжур». Дом Марики на окраине – большая запущенная постройка с непонятным количеством комнат и кроватей, жилыми чердаками, пристройками, собственным лужком, на котором стоит еще караван, полностью оборудованный для жилья. Все это забито до отказа старыми антикварными предметами, произведениями знакомых художников, рисунками, одеждой, шляпами и прочим. Мне приглянулась там бархатная курточка, в которой ее мать, тоже художница, бывала на вернисажах. Я её немедленно получила в подарок, активно носила весь период путешествия и, по выражению Виталия, выглядела в ней как бабка в плюшевой жакетке на платформе подмосковной электрички. Вокруг полная и прекрасная глухомань. Луга, коровы, озерки, сено, завернутое в скрутки в виде рулетов, множество дорог, обсаженных фруктовыми деревьями, плоды которых покрывают землю. В лесах грибы, тишина, никого нет. Но необходимые бытовые удобства имеются: телефон, телевизор при наличии тарелки, душ и горячая вода.

Поехали всей компанией на машинах на озеро – 12 км. Чудесный пляж, чистая вода, день будний, поэтому совсем пусто. Мы с Виталием пошли по тропе к другому озеру на расстоянии примерно 3 км. Он по пути собирает грибы, а я их не нахожу. Вдруг у самой тропы громадный, вижу такой громадный боровик, какие бывают только в сказках. Оказал-

ся совершенно чистый и плотный и из него был сварен чудный густой суп. Остальные грибы компания дружно отвергла с криками «мы это есть не будем», но потом, так же дружно смели целую громадную сковороду поджарки. Кроме того, съели ужасное количество жареных свиных ребрышек с брокколи, щедро запивая вином Бержерак. После обеда ходили пить кофе к соседке, которая живет неподалеку в еще меньшей деревеньке. Очень колоритная особа 80 с лишним лет, живая, темпераментная, глаза горят, платье выше колен. В доме живописный беспорядок, настоящая француженка. В нашей компании были представители 5 стран, и общалась мы на четырех языках – английском, немецком, французском и иврите.

Прощаемся с гостеприимными хозяевами и едем дальше. Погода немного испортилась, капает. Пейзаж до Реймса изменился, похож на Украину. В Арденах (где мы были) кругом – луга, коровы и кукуруза, здесь – свекла, пшеница. Реймский собор – чудо готики, место коронации 2 королей Франции. Внутри он огромный, множество фигур, витражи Шагала. В одном из приделов стоит большая копия Рублевской Троицы. Проезжаем по платным автобанам, но иногда и по параллельным, бесплатным, где дороги ничуть не хуже. При въезде в Швейцарию никто не интересуется ни нами, ни нашими паспортами. У границы встречаем группу мужчин в черных бархатных одеждах и больших черных шляпах. Оказывается, это старинная профессиональная форма плот-

ников. Проезжаем 8-10 туннелей, в горной Швейцарии их множество и мы на месте – в деревне Изельтвальд. У дверей нас приветливо встречают хозяева – оба известные художники. Он делал фреску для Кнессета в Иерусалиме, а ее работы есть в музее в Хайфе. С ними у Эберхарда была договоренность о встрече в 18 часов. Проехав 800 км, опоздали всего на 20 мин. Вместе попили кофе с привезенными с собой французскими круассанами

2000 г. На даче в В Ла Ферре

Дом, в котором мы поселились – шале, типичное швейцарское жилище. Два этажа, покрытые скатной крышей, все из дерева. Внизу большая гостиная со столовой, обращенной на озеро и горы, кухня, ванная, большая терраса, 2 спальни. Здесь жили наши друзья, а мы на втором этаже. Из окна вид на сад, принадлежащий дому, лес и горы. Деревня, расположена на озере Бриенц, и, согласно упоминаниям в летописях, на один год старше Москвы. Рядом озеро Тун и между двумя озёрами находится городок Интерлакен. Туда мы ездили прогуляться и за продуктами. На пароходике ходили до Грандотеля Гизбах, там пили кофе и возвращались пешком по тропе вдоль озера. Тропа, кстати, построена за счет государства в качестве компенсации за прокладку автобана вблизи деревни.

Первый горный маршрут был в район Гриндельвальд к горной вершине Юнгфрау. Это очень красивая, нарядная, покрытая снегом гора. Поднялись на машине на 1200 м, затем еще на 1000 м по канатной дороге до станции Маннлихен. Из кабины подъемника дивные виды на горы, альпийские луга, видим множество непуганых сурков. От станции шли пешком примерно 2 часа по обустроенной, оживленной тропе. Навстречу попадаются швейцарцы, красиво и подходяще одетые, в горных ботинках и со специальными палками. Много японцев, все аккуратные, маленькие, с маленькими рюкзаками и в шляпках. У них здесь есть даже собствен-

ный туристический центр. Говорят, каждый японец обязан хотя бы раз в жизни съездить в Европу, и некоторые годами копят на это мероприятие. Мы даже видели здесь японскую свадьбу с необыкновенно счастливыми молодоженами. На тропе все друг с другом здороваются и предупредительно пропускают в узких местах. До вечных снегов рукой подать, от них веет зимней свежестью, несмотря на почти летнюю погоду. Мы все умазаны заботой наших друзей кремами от загара, но в результате, все равно загораем.

Доходим до станции Кляйне Шейдегг, поднявшись на 200. Каждый бросок непременно заканчивается в ресторане, где мы перекусываем, пьем кофе и колу и спускаемся с гор на поезде с зубчатой передачей. Поезд движется с очень большим уклоном, местами под специальными противолавинными навесами. В тамбуре поезда расположился огромный, величиной с корову сенбернар. Это вторая гигантская собака, которую мы здесь видели. Первая, вместе со служанкой, сопровождала даму почтенного возраста, усыпанную бриллиантами.

На следующем маршруте был запланирован подъем на хребет, который возвышается над озером и виден из окна нашей столовой. Он кажется совершенно недоступным, и предложение покорить эту вершину я приняла за шутку. Однако, едем на машине в район Гринцелвальд и по узкому серпантину поднимаемся до отметки 1623м. Далее началось восхождение. Сначала встретили чудесных коров, пасущихся на альпийских лугах. Как говорится: «если вы заметили, что коровы красивее женщин, значит вы в Швейцарии». На каждой корове довольно большие колокольчики и слышится постоянный мелодичный звон. После падежа коровы её колокол не передается другой, а остается в семейном музее.

По мере восхождения стало страшновато смотреть вниз и я, по возможности, прижималась к скалам, хватаясь за них

одной рукой – во второй был шток. Начали попадаться горные козлы, с которыми Виталию удалось сфотографироваться в непосредственной близости. На самую вершину вела довольно узкая хотя и не опасная тропа, которую я не сразу решилась преодолеть, но все-таки сделала это. Высота 2240м, виды отсюда невероятной красоты: прямо под нами наш поселок и озеро, как яркая бирюза, оправленная в темное серебро. С этой вершины есть переход на другую вершину в виде узкой тропы и обрывами по обе стороны. Виталий и Эберхард по ней пошли, а мы с Валтраут не решились и расположились на лужке для отдыха. Спуск с горы, как всегда для меня оказался сложнее. Вечером подул фён (ветер из Средиземноморья), стало тепло и влажно, звезды исчезли. Явный признак изменения погоды.

Ночью пошел дождь. Шум от него, столь любимый нами в Израиле, здесь не доставлял удовольствия. Однако утром он почти закончился и лишь едва капал. Взглянув на горы, мы изумились. Все вершины были белыми и там, где мы были только вчера лежали шапки снега. Погода не мешает нам поехать на глетчер (ледник). Поднимаемся на машине высоко в горы, затем идем недолго пешком, и перед нами представит узкая деревянная лестница, которая прилеплена к скалам и поднимается куда-то в поднебесье – зрелище жутковатое. По ней нам предстоит подниматься. Делать нечего, начинаем. Сначала не страшно, но чем выше, тем страшнее. Кроме того, кругом течет вода, подъем крут и на промежуточных

площадках люди терпеливо ждут, когда ты вскарабкаешься. И вот мы, наконец, у Голубого грота, на самом леднике. Вечный лед невозможного голубого цвета, в нем устроены проходы и помещения. В одном стоит украшенная елочка, в другом громадный голубой шар. Внутри и снаружи течет вода – ледник тает и катастрофически уменьшается с каждым годом.

г. В горах Швейцарии

В горах множество водопадов. Один из них, почти равный по высоте Ниагарскому, прямо рядом с нашим домом. Есть и известный водопад внутри горы. К его истокам поднимаемся на лифте внутри скалы метров на 150, а затем идём еще выше к смотровой галерее. Громадный объем воды (30 тонн в секунду) падает с огромной высоты по причудливой форме ущелью, которое он проделал за миллионы лет. Рев воды, многоцветное сверкание отполированных скал, брызги, вода сверху и под ногами. Зрелище фантастическое. Обратно спускаемся по лестницам, наблюдая боковые ответвления в скале и образовавшиеся от таяния ледника реки. Оказывается, пить из них воду смертельно опасно, поскольку они насыщены кристаллами льда и мельчайшей каменной пылью.

Побывали в городе Бриенц, расположенный на торцевой части одноименного озера. Древний, небольшой, но богатый городок, который посещали еще Байрон и Гете. Сохранилось много деревянных домов 15 века. Красивая набережная, пахнет снегом, много лебедей, уток. Благоустроенные яхт-клубы, у горы небольшой вокзал, с которого отправляется на вершину горы старинный (имитация), хорошенький, почти игрушечный паровозик с зубчатой передачей. Степенный, обеспеченный народ и вдруг на скамеечке пара что-то наспех перекусывают и говорят по русски. Действительно, как сказал Высоцкий: «проникновенье наше по планете осо-

бенно заметно вдалеке».

Едем осматривать город Тун, расположенный в торце соседнего озера. Пока ехали, погода резко улучшилась, и старинный городок предстал перед нами во всей своей красе. Река, протекающая через город, очень полноводная, подпитывается ледниками и раздваивается на два рукава. Вода почти вровень с мостовой, её уровень регулируется специальными механизмами, которые установлены на мостах. Мосты старинные, деревянные, крытые соломой. На чистейшей воде множество лебедей, некоторые, расправив крылья как паруса, носятся со страшной скоростью. В городе замок 1190 года, кирха. Внутри светлые буковые сиденья, пахнет лавандой, очень красивый интерьер, нет ни души. Эберхард опустил какие-то монеты и заиграл орган. В этой обстановке музыка на меня произвела такое сильное впечатление, что я прослезилась.

Посетили ещё один глетчер. Поднимались на подъемнике до конечной станции и любовались изумительными видами: рассеянными по долине деревянными, утопающими в цветах домиками, с красными крышами, блистающими снегом горами и ярко зелеными лугами. Они выглядят как английский газон, что совершенно невероятно, учитывая их размеры. Оказывается, часть лугов всё-таки постригается маленькими тракторами, а часть выщипывают коровы. От станции пошли по тропе по кромке горы в направлении глетчера. На обратном пути наблюдаем сход лавин, одну за другой

со страшным шумом, потом встречаем ресторан на отметке 1700 м и едим крестьянский обед: на круглой доске разложены грудинка, колбаски, сыр, овощи и, картошка, кстати, очень вкусная, рассыпчатая. За время, пока мы сидели в ресторане, над тропой возник мощный водопад и мы проходим как под душем. Да, «здесь вам не равнина, здесь климат иной»...

На последний поход в горы поднимаемся по тропе мимо частного владения одного из старейших жителей села. Была суббота, и семья чинно завтракала на террасе. Обстановка патриархальная: старый дом, сараи, мастерские. Все чисто, ухожено, легкие, только для скота, изгороди. Возвратились в деревню прямо на праздник, рядом с нашим домом. Оказалось, что это день «деления сыров». Пастухи живут целое лето со стадами на высоких альпийских лугах, и делают там сыры. В конце лета спускаются вниз и делят сыры между участниками. На стоянке автомобилей установлены столы со скамейками, палатки для продажи сыров, пива, горячих бутербродов с сыром. Местный музыкант трубит в альпийский рог (альпхон). Собираются все жители, едят, пьют, общаются, покупают сыры, которые в этот день стоят дешевле. Отведали и мы на прощание настоящего и неповторимого швейцарского сыра.

Покидаем Изельтвальд и по дороге в Берн заезжаем на кофе к Ирме Штуки – знакомой наших немцев. Она дама лет 70, вдова архитектора и живет в скромном с виду особняч-

ке на тихой, зеленой, почти парковой аллее. С обратной стороны дом оказывается двухэтажным с выходом в собственный сад, а интерьеры дома полны разными редкими вещами. Эверхард, показывая нам старый клавесин, откинул его крышку и сломал стоящее на нём необыкновенное блюдо. Он так покраснел, что я испугалась, не случится ли с ним инфаркта. Но на осколки едва взглянула и спокойно сказала, что знает мастера, который все восстановит. Этим она нас совершенно восхитила. Пили кофе в саду с моим яблочным тортом.

После возвращения в Эрфурт наше путешествие не закончилось. Погуляли по городу, посмотрели, как сильно он обновился и похорошел за 5 лет, прошедшие с нашего последнего посещения. Съездили на поезде на один день в Веймар. Кажущийся ранее столь прекрасным Веймар, теперь выглядит скромнее в сравнении с Эрфуртом, хотя и здесь множество новостроек и улучшений. Прошлись по парку на реке Ильм к дому наших друзей Грёнвальдов и моему дому в ГДР. Во второй части книги я упоминала, что этот дом в 1902 г. построил известный архитектор Муха, один из основателей стиля Ваухауз. Бернту Грёнвальду он достался в руинах, и он его самостоятельно отреставрировал по старым чертежам. Поселился там со своей семьей и центральной, двухсветовой части дома организовал музей. Люди со всего мира дарили музею оригинальную мебель и предметы этого периода, кстати, очень дорогие. Теперь там обычный музей, мы хотели его

посетить, но в этот день он был закрыт

День «Деления сыров»

Потом мы отправились в путешествие по по Тюрингии. Сначала посетили монастырь Паулинецелле. Громад-

ный, разрушенный еще в период религиозных войн, собор в то время . восстанавливался отдельными фрагментами – фрески, капители колонн. На этой же территории находится небольшой дворец, построенный из камней собора и 4-х этажное фахверковое здание, служившее жилищем для монахов. Теперь здесь управление лесов Тюрингии. Рядом, в селении, прямо на дороге небольшой ресторанчик, который славится форелью. Её отлавливают после получения заказа и тут же готовят. Вкус в сочетании с пивом необыкновенный. Следующий объект – пивоварня, принадлежавшая одной семье, где варится пиво по старинным рецептам и все потребляется на месте. Расположена она в живописной деревне на берегу озера с отличной водой, чем и объясняют качество пива. Мы приехали во время уборки, по полу текла вода, поэтому не смогли подробно осмотреть производство, но представление получили. Конечно, попробовали и пива, расположившись за деревянными столами во дворе. По праздничным дням здесь множество народа.

Посетили замок баронессы фон Штайн – любовь Гете. Говорят, ходил сюда пешком, за 30 км от Веймара. Там есть еще один её замок, похожий на этот, но больше. Вокруг замка парк, где мы прогулялись, а затем, перед замком официантка в средневековом наряде подала нам кофе с мороженым. На память об этом посещении осталось ажурное фарфоровое блюдечко, изготовленное на Веймарской фабрике. Заезжаем в г.Виттенберг – место провозглашения Лютером

своих 95 тезисов. Площадь собора очень уютная, пропорциональная со статуей Лютера и двумя домами Кранаха. Заходим в старинный дворик с деревянными круговыми галереями по второму этажу, где, как и раньше, располагаются квартиры. Сохранилась даже доска с извещением, что здесь жил профессор Лютер.

В наш последний день в Берлине едем в Технический Университет. Там меня встречают как родную. Осматриваем новую технику, за 4,5 года, которые я здесь не была, заменили почти все. На встречу прибывает проф. Вагнер, еще один из моих бывших коллег. Он на пенсии, но активно работает в качестве консультанта, прекрасно выглядит. Приглашает всех на обед в ресторан на пароме, который стоит на пристани на озерах. Затем едем с Вальтраут на Павлиний остров, где расположен большой парк, замок в виде искусственных руин и прочие подсобные строения. Переправляемся на остров на пароме, тихий солнечный день, почти нет людей, фонтаны, прекрасные прогулочные дорожки с видами на озера. Есть и питомник с птицами, попугаями, павлинами. Виталий везде и всюду находит грибы. Вечером прощальный ужин вокруг швейцарского гриля с колбасками, грудинкой, овощами, картошкой, хлебом, сыром.

Ещё день в Праге и в 5 утра, в праздник еврейского Нового Года мы, наконец, дома. Это было самое прекрасное, насыщенное и впечатляющее путешествие в нашей жизни.

2.2. Поездки по стране

Первое десятилетие Миллениума было временем сплошных поездок за рубеж и по стране. Мы ездили и в составе экскурсий, и с друзьями на машинах, и самостоятельно. В одной из местных экскурсий я получила подарок от бриллиантовой фирмы браслет из гематита, черно-серебристого камня, по преданию регулирующего давление. И хотя приз достался мне по жребию, это было несправедливо. Перед отъездом 50 чел. ждали нас полчаса из-за того, что я перепутала время отправления. Надо было, конечно, угостить ожидающих хотя бы кофе, а браслет отдать Диле, уговаривающей публику нас подождать. Но я не догадалась, зато сразу подумала, что браслет подходит к ожерелью из того же камня, полученному тоже в подарок.

Как только мы узнали, что на Кармеле можно собирать грибы, стали регулярно за ними ездить. Добираться до грибов было просто и удобно. Прямым автобусным рейсом доезжали до Университета и, пройдя через пустые поляны с редкими раскопками, сразу входили в лес. Потом ситуация изменилась, и доступ к лесу перекрыли. Но в первые годы мы с удовольствием ходили там практически в одиночестве и набрали по полному рюкзаку маслят, заполняя ими почти весь объём нашего морозильника. Однажды поехали за грибами с Марикой и Эдом машине, забрались подальше в лес в надежде, что там соберём ещё более обильный урожай, но нашли совсем немного. Зато отлично походили по лесу, по-

пили кофе на природе в красивейшем месте, откуда открываются чудесные виды и на Галилею и Тират Кармель. Кроме грибов, на Кармеле можно собирать спаржу, которая растет здесь в диком виде и высоко цениться. Этому научил нас Эд, великий мастер этого дела: он набирал больше чем мы вместе взятые.

Пару раз устраивали «реховотские каникулы», приезжая в гости на пару дней к Любе и Роману. От них совершали поездки на пляж, посещали разные окрестные места. Были в музее танков, в монастыре молчальников, который находится в долине, где Иисус Навин вел битву за землю и останавливал солнце. Побывали также в Эммаусе, в котором Иисус явился двум своим ученикам после Воскресения, и они впервые поверили, что он действительно воскрес.

Однажды мы случайно заехали на арабские территории и, сообразив, что ошиблись, поспешно повернули. В этот момент нас обогнала машина полная арабов, которые нам что-то кричали и настойчиво предлагали остановиться. Роман не реагировал, тогда они нас прижали к обочине с криками: «камера, камера!». Когда арабы увидели, что мы не собираемся выходить, один из них выскочил из машины, снял с багажника нашего автомобиля фотоаппарат, который мы там оставили, и передал нам. Вот так иногда лучшие побуждения принимаются за агрессию.

2001 г. С Виталием в Эммаусе

Словом, в Реховоте мы чудесно проводили время, но со мной всегда что-нибудь случалось. В первый раз я упала и

сломила кость кисти руки. В следующий раз на меня совершил нападение своенравный кот хозяев. Гости ему не нравились, и он для начала, в знак своего отношения, наделал кучу на ковёр у дивана, где мы сидели, а потом спрятался. Оказалось, кот затаился на верху шкафа в комнате, где мы спали и, когда выключили свет, он прыгнул мне прямо на лицо. Весил он 7кг и имел когти, какие полагаются древнему животному, но, к счастью, он их не выпустил, приземлился мягко, и я отделалась легким испугом. Но с тех пор в Реховот мы не ездим, Люба с Ромой приезжают к нам, кота с собой не берут.

Еврейский новый год (Рош-а-Шана) официально отмечается в Израиле в жарком сентябре. Мы всегда его праздновали с кем-нибудь из наших друзей, с ними же потом встречали и календарный новый год. Почувствовать его непередаваемую атмосферу из-за тёплой погоды почти никогда не удавалось, но 2001 год был исключением. Мы встречали его в Нетании, вместе с Фаиной, Иосифом, Романом и Любой. Поехали мы в Нетанию уже в темноте, из окна автобуса было видно море, которое выглядело под лунной как настоящее снежное поле, вызывая в памяти строки: «в лунном сиянии степь серебрится ...». Нас накрыло настоящее предновогоднее настроение, и праздник по-настоящему удался. А когда возвращались домой ранним ярким, солнечным утром, дул сильнейший ветер, почти сносящий автобус с дороги, и море бушевало. Громадные волны с белыми гребнями накатыва-

ли на берег, а ветер откидывал их назад по дуге в виде сверкающих прозрачных плоскостей. Такого изумительного зрелища мы не видели за все годы, и даже местный водитель автобуса ахал и восхищался.

Пятилетие со дня нашего приезда Виталий отметил трудовым подвигом. Работу предложил ему Миша, приятели которого покидали снимаемую ими виллу, и требовалось её срочно побелить. Вилла в три этажа, стены естественно грязные и Виталий в течение 4 дней часов по 10 работал не покладая рук. Заработал 750 \$ и еще привез множество полезных вещей, например, новый металлический термос, музыкальный центр, магнитофон, тренажер, две хорошие теннисные ракетки. Многое из этого нам было не нужно, и мы их отдали Диле, она всему находила применение.

Сразу после Рождества 2002 года мы поехали в Эйлат, чтобы отметить там семидесятилетие Виталия. В Хайфе была пасмурная, дождливая погода, там же светило солнце, вода в Красном море была тёплая, тихая и прозрачная. От центра, где мы жили, 7-8 км до египетской границы и 2-3 км до иорданской границы. Мы прошли эти дороги пешком, обошли весь город и ближние окрестности. Забрели на съёмочную площадку с установленными декорациями для съятия ковбойских фильмов, ландшафт там для этого очень подходящий. Обнаружили вблизи города в конце уходящей в море эстакады плавучее сооружение с прозрачным полом, позволяющим наблюдать богатый подводный мир моря.

В день рождения Виталия мы решили нарушить нашу традицию домашних праздников вдвоём и пойти в ресторан. Приоделись, пошли, но как только заглянули в совершенно пустой громадный зал с многочисленными рядами столиков, немедленно и дружно повернули обратно. Перспектива провести в такой сюрреалистической обстановке целый вечер нас абсолютно не привлекла и мы, по своему обыкновению, накупили разных вкусностей, а бутылка отличного коньяка лежала в сумке. Как говорится, «у нас было».

На моё 65-летие приехал Миша, что стоило ему немало трудов, т.к. в этот день был еврейский праздник, и никакой транспорт не работал, кроме арабского такси. Устроили просмотр наших домашних фильмов, начиная с 1965 года. На младенца Мишу смотреть было умилительно, да и мы тогда неплохо выглядели.

2.3. Франция и Англия

После бессонной ночи перелета мы в Париже, как раз в мой день рождения. Начинаем его в кафе на бульваре Хаузманн рядом с кинотеатром Рэкс, где проходят кинофестивали. На завтрак отводится час, но нам не терпится быстрее начать осматривать город и мы, торопливо выпив кофе с круасаном, быстро обходим окрестности. Поражает, что Париж выглядит в точности так, как рисовали его импрессионисты. Сквозь листву распускающихся деревьев, просматривается сплошная застройка одной высоты в стиле нью-арт с решет-

чатыми металлическими балконами и жилыми мансардами. Дошли до роскошной площади Оперного театра и Вандомской колонне и пошли на экскурсию с группой.

Наш гид Саша показал нам все туристские объекты и разместил в гостинице на бульваре Магента, очень удобной из-за близости к центру. В ней мы и отметили мой день рождения. Утром, после предельно скромного гостиничного завтрака отправились по Севастопольскому бульвару пешком в Лувр. Парижобошли пешком, что называется, вдоль и поперёк. В Лувре провели целый день: перед открытием в 9 утра мы уже стояли в небольшой очереди у известной стеклянной пирамиды и начали планомерно с путеводителем в руках обходить бесчисленные залы и осматривать шедевры, которые видели только в иллюстрациях и копиях. Так пробродили целый день, присаживаясь только для того, чтобы выпить глоток кока-колы для восполнения энергии и определить путь дальнейшего движения.

Вечером отправились пешком на Мон-Мартр, это недалеко около 30 мин ходьбы мимо Восточного и Северного вокзалов. Центр Мон-Мартра – церковь Сакрэ Кюр расположена на высоком холме, откуда прекрасный обзор Парижа. Погода прекрасная, все прилегающие улицы заполнены пестрой толпой, которая ходит по многочисленным лавочкам с сувенирами и художественной продукцией на разные вкусы и цены. Много люмпенов из разных стран – малайцы, индусы, афроамериканцы, палестинцы. Они располагаются пря-

мо на лестнице церкви, бьют в барабаны, дудят в дудочки, продают воду в бутылочках, помещенных в ведро с водой. Основное ядро тусовки расположено на площади, вокруг открытого кафе, ограда которого облеплена художниками и их произведениями. В основном, это профессиональные работы, но созданы на потребу публики: яркие изображения знаменитых мест, быстрые комплиментарные портреты и карикатуры.

На следующий день с утра мы отправились в музей Орсэ. Он расположен в здании бывшего вокзала Аустерлиц, на огромной площади, на многих уровнях, с множеством переходов, спусков и маленьких залов с богатыми коллекциями. После обеда направились в латинский квартал. По дороге проходим мимо канала, с большой стоянкой яхт. Вдоль всей реки стоят жилые суда, суда-рестораны, пристани для прогулочных трамвайчиков. С них доносится гром музыки, а вечером они пылают разноцветными огнями, освещая всю округу. Прекрасны широкие набережные Сены, рассчитанные в свое время на разъезд экипажей и обсаженные большими деревьями. На парапетах установлены металлические лари, которые днем открываются и превращаются в магазинчики букинистов, где можно найти все, что существует в природе. На мостовой площади Бастилии камнями выложены очертания разрушенной крепости. Через площадь на сумасшедшей скорости с ревом проносятся мотоциклисты. Говорят, это примета Парижа, удивительно, что не видно дорожных

происшествий.

Проходим мимо Сорбонны, остатков римского амфитеатра, артистического кафе, где веселится народ. Переодетые в невест парни останавливают какой-то метелкой все проходящие машины и вступают в шутивную беседу. Никто не обижается, многие включаются в игру. Когда вышли на бульвар Сен Мишель, включили подсветку домов и наиболее интересных мест. Это выглядит очень эффектно. У моста на площади перед скульптурой Архангела Михаила большое гуляние. Африканцы, окруженные толпой, танцуют под ритмичную музыку, рядом другой оркестр и так забита вся центральная часть, еще более многолюдная, чем днем. Переходим на другую сторону моста, откуда чудесно смотрится подсвеченный дворец Правосудия. Возвращаемся мимо бывшего рынка и знаменитого центра Помпиду.

Из Парижа направляемся осматривать замки долины реки Луары. Едем в новом удобном автобусе с практически сплошными окнами и высоко поднятыми сидениями. Мы устраиваемся у средней двери, перед нами телевизор и автомат с водой и кипятком для кофе. Первым на пути – город Амбуаз с древним замком, история которого начинается с 13в. Осматриваем двор, часовню с захоронением Леонардо да Винчи, внутренние покои. Городок небольшой, мы быстро его оббегаем, покупаем сыр камамбер, теплый багет и устраиваем пикник на скамейке на берегу Луары. Следующий на нашем пути замок Шенонсо. Он стоит прямо в русле

реки на основаниях старой мельницы и окружен прекрасными парками – регулярными с гигантскими деревьями и обширными газонами и естественными, переходящими в лес. Во внутренних покоях гобелены 16в, картины, в том числе Рубенс и Мурилио.

Наш дальнейший путь лежит в город Тур. Отрываемся от группы и бодро бежим в старую часть города. Перед нами знаменитый Туринский собор, а рядом во дворе громадный ливанский кедр. Кроме того есть еще хорошо сохранившийся комплекс аббатства с громадными башнями. Ночевать едем в загородную гостиницу рядом с аэродромом. Народ ворчит, что спать придется почти на взлетной полосе, но быстро успокаивается, поняв, что уровень гостиницы превышает уровень нашего сравнительно недорогого тура.

В городе Анжере, куда мы прибываем утром, находится замок, основаны в начале 13в. От него остались могучие толстые башни, окруженные рвом, который сейчас превращен в сад. Замок славится шпалерами 14 в. по мотивам Откровения Иоанна Предтечи, необычайно яркими, с тонко проработанными рисунками. Они занимают громадную галерею с искусственным светом для обеспечения их сохранности. Наша следующая остановка в – старинном хорошо сохранившемся городке Динон. Пока группа обедает в ресторане, идём осматривать старинную часть с рядом нарядных кварталов фахверковой застройки 15 в. и собором, основанным в 11 в. Зашли, посмотрели витражи и своды и через внут-

ренние дворики вышли к старинному зданию колледжа, где и теперь располагается школа. Далее на пути город Сен-Мало – старинный морской форпост, центр пиратства, торговли товарами из колоний, работоторговли. Старый город как бы выдвинут в океан и окружен могучими стенами, по которым мы прошли почти полный круг. Внизу скалы, пляжи, белый прибой, а внутри стен плотная основательная застройка с узкими улочками. Много солидных, почти однотипных каменных домов 17 в. с большими окнами и частыми переплетами.

В автобусе по Франции

День завершается в гостинице аббатства – абби дю Транше. Располагаемся в шато (большой солидный дом, но еще не замок) в прекрасной комнате, окна которой выходят во двор для отдыха с бассейном и выходом к озеру. Ночью в пол-

ной тишине было слышно только журчание воды. Гостиница приспособлена для отдыха, есть сауна, теннисные корты, конюшни с лошадьми и т.д. Утром, после завтрака обошли это небольшое местечко – озеро, на берегу которого расположились рыбаки, большой собор, окруженный ухоженным парком, несколькими домами и полями. На одном из них возшла картошка. Посетили и небольшое кладбище, где вместо цветов на могилах стоят и лежат каменные плиточки разной формы с надписями от родных и близких. На одном из памятников с фотографией девочки висят золотые цепочки с медальонами.

Едем дальше, и вот уже вдали, как мираж возникает в тумане, монастырь Монт Сен Мишель. Он и действительно выглядит как отгороженный от суши зыбучими песками скальный остров в океане, с высокими стенами замков и домов, шпилями церквей и могучими укреплениями. По узким улочкам и лестницам среди бесчисленных сувенирных лавок и магазинов поднимаемся наверх. Осматриваем соборы, террасы, залы, внутренние сады. С верхних обзорных площадок открывается вид на окрестности. Наблюдаем как собака в зыбучих песках, покрытых водой, гоняет тюленя. Он ловко ныряет и через некоторое время оказывается уже метров за 150, на недостижимом для нее расстоянии.

Дневной маршрут заканчивается в Руане. Размещаемся в гостинице на берегу Луары, почти в самом её русле. Буквально напротив окна стоит большой океанский пароход. Нас

разделяет только шоссе, и создается впечатление, что кровать стоит прямо под бортом. В номере есть кофеварка и угощение – печенье и шоколад. Отдаем дань этому гостеприимству и идем осматривать город. Еще издали был виден решетчатый шпиль Руанского собора и мы были уверены, что безошибочно к нему выйдем. Но в застройке он потерялся, и мы подходили к другим тоже очень великолепным и большим соборам, принимая их за главный. Однако наличие у него характерного шпиля не дало нам ошибиться. У собора на месте казни Жанны де Арк построена новая церковь довольно странной архитектуры, что-то вроде современной готики. Побывали на площади, где собирались импрессионисты у собора, который в разное время года рисовал Клод Моне.

На этом прощаемся с Францией и утром выезжаем в Кале к парому, чтобы переправиться через Ла-Манш. Паром большое многоэтажное судно с ресторанами, салонами, дьюти фри. Поднимаемся на верхнюю палубу и при хорошей погоде, заметном ветерке и легкой качке любуемся проливом. Вскоре показываются белые скалы Дувра, и мы в Англии. Меняется все – и природа и застройка. Все зеленое, вокруг сплошная идиллия – на лугах пасутся овцы, изгороди и высокие звукозащитные стены из кустарников, ухоженные газончики перед домами.

Первым на пути Кентерберийское аббатство. Быстро пробегаем по богатейшему собору и спешим, чтобы успеть до

закрытия осмотра замка Лидз. Это прелестный сравнительно небольшой, но очень древний замок, расположенный на большой площади с парками, теплицами, газонами, озерами с лебедями, водопадами, вольерами для животных. Есть также гольф-клуб и станция запуска воздушных шаров. Очень приятная атмосфера, везде стоят роскошные композиции из живых цветов. Сейчас замок находится в частном владении у богатой американской семьи, но чтобы его содержать хозяева открыли его для осмотра. Там проходят встречи на высоком уровне, можно также снять его на свадьбу или другое торжество.

После осмотра и прогулки направляемся в Лондон. Едем в самый центр на площадь Пиккадили и поселяемся в Регент Палас отеле, из окон можно наблюдать бурную жизнь Сохо. Вместе с группой посещаем все знаменитые места, здания и парки города, наблюдаем красочную церемонию смены караула в Букингемском дворце, посещаем Национальную галерею. На следующий день знакомимся с городом самостоятельно. Направляемся пешком в Тауэр через Сити, это довольно далеко, более часа нашей быстрой ходьбы. Массивные здания СИТИ казалось воплощают в себе стабильность английского общества и уклада жизни. В Тауэре осматриваем жилой дворец, королевские регалии и драгоценности (сначала на экране, а потом и в оригинале), башни с помещениями для заключенных, место их казни, проходим по крепостным стенам. Фотографируемся с вороном – символом и

талисманом этой крепости. Обратно возвращаемся по набережной, как раз время обеда. В Сити занято около полумиллиона служащих и такое впечатление, что все они вышли на набережную, вынули свои бутерброды из тончайших ломтиков хлеба с огурцом и листьями салата, закусывают и загорают

Лондоне: Виталий с охраной дворца, я с ветераном Тауэра

Во второй половине дня совершаем прогулку по Белгрейвию – богатому району. Сплошные ряды роскошных домов, на улицах ни души, только иногда останавливаются дорогие

машины, из которой выходят пары в вечерних туалетах. На обратном пути немного заблудились. Спрашиваем дорогу у прохожих. Двое мужчин охранного типа попытались объяснить с нами с помощью карты, которую достали из багажника. Они долго разбирались, пока я не поняла, что это русские и попросила их на родном языке просто указать направление. Потом мы ещё не раз видели таких людей охранного типа, сопровождающих маленькие группы учащихся из богатых семей России.

Идем в Вестминстерское аббатство, пол которого выстлан могильными плитами могилы многочисленных королей, поэтов, музыкантов, ученых. И, наконец, наше последнее мероприятие – поход в Британский музей, где собраны богатейшие коллекции материальных ценностей всего мира, начиная с древнейших времен. Там всё уникальное, невозможно всё просмотреть и жалко что-либо пропустить. В конце дня я уже едва переставляла ноги от усталости и боялась только упасть на экспонаты. Но все обошлось, напряженные дни поездки позади, и мы возвращаемся домой. Израиль встретил нас жарой и терактами в Иерусалиме, из-за которых автобус в Хайфу опоздал на полчаса. Контраст получился впечатляющим.

2.4. Испания и Португалия

Наши путешествия обычно начинались с ночи, проведённой в аэропорту Бен Гурион. Чартерные рейсы вылетают в

такое неудобное время, что приходится или ждать дома вызванное такси или проводить ночь в кресле зала ожидания, но в любом случае поспать не удаётся. Мы выбирали почти всегда второй вариант, причём часть ночи проводили на скамейках перед аэропортом, где теплее, чем в здании. В помещениях аэропорта почему-то всегда очень холодно и на этот раз я особенно сильно замерзла. Наше путешествие традиционно начинается ночью, проведенной в аэропорту. На этот раз после длительной летней жары я мерзла там всю ночь. Мечтала о том, чтобы рейс отложили, и я смогла съездить домой, чтобы взять теплые вещи. Рейс действительно отложили, но за это время я не успевала съездить домой, а только дополнительно промерзла. По прибытию в город Виторию я еще раз пожалела о том, что послушалась совета и взяла только те лёгкие вещи, которые мы носим в это время в Израиле. Витория встретила нас прохладной погодой, над горами висели тучи, и вероятность дождя была высокой. Он уже накрапывал. Предусмотрительные люди надели куртки и свитера, а я мы с Виталием остались в лёгких рубашках.

Город Витория – столица провинции Алава, где проживают, в основном, баски. Его достопримечательностью является площадь Мачете с церковью Св. Михаила конца 14в. Площадь получила название от меча, вделанного в стену, около которого всегда принимали присягу правители города. Другая великая святыня Испании – статуя Белой мадонны, покровительницы города, расположенная рядом под пулене-

пробиваемым стеклом.

По направлению к Сарагосе осматриваем Испанию из окна автобуса – мое самое любимое занятие. В этой поездке я насмотрелась достаточно, в общей сложности мы проехали 4,3 тыс. км. Перед нами расстилалась сплошь обработанная земля, маленькие городки с крепостями, плантации винограда. На горизонте горы, в серо-жемчужной дымке, солнце подсвечивало только верхушки, и они выглядят как снежные. На горе возвышался громадный черный бык, вернее, его плоское изображение, подпертое фермой. Такие быки сопровождали нас по всей Испании.

Наш славный гид рассказывал о том, что испанцы чрезмерно не утруждают себя работой. В году нет ни одной недели, чтобы не было где-нибудь в стране праздников. Обычно рабочий день заканчивается в 2 часа, затем сон и часов с 5-6 вечерняя жизнь с общением в кафе и развлечениями. Вероятно, этим и объясняется невысокий, сравнительно со всей Европой, уровень их жизни.

Визитной карточкой Сарагосы является силуэт старейшим в христианском мире кафедрального собора Эль Пилар с 13-ю шпилями и куполами. Собор построен на месте церкви Святого Якова, которому в этом месте в 40 г.н.э явилась Дева Мария. Собор считается, В другом большом соборе Ла Сео, начала 14в., похоронен Торквемада. Застройка вокруг площади и соборов сохраняет древний колорит, в одном месте сохранились остатки римской стены и моста. Есть и своя

«Пизанская башня», поменьше оригинальной, но, пожалуй, с большим уклоном.

Испания. Гранада, Аль Гамбро Севилья, у Белой башни

Из Сарагосы направляемся в монастырь Бенедиктинцев Монтсеррат. Говорят, что скалы вокруг него похожи на лес, состоящий из гигантских баобабов, растущих сплошным ковром. Монастырь основан в 1082 г., расположен на высоте 720м, внизу живописная долина. В монастыре работы Эль Греко, гигантская библиотека со старыми пергаменами и документами. Главная святыня «Черная Мадонна» – объект поклонения всего католического мира. Однако все лю-

ди нашей группы без колебаний к ней прикасались, отстояв очередь. Виталий пытался их образумить, но без успеха – на всякий случай поддержкой не мешает заручиться. Также дружно все приобрели ликер местного производства, реклама которого много превосходит его качество. Попутно было сообщено, что бенедектинцы – хранители богатств, францисканцы – аскеты, доминиканцы – учителя, тамплиеры – воины и искатели материальных останков христианства. Вечером прибываем в Барселону.

В Барселоне нас поместили в гостинице недалеко от площади Испании, где расположен Национальный дворец Каталонии. Там же находится система подсвечиваемых и поющих фонтанов. Вечером мы наблюдали грандиозный молодежный карнавал. Под оглушительную музыку группы актёров разного жанра демонстрировали свое искусство на затейливо украшенных платформах громадных трейлеров. Была там и платформа с «голубыми», и женщина с невообразимо большим обнаженным бюстом и пары, имитирующие половой акт и многое другое. Тысячи собравшихся молодых людей вели себя вполне пристойно, танцевали, пили пиво и колу, конфликтов мы не наблюдали.

Барселона – заповедник стиля модерн – из 600 памятников, зарегистрированных в реестре Юнеско, большинство находится здесь. Архитектурные творения Антонио Гауди – дома, парк Гуэль и собор Саграда Фамилия, тогда ещё недостроенный, поражают неистощимой фантазией. Централь-

ная часть города не велика. Мы обошли пешком всю старую часть города. Едем на запад по направлению к Мадриду. Виды Испании разворачиваются как в кино: невысокие горы, покрытые хвойным лесом, садами, небольшими плантациями кукурузы, деревни с простыми каменными домами и однотипными скромными колокольнями сменяются равнинами с виноградниками. Горы уже видны только на далеком горизонте, часто попадаются разрушенные, заброшенные строения цвета желтой охры, почти сливающиеся с ландшафтом. И снова ландшафт меняется перед Мадридом – появляются холмы. Радуют необычайно сочные сочетания цветов: теплого шоколадного цвета земля, желтые квадраты пашни, густая зелень деревьев.

Мы отклоняемся в Иберийские горы, своей лесистостью и тонкими свечами кипарисов напоминающие восточный Крым и заезжаем в Пиетру – Каменный монастырь. Он основан Цистерцианцами, которые якобы сочетали христианство с элементами язычества. Около монастыря природный парк с водопадами и туристскими тропами, по которым побродили и мы. А пока вся группа вкушала форель с ветчиной, мы осмотрели неплохо сохранившийся монастырский комплекс: остатки готического храма, дворец, монастырские стены и ворота с гербами. От ворот уходит тропа с дивными видами на окрестность, по которой у нас уже не было времени пройти. Примечательны там цветные скалы, из них, видимо, и вырабатывают пигменты для натуральных красок. Но-

чевать останавливаемся в г.Леганес, пригороде Мадрида тихом спальном районе с великолепной муниципальной школой. На следующий день посещаем город-музей Толедо, который как в сказке размещается на горе, окруженной рекой Тахо. Старейший город Испании, вся старая часть которого с узкими улочками, маленькими площадями и практически без зелени, сохраняется в прежнем виде. Проходим по бывшему еврейскому кварталу, посещаем синагогу, превращенную позднее в церковь.

Возвратившись в Мадрид, начинаем его осмотр с Королевского дворца, который используется только для приемов. Король, как нам сообщили, живет в скромной вилле. Считается, что тронный зал дворца лучший в мире. Он устлан невероятной величины коврами, освещается люстрами из платины и серебра, стены украшены золотыми рельефами и прочая роскошь. Мы с Виталием оторвались от группы, обежали наиболее знаменитые места.

На следующий день посетили музей Прадо. Он оказался несравненно меньше не только Лувра, но и Эрмитажа, однако плотно набит работами Эль Греко, Гойи, Веласкеса, Мурильо, Рафаэля, Рубенса, Тициана. Мы опасались, что у нас будет недостаточно времени, но за 2,5 часа все осмотрели и направились в Эскориал. Это странное сочетание дворца и места захоронения испанских королей. Недалеко расположено мемориальное кладбище воинов, большой крест которого виден издалека. Там захоронен и Франко. Мы осмотрели

дворцовый комплекс, зашли в сады и запахи растений живо напомнили нам Кавказ.

По пути в Сеговию проезжаем Авиллу, родной город Святой Терезы, принадлежащей к ордену нищенствующих кармелиток и очень почитаемую в католическом мире. Сеговию называют городом поэтов. Здесь множество прекрасно сохранившихся старинных зданий, узких улочек с уютными квадратными арочными двориками, с фонтанчиками, скульптурами, цветами. Зимой здесь проходят карнавалы, вся власть, во время которых, переходит к женщинам. Город окружен могучими стенами с семью воротами, и старый город круто поднимается над ними вверх. Символом Сеговии является римский акведук, ему около 2000 лет и он самый хорошо сохранившийся в мире. Длина более 700м, 115 арок, высота 29 м, гранитные блоки положены без раствора. По легенде его соорудил дьявол за одну ночь и когда на него смотришь вблизи, то это кажется правдой. Замок Алькасар в Сеговии построен в стиле «мудехар», называют мечтой о замках. С внешней стороны города он напоминает летящий на волнах корабль, а с внутренней – волшебную картинку из сказки. Сразу за стенами замка начинаются поля, маленькие деревни, поселочные дороги – совершенно патриархальный вид, как в средние века.

Ночевали в золотой Саламанке. Так её называют из-за преобладающего светло медового цвета её зданий. Наша гостиница в центре города и прямо из окна видна церковь Св.

Хуана 12-13 вв. Известно, что во всех гостиницах Испании прекрасные завтраки, и почти в каждой есть что-то примечательное. Здесь, например, было сортов 7 различных тортов. Я нацелилась на творожный, но пропустила момент, и пришлось удовольствоваться другим, но тоже вкусным. Утро встретило нас настоящей прохладой – на градуснике +10. Но обзорная экскурсия была пешеходной и весьма интенсивной, поэтому холодно не показалось. Заглянули в расположенную неподалеку старинную церковь. Там сидело несколько местных жителей, тихо играла прекрасная музыка, и ощущение полного покоя рядом с бурной утренней жизнью было поразительным.

Едем в сторону Португалии. Вокруг желтые скошенные поля и пастбища черных быков, которых выращивают для корриды. Её мы, кстати, не увидели. Я, как противница жестоких зрелищ, и не собиралась, а народ был опечален отсутствием представлений в дни нашего там нахождения. Черные быки очень красивы, сравнительно небольшие, плотные и ладненькие. Для них создаются прекрасные условия содержания и в течении 4-5 лет они ведут вольготную жизнь. Коровы содержатся отдельно, мы видели их реже, причем странной мышасто-серой масти.

Границу переезжаем почти незаметно, но сразу начинается другая страна. Представление, что эти две страны разделены чисто административно оказывается неверным. Довольно резко изменяется ландшафт. Еще издали видны лесистые

горы и белые поселения, в то время как в прилегающей к этой части страны Испании поселения темные, цвета камня. Спускаемся с Мадридского плато (ок.700м), вокруг много камня, в виде нагромождений и причудливых фигур. Горы почти сплошь покрыты пинией – специальная сосна для кораблестроения, завезенная сюда римлянами. Минуем Каимбро, вспоминается: «Каимбро мой город чудесный...» Проезжаем и знаменитый городок Хатима, место явления детям Девы Марии 13 мая 1917 г. Говорят, она появлялась массе собравшихся каждое 13 число в течение 5 месяцев. Теперь это место паломничества христиан. Заезжаем в г. Баталию и осматриваем монастырь Санта Мария Виктория. Алтарная часть его собора выполнена в стиле «мануэлина», который характерен наличием в украшениях деталей из морской тематики: канаты, якоря, ракушки. В украшениях часто применяется фигура петуха. По легенде он воскрес из жаренного состояния, чтобы засвидетельствовать невиновность паломника, обвиненного в краже. Один такой в виде чеканки, неизвестно какими путями попал к нам на кухню.

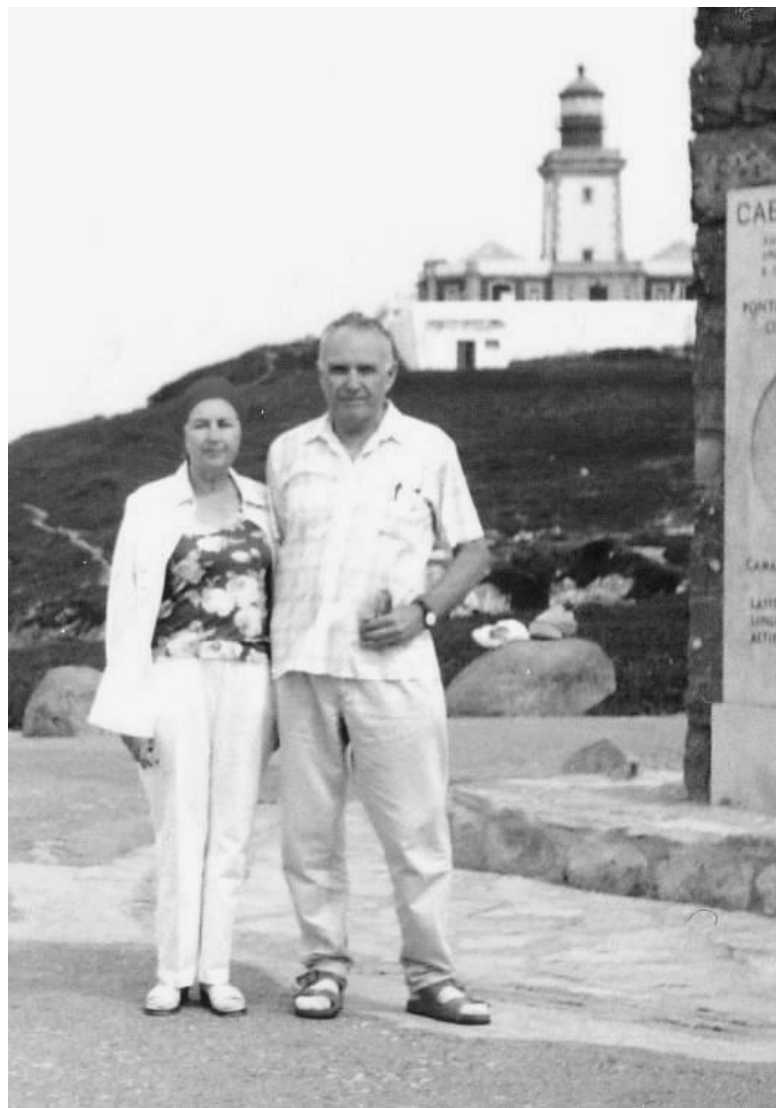
В Лиссабоне мы живем в пешеходной доступности от центра. Большой, более 1млн. жителей, город распространился по берегам необъятной реки Тахо и океана. Берега реки соединяют два великолепных моста Васко да Гамо и Салазара. В конце этого моста стоит фигура Христа, как в Рио де Жейро, высотой 110м. Недалеко от гостиницы лучший музей Лиссабона, основанный армянином Гульбенкяном. В его

собрание вошло множество полотен из Эрмитажа, проданных Сталиным в 30-е годы (большая часть из них возвращена России).

Широкие улицы, пышные дворцы, множество монументов, сады, просторная набережная и знаменитые нарядные рисунчатые португальские тротуары придают городу вид величественной столицы. Но шаг в сторону от парадных улиц и взору предстают, обшарпанные дома, в трещинах и плесени тоже когда-то бывшие очень представительными. Визитной карточкой города является Белемская башня, которая обособленно стоит на набережной. Целые кварталы застроены домами в стиле «помбалино», что-то вроде конструктивизма, жилье для всех. Многие фасады украшены цветной узорчатой керамической плиткой, что весьма оживляет улицы. Крепость, возвышающаяся над городом посвящена св.Георгию. Видовая площадка крепости почти круговая и идет вдоль её стен, что позволяет прекрасно рассмотреть весь город. В районе, прилегающем к крепости, живут арабы, индусы и прочие выходцы с Востока.

Днем мы совершили поездку на мыс Кабу де Рока, самая западная точка европейского континента. Место, где «земля заканчивается и начинается море, где дух свободы и веры помогал португальцам открывать новые земли». По дороге проезжали городок Эштурил с крупнейшим казино в Европе, там жил Алехин. Из Лиссабона выезжаем в дождь. Он и был причиной аварии с трейлером на автобане, из-за кото-

рой мы простояли 1,5 часа. Далее едем по южной Португалии, равнинной со сплошными пашнями, белыми, розовыми или бледно-желтыми домами. На каждой горе непременно высится замок, чаще всего пустой и частично разрушенный. На рыжих холмах стоят пробковые дубы, с которых каждые 9 лет сдирают кору и тогда они становятся черными.

2001 г. На мысе Кабу де Рока

Снова въезжаем в Испанию, в район Андалузии. В отлучии от темных, терракотовых домов севера и центра Испании дома здесь белые, нарядные, часто украшенные полосками и обрамлениями желтого цвета. Пересекаем хребет, Сьерра Морена и прибываем в Севилью – город первой экспедиции Колумба, Веласкеса, Кармен и Дон Жуана. «Шумит, гремит Гвадалквивир...» – это здесь, только он не шумит, а едва течет и основательно зарос камышами. Целые кварталы павильонов, оставшихся от всемирной выставки 1929 г. и превращенных в музеи, посольства и другие представительские здания. Громадный кафедральный позднеготический собор Санта Мария, в главном алтаре которого около 1000 серебряных фигур, сгруппированных в 45 сцен из жизни Иисуса и Марии. В соборе находится могила Колумба, которая возвышается над полом якобы потому, что он не любил эту землю. На маленькой уютной площади стоит Дон Жуан, а табачная фабрика, где работала Кармен, теперь университет. Символ Севильи – 12-ти этажная сторожевая башня на берегу Гвадалквивир. Первоначально она была облицована позолоченными плитками, что и дало ей название – Золотая. Недалеко находится и Серебряная башня, покрытая оловянными плитками. Есть здесь и свой дворец Алькасар и множество чудных внутренних дворишков с неизменны-

ми решетками и фонтанчиками.

Дальнейший путь лежит через бесконечные оливковые сады, на сотни километров покрывающие все холмы до самого горизонта. Кажется, что весь мир не в состоянии съесть столько маслин и оливкового масла. Гранада – небольшой городок знаменитый своим дворцовым комплексом Альгамбра, расположенным на горе невдалеке от города. Памятник мусульманской культуры, громадный королевский дворец 14в. с богато декорированными стенами, «сталлактитовыми» куполами, деревянными резными потолками, внутренними дворами с фонтанами и цветами. В помещения гарема ведет дверь для отбраковки кандидаток. Шансов у тех, кто проходил сквозь нее прямо или боком не было. Я и все мои попутчицы легко бы прошли через эту дверь, вот как изменились с тех пор стандарты красоты.

Утром выезжаем в Кордову, опять через горы, сплошь покрытые оливками. В 10-11вв. это был самый богатый город Европы. Старая часть города с её узкими улочками, украшенными цветами в горшках, крошечными площадями довольно велика и хорошо сохранилась. Прошлись по улице «цветов», еврейскому кварталу с изображением Богоматери на одной из стен и надписью под ней почему-то на иврите. Главная достопримечательность – мечеть на фундаменте романского храма 8 века, превращенная в 13в. в христианскую церковь. Громадная, почти квадратная в плане мечеть (179x129м) имеет 19 нефов и там можно найти все: и ко-

лонны со всего света, и арабские своды, и резные, из темного африканского дерева хоры и стулья, и картины, и восьмигранные купола, и великолепные витражи, и даже старинную фреску «Крещение Иисуса Христа в Иордане».

Замок Алькасар посетили самостоятельно, обошли его вокруг и неожиданно попали в прекрасные сады с искусно подобранными гаммами цветов, скульптурами королей, бассейнами, заполненными то лилиями, то бьющими фонтанчиками, то крупной форелью. Из сада зашли во внутренние дворы замка, из которых никак не могли найти выход, и служительница провела нас к нему. К вечеру прибыли на Коста дель Соль, в город Торремолинос, известный нам как первоначальное место тусовки новых русских. На следующий день едем в Гибралтар через прелестные курортные городки, в том числе Марбелла, место обитания особо богатых, в том числе шейхов. Гибралтар – это, прежде всего скала, которая поднимается на 425м над равниной, и считается первым геркулесовым столбом. Второй столб напротив, через 13км, уже в Африке. С погодой нам повезло, и его было хорошо видно. В скале 55км туннелей, относящихся к военной базе Англии и немало пещер. Одну из них, св. Михаила, со многими залами, в том числе концертным, который использовался во время второй мировой войны как госпиталь, мы посетили. Формы стен и потолка, сформированные сталактитами, изысканно красивы и напоминают творения Гауди, хотя они-то как раз и являлись для него первоисточником. На скале

уже несколько столетий живут обезьяны, совершенно привыкшие к общению с людьми и развлекающие туристов, при этом подкармливаясь. Гибралтар – зона свободной торговли и, как говорят, с самым дешевым в мире алкоголем. Народ старался не упустить случай, мы тоже приняли участие.

Удалось навестить и очаровательный городок Ронда, который находится в горах, в 100 км от моря. Город относится к старейшим городам Испании, в 8 в. был столицей мавританского Эмирата. Большой кафедральный собор, много церквей, старинных улиц и площадей, монастырь, могучие крепостные стены. Вдоль стен идет обходная дорога (проход Хэмингуэя), служащая прекрасными обзорными площадками. Две части города, разделенные ущельем глубиной 150м, соединяются 70-ти метровым мостом 18 в. Ронда считается родиной корриды. Спускаемся ниже и прибываем в г.Михас, из которого открывается изумительный вид на непрерывную, на десятки километров белоснежной застройки Коста дель Соль. Вечером едем в центральную часть города, которая вся залита светом, сверкает огнями, играют оркестры, двери магазинов открыты настежь и через них течёт уличный поток людей. Утром отправились в аэропорт города Малаги. Одноименное вино, также как и другие известные испанские и португальские вина были закуплены, и через 5 часов полета мы вновь ступили на Святую Землю.

2.5. Все дороги ведут в Рим

Италия для нас началась с тосканского города Сиена, где мы разместились в гостинице вблизи городской стены и системы эскалаторов, поднимающих людей на уровень старого города. Центральная его площадь дель Кампо безусловно заслужила свою славу. Её мощение сохранилось с 11 века, а основание выгнуто в виде раковины, что совершенно необычно. На площади раз в году, начиная с 14 века, устраиваются скачки лошадей из 17 округов города. Домский собор Сиены, посвященный Деве Марии, сооружён из камня в черно-белую полосу. Этот же мотив повторяется в других соборах и церквях и самом символе города. Он представляет собой чёрно-белый щит со скульптурой волчицы и её близнецов, якобы бежавших от преследования на черном и белом конях.

Следующий город Сан Джименьяно входит в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Он известен 14-ю оставшимися от бывших 72 башен. Заслуживает внимания также и сохранившаяся в совершенной нетронутости средневековая застройка. На площади Цистерн имеется здание с балконом, с которого выступал Данте. В этот же день мы посетили г. Пизу. Знаменитая Пизанская башня входит в расположенный на зелёных газонах живописный белый ансамбль собора Санта Мария Ассунта.

Во Флоренции мы пробыли несколько дней и жили в гостинице на берегу реки Арно вблизи центра. Это позволяло после запланированных экскурсий самостоятельно ходить

по городу, сколько хватало сил. Посетили галерею Уффици, Домский и другие соборы, все знаковые места центра, а также районы, редко посещаемые туристами. В Вероне осмотрели остатки римских сооружений первого века, среди них замечательный амфитеатр. Естественно, не обошлось без посещения дома Джульетты со знаменитым балконом. Во дворе установлена её бронзовая скульптура, отполированная в некоторых местах до золотого блеска от непременных прикосновений туристов. Непонятно, как в это закрытое со всех сторон пространство с единственным узким проходом, проникал Ромео.

2002 г. Во Флоренции. В Риме у Колизея

После отдыха на озере у замка Сермиоле, с прекрасно сохранившимся и утопающем в цветах старым городом, направились в Венецию. Как раз перед нашим приездом ночью шёл дождь и до полудня некоторые улицы и площади города были залиты водой. Поскольку здесь наводнения обычное явление, все предусмотрено для того чтобы жизнь продолжалась в нормальном ритме. Немедленно устанавливаются разборные тротуары, которые также быстро убираются, когда вода спадает. Мы ходили по этим тротуарам над залитой водой площадью Сан-Марко, а предусмотрительные немцы шагали прямо по воде в прозрачных высоких сапогах. В Венеции Виталий потерял нашу группу и ходил целый день один, только вечером мы воссоединились.

Следующей на нашем пути была республика Сан-Марино, по которой мы достаточно побродили, купили мне сумку (место славится кожаными изделиями), а потом пообедали со всей группой в ресторане с неограниченным количеством вина, что заметно сблизило народ. Отсюда наш путь лежал в Неаполь с заездом в Помпеи. Мы с Виталием откололись от официальной экскурсии и подробно осмотрели его самостоятельно. Мгновенно погребённый под пеплом город сохранил сиюминутность жизни и это производит жуткое впечатление. Из Неаполя поехали на маленьком пароходке на Капри, надивились на его необыкновенные красоты, проехали по подвесной обзорной дороге, на которой все очень замёрз-

ли.

И заключительным мощным аккордом был Рим. Мы с Виталием ходили самостоятельно, используя время по максимуму и, как обычно не тратили его на обеды. Благодаря нашей выносливости удалось многое увидеть, а в Ватикане даже попали на службу с участием Папы Павла 2. Нас предупредили, что на улицах и, особенно, в метро, много карманных воров. Однажды в заполненном людьми вагоне метро мне показалось, что один парень лезет в карман к Виталию. Я схватила его за руку и отвела. Парень с удивлением на меня посмотрел, потом понял в чём дело и засмеялся. Хорошо, что так закончилось, могла бы получить и бритвой по глазам, если бы нарвалась на настоящего вора. Пишут, что так случается.

2.6. Пять столиц

В 2003 году мы прилетели в Москву, а оттуда на фирменном поезде «Невский экспресс» прибыли в Петербург, где у нас начиналась автобусная поездка по Финляндии, Швеции и Норвегии. Финляндию я знаю довольно хорошо, в свое время прожила там, в общей сложности, более 4 месяцев и объездила многие её города. В других странах я не бывала, и проехать по дорогам хороший способ познакомиться со Скандинавией. Из знакомого мне города Хельсинки поехали в тоже знакомый город Турку. А оттуда началась уже новые впечатления. Из Турку в Стокгольм мы целую ночь шли на

пароме. В Стокгольме осмотрели город и, в том числе, зал, где происходят церемонии вручения Нобелевских премий и проводятся банкеты. Нам даже прочитали меню таких банкетов, но подробности я не запомнила.

Потом направились в Осло, столицу Норвегии. Там наиболее примечательным и необычным был парк Вигеланд множеством скульптур в натуралистичном стиле, изображающих различные состояния человека, как возрастные, так и во время занятий работой, спортом, любовью. По дороге к побережью Норвежского моря заезжали посмотреть древнюю деревянную церковь в Боргунге, возраст которой превышает 900 лет. В России, к сожалению, мне не привелось увидеть ни одной подобной церкви, покрытой лемехом. На всём пути нас сопровождали многочисленные и великолепные водопады.

Норвежские фьорды с неподвижной глубокой водой, обрамленной скалами и водопадами, низвергающимися с большой высоты, представляют собой волшебное зрелище. Внизу на маленьких кусочках земли у воды уютятся аккуратные домики, их жители занимаются разведением рыбы на огороженных водных участках. Из этих мест вся Европа, и Израиль в том числе, получает норвежского лосося. В гостиницах сортов селедки невозможно перепробовать, так же, как и натуральных ягодных соков. других скандинавских странах была впервые. На фьордах расположен один из самых красивых городов Европы, живописный Берген. Его старый центр

с разноцветными домами Ганзеевской набережной входит в число памятников ЮНЕСКО. Необычайно разнообразен по ассортименту морских продуктов здешний рыбный рынок. А вид с горы Флюбоен, куда нужно подниматься на фуникулере, невообразимо прекрасен.

2003 г. Берген, набережная Боргунг, деревянная церковь

На обратном пути мы провели несколько дней в Петербурге у друзей Виталия. Он там учился, несколько лет работал, и мы прощлись по всем памятным для него местам и посетили Эрмитаж. В Москве мы отметили шестнадцатилетие внука, отлично провели время на даче, но оба заразились гриппом. Болели довольно тяжело, дня три лежали и ничего не ели,

только пили морс из черной смородины, которой был забит морозильник наших бывших сватов. Это было наше лекарство, и домой мы возвратились в полном порядке.

2.7. Чехия

Чехия была первой страной, куда мы въезжали с израильскими паспортами и, за рубежом, естественно, воспринимались как жители этой страны. Но в Израиле в нашей принадлежности к стране усомнились. При вылете в аэропорту служба безопасности заподозрила в нас русских, незаконно прибывших в страну. Красивый молодой человек долго с нами беседовал, уходил с паспортами, опять беседовал, наконец, не в силах принять решение передал нас в более высокую инстанцию. Там нас заставили долго ждать, видимо для того, чтобы мы понервничали. В конце концов, выяснилась законность нашего пребывания в стране, и мы были допущены к полету в последнюю минуту.

По прибытию в Прагу наших шумных соотечественников увезли в Карловы Вары на лечение, а мы остались до утра в пустом аэропорту в ожидании утреннего автобуса на Марианские Лазни. После Израиля особенно бросилось в глаза старые автобусы с сильным бензиновым выхлопом, плохие дороги, заплатанный асфальт. Тем не менее, нам автобус подали вполне комфортабельный, во время и мы вполне благополучно доехали до вокзала Марианских Лазней. Оставили вещи в камере хранения и пошли искать крышу над голо-

вой. Двинулись перспективному в этом смысле району, найденному заранее в Интернете. Там сразу нашлась свободная комната, но нас она не устраивала и хозяева направили нас к своим знакомым. Те приехали на машине, забрали вещи из камеры хранения и доставили прямо к калитке. Квартира оказалась прекрасной. Второй этаж виллы, две большие комнаты с видом на горы, с отличной мебелью, большим балконом и с телевизором. Рядом озеро, парком и самый лучший минеральный источник "Рудольф". Хозяева тоже попались хорошие. Расстались мы чрезвычайно довольные друг другом. Они удивлялись, что мы такие тихие, а мы радовались, что нам никто не мешал.

Городок расположен в долине, окруженной со всех сторон лесистыми горами. Население невелико, около 15 тысяч, но площадь значительная, поскольку много парков, санаториев, водолечебниц и преобладает коттеджная застройка. На всем окружающем пространстве много речек, озер, и около 150 минеральных источников. Большинство источников закрыты, поскольку и в открытых источниках воды достаточно. Прямо за нашим домом начинался парк с чистой речкой, яркими зелеными газонами, старыми деревьями, дорожками, скамейками. В нём два прекрасных источника – уже упомянутый Рудольф (для почечных больных) и Фердинанд (для желудочных заболеваний). Вода в них вкусная, сильно газированная и поступает прямо из скважин, прикрытых стеклянными колпаками. Утром при солнечном освещении вода

в речке кажется красно-оранжевой из-за отложившегося на дне железа, которым изобилуют источники. Утро в парке вообще замечательное: совершенно пусто, в воздухе запах свежескошенного газона, сам он сверкает от росы, речка журчит, и листья вековых деревьев светятся на солнце.

Центр города находился от нас в 15 мин ходьбы. Он застроен помпезной застройкой конца 19, начала 20 века. Есть и новые дорогие отели современной архитектуры. Публика состоит в основном из людей среднего и пенсионного возраста. Много немцев, все в светлых одеждах дамы с прическами. По вечерам весь "свет" собирается слушать музыку у главной Колоннады и Крестового источника. Там играет оркестр, и включается светомузыкальный фонтан.

В городе до войны была очень сильна еврейская община. Евреям принадлежала значительная часть самой богатой недвижимости, синагога была на главной улице. Во время войны она была уничтожена, но этот участок до сих пор принадлежит Израилю, сейчас там просто зеленый газон. Недалеко от города есть и старое еврейское кладбище. Мы до него дошли, но ворота оказались закрытыми, а территория обнесена двойным заграждением с колючей проволокой. Есть и православная церковь в честь Святого Владимира. Я зашла туда, не успела оглядеться, как ко мне подошла весьма нелюбезная дама и сообщила, что вход платный. Это было странно и мне не понравилось. Я вышла, но успела увидеть, что росписи и иконы позднего письма, не интересные. Жи-

лая часть Марианских Лазней представляет собой типичный немецкий городок, с чистыми тротуарами из плитки, газонами, цветами перед домом и на окнах. Есть и районы с малоэтажной

2004 г. Источник «Фернанд». Скульптура на следующий год исчезла. Говорят, украли

застройкой – до 4 этажей. Застройка советских времен модернизирована: покрашены фасады, достроены мансарды под черепицей, камины, гаражи.

Леса – это отдельный рассказ, вернее сказка. Я уже говорила, что они покрывают все окрестные горы. По составу очень разные, но преобладают хвойные. Есть участки с корабельной сосной, есть сплошь из дивных новогодних елок, есть смешанные леса со столетними дубами и что удивительно с такими же березами. Я в жизни не видела таких могучих и высоких берез. Но главное в лесах – это запах, он просто физически ощущается. Так пахло только в маслянинском лесу моего детства. Те же воспоминания вызвал и запах от сена, скошенного на полянах. Лес поддерживается в прекрасном состоянии – никаких буреломов, аккуратные вырубки, посаженные деревья огорожены, вероятно, защита от лосей. Через все леса проложены туристские тропы и велосипедные дорожки, их сотни километров. На всем пути встречаются рестораны, гольф клуб, ипподром, вольер для оленей, лесные источники, кемпинги, озера, деревни, природные заповедники. Один из них "Геологический парк" с необычного вида скалами и смотровыми площадками, с которых город выглядит как макет для сказочной постановки: покрытие лесами горы, а на них пряничные замки с красными и ярко зелеными крышами. Зимой это горнолыжный курорт, поэтому есть и фуникулер, и подъемники и крутые спуски.

Мы с утра до вечера ходили по окрестностям, а потом па-

дали в кресла и смотрели ТВ – немецкий первый канал, баварское и местное. Завтрак и ужин у нас был дома, а обед, как правило, в ресторане. Продукты в магазинах Чехии отличные, особенно вкусная выпечка всех видов. Попробовали мы и домашней – хозяйка угостила нас удивительно воздушным творожным тортом и фруктовым пирогом. Погода почти постоянно стояла прекрасная – утром прохладно и солнечно 7-10 градусов, днём тепло и даже порой даже жарко до 20-27град.

Посетили Карловы Вары на маленьком, почти игрушечном поезде в 2 вагончика. Поездка занимает полтора часа. Поезд не спеша движется по живописной долине речки Теплы, между покрытых лесом гор, через туннели, мимо деревушек, полей, городка с замком. Останавливается он почти у каждого дома – паровоз гудит, машинист высовывается из окна, наблюдая за посадкой – посадкой, словом какие-то давно прошедшие времена. Город за те 22 года, что мы в нем не были, очень изменился – разросся, обзавелся промышленными окраинами и потерял очарование уютного курортного местечка. Народ движется по центральным прогулочным улицам непрерывной толпой, кругом ремонт дорог и зданий, запах бензина. Источники перестроены и приспособлены для приема больших масс людей. Прошлись по знакомым улицам вдоль реки, которые показались нам какими-то потускневшими, дошли до кемпинга, где мы когда-то останавливались. Теперь там платная стоянка автобусов и

машин, вьетнамский рынок, а бесплатный туалет превратился в дорогой платный. С радостью возвратились в наш тихий оазис с тишиной, чистым воздухом и запахом постриженных газонов. В Марианских Лазнях мы купили автобусный тур в Хорватию. Об этом в параграфе 2.8. данной главы.

На следующий год мы опять прилетели в Чехию. Около полуночи мы были в знакомом пражском аэропорту и решили, по опыту прошлого года, дождаться утра с тем, чтобы уехать с первым автобусом в Марианские Лазни. Когда же прибыли на автобусную станцию, то обнаружили, что автобус уже отбыл в связи с изменившимся расписанием, следующий через 4,5 часа, так что пришлось ехать на поезде. Это оказалось даже удобнее и дешевле и получилось, что мы зря просидели ночь в аэропорту. По прибытии сдали багаж в камеру хранения, и пошли пешком в кемпинг Луксор, который нам понравился в прошлом году своей живописностью и дешевизной проживания. Однако при ближайшем рассмотрении весьма скромная обстановка бунгало и отнесенные в сторону удобства нас не устроили и мы направились к старым хозяевам. Там было всё занято, как и во многих других местах, куда мы обращались. Наконец, набрали на отличную квартиру: небольшая, полностью автономная студия с душевым комплексом и всем необходимым для самостоятельного питания. Хозяева Иосиф и Мария – наши ровесники, владельцы большого дома на большом участке. Марта справляла во время нашего там проживания день рождения, мы то-

же были приглашены и несколько минут потусовались с их детьми, внуками, зятьями и невестками в саду, где были накрыты столы, горел костер, жарились разные штучки.

И на этот раз совершали многочасовые прогулки по дивным чешским лесам, о которых я мечтала в израильскую жару. В лесу полно грибов – целые поляны свинушек, пни покрыты свеженькими крепкими замечательно пахнущими опятами, попадаются и белые, красивые как на картинке. К сожалению, использовать их мы не могли, только смотрели и изумлялись, что никто их не собирает. Первый поход был в Кинджварт, тоже водный курорт на расстоянии 15 км от нашего дома. Мы по ошибке пошли круглым путём и получилось подальше. На расстоянии 2-х км от этого места расположен замок, который принадлежал в свое время Миттерниху, дошли и туда. Назад возвращались по дороге исключительной красоты, обсаженной старыми дубами и проложенной от замка до Марианских Лазней. Она идёт по склону крутой лесистой горы и я, представляла как по ней катили экипажи, а в них нарядные дамы и кавалеры спешили друг к другу в гости. Наряды для них даже не нужно было придумывать – по вечерам в районе Колоннады разгуливали актеры, приглашая на концерты и представления.

Следующий большой пеший поход был в местечко Кладска. Первая попытка оказалась неудачной, мы запутались в лесных тропах, проходили часов 5 и вернулись. На другой день достигли цели, но с большим крючком км в 6, так что

опять в общем получилось не менее 30 км. Зато по дороге встретили просто сказочную поляну с низкой зелёной травой и громадными, метров по 25, совершенными по форме елками. Они были сплошь усыпаны красивыми продолговатыми светло-бежевыми шишками и выглядели как новогодние. Кладска – маленький курорт с живописной застройкой баварского типа, много красивых озёр и источников.

Дважды ездили на поезде по окрестностям – во Франтишкови Лазни и в Теплу. Тепла – старый городок, как положено с собором на холме, старыми кварталами вокруг, изрядно подпорченными застройкой времен дружбы с СССР. На расстоянии двух км расположен большой монастырь Премонстратов. В свое время этот орден был очень богатым и могущественным. Он способствовал развитию всего района и в том числе строительству самих Марианских Лазней. Монастырский комплекс, основанный в 12 веке, пострадал от войн и революций, но самый большой урон ему нанесла чешская армия, которая размещалась здесь с 1950 по 1990 год до момента возвращения его монахам. Они начали восстановление – в действующем храме размещается самая большая церковная библиотека в 100 тыс. книг и рукописей. В прекрасном парке с озерами установлены 14 керамических досок с изображением Христовых страстей. Кругом первозданная тишина и покой, только один послушник косит траву, а другой удит рыбу в полном одиночестве. Во Франтишкови Лазни мы заезжали четверть века назад на машине, но

на этот раз не узнали места, где тогда останавливались. Это великолепный богатый курорт, основанный в 1793 году и в короткие сроки компактно застроенный. В центральной его части практически нет жилой застройки – сплошные отели, лечебницы и рестораны.

Погода во всё время пребывания была отличная, днём около 27-30. Нам хотелось бы прохладнее, но в лесу было терпимо. К концу срока было пару дней с переменной облачностью, по утрам по парку расстилался белый туман. Мы с удовольствием на него смотрели, в Израиле таких туманов не бывает. На этот раз мы там много читали книг, оставленных прежними жильцами. Виталий нашёл серьёзную книгу на английском, а я прочитала штук шесть дамских немецких романов. Общались там с приятной парой из Израиля. Он интересный человек – математик и поэт. Все мы хотели бы дружить и дальше, но не получилось, далеко живем друг от друга.

Листопад в парке Марианских Лазней

Завтракали и ужинали мы дома, а обедать решили в ресторане. Но долго не выдержали. В первую неделю мы обошли ряд ресторанов, и удовольствия особенного не получили. После традиционной жареной свинины с кислой капу-

стой и кнедликами решили попробовать иногда питаться сосисками дома. В Израиле мы их не едим, а там с горчицей, чипсами и пивом казались очень вкусными. Микроволновка у нас была, но мы впоследствии их просто варили. Завершали крепким молотым кофе со сливками и разными сладостями, получалось и вкусно, и экономно.

В первые же дни заказали путёвки в Голландию. Хотели поехать на южный берег Франции, но поездки туда были полностью раскуплены. И нам повезло, что они нам не достались, потому что там в это время произошло наводнение и всё залило. Автобусом мы поехали в Пльзень, где нас должен был подхватить туравтобус. С ним мы направились в Низоземска, как говорят чехи. О поездке в Голландию параграфе 2.9. данной главы.

Решение о поездке в Чехию на следующий 2006 год было принято мгновенно и через несколько часов мы были уже в аэропорту. Причиной такой поспешности была вторая Ливанская война. Подробно об этом далее в параграфе 3. 4. По прибытию в Чехию мы ощутили усталость от постоянного физического и психологического напряжения и радовались, что нет воя сирен и ракетных взрывов. Виталий по этому поводу сочинил такие строки:

Два путника усталых, гонимых Хизбалой,
Удравши от бомбёжек, в горах нашли покой
Им снятся мин разрывы, сирены близкой вой

Они снимают стрессы минеральной водой

Он часто пишет шуточные стихи на текущие события нашей жизни и очень смешит меня ими. К сожалению, они забываются, но эти я записала.

Собирались мы, конечно, в спешке. Забыли некоторые нужные вещи и эти мелочи усиливали какую-то непонятную растерянность. На месте мы купили всё необходимое и никаких неудобств не испытывали, но всё-таки настроение не было, как обычно в поездках, безмятежным. Поселились у своего старого хозяина. К счастью, у него была свободная комната, а через 5 дней освободились и наши апартаменты с отдельным входом. Погода на этот раз была не такой прекрасной как в прежние разы. После первых двух дней жары стало прохладно с переменной облачностью и часто с дождём. И всё же мы вдоволь находились по лесам и надышались свежим сосновым воздухом. Только два дня из всего месяца мы не совершали дальних прогулок из-за дождя.

На этот раз он сочинил целый цикл "На встречу в лесу", где основной темой было воздействие минеральной воды на организм. Некоторые я записала

Дама с посохом лёгкой походкой прошла
Видимо где-то пописать сумела
или
Вскачь пронеслась по тропинке лесной

быстроногая дама, бюстом тряся
Много ещё у неё впереди километров
Наша задача скромнее – пописать в сторонке

В общем, было замечательно гулять по лесам, пить минеральную воду, питаться хорошими чешскими продуктами и читать. С отдыхающими не знакомились, хотя в этом году много русскоязычных израильтян. Но со здоровьем были некоторые неполадки. Сначала я перенесла легкое вирусное заболевание, заразилась от соседки в самолёте. За мной последовал Виталий, и у нас целую неделю болели то ноги, то руки, то глаза.

2006 г. В парке Марианских Лазней

Спасались смородиновым отваром. Гуляя по лесам, однажды вышли к незнакомой деревне. На опушке росла необыкновенно крупная смородина. Мы с удовольствием её ели, сколько могли и вдобавок набрали в кулёчек. Проходя дальше, мы поняли, что смородина относится к личному саду, просто не огорожена. Более того, похоже, что человек, обрабатывающей невдалеке землю на маленьком тракторе, был хозяином. Он посматривал на нас, но ничего не сказал. Совесть меня мучила до тех пор, пока мы снова не оказались на этом месте и убедились, что кустов там много, ягоды полно, и кроме нас никто её не собирает. Сад и пасека не огорожены, видимо, не от кого охранять смородину. Мы ещё её пощипали, но в кулёк уже не собирали.

Виталий на эту тему написал стих в подражание Горацию:

С посохом дама в платке, плавно вращая кормою,
мимо проплыла
Много в её рюкзаке было ягоды спелой
Будет усердный садовник зимой без варенья

Три недели с лишним недели в Маринских Лазнях, несмотря на довольно однообразную жизнь, пролетели быстро. И мы отправились в поездку Бенилюкс, о которой дальше в параграфе 2.9.

2.8. Хорватия

В Марианских Лазнях мы купили автобусный тур в Хорватию, на Долматинскую Ривьеру. Автобус оказался старым и полностью заполненным туристами. После того, как мы в него вошли, не осталось ни одного свободного места. В нем нам предстояло провести 16 часов. К сожалению, большая часть пути проходила ночью, и мы не видели ни Словению, ни Австрию, через территории, которых проезжали. Мне поспать не удалось, и я смотрела на ярко освещенные и пустые населенные пункты Австрии с красивыми домами и изысканной рекламой, на громадные яркие звезды. У нас их почти не видно, и уже забыла, как выглядит звездное небо. Гидом у нас была симпатичная молодая женщина Яна, кстати, доктор каких-то наук, интеллигентная и доброжелательная. С ней мы общались на разных языках – Виталий на английском, а я на немецком, а из того, что она говорила по чешски понимали примерно половину. Этого было вполне достаточно. Вообще, чешская группа резко отличалась от шумных и израильских групп своим спокойствием и дисциплинированностью.

В 6 часов утра прибыли в Хорватию, к первому объекту нашего посещения – Плитвицким озёрам. Умылись, позавтракали и пошли в 4 часовую прогулку в парковую зону. Это целая система озер, речек и водопадов в гористой местности. Чрезвычайно живописно, поражает цвет и чистота воды.

Есть озера глубиной до 53 метров, и при этом видно дно. В некоторых озерах воды из-за ее прозрачности просто не видно, в других она необычно яркого бирюзового или зеленого цвета. Туристские тропы расположены либо по краю озер, либо прямо через озера в виде деревянных настилов над речками и водопадами. В озерах тьма форели, особенно в тех местах, где туристам удобно их подкармливать. Прогулка не была для нас утомительной, прошли всего 8,5 км, другую часть пути проделали на пароходике и местных автобусах, которые они называют поездами. Группу встретила у входа и сопровождала в пути местная собачка-сторожил, которая требовала от туристов угощения. Она забежала и на пароход и ловко пряталась от капитана, когда он появлялся, и тут же выскакивала, как только он исчезал.

К месту нашего постоянного пребывания – городок Биоград – ехали примерно 2,5 часа по местности, напоминающей Восточный Крым, только горы повыше. Земля неосвоенная, покрыта камнями и каким-то низким лесом, выглядит совершенно бесплодной. Городок тоже выглядит не богатым, но белые стены и красные черепичные крыши делают его живописным. Отель, где нам предстояло провести 5 ночей, показался нам класса люкс, несмотря на объявленные 2 звезды. А когда мы вошли в номер, то обомлели – громадная комната с большим балконом, сразу за ним ярко синее Адриатическое море, вид на острова, ветви пальм лезут на балкон, а яхты ходят прямо под окнами. Оглядевшись, мы по-

няли, что низкая звездность отеля объясняется отсутствием кондиционеров. Недостаток серьезный, но нам в это время года он был не нужен. На длинной набережной, где и стоит наш отель, большая марина с множеством яхт, много гостиниц, пансионатов, ресторанов, магазинчиков.

При возвращении с прогулки наш восторг от номера резко поубавился. Сначала нам показалось, что прямо у нас играет эстрадный оркестр и, что есть силы, голосит певица. Оказалось всё происходит в открытом ресторане под окнами. На меня это не произвело большого впечатления, я упала в кровать и немедленно уснула, а Виталий до 11 часов, пока не закончилось выступление, не в силах был заснуть сидел перед ТВ, но что там говорят, почти не слышал. Так продолжалось и в последующие вечера, но пели народные хорватские песни и значительно тише, так что слушать было даже приятно. Можно было, выйдя на балкон, и на солистов посмотреть.

На следующий день поехали к водопадам на реку Карка. По дороге заехали в старинный городок Швибеник. В старой части города тесная средневековая застройка с узенькими мощеными камнем улицами с собором Св. Якова на центральной площади. И здесь, и в других городах, где мы были, камни эти отполированы до зеркального блеска, даже опасно ходить. Парк на реке Карка похож на предыдущий, тоже есть прогулочные тропы, но они менее интересные и обустроенные, но зато под некоторыми водопадами можно купаться, что мы и сделали.

Главное развлечение этого тура, занимающее целый день – "Рыбный пикник" на одном из островов Карнатского архипелага. Всего их 134, прямо перед нашим городком два больших населенных острова из этой группы, другие, которые мы видели в течении нашего путешествия – необитаемы. В основном острова невысокие, мягких очертаний, но есть и известковые скалы с белыми отвесными обрывами. Часть островов покрыта низким лесом, но большинство пустынные холмы серо-охристого цвета. Некоторые острова совсем невысокие, и выступают из воды как плоские столы. На фоне синего и бирюзового моря при ярком солнечном свете острова выглядят очень нарядно.

Картину украшают также многочисленные белые яхты, для которых здесь идеальные условия – свежий ветерок, множество стоянок и отличное купание. До места нашего назначения мы шли около 2 часов на парходике "Звездочка", арендованного для нашей группы. Не успели взойти на борт, как нас начали угощать сливовицей. Потом выставили два бочонка вина – белое и красное, корзинку с печеньем, и народ, не переставая пил всю дорогу и туда, и обратно. Все развеселились и начали активно общаться. К нам тоже подседа самая симпатичная пара нашего возраста Итка и Мирослав. Они из Праги, бывшие учителя, она была директором школы, но преподавала русский и чешский, так что мы могли почти свободно общаться. Обменялись адресами и приглашениями приехать в гости, но последнее проблематично. Рас-

сказали, что живут очень скромно и на поездку в Израиль им надо копить 4 года.

На стоянке началось массовое купание, кто прыгал в воду прямо с парохода, кто с берега. Мы сначала пробежались на гору, посмотреть на окрестности, а уж потом погрузились в Адриатическое море. Купание отличное, хотя вода прохладнее средиземноморской, но прозрачнее. Виталий сплавал на соседний остров. Потом осмотрели пляжи, сходили на внутренне очень соленое озеро, там тоже купались. Обед был рядом с пристанью за длинными столами под навесом. Подали в неограниченном количестве вино, жареную рыбу, постную свинину и свежие булочки. Кстати, хлеб в Хорватии очень хороший, из твердых сортов пшениц, также как и в Италии. На обратной дороге была еще остановка для купания с парохода, но мы уже в воду не стали прыгать.

На следующий свободный день мы купались, ходили по окрестностям. Всюду прекрасный запах от лаванды, которой всё вокруг засажено. Я набрала из кучи после прополки целый веник и разложила его по приезду в шкафы. Кроме того, на рынке накупила лавандового масла и одарила всех знакомых. На пляжах много дам только в нижней части купальника, а в более отдалённых местах и совсем без него. Смотрится весьма странно. Ресторан продолжает радовать нас обильными завтраками и изысканными ужинами, обедать никто не ходит, мы тоже, только едим мороженое.

Ещё одна, самая трудная экскурсия была в горы, в район

Национального парка Пакленица. Мы были предупреждены, что людям в возрасте туда ходить не стоит, требуется горная обувь, но посчитали, что с нами всё в порядке. В конце концов, так и случилось, но подниматься было трудно. Сначала шли по бесконечной каменной тропе довольно долго без остановок, площадок для отдыха не было. Потом, на горизонтальном участке можно было выбрать спокойную прогулочную трассу по долине реки или крутой подъем по серпантинной тропе к пещере.

Мы выбрали второе. Сначала пошли к пещере, подъем был тяжел, и некоторые сходили с дистанции. Но мы добрались до самого верха на 535 метра. Лицо у меня было красное, сердце стучало где-то в висках. Там нам выдали лампочки, вроде шахтерских, и мы начали спускаться в полную тьму, сырость и холод (10 градусов!). Я в темноте ничего не видела, ругала себя за то, что пошла в нелюбимые мной пещеры. Вцепилась в Виталия и ориентировалась только на наши светящиеся в свете ламп кроссовки, пока глаза не привыкли к мраку. Спускались по другой тропе, по краю обрыва без ограждения, среди диких скал и ущелий. И хотя тропа достаточно широкая, но я была постоянно в напряжении из-за боязни высоты. Потом прошли и по второму маршруту, на конечной остановке немного перекусили. При возвращении устали, поскольку находились в пути без отдыха уже часов 5.

Впереди было самое сложное – спуск по каменной тропе, на которую и смотреть было страшно: она выглядела беско-

нечной и сверкала на солнце своими большими отполированными камнями. Очень удобное место для вывихов и переломов ног, а если упадешь, то и всего остального. На тропе устроено несколько площадок, откуда поднимаются скалолазы, висящие прямо на отвесных стенах! В общем, спуск был тяжелее подъёма, я цеплялась за камни, за Виталия, ноги едва выдерживали, но как-то добралась до горизонтальной дороги. Без происшествий спустилась и вся группа, кроме одного мужчины, который упал и так ободрал себе руки, пришлось завозить его в госпиталь. Итак, мы были на ногах 6,5 часов с одним перерывом в 15 минут. Действительно тяжелое мероприятие, и в отеле с наслаждением забрались под горячий душ.

2004 г. В горах Хорватии

В заключительный день поехали в старый довольно крупный город Сдар. Он расположен на полуострове, с двух сторон дивные набережные. Очень интересна старая часть, окруженная стеной с римским Форумом в центре. По мере продвижения на север ландшафт за окном менялся – от пустынных гор до лесных, от местности, покрытой камнями до живописных, зелёных долин. Соответственно становилась богаче и застройка. Темнота прервала мои наблюдения, и автобус погрузился в сон. В 6 утра были в Праге, походили по знакомым местам, хотя ноги едва передвигались после горного туризма и бессонной ночи.

Прибыли в аэропорт Бен Гурион. Вечером начинался еврейский новый год и по этому поводу в пути нас ждал сюрприз. На остановке был развернут полевой буфет, обслуживаемый молодежью в форме какой-то организации. В автобус зашел паренек с подносом, на котором были порции медового торта и яблоки – новогоднее угощение. Превосходный торт оказался завершающей точкой нашего путешествия.

2.9. Страны Бенилюкса

В первом автобусном туре в Голландию у нас были очень удобные места и мы радовались, что так удобно и комфорт-

но ехать. Но комфорт сменился неудобством, когда мы остановились ночью в Германии. Автоматические устройства надёжно перерывали вход в туалет, пока не опустишь монету в 0,5 евро. У нас их не было, а разменять или купить что-то было невозможно, поскольку ночью всё было закрыто. Нельзя отлучиться и на природу – пространство стоянки кругом огорожено и ярко освещалась.

Рано утром прибыли в Голландию, в городок Алсмер и сразу попали на аукцион цветов. Это великолепное зрелище мы наблюдали со специальных туристических галерей, проложенных над гигантским пространством (180 га), заполненным тележками с букетами цветов. Всё двигалось с большой скоростью: работали автоматические транспортёры, мельтешили автокары, точно передвигаясь по известному им пути и никогда не сталкиваясь, по рельсовым путям двигались вереницы тележек через аукционные залы.

Они построены в виде больших амфитеатров, где сидят брокеры из различных стран с компьютерами. Перед ними экран с изображением о тех цветах, которые в данный момент проезжают на тележке со всеми данными и них. происходит мгновенный торг и не происходит и минуты как на экране, указывается кто и сколько купил. В торгах участвует ежедневно тысячи покупателей из разных стран. Проданные цветы немедленно везут в отсеки, отведенные разным фирмам, формируют общий заказ и грузят на трайлеры, которые доставляют их к месту назначения или к самолётам на

расположенный рядом аэродром. За два часа от 7 до 9 продают 7 млн. букетов. 85% всех цветов экспортируется в тот же день. Технология и организация дела просто поражают, но ещё больше поражает необычайное разнообразие цветов – 13 тыс. различных видов! Тюльпанов там, кстати, не было, возможно не сезон. Но остальные цветы это что-то невообразимое.

Следующее впечатление – велосипеды. Специальные дорожки для них обязательно есть рядом со всеми дорогами, им даже оказывается в некоторых местах предпочтение. Утром кажется, что всё население страны едет на велосипедах: ученики, студенты, работающие, домохозяйки – все по своим делам. Тут же вспомнилось – "едут леди на велосипеде, едут и смеются, песенки поют..." У вокзала сверкает на солнце многоэтажная многотысячная стоянка велосипедов и непонятно как каждый находит свой.

В целом страна лучше, чем даже представлялось, она такая обустроенная, такое всё добротное и основательное, что начинаешь верить нашей голландской подруге Марике, которая утверждает, что "в Голландии нет проблем". Конечно. Это преувеличение, но то, что меньше чем в других странах, похоже на правду. Коровы и овцы пасутся на ярко-зеленых лугах, более похожих на английские газоны и пересеченных вдоль и поперек каналами. Амстердам впечатляет не отдельными зданиями, площадями, а всем комплексом старого города с каналами, богатой застройкой своеобразной архитек-

туры, обилием цветов. В нашем распоряжении был только один день, но мы успели осмотреть довольно много. Для экономии времени отказались от поездки на катере по каналам. И хорошо сделали, поскольку во второй половине дня пошёл мелкий, но упорный дождичек и возможности для гуляния сократились.

Посетили основные туристские точки – главную улицу, соборную площадь, исторический музей, главные каналы, улицу красных фонарей с девушками за стеклом, зазывающими посетителей. Успели заглянуть и на знаменитый блошиный рынок, но он оказался куда беднее израильских и мы там не задержались. Собственно покупать что-либо не было планов, но не посетить нельзя. Впрочем, там всё достаточно близко, в пешеходной доступности. В конце концов, дождь загнал нас на вокзал – единственное место, где мы могли посидеть на сухой скамейке после целого дня проведенного на ногах.

Расселили нас недалеко от Гааги в небольшом городке Нордвик в частных домах. Нордвик один из 6 приморских курортных городков в этом районе и в нём множество гостиниц. К Северному морю в это время уже просто не подойти: высокая волна и пронзительный ветер. Мы только на минутку выскочили из автобуса на набережную и тут же ретировались. Ехали туда по голландской глубинке – везде хорошие дома, выходящие на каналы. Окна часто не занавешены шторами, горят разные лампы и можно свободно наблю-

дать обстановку и жизнь дома. Перед домом зелёный лужок, причал с катером. Людей на улицах почти не видно. Было интересно увидеть быт и обстановку домов. В нашем доме гостиная обставлена старинной мебелью, камин, рояль, дубовые шкафы и сундуки, резные стулья, тумбочки, рамы для картин и фотографий. Завтрак как в хорошей гостинице – яйца, сыр, колбаса, варенье, отличный кофе, сливки и много сортов булочек и чудесного очень черного хлеба с зернами и семечками. Наша комната была на втором этаже, куда вела очень крутая лестница без перил.

На следующий день нас повезли в Роттердам и Гаагу. Оба города прекрасны, Виталия особенно очаровала Гаага, а я не могла выбрать что лучше. В Гааге было немного времени, осмотрели только Дворец Правосудия (Гаагский Трибунал), проехали по городу, побродили по посольскому кварталу. Роттердам, почти полностью разрушенный во время войны, застроен, в основном, зданиями современной авангардной архитектуры, хотя есть и кварталы в старо голландском стиле – реставрированные или вновь отстроенные. Мы прошли по великолепному вантовому мосту с одной опорой на другую сторону устья реки Маас, там осмотрели университетский комплекс. В старой части города понравился старинный готический собор св.Лаврентия. В нём было тепло, много света и прекрасное пение: в маленькой капелле перед иконой Спасителя репетировал местный хор. Внешний вид голландцев, в общем, отвечает моему представлению – худоща-

вые, спокойные загорелые блондины. На дождь не обращают внимания. Даже младенцев в колясках не прикрывают зонтом, ни мало не заботясь, что они промокнут.

На третий день поехали в Зеландию. Здесь воды почти столько сколько земли, сплошные каналы, отвоёванные у моря территории, огражденные дамбами. Есть места, где вода выше уровня дороги. Посетили три прекрасных городка – Цирик, Веере и Миддлбург. Но сначала заехали посмотреть ветряные мельницы и ферму, производящую сыры и изготавливающую клумпы (деревянные башмаки) и различные сувениры. Владельцы фермы, очаровательная молодая пара, показали процесс изготовления сыров, дали их попробовать и предоставили возможность купить весь ассортимент. Мы купили маленькую головку мастрихского сыра.

Все три городка старые рыбацкие и торговые пункты с добротной застройкой вдоль моря, складскими помещениями в домах, гаванями, полными разных судов, крепостями и на удивление большими соборами 13-15 веков. Громадность этих соборов и городских ратуш совершенно не соответствует величине населённого места, по крайней мере в настоящее время. Так, в Веере от собора сохранилась только недостроенная алтарная часть в виде башни высотой 57м. Сам собор, длина которого была 200м, сгорел в 15 веке. Во всех трёх городах очень красивые ратушные площади и главные улицы. А в Миддлбурге – громадное аббатство Премонстратов, созданное ещё до 13 века выходцами из Франции. Это целый

город, окруженный стеной с башнями. В центре большая мощеная площадь, собор, комплекс зданий. Сейчас всё принадлежит городу и используется, видимо только частично. Посмотрели также большую дамбу, которая используется для получения электроэнергии. Здесь нас застало известие, что наш самолёт улетает через несколько часов. Настроение было изрядно подпорчено, но делать что-то было уже поздно, оставалось сесть в автобус и отправиться в обратный путь.

Высадившись в Праге, поехали сразу в аэропорт в надежде, что нас посадят на какой-нибудь рейс в Тель Авив. Часов до 4 нас агенты морочили нам голову. Израильский агент в Праге нагло заявил, что мы сами виноваты, потому, что не звонили. Потом он изменил свои показания и сказал, что мы согласились приехать на рейс, но видимо опоздали. Билетов на Тель Авив нет и что делать неизвестно. Наконец нам сообщили, что дома мы можем быть в лучшем случае дней через 10, но за билет и гостиницу нужно было платить самим. Надо было искать ночлег, хорошо, что были резервные деньги. Гостиницы оказались ещё дороже, чем в Израиле, недорогие студенческие хостелы закрылись как раз в день нашего приезда, оставался пансион. Виталий побегал по окрестностям, ничего не нашел и поехал на вокзал. Там в службе размещения встретил Ярослава – владельца пансиона. Всё образовалось отличным образом – квартира очень хорошая, центр близко, цена сходная (35 евро в день). К тому же отличная погода, способствующая прогулкам. Дальше всё бы-

ло хорошо, кроме встречи с израильским жуликом-агентом, но билеты мы всё-таки купили и три дня гуляли с утра до вечера по знакомым местам Праги. По возвращении не получили от агентства не только компенсацию, но и извинения.

На следующий год в Марианских Лазнях мы опять купили автобусный тур в в страны Бенилюкса – Голландию, Бельгию и Люксембург, несмотря на то, мы были что в Голландии в прошлом году. На этот раз было предусмотрено посещение другой части её северо-западной части – Фрисландии. Оказалось, что она даже более интересна, чем Зеландия. Автобус на этот раз был очень хороший, большой, новый и до последнего места заполнен туристами. В первый день мы побывали в четырех местах – Гитхорн, Орвелте, Боуртанге и Гронингене. Гитхорн – маленький городок, практически старинная деревня на берегу большого озера, бывшего в свое время заливом Северного моря. Вся деревня изрезана каналами, по берегам которой утопают в зелени и сказочных цветах старые дома из мелкого кирпичика, уложенного сложным узором. Кирпичики, которым не одна сотня лет, выглядят как новые. Говорят, их каждые два года чистят пескоструйными аппаратами. Очень красивы крыши из камыша, местный строительный материал, который в изобилии растет у озера. Почти к каждому дому ведёт индивидуальный мостик, а у причала стоит лодка. На подоконниках сверкающих чистой окон стоят, как правило, два предмета. Это могут быть горшочки с цветами, свечи в красивых подсвечниках, вазы

или какие-нибудь фигурки.

Мы покатались здесь на лодке по каналам и озеру. Оказалось, что в городке много общественных зданий, в том числе для проведения торжеств, рестораны, кафе, клубы. В летнее время много отдыхающих, но жителей на улицах почти не видно. На нашей лодке заглох мотор и немедленно на помощь пришли два парня, проезжающие мимо на моторке. Я подумала, что от рая это место отличается только плохой погодой зимой и осенью. В Орвелте старая часть поселения превращена в музей под открытым небом. Капитальные дома с сохранившейся старой утварью, громадные сараи, в которых делают керамику по старой технологии, мельница, мастерские. В большинстве зданий располагаются магазины сувениров, рестораны и кафе, проводятся выставки. На этот раз была выставка старинных чугунных керамических печей, которых там немыслимое многообразие. Там же производство новых печей по старым образцам, стоят они не дешево, в среднем 400 евро.

Боуртанге – оборонительное сооружение с крепостью, земляными валами, окруженными каналами, мостами и воротами. Всё реставрировано, всё в полном порядке. Гронинген – главный город Фрисландии с хорошо сохранившейся центральной площадью, соборами, прелестными улочками и туристами. Там мы ночевали в хорошей 4-х звездочной гостинице "Меркурий". За завтраком необычайное многообразие всевозможной еды, но меня поразило больше всего ассорти-

тимент натуральных соков. Их там был целый ряд, названия непонятные. Я взяла наугад, и мне попался чудесный клюквенный.

В маленьких городках Фрисландии и Соеверейн в гавани стоят корабли традиционной постройки, а на побережье современные дома. Следующие городки – Хиндерлопен с узкими старинными улочками и древним музеем, Воркум – бывшее пристанище пиратов, Маккум – с 1660 года славившимся производством сукна. Во всех голландских городках поражает открытость жилищ. Окна, если и имеют занавески, то чисто декоративные, и через большие и чистые окна вся внутренняя часть дома очень хорошо просматривается, часто насквозь – с одной стороны один канал, с другой – другой. Открыты исключительно гостиные комнаты с хорошей, но строгой обстановкой, большим телевизором, камином и картинами. Удивительно при этом, что не видишь людей. Никто не торчит в окнах, подложив подушки под локти, никого нет в комнатах.

Во второй половине дня прибыли в Амстердам и, пока наши попутчики ездили по каналам на лодке, мы часа 4 самостоятельно ходили по городу. выбирали маршруты, по которым не ходили в прошлом году. Это было не трудно, в городе множество каналов и красивых уголков, но в отличии от прошлого года, он был переполнен туристами. На третий день мы посетили Гаагу, Роттердам, Киндердьюк. Первые три места были уже знакомы, однако все маршруты по ним были

немного другими, и мы расширили о них свое представление.

Далее наш путь лежал в Бельгию, в Антверпен, с его известным собором. Здесь мы остановились недалеко от центра города и вокзала в еврейском квартале, где не одно столетие занимаются обработкой и продажей бриллиантов. Наш отель назывался "Диамант", а по улицам расхаживали важные ортодоксальные евреи в традиционных сюртуках, шляпах, в том числе и меховых (знак особого отличия), с пейсами. Наши попутчики смотрели на них с недоумением, а мы уже к такому зрелищу привыкли.

Бельгия и в частности Антверпен выглядит беднее и грязнее голландских городов. Впрочем, последующие города Бельгийской Фландрии – Брюгге, Гент, Мехелин и особенно Брюссель, вполне соответствовали моим первоначальным ожиданиям. И Брюгге и Гент совершенно великолепны, с прекрасными старыми площадями, многочисленными каналами, множеством великолепных соборов и монастырей, оживлёнными улочками, наполненными туристами. Все активно делают покупки, и не удивительно: витрины полны изумительными брюссельскими кружевами, керамикой, необыкновенными пирожными и шоколадом всех немыслимых сортов. О сувенирах я уже не говорю. Брюгге называют "Северной Венецией", он и действительно её напоминает каналами, домами, стоящими в воде, причалами с лодками. Мехелин знаменит своими звонами. Постоянно с колоколь-

ни кафедрального собора звучит дивный перезвон колоколов. Надо признать, что он мелодичнее и нежнее наших российских звонов. Именно отсюда произошло выражение "малиновый звон" (искаженное "мехелиновый").

На следующий день в Брюсселе мы были на старой рыночной площади, одной из самых прекрасных, которые мы видели. И хотя до этого она была знакома по ТВ, в натуре производит ещё большее впечатление. Вокруг располагаются улицы с бесконечным рядом ресторанов, во многих из которых подают устрицы. Перед посетителями стоят горшки с черными ракушками. Вот уж чего мне никогда не хотелось попробовать! Конечно, посмотрели и "Писающего мальчика", ничего особенного, к тому же ещё он, по странной традиции одевать скульптуры, был в костюмчике. А вот кварталы Европейского парламента производят большое впечатление. Это громадный современнейший город из стекла и стали, новое лицо города. На окраине Брюсселя расположен комплекс "Атомиум", в котором проходила всемирная выставка 1957 года. Гигантский атом железа из сфер, соединённых трубами был символом этой выставки. Рядом прекрасный парк, переходящий в естественные леса.

Последним пунктом нашего путешествия был Люксембург. Он расположен в предгорьях Арденн, поэтому рельеф там холмистый. Сам же город стоит на скале и благодаря этому в свое время был совершенно неприступен. Считается, что это страна с самым высоким уровнем жизни. Застрой-

ка здесь совершенно не похожая по архитектуре на соседние страны. Всё очень капитально, но монохромно – в серо-черно-белых тонах. Замок правителя, мосты головокружительной высоты, собор, дома на разных уровнях, памятник всем погибшим поименно в войнах, начиная с первой мировой. Дело было в субботу, проезжая по городу мы видели одиноких посетителей в ярко освещенных кафе и совершенно пустые улицы. Опять возникал вопрос: "где в этих странах люди, которые так замечательно сумели устроить свою жизнь"?

Глава 3. Время тревоги нашей

3.1. Семейные события

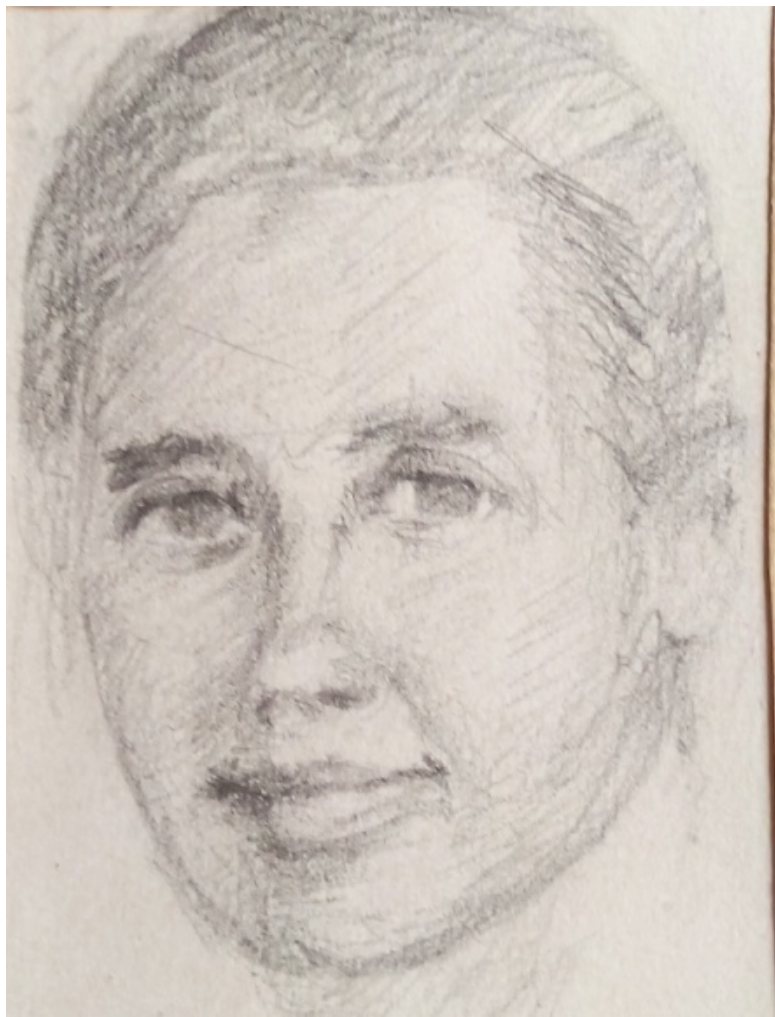
В начале февраля 2007 г. Миша отправился в Индию и в предгорьях Гималаев, попал в настоящую снежную лавину. К такой погоде он был не готов, ни соответствующей одежды, ни снаряжения у него не было. Спасла его, и других немногочисленных в этом районе туристов, индийская армия, которая вызволила их из снега и разместила на время на своей базе. Во всех своих путешествиях Миша избегал проторенных маршрутов и постоянно ездил по глухим местам, где зачастую не было Интернета. В Индии это случалось особенно часто. Но даже его наличие не обеспечивало постоянную связь, поскольку везде были проблемы с электричеством. Тем не менее, короткие сообщения он, по возможности, присылал. Для того чтобы поздравить меня с днём рождения, он совершил длинный и небезопасный поход через

горы, до ближайшего места с Интернетом. Приключений и сложных ситуаций у него было немало. Собственно вся поездка из них и состояла, но, к счастью, всё закончилось благополучно, и в начале июня он возвратился домой очень худой, но здоровый.

Некоторое время Миша пожил у нас, занимался музыкой и рисованием. Ранее он купил электронное пианино и обучался самостоятельно игре на нём. Я предложила ему попробовать заниматься с учительницей музыки, бывшей у нас в храме регентом хора. Но её метод, рассчитанный на обучение детей, его не устроил и после двух занятий он отказался от этой затеи. Каких успехов он добился, я судить не могу, дома он упражнялся в наушниках. Только однажды слышала его игру, когда мы проходили с ним через ж-д вокзал. Там для пассажиров установлено пианино, он сел и уверенно сыграл какую-то совсем не простую вещь. Мне понравилось, но в музыке я далеко не знаток.

Рисование я могу оценить немного более профессионально и полагаю, что у Миши несомненно есть к нему способности. Рисует на удивление быстро, у него верный глаз и твёрдая рука. Легко добивается не только портретного, но и характерного выражения лиц позирующих. Набросал наши с Виталием моментальные портреты, но сохранился только мой. В настоящее время Миша, к сожалению, рисованием не занимается. Недавно мне попалась заложенная в книге его визитная карточка, на которой он значится как главный экс-

перт американско-советской фирмы, которую он впоследствии покинул. И так всегда, как только достигает в чём-то успехов, бросает и начинает заниматься другими делами.

3.2. Операции

Празднование нового 2006 года запомнилось тем, что меня отпустили из больницы буквально за несколько часов до его наступления. 27 декабря мне сделали операцию на раздробленном локтевом суставе. Двумя днями раньше я отправилась в церковь. При выходе из подъезда сделала только один шаг и в следующее мгновение поняла, что лежу в луже (шёл сильный дождь) и не могу подняться. Немного придя в себя, я встала, поняла, что ударились очень сильно, но всё-таки пошла дальше. Но почувствовала головокружение и возвратилась. Правая рука на глазах достигла двойного объема. Однако острой боли не было, пальцы двигались, и мы решили ждать улучшения. После двух суток оно не наступило и пришлось поехать на рентген, который выявил сложный перелом.

Дальше всё закрутилось с необычайной скоростью. Получила направление на операцию, поехали в больницу. Была только небольшая заминка с обручальным кольцом. Пальцы затекли, и снять кольцо оказалось проблемой, но всё-таки удалось, хотя и ободрала сустав до крови. Иначе надо было искать ювелира, который бы согласился распилить его на мне. В больнице "Рамбам" скорость продвижения к операции не снизилась. Врач, сокрушенно кивая головой, просмотрел снимки, тут же уложили меня на каталку, оператив-

но проделали все анализы.

В операционную, в центральную часть комплекса, меня повезли по бесконечно длинным холодным коридорам, над головой моталась капельница, временами кровать со мной завозили в блестящие титаном лифты и, казалось, что ввезли по ошибке и выкатили в том же месте, потому что интерьеры всех этажей одинаковы, как в каком-нибудь фантастическом фильме. Я совсем замерзла, но мой проводник сказал:

– "Ничего, сибирякам не страшен здешний холод, сам я три года служил в Заполярье".

Непонятно почему он это сказал, про моё сибирское происхождение он не знал, мы с ним вообще не разговаривали. Наконец я оказалась в ослепительно яркой предоперационной. Надо мной склонилось приветливое лицо медсестры, она справилась, как я себя чувствую и хорошо ли я понимаю её иврит. Обложила меня горячими простынями и мне сразу стало хорошо. Сестру сменил красавец мушкетерского типа, я предположила, что он хирург, оказалось что анестезиолог, но моя ошибка ему определённю польстила. Мы поговорили на тему разного статуса врачей. На больших часах время было 7.15 вечера.

Операционнаядохнула на меня холодом, и кажущейся сумрачностью из-за яркого света софитов, направленных на оперируемого. Вокруг что-то молча делали человек 5 мужчин, а около изголовья возникло доброе лицо немолодого человека, одетого в светло-зеленый халат и похожего на

Карлсона. Он ласково говорил:

– "Вот сейчас мы вас немного разденем, но в данном случае это ничем вам не грозит, прикрепим датчики, а вы пока подышите кислородом».

Я спросила, он ли будет делать операцию и как его зовут. Утвердительно кивнув, он не ответил на мой второй вопрос, только сказал:

– "Продолжайте дышать".

Тут я заметила, что маска неплотно прилегает, и с трудом открыла глаза. Первое, что я увидела, были знакомые часы в предоперационной, но они показывали уже 9 часов. Операция позади, через правую руку волнами поступает тепло, я опять отключилась и пришла в себя в себя, когда надо мной склонилось бледное и озабоченное лицо Виталия. Это было уже в палате ортопедического отделения в 12 часов ночи.

Через день после операции мне уже предложили активно разрабатывать руку и принимать душ. Болеутоляющее давали по первому требованию, так что не было никаких страданий, и мужества не нужно было проявлять. Главврач назначил дату выписки на 1 января, я даже немного возмущалась по этому поводу. Но Виталий успокоил меня, сказал, что подойдёт к 12 ночи, и вместе встретим Новый Год. Но вечером предновогоднего дня лечащий хирург отпустил меня праздновать дома. А дома меня ждала идеально убранная квартира, праздничный обед и сверкающая огоньками елочка.

Виталий в эти годы, как всегда, занимался домашними ра-

ботами, совмещая в одном лице столяра, сантехника, электрика и системного администратора. Активно играл в теннис, катался на велосипеде, совершал регулярные подъёмы по тропе на гору Кармель. В очередной раз попробовал научить меня играть в теннис. Первая попытка была сделана ещё в Хосте сорок лет назад, потом повторилась в Москве без особого успеха. Тренер корта, он же наш друг Саша, меня очень хвалил, но пришлось и на этот раз прекратить, поскольку после операции я стала опасаться падений.

В марте 2006 года мне сделали ещё одну операцию – удалили катаракту на правом глазу. Где-то я прочитала или услышала фразу: "операция катаракты очень страшна потому, что видишь иглу, входящую в глаз". Ничего подобного я не видела, а только три ярких, как свет электросварки, плавающих пятнышка и, казалось, врач пытается их поймать. Когда ей это удалось, осталось равномерное световое поле, и я поняла, что хрусталик вынут. Потом яркие пятнышки снова появились, значит, искусственный хрусталик вставлен. Минут через 30 я услышала: "всё идеально", а спустя час после операции сестра сказала, что нечего лежать, пора идти на обед. За столами сидели одноглазые пациенты, с наполовину замороженными головами (анестезия ещё не отошла) и усердно поглощали обед, который заказывали по своему желанию как в ресторане.

На следующий день после снятия повязки я сделала открытие, о котором мне раньше никто не говорил. Цвето-

восприятие у оперированного глаза изменилось: необычайно яркими и насыщенными стали синие, голубые и фиолетовые тона. Предполагаю, что таким ярким видят мир дети с незамутнёнными хрусталиками. Через второй глаз всё казалось теперь серовато-желтым. Яркость цветов постепенно и незаметно снижалась, и через неделю всё пришло в прежнее состояние.

3.3. Поездки по стране

В 2006 году в Иерусалиме я побывала трижды. В первый раз на Крещение. Накануне, в Крещенский сочельник наш священник предложил поехать с ним на машине на Иордан, на место крещения Иисуса Христа. Оно находится при впадении реки в Мёртвое море, на палестинских территориях и проезд открывается только один раз в году. Ночью был сильнейший дождь и утром я пробиралась до машины буквально через озёра, а в одном месте даже лежали пласты града. В дороге нас ещё настигло несколько зарядов ливня. Но, несмотря на дождь, мы всё-таки сходили в храм Гроба Господня. Шли быстро по скользким камням узких улочек, рука моя после операции была подвешена на повязке и я очень боялась упасть.

Иордан встретил нас солнечной, почти весенней погодой. За 4 км до реки стояло множество автобусов, подвозивших народ. Дальше люди шли пешком по бетонной дороге, покрытой жидким слоем грязи, что для ходьбы не безопасно,

но добрались благополучно. У реки собралась большая толпа, среди которых были и паломники из России. Большинство из них входили в воду в белых длинных рубахах как при крещении. Тогда это место ещё не было оборудовано, как это сделано сейчас. Берег в этом месте крутой и скользкий и выход возможен только с помощью окружающих. После таких спасательных операций все белые одежды были в грязи, а их обладатели светились счастьем. С благоговением наши люди пили и мутную, жёлтого цвета набранную здесь же речную воду.

В начале марта я ещё раз была в Иерусалиме с группой христиан из Хайфы и окрестностей. После службы в храме Николая Чудотворца мы поехали в совершенно необычный, вырубленный высоко в скалах монастырь Святых Георгия и Иоанна Хозевитов. Монастырь был основан в 4 веке н.э. и его постройки с древними храмами, часовнями и садами VI в. висят на отвесных скалах, как ласточкины гнёзда. Он находится на арабских территориях в Иудейской пустыне, вблизи г. Иерихона. От дороги его отделяет тропа среди скал длиной примерно в два километра. У начала тропы слабосильных паломников поджидают ослики с проводниками. В старые времена монастырь был почти недоступен, и подняться в него можно было только в корзине, спускаемой из самого здания. Во время нашего посещения там жил только один монах и несколько помощников-арабов. Монах вынес для угощения закопчённый чайник с кофе и маленькие

стаканчики. Кофе был просто бесподобен на вкус и самый крепкий, который я пила в жизни. Охотников до него было немного, и я выпила второй стаканчик. После этого моё сердце забилося так, что чуть из груди не выскакивало, никогда не испытывала такого ощущения. В эту же поездку мы посетили ещё несколько мест упомянутых в Евангелии: монастырь Св.Онуфрия, построенный на месте земли Горшечника или земли Крови; долина Гийом, Силуанский бассейн.

Очередное «малое паломничество» в Иерусалим совпало с Троицкой родительской субботой. На большом туристском автобус я, вместе с прихожанами нашего храма, поехали сначала на службу в храм Николая Чудотворца в старом Иерусалиме недалеко от Новых ворот. Отец Александр, еврей, бывший ортодоксальный раввин, а ныне греческий священник, несмотря на то, что неплохо знает русский язык, ведёт службу на иврите, изредка переводя некоторые слова и выражения. Вместе с ним служил гость – священник из Америки, внук известного религиозного философа Н.О.Лосского.

По завершению панихиды отправились пешком по маршруту – Греческая Патриархия, Храм Успения Богородицы, Сионская Горница, Храм Петра, дом Семеона Богоприимца, место Вознесения Христа, могила пророка Самуила. Со священником мы смогли зайти в храм Греческой Патриархии, богато украшенный росписями и имеющей свою историю. Храм Успения Богородицы по одной из версий постро-

ен на месте дома, где закончилась земная жизнь Божией Матери. Предполагают, что здесь постоянно собирались апостолы, и была церковь Иакова, сводного брата Христа. Храм построен, в основном, на деньги немцев, но по периметру в двух уровнях располагается множество часовен, принадлежавших другим западным странам. Все иконы в часовнях мозаичные, есть, как и в большинстве немецких храмов, большой орган. В крипте размещена чудотворная икона Черниговской Божьей Матери и скульптурное изображение усопшей Богородицы. Склеп с её захоронением находится в Гефсимании.

2006 г. В Сионской горнице

В Сионской горнице было три упомянутых в Евангелии события – Тайная Вечере, предшествующее ей Омовение ног и Сошествие Святого Духа. Сейчас это пустое сводчатое помещение, с оставшимися от расположенной здесь когда-то мечети углублениями в стене (михрабами). Принадлежит горница евреям ортодоксам, но посещения туристами разрешены. В день Святой Троицы проводится служба высшими иерархами христианских церквей.

Храм Петра построен на фундаментах бывшего дома Каиафы. Здесь, во дворе Пётр трижды отрёкся от Христа до того как запел петух, что отражено и в названии церкви – Галликанту, что на греческом языке означает «пение петуха». Сохранились помещения тюрьмы, где содержались узники и куда был помещён Христос: мрачные катакомбы из громадных камней, некоторые из которых с красными вкраплениями цвета крови. В нижней камере лежит книга с 88 псалмом на многих языках и группы по очереди читают его и поют. Мне довелось прочитать его от имени нашей группы. Вверху новый храм 19 века, известный тем, что на его мраморном мозаичном полу выложены кругом знаки Зодиака, символизирующие месяцы года. В доме Семеона Богоприимца живёт монах, который радушно принимает паломников и да-

рит всем подходящим к нему на благословление маленькие иконки с изображением святого. Такую иконку получила и я.

Место Вознесения Господня расположено в восточной, арабской части Иерусалима. Оно представляет собой простую часовню, не очень ухоженную, для арабов-мусульман это просто место сбора денег. Во время нашего посещения при входе в часовню крутились парни, продавали календари и какую-то мелочь. Здесь одна наша прихожанка обнаружила, что у неё пропал кошелёк со всеми документами, деньгами и кредитными картами. Гид пригрозила парням, что позвонит в полицию, если через 5 минут кошелёк не возвратят. Вернули в полной сохранности. В завершении путешествия посмотрели на Иерусалим и его окрестные районы с самой высокой точки Иудейских гор, с места гробницы пророка Самуила.

Позже с группой местных паломников я была в Яффо в храме Архангела Михаила, стоящего на самом берегу и продуваемого насквозь морским ветром. Увидеть его можно только с набережной, со стороны города он закрыт застройкой. В храме пел великолепный греческий хор, с сольными певцами на уровне оперных. Часть нашей группы составляли арабы, прихожане о. Романа. Он, будучи арабом по происхождению, получил образование в Америке и дополнительно в русской духовной Академии. Некоторые наши прихожане ездили постоянно на его службы, а впоследствии присоединились к его пастве. Говорят, он душевно относится к

каждому человеку, по-настоящему помогает духовно и житейски. Об этом упоминает Л. Улицкая в своей книге «Даниил Штайн. Переводчик». Побывала я и в палестинском городе Лидда с гробницей Св. Георгия Победоносца в крипте посвящённой ему церкви. На стенах храма висят кандалы и цепи, в которые по преданию заковывали святого. У входа в церковь по праздникам, как и в древности, арабы режут баранов на предусмотренном для этого ритуала месте.

На праздник Преображения Господне прихожане нашего храма Ильи Пророка часто заказывали автобус, и сразу после вечерни ехали на ночную службу, на гору Фавор. Однажды к ним присоединилась и я. Народу на горе оказалось неисчислимое множество. В основном это были арабы, но довольно много и русскоговорящих израильтян и паломников. В нескольких местах стояли длинные очереди на исповедь. Ночью на гору, как и две тысячи лет назад, опустился густой туман. Резко похолодало, всё приобрело неясные очертания, казалось, находишься в глубокой древности, и вот-вот произойдёт чудо. Но перед причащением пришлось возвратиться из этого благодного состояния на грешную землю. Народ перед чашей сбился в такую плотную массу, что невозможно было не только выбраться из неё, но и руку поднять. Явной агрессии не было, но люди молча, отесняя соседей, яростно рвались вперед. В этом чувствовалось что-то восточное, первобытное.

3.4. Вторая Ливанская война

Война для нас началась 13 июля 2006 года, хотя инцидент с захватом солдат, послуживший её поводом, произошёл на день раньше. Мы с Виталием как раз посмеивались над угрозой Насраллы обстрелять Хайфу, когда что-то вдруг бабахнуло с такой силой, что казалось, обрушился соседний дом. Некоторое время стояла мертвая тишина, потом внизу загалдели и куда-то побежали соседки. Мы так и не узнали, что это было, пока по ТВ не передали, что ракета попала на склон горы неподалёку от нас. Пострадавших не было и совсем не было страшно. Никто не сомневался, что на этом всё закончилось. В предыдущую Ливанскую войну 1987 года всё было в точности также – одна ракета упала в Хайфе, не причинив никому вреда, не считая сердечного приступа у одной женщины.

БЛАГОУЩЕИ

ѦѦ ѦѦ

Икона «Благовещение»

Однако спустя день обстрелы стали частыми и регулярными. Они начинались, как правило, между 10 и 11 утра и заканчивались около 7 вечера. Были и отступления – с началом атак в 5 утра и их концом в 9 вечера. Ночью было тихо, поскольку по вспышкам можно обнаружить места запуска ракет и уничтожить пусковые установки. К нашему несчастью, стрельба велась прицельно по району, где мы живём. Во-первых, он хорошо виден, благодаря выступающему в море и развернутому в сторону Ливана отрогу горы Кармель. А во-вторых, здесь находятся две военно-морские базы, локаторы и крупнейшая на севере страны больница. Сирены обычно включались за минуту до падения ракет, но бывали падения и без предупреждения. Так был разрушен дом недалеко от близлежащей почты. По счастливой случайности наша знакомая землячка, которая оставались одна с сыном в этом доме, не пострадала, если не считать психологического срыва. До этого случая мы совсем не боялись и не только не ходили в бомбоубежище, но и не выходили на лестницу, как это рекомендовалось. Я просто садилась в кресло и закрывала голову подушкой или залазила под кровать, над чем Виталий постоянно смеялся.

Теперь же стало ясно, что ни подушка, ни кровать не спасут. Я с большим трудом уговорила Виталия поехать к друзьям в Нетанию. После двух проведённых там ночей Вита-

лий возвратился в Хайфу под предлогом взять лекарства и другие нужные вещи. День был относительно спокойным, и вслед за ним последовала и я. Автобус, в котором я возвращалась, был полон молчаливых солдат, ехавших на фронт. Гражданских лиц, кроме меня, не было и это выглядело грозно. Затишье оказалось недолгим. Уже на следующее утро сирена выла каждый час, а вслед за ней слышались глухие или громкие взрывы ракет, в зависимости как далеко от нашего дома они падали. Несколько ракет упало в море, будка спасателей и сейчас вся в дырках от стальных шариков, которыми начиняют ракеты для большего поражения населения. Некоторые смельчаки продолжали купаться в море, говорили, что троих ранило. Вслед за взрывами начиналось завывание скорых и пожарных машин, и мы по этому вою догадывались, куда нанесён удар. По ТВ непрерывно передавали информацию в прямом эфире, но места падения не оглашались, чтобы не давать врагам наводки. Ракеты стали попадать и в другие районы, одна упала прямо на центральную почту, которую только что закрыли на обед. Это спасло много людей. но всё-таки убило одного проходящего и тяжело ранило женщину.

В общей сложности мы прожили под обстрелом около двух недель. Многие покинули город в первые же дни войны. По ТВ показывали абсолютно пустые улицы с редкими машинами, в точности как в городах-призраках. Некоторые люди не выходили из бомбоубежищ, а легкомысленная часть

населения, вроде нас, сидела по домам. Потом мы узнали, что бомбоубежище в нашем дворе было образцово-показательным, туда возили всех журналистов для съёмок, а мы не заглянули ни разу. Большая часть людей уезжала к родным, знакомым и незнакомым. Люди из разных городов давали объявления с приглашением приехать на время войны в их дома и квартиры. Создавались различные лагеря и палаточные городки на пляжах. Везде бесплатно кормили и развлекали. Отдельные граждане и в такой ситуации выбирали семьи побогаче и места получше. Нас тоже приглашали все, кто нас знал, даже бывшая Мишина подружка звала нас к себе в Тель-Авив. Марика была в то время во Франции и договорилась, чтобы нам передали ключи от её дома в Эйн Ходе, который не обстреливался. Роман, несмотря на опасность, предлагал приехать к нам на машине и забрать в Реховот. Мы были благодарны всем этим людям, но держались и последними в нашем подъезде а, возможно, и в целом доме покинули свою квартиру.

Виталий по утрам ездил на рынок и в магазин, а в промежутках между сиренами мы делали всё остальное. Приходилось, конечно, часто прерываться. Я сразу выключала газ, выходила на лестницу или и садилась в угол спальни, который, по нашим расчетам, был наиболее безопасным местом. Виталий продолжал заниматься своими делами. Самым беспокойным мероприятием было принятие душа. Находясь там, я постоянно боялась, что в случае пожара или по-

падания ракеты придётся выскакивать из дома раздетой. По ТВ рассказывали о подобных ситуациях, но обошлось. Поначалу я была относительно спокойна и писала икону Благовещения (сейчас она в храме Ильи Пророка в Хайфе), но потом это занятие пришлось оставить. Для отвлечения начала шить юбку из лоскутов под названием "Вторая Ливанская", но закончить не успела, события стали быстро развиваться в худшую сторону.

По нашему району всё палили и, наконец, однажды вокруг дома упали сразу четыре ракеты – две в конце набережной у ресторана, одна в море, а ближайшая ракета – менее чем за 100 метров от нашего дома. Он содрогнулся, что-то посыпалось с крыши, зазвенели стекла. Загорелось несколько машин на улице, и, как потом оказалось, забор и остановка были прошиты стальными шариками, а весь наш двор засыпан осколками. Это было уже слишком. Виталий тут же по Интернету заказал билеты в Прагу, поехал в турагенство, но их уже продали, осталось только два на другой рейс, но дорогие. Он было начал сомневаться, но звук падения очередной ракеты решил дело и мы отправились в Чехию.

3.5. Анталия

На моё семидесятилетие мы направились в Анталию. Мы были наслышаны о ней в связи с популярностью, как у русских, так и у израильтян. Но настроены мы были скептически, но неожиданно нам всё там понравилось. Сам полёт

был лёгким и быстрым. В аэропорту встретили, доставили в гостиницу, покормили завтраком. Гостиница отличная, номер с прекрасным видом на море и горы, двухразовое отличное питание без ограничений, обильный и разнообразный шведский стол. Особенно хороши супы со специями, разных сортов, пловы, изумительные торты. Персонал предупредителен, каждый день при приборке номера на покрывале выкладываются фигурки лебедей из белых полотенец, сердечки и прочие произведения гостиничного искусства. Открытый бассейн тоже хорош, мы там каждый день плавали до ужина после походов по городу.

Город Анталия, согласно легенде, был не то местом жительства богов, не то раем, так что о его красоте излишне даже и говорить. Роскошный залив, горы, долины с полноводными реками – все условия для людей, вот они и живут здесь всегда. Вокруг множество памятников древних цивилизаций, а музей полон предметами, насчитывающими тысячи лет. По числу греческих и римских скульптур местный музей считается одним из главных музеев мира. А в земле их, вероятно, ещё больше, на раскопках постоянно находят всё новые и новые артефакты. Мы провели в музее много времени, в основном, в разделе скульптуры. С интересом посмотрели и раздел традиционной турецкой жизни. Турция удивила нас чистотой улиц, набережных и пляжей. Они тянутся на многие километры вдоль залива и прекрасно обустроены. В первый же день прошли по набережной от конца

и до конца, не менее 10 км, немного обгорели на солнце и перегрелись.

Крутые склоны залива разделаны террасами, которые хорошо обустроены для отдыха – много скамеек, фонтанов, источников с питьевой водой и, конечно же, бесчисленные кафе и рестораны. Отдыхающие на скамейках турки в полном молчании сидят в тенечке с таким видом как будто они всегда на этом месте были и будут. В старом городе от римской эпохи неплохо сохранились стены замка, арка Адриана и мавзолей. Очень живописны узкие улочки, превращенные в импровизированные галереи турецкого народного творчества вперемежку с пунктами питания. Всё завешено коврами, вышивками, одеждой, кожаными изделиями, утварью. Продавцы попивают чай из своих стеклянных с узкими серединками стаканчиков, но завидев туриста, бросаются наперерез с вежливыми приглашениями посетить. Один из таких зазывал сказал Виталию, что он немедленно должен подкрепиться, потому что выглядит голодным. Это

2007 г. В Анталии

нас очень рассмешило, мы только что встали из-за стола поле сытного завтрака.

Современная архитектура города разнообразна и красочна. Особенно ярко раскрашена небогатая малоэтажная застройка, что не стоит больших вложений, а выглядит наряд-

но. Множество мечетей и минаретов. Местный народ одет опрятно, мужчины поголовно в начищенной обуви из мягкой кожи, женщины в затейливо сшитых нарядах. Город показался нам интересным, и мы целыми днями бродили, постоянно попадая во всё новые чудные уголки. Погода была жаркая и сухая, и мы выпили, наверное, центнер воды, очень надо сказать, вкусной.

Мой семидесятый день рождения совпал с Праздником Вознесения. Восходящим потоком с самого утра была подхвачена и я. Погода вопреки метеорологическим прогнозам выдалась чудесная. Жар предыдущих дней погасился лёгкой дымкой, море вместо бледно голубого стало тёмно-лазоревым, а горы синими. В роскошном парке, через который мы шли к набережной, пахло хвоей, на широких аллеях ещё лежали утренние тени, в водоёмах плавали громадные форели. Было пустынно и только на площадке с гимнастическими снарядами турецкие женщины, некоторые в хеджабах, яростно и безуспешно сражались со своими фигурами. пляж тоже был пуст, насколько хватало глаз, и только изредка кто-нибудь проходил, шурша мелкой галькой. Вода прозрачная, тихая как в озере, и неповторимый морской запах, которого в Израиле почти не чувствуется. И всё это великолепие было мне подарено на юбилей.

3.6. Прощание с Родиной

К своему юбилею я приурочила и поездку в родной го-

род, где была в последний раз четверть века назад. В Новосибирск я прилетела рано утром, встречающих не оказалось, потому что я сообщила им по ошибке другое время прилёта. К счастью, у меня было 100 рублей, которые Виталий где-то у нас нашёл, и они мне как разгодились для билета на маршрутку. По дороге казалось, что я попала в другой, незнакомый город: ехала из нового аэропорта, по новой скоростной трассе мимо новых жилых районов. Наконец начали попадаться старые и милые знакомые дома, казавшиеся теперь маленькими и серыми на фоне стекла и рекламы. На месте оврагов, по которым протекали грязные речки Каменка и Ельцовка, и селился самый бедный народ, теперь элитное жильё, а сами они спрятаны под землю. Мост через Обь, на строительстве которого я работала, будучи студенткой, тоже стал как-то меньше и незаметнее. И даже гордость города Оперный театр со своим знаменитым куполом утратил былое величие из-за установленных перед ним на площади нелепо больших безвкусных скульптур. На центральной улице города Красном проспекте застройка существенно обновилась, реконструирована и её историческая её часть.

Погода была жаркая, но я, глядя на знакомые здания, вспоминала, как бежала по проспекту в морозные дни с онемевшими от холода коленками и говорила себе: "ещё немного и я уже около Генштаба, вот я уже около Гастронома, а теперь осталось пробежать только 2 трамвайных остановки и я дома". Теперь на его месте нашего дома какое-то произ-

водственное здание и проложена широкая транспортная магистраль. Несколько частных домов на соседней улице сохранились, но осели, из-за заборов видны только их крыши, деревья разрослись. Улицу захватили гаражи и среди многоэтажных жилых домов этот кусочек старого города совершенно затерялся. А между тем за глухими заборами люди продолжают здесь жить с печками, скрипучими полами и уборными во дворе. Эта исчезающая натура как символ ушедшей эпохи, а также кладбище с могилами родителей более всего тронули мое сердце. Кладбище я посетила в первый же день приезда, это был день памяти мамы. С сёстрами Зоей и Галей мы обошли могилы всех захороненных родственников, а каждой из них зажигали свечи из храма Господня в Иерусалиме и читали молитвы.

Зоя разработала для меня обширную программу, которую я выполнила только частично, но и этого хватило на все две недели. Посетила Троицкий собор, где мама была прихожанкой, и я в детстве иногда ходила. Зашла и в собор Александра Невского, заброшенный в моё время и восстановленный в последние годы. Там мне очень понравились прекрасные новые росписи в сдержанных элегантных голубых тонах. Практически ежедневно были встречи, застолья, разговоры и воспоминания. Мы с Зоей приготовили праздничный стол и пригласили родственников. Все пришли оживлённые, нарядные с цветами, шампанским и овощами со своих дач. Кажется, я и не уезжала из города почти полвека назад. Отме-

тили в семейном кругу и день рождения моего племянника Степана, который совпадает с датой утверждения моей докторской диссертации в ВАКе. Глядя на него, понимаешь, как невероятно много времени прошло с тех пор. Сын племянницы Татьяна Аркадий возил показать нам свою ультрасовременную дачу на берегу Бердского залива. Кофе с мороженым пили на другой стороне залива, на даче у Аркашиной тёщи. Дома у Аркаши нас встретила его жена Соня с дочкой Маргариткой, одетые в длинные платья, обе только что из салона со свежими прическами. На столе новая скатерть, праздничная посуда, закуски и два роскошных торта – бисквитный и мороженный. Словом, сплошное великолепие.

2007 г. Три сестры: я, Зоя и Галина

За время поездки мне удалось встретиться со всеми тремя основными подругами моей жизни: Ниной, Галей и Гелей. Нина, с которой мы дружили, начиная с 4-х летнего возраста, специально приехала из Томска для встречи со мной. Галя и Геля были подругами институтских лет. Со всеми вспоминали юность, институтские годы, житейские события. Нина

и Галя похудели, а Геля, наоборот располнела. Она перенесла два инсульта, но разум и память не потеряла. В эту последнюю встречу, она потрясла меня историей своей первой и взаимной любви. Начало её я знала, знала и все несчастные обстоятельства, помешавшие им быть вместе. Но не знала, что их любовь продолжалась всю жизнь, несмотря на то, что оба имели семьи, детей и жили в разных городах. Провожая меня, Геля вышла на лестницу и сказала:

– «Прощай, Валя».

Это было так печально, трогательно и окончательно, что каждый раз при воспоминании об этом у меня сжимается сердце.

В молодости я часто ходила в городскую Художественную галерею и на этот раз поспешила её посетить. Она переместилась в другое здание, но коллекции, как мне сказали, в основном те же. Я мало что вспомнила из былой экспозиции, только Рериха и ещё несколько характерных картин. Интересен для меня был прежде отсутствующий раздел икон, где представлены разные сибирские школы иконописи. Зашла и в Музей архитектуры им. С.Н. Баландина. Вот уже и музеи называют именем моих хорошо знакомых людей. Расположен музей в здании бывшей партшколы, где теперь Академия архитектуры. Она выделилась из инженерно-строительного института НИСИ, который я окончила. Музей создан на основе материалов об институте и о Новосибирске, которые собирал всю свою жизнь профессор Сергей Николаевич. Им

изданы две солидные монографии о городе, и я имею честь иметь их с дарственной надписью. В мою бытность незаметной студентки, он был уже на невообразимой для нас высоте аспиранта, вёл занятия, и мы его называли «Баландой». Спустя десятилетия я пригласила его в комиссию по Архитектуре Минвуза СССР, которой руководила и мы несколько лет работали в ней вместе.

Посетив все памятные места и дорогих мне людей, туманным августовским утром под накрапывающим лёгким дождичком я навсегда простилась с родным городом.

Глава 4. Снова в пути

4.1. Семейные события

В апреле 2008 году у Виталия обнаружили болезнь крови. Чувствовал он себя нормально, вёл обычный образ жизни, и лечение не было назначено. Мы спокойно поехали в Чехию, но в сентябре, в конце нашего пребывания там, у него начались недомогания. Мы не связывали их с поставленным диагнозом даже после того как повышенная температура стала постоянной и появились другие неприятные симптомы. Виталий не хотел обращаться к врачу, несмотря на мои настойчивые просьбы, но всё-таки пришлось это сделать. Его положили в больницу и поставили диагноз лейкемия. Провели необходимое лечение, выписали и назначили химиотерапию. Она началась только через два месяца беспокойного ожида-

ния. Такая недопустимая затяжка была связана с тем, что наш семейная врач была в декретном отпуске. Её неопытная заместительница не знала, как оформлять получение разрешений на дорогостоящие лекарства и анализы. Конечно, надо было идти к начальству и требовать немедленного решения вопроса, но мы доверяли врачу, обещавшему, что это произойдёт со дня на день.

Курс лечения Виталий проходил в соседней с нами больнице Рамбам в течении пяти месяцев. Переносил он процедуры сравнительно легко, если можно такое слово в употреблять для нелёгких процедур с тяжёлыми последствиями. Во всяком случае, от больничного лечения отказывался, хотя бывали очень опасные периоды и неприятные ситуации. Однажды в больнице пришлось очень долго ждать лекарства, а потом сестра, чтобы ускорить процесс влила его в вену за 1.5 часа вместо трёх. Только сильный организм Виталия спас его от гибели, т. к. сердце с трудом справилось. В следующий раз, когда брали на анализ костный мозг попали в нерв, и рука у Виталия стала плохо подниматься, а лопатка неестественно выпирать. Мы боялись, что это уже останется навсегда, но постепенно всё возвратилось на свои места. Последний курс химиотерапии должен был оплачиваться нами самостоятельно, но врач сумела включить Виталия в число пациентов, проходящих экспериментальное, а следовательно, бесплатное лечение. Впрочем, предыдущий курс тоже был экспериментальным, но более обширным по числу участни-

ков. В последнем было только пять человек на всю страну. Для Виталия он закончился с хорошим результатом, и теперь это лекарство применяется в Израиле.

Однажды мы заболели вместе, простудились в жару из-за собственной оплошности: спали под включённым кондиционером. Температура поднялась у обоих выше 40, пришлось обратиться в больницу, поскольку была суббота и врачи не работали. У Виталия обнаружили воспаление лёгких и госпитализировали, а мне сбили температуру и отправили домой. Дома температура немедленно возвратилась в исходное состояние, но второй раз не пойдёшь, и так мне этот визит в больницу обошёлся почти в 300 долларов.

В промежутках между медицинскими событиями мы вели обычный образ жизни и даже совершали зарубежные поездки: побывали в Закарпатье, на Мальте, в Италии, в Москве. Были у нас и гости – в апреле 2010 года моя сестра Галя из Новосибирска, а в январе 2012 года – внук Миша из Москвы.

Все эти годы я много писала икон. Кроме сестры Параскевы появилась ещё одна московская заказчица Елена, которая вскоре переехала в Швейцарию. Ей я написала шесть икон, причём почти в каждом случае при всём моём старании возникали при письме какие-то сложности и оставались какие-то огрехи: то левкас начинал «кипеть», то забуду подписать икону. Но они к этому относились по-христиански терпимо, и один раз муж заказчицы даже оставил себе неудавшуюся икону, которую я хотела переписать. С Еленой

я встречалась и в Израиле, она привозила сюда за свой счёт русского священника с семьёй. Мне она подарила роскошный Павлово-Посадский платок, из которого я сшила жакет.

Миша совершил в эти годы два экзотических путешествия : в Гонконг и на Гаити, где он прожил более года. После возвращения 21 ноября 2013 г. (как раз в день Михаила Архангела) он некоторое время жил у нас, а работал в Тель-Авиве. Видели мы его редко, утром рано он уезжал и приезжал поздно вечером. Дорога занимала слишком много времени. Он попробовал найти работу в Хайфе, но ничего подходящего не попало, и он уехал в Тель-Авив.

Много его вещей оставалось у нас и однажды я, собирая накопившиеся пакеты для выброса, случайно заглянула в один из них и обнаружила там красивый конверт с 500 шекелями новыми купюрами. Я подумала, что деньги Миша приготовил кому-то для подарка, но он такого случая не помнил, и отказывался их взять. Я опросила всех посещающих наш дом, никто из них денег не терял, просто свалились на голову.

Вторая находка была интереснее. В гости приехала наша подруга Фаина и привезла показать постер, который собиралась выбросить. Она его три десятилетия назад получила в подарок, и всё это время он пролежал в шкафу. Изображённый на нём купол православной церкви не мог быть на виду у друзей и родных, соблюдающих еврейские традиции. Выбрасывать подарок было неудобно, и Фаина предположила,

что он может мне пригодиться в работе над иконами. Меня удивила яркость красок так давно изготовленной типографской продукции и необычный стиль письма, но на стену я его не повесила и я тоже положила в шкаф. Потом мне понадобилась рамка со стеклом, и я решила взять её с этого постера. После вскрытия обнаружилось, что это подлинник, подписанный известным художником авангардистом Михаилом Плаксиным. На обороте были указаны все реквизиты этой небольшой картины. Как я узнала из Интернета, сохранилось немного его работ и несколько из них хранятся в Третьяковской галерее.

4.2. Закарпатье

В 2010 году нам попала на глаза реклама санатория вблизи Ужгорода, построенного американским миллионером украинского происхождения по последнему слову бальнеологического дела. Приятные воспоминания о давнем посещении Карпат, а также относительно низкая стоимость путёвок подвигла нас на их покупку. Однако перед самым отъездом выяснилось, что Виталию необходимо пройти очередной курс химиотерапии. Чувствовал он себя хорошо, и мы решили поехать, несмотря на возражение врача.

Реклама нас не обманула, условия проживания были отличными – номер просторный с большим балконом, оборудованный всем необходимым для отдыха, с халатами и тапками, посудой и чайником. Территория санатория прекрасно

обустроена – небольшой крытый бассейн, теннисный корт, мини-гольф, снаряды для тренинга, дорожки, беседки и даже естественное озеро, где мы плавали. Из развлечений – концерты и танцы по вечерам, на которые мы не ходили, и торговля в беседках местными поделками. Это мы регулярно посещали, я люблю смотреть на предметы ручного творчества. Там я купила себе украинскую вышиванку и сарафанчик. Можно было ещё ездить на базар в Ужгород, но мы как-то не собрались. В санаториях еда тоже относится к развлечениям. Там это было поставлено неплохо – не люкс, как в некоторых наших зарубежных поездках, но добротное и разнообразное. Была возможность выбора и заказа блюд, а по субботам – национальная кухня. Процедуры предлагались самые разнообразные: бассейн, сауна, ванны, грязи, массажи в объёме ограниченном только медицинскими показаниями. Я принимала всё по полной программе, а Виталию из-за болезни нельзя было ничего.

В санатории Закарпатья

Во время нашего пребывания был праздник Успения Богородицы, и я пошла в церковь, в расположенную поблизости деревню. Старая белая церковь с голубыми куполами возвышалась на холме и к ней нужно подниматься по лестнице, что создаёт соответствующее настроение. Церковь оказалась почти пустой, все прихожане уехали на престольный праздник в Ужгород. Остались две пожилые женщины, которые вели службу, тихо и слаженно пели в полной тишине храма, а три человека, включая меня, сидели на скамейках и слушали. Внутреннее убранство церкви выглядело домашнему уютно, с вышитыми покрывами, полотенцами и ковриками, лежащими на скамьях. В такой благолепной атмосфере я бывала только, когда в одиночестве расписывала храм Ильи Пророка. Женщины пригласили меня прийти на следующий день, когда здесь будут праздновать яблочный Спас. И на этот раз мне там понравилось. Храм был полон, казалось, пришла вся деревня старые и молодые, дети всех возрастов. Были и сотрудников нашего санатория. Все нарядные, с цветами и яблоками.

Нашим основным занятием в санатории было хождение по покрытым лесом холмам и сбор опят. Сушили мы их на балконе, и весь номер пропитался замечательным запахом. Лес вокруг санатория не такой освоенный, как в Чехии, проложенных троп немного и мы бродили по естественной поч-

ве, покрытой ковром травы. Смотреть на него было приятно, но ходить опасно, поскольку неизвестно что под ним кроется. Как раз это и привело к неприятному случаю: Виталий наступил на острый сучок и сильно пропорол икру. Кровь удалось остановить, а в санатории рану обработали. Однако, вероятно, сделали что-то не так, и нога стала распухать, краснеть и нагнаиваться. Врач не увидела опасности, сестра была молодая и неумелая, в результате у Виталия поднялась температура и появилась сильная слабость. Мы думали возвратиться домой, но билетов на прямые рейсы не было, а дорога с пересадкой и многочасовым ожиданием в украинском аэропорту обещала быть трудной. Решили ожидать конца смены, свозили его в больницу, там назначили лечение, и мы до самого отъезда были в постоянном напряжении. К счастью, всё обошлось благополучно, дома все залечили, осталось на память только пятно на ноге.

4.3. Гости

В апреле 2010 г. К нам приезжала моя сестра Галя. Она была в Израиле впервые, всё ей здесь нравилось, особенно, буйство красок цветущих бугенвиллий. Погода стояла жаркая, она постоянно купалась и загорала, а также знакомилась со страной. Самостоятельно ездила на экскурсии и вместе со мной в Назарет, Акко и Яффо. В Назарете мы сначала зашли в монастырь к сестре Параскеве, а потом пешком прошли через город до центра. У источника Девы Марии, послушали

замечательное пение греческого мужского хора. По Яффо и Тель-Авиву целый день водил нас Миша.

Внук Мишук

Зимой 2012 года посетить нас изъявил желание внук. Мы усиленно советовали ему отложить поездку до весны из-за дождливой погоды и холодного моря, но был непреклонен и прилетел. Гостем Мишук (так мы называли его, в отличии от его отца) был лёгким, сразу подчинился расписанию нашей жизни: рано вставал, в определённые часы вместе с нами завтракал, обедал и ужинал. Еда ему всегда нравилась, ел что давала без капризов и даже поправился за эти две недели. На экскурсии ездил самостоятельно, при поездке в Акко познакомился там с русской туристкой и они вместе съездили на следующую экскурсию. Обследовал весь наш район, забрался на полуразрушенное и огороженное здание казино, долго плавал в беспокойном море под наблюдением Виталия. Выйдя из воды, он в плавках пошёл домой и предстал передо мной в виде мокрой и посиневшей статуи Аполлона. Виталий дал ему выпить немного виски для предотвращения простуды, и он даже не схватил насморк.

Я только однажды прогулялась с ним по Хайфе, сходили в Бахайские сады и на верхний променад с парком. Тогда мы подъехали на автобусе, а обратно спускались пешком. Мишук не очень хотел идти, но я настояла, хотела чтобы он почувствовал специфику восточного города. Но особенно-го интереса Мишук по пути не проявил. А от встречавших-

ся солдат («...а на груди автомат наперевес...») не отводил глаз, очень они ему нравились и очень ему хотелось бы послужить в израильской армии.

2010 г Я (слева) с сестрой Галиной

Мишук закончил колледж и работал в юридической конторе, но эта область его мало интересовала. Он постоянно хотел что-то изменить в своей жизни и работе, но конкретных целей у него не было. Его дед Олег делал для него всё возможное для нормального развития. Мишук учился в музыкальной школе по классу аккордеона, играл и на гитаре. У него с раннего детства был компьютер, велосипед, мопед. Вместе со сводной сестрой, бывшей членом конного клуба, учился ездить на лошади. Какое-то время увлёкся парашютным спортом. Говорят, когда прыгал в первый раз, кричал так, что заглушал звук мотора. Потом делал это неоднократно и с самолёта и с вертолёта, участвовал в лётных сборах. В политике он не разбирался. Когда мы узнали, что он голосовал за Жириновского, поверить не могли, что наш умный внук сделал такой выбор. По его словам, он вообще не делал выбора, просто было всё равно за кого голосовать, поскольку результат предрешён. Виталий начал проводить с ним беседы и наставил на путь истинный.

Мы всегда голосовали за «Яблоко» и в Израиле тоже не поленились поехать в консульство России во время президентских выборов 2000 г. Народу было много, мы порадовались активности сограждан и оптимистично предположили, что большинство из них пришло поддержать «Яблоко». Од-

нако мы ошиблись. Оказалось что Израиль – единственная из зарубежных стран, где выходцы из России отдали предпочтение Путину.

Ещё были гости из Новосибирска – племянница Таня с мужем Яшей. Жили они в маленьком отеле через дорогу от нашего дома. Мы много времени проводили вместе у нас дома или на пляже. Для Тани поездка сложилась не очень удачно, она простудилась под кондиционером в гостинице и несколько дней плохо себя чувствовала. Но всё равно поездкой осталась довольна.

В 2017 году нас посетил мой бывший аспирант Николай Павлович Чиобану с женой. Он заведует кафедрой в Кишиневе, а его жена – владелица успешной архитектурной фирмы. Навезли нам, как в прежние времена, молдавских вин и коньяков. Их родственник эксперт по винам Молдавии, поэтому всё отменного качества. Эта пара всегда нам с Виталием нравилась. И хотя они люди не особенно религиозные, я подарила им икону. В их доме она будет уместна: принятые традиции они соблюдают, внуков крестили и сами недавно венчались. Жена Николая Павловича в разговоре с болью в голосе сказала:

– "Мне так вас жалко",

и на вопрос, почему ответила:

– "Вы же на чужбине".

Я поняла, что речь не только об этом, но и о скромности нашей жизни по сравнению с тем уровнем, который достигли

они. Я заверила её, что наша жизнь здесь вполне комфортна, мы довольны, к большему не стремимся и ностальгией не страдаем.

4.4. Мальта

Девятого января в день восьмидесятилетнего юбилея Виталия мы приземлились на Мальте. Погода была отличная, солнечная, небо голубое, море ярко-синее. Наша гостиница расположена прямо на набережной бухты, вокруг которой и образовался городок Слима. Напротив, через бухту видна Валетта – столица острова. В Слиме находится самая большая стоянка яхт и лодок, кроме того он является основным шоп-центром острова. Город строился в 16-17 веках целыми комплексами и почти без зелени, также была застроена и Валетта. Поскольку мальтийцы ревностные католики, повсюду множество церквей. Появление Христианства на Мальте связывают с крушением здесь корабля, на котором доставляли в Рим на суд Св. Апостола Павла.

Отдых организован на Мальте прекрасно. С транспортом всё устроено рациональным и удобным для людей способом. Можно купить туристический билет, ездить с ним на всех автобусах вокруг острова и останавливаться в выбранных местах на любое время. Мы предпочитали автобусы с открытым верхом. Там, сильно продувает при быстрой езде, но зато открываются великолепные виды на окружение. Ездили с утра до вечера, пытались планомерно объехать весь ост-

ров, но иногда спонтанно выбирали понравившиеся места или попадали в другие, нами не предусмотренные.

Мдина, бывшая столица Мальты, считается самым красивым местом острова с прекрасно сохранившимся комплексом застройки. С её крепостных стен открывается вид на большую часть острова. Город славится также необыкновенно вкусными пирожными. Но нам не захотелось их попробовать после бесподобных круассанов в нашей гостинице. Там, кстати, и остальное было на высшем уровне.

2012 г. Виталий у развалин храма Джгантия

Бастионы столицы государства Валетты кажутся абсолютно неприступными, хотя история доказала обратное. Через весь город проходит центральная улица, которая делит его на правую и левую часть. От неё в обе Перпендикулярно к ней с обеих сторон круто спускаются улицы. Идя по ним, я держалась за Виталия, боясь поскользнуться на отполированных от времени до блеска каменных ступенях. В столице мы посетили нижние и верхние сады Баракка, храм Кармелитов с удивительным яйцевидным куполом, кафедральный собор Св.Иоанна – место захоронения Великих Магистров и рыцарей Мальтийского Ордена. Он необычен своим цилиндрическим перекрытием вместо купола и роскошным убранством множества пределов, относящихся к отдельным национальным ложам. В одном из пределов представлена богатая коллекция гобеленов, в другом – необычная копия иконы Богородицы 10 века. Её оригинал, недавно подаренный русской православной церковью Черногории, находится в столице Монтенегро. Пол собора сплошь вымощен искусно инкрустированными плитами, довольно красочными и яркими, которые одновременно являются погребальными досками с надписями типа: "Лежал бы ты – читал бы я".

Продолжая путешествовать на автобусе с остановками, по ошибке заехали в город Санта Лючия. Пошли посмотреть

раскопки древнего храма, но неожиданно попали в настоящий китайский сад: подарок городу от страны Восходящего солнца. Тихое уединённое местечко с изумительной красоты галечными рисунчатыми покрытиями, прудами, двориками, пагодами, водопадами. Мы не встретили там ни одного человека, и, насладившись этим чудом, возвратились в Слимую. При ночном освещении, резко меняется дневная картина городского пейзажа, и мы долго не могли найти свою гостиницу.

Однажды заехали на самую южную точку Мальты в рыбацкий посёлок Марсашлок. Он славится красивой бухтой с маяком на берегу, церковью Помпейской Богоматери и рыбными ресторанами. Семейный ресторан "Три сестры", приглянувшись нам своей простотой. Нам выбрали из лотка рыбу, пожарили на гриле, добавили картофель-фри, салат, приправы из маринованных ягод и подали с местным хорошим вином.

Возвратились в свой городок уже в темноте. Набережная была полна света и цветные огни реклам, ресторанов, магазинов отражались в чёрной воде с множеством яхт и лодок. Было так красиво, что мы решили не идти в ресторан как раньше планировали, а устроить торжественный юбилейный ужин прямо на набережной. Купили вино и разных деликатесов и уселись прямо у кромки воды на нагретых днём тёплых каменных выступках. Я накрыла импровизированный стол, и мы отметили юбилей Виталия в сказочно роскошных есте-

ственных декорациях.

В последний день отправились на остров Гозо. Проехали до крайней восточной части Мальты, а оттуда паром через 20 минут доставил нас на место. Там нас ждал экскурсионный автобус, который объезжает весь остров и заходит во все интересные туристам места. Также как и на основном острове страны, можно останавливаться в любом пункте и продолжать путь на следующих рейсах.

Самым впечатляющим на острове был храм Джгантия, один из древнейший из открытых на сегодняшний день храмов нашей планеты. Он находится на окраине городка Шара и относится к ранним культовым сооружениям (3600 год до н.э.) Их возводили из громадных необработанных глыб, заполняя промежутки более мелким камнем. Посмотрели на арку Лазурное око, вымытую водой в скале, и на пещеру Калипсо, где богиня держала в любовном плену Одиссея. В столице Гозо Виктории поднялись на холм с внушительной цитаделью с её высоких массивных стен и увидели чуть ли не половину острова.

Израиль встретил нас хмурой погодой, холодом и лужами после сильных дождей. Так и должно возвращаться из сказки, чтобы почувствовать контраст.

4.5. В Москву по делу

В течение почти двух лет я откладывала эту поездку пока не возникла необходимость уладить дела до конца года. Рейс

был ночной, мы заказали такси, но в назначенное время оно не прибыло, и звонка от водителя тоже не было. Сначала мы не беспокоились, зная израильскую необязательность, но по прошествии часа стало понятно, что на самолёт я опоздала. Как позже выяснилось, шофер звонил, но наш телефон не отвечал, как раз были перебои со связью. Пришлось покупать новый билет, на этот раз вылет получился удачным, что не скажешь о прилёте.

В этот день над Москвой разразилась снежная буря исключительной силы, какой не было 60 лет. Самолёт не смог приземлиться в Домодедово, и его с трудом посадили в Шереметьево. Аэроэкспресс всё-таки действовал, и около 6 утра я была уже в городе. И сразу попадала в настоящий ад: пронизывающий ветер, всё облепляющий мокрый снег, под ногами снежная каша чуть не по колено, под ней лед и на улицах темно. С трудом добралась до дома бывшей жены брата Нины, где я предполагала остановиться и оказалась перед закрытым подъездом. Переданный мне код не сработал, из дома никто в такую погоду и такую рань не выходил, и я долго ждала, пока дверь открыла хмурая тётка с собакой. Она неохотно дала мне войти, но в квартире меня не ждали, на мой звонок никто не отвечал. Встретить меня должна была дочь бывшей жены брата Нины, сама она была в больнице после инсульта, который случился с ней, пока я собиралась вылетать.

Неудачи преследовали меня и дальше, я не могла попасть

в квартиры и к бывшим сватам. Не буду описывать мои блуждания по снежным заносам с сумкой, которую нельзя было катить, а только тащить; метание по городу в поисках гостиницы и прочие трудности. Их можно было бы частично избежать будь у меня с собой телефон, который я оставила дома. Подумала, что обойдусь жетонами на общественный телефон. Но в киосках метро их нигде не было, наверное, жетонами уже мало кто пользовался, и я осталась в громадной заснеженной Москве без связи и без квартиры.

Благообразные москвичи, к которым я, осевшим от обезвоживания голосом, обращалась с просьбой позвонить, смотрели на меня как на пустое место. И я поняла, как быть просящей и бездомной, хотя моё положение было несравнимо лучше. У меня были деньги, звонок я обещала оплатить, не выглядела как нищенка и всё равно никакого участия никто ко мне не проявлял. В конце концов, мне помогли таджики, расчищавшие снег у подъездов. Они звонили с единственного телефона, который у них был на всю бригаду, таскали мою сумку и делали это с искренней готовностью. В следующий раз, когда мне было необходимо позвонить, я сразу обратилась к парню «кавказской национальности» и он охотно занялся моими переговорами, принимая ответные звонки на свой телефон. В обоих случаях деньги у меня не взяли. Помню их, благодарна, и желаю удачи в их нелёгкой жизни, особенно сейчас, после теракта в «Крокусе».

Только в четыре часа дня я попала в квартиру Нины. Мне,

после многочасовых скитаний в снежной пурге, она оказалась необыкновенно уютной. На подоконниках горшки с цветами, а из окна восьмого этажа прекрасный вид на Москву, сплошь покрытую белым снегом. Издали на это смотреть было очень приятно. Постояла под горячим душем, нашла на кухне остатки мёда и напилась горячего кофе.

А через некоторое время привезли из больницы и саму хозяйку. Она не вставала, непонятно говорила, правая рука и нога были совершенно неподвижны. Дочь её уложила и, оставив с ней меня одну, уехала домой. Увидела я её снова только через четыре дня. Опыта ухаживания за больными я не имела, но в первые три дня нормально справлялась с обязанностями сиделки. Характер у Нины всегда был сложным, не изменился он и в болезни: она не хотела принимать лекарства, сердилась, что я её не понимаю, спрашивала:

– «Где вещи, которые были в комнате до моего приезда, а сейчас их нет?». Ясно было, что и с мозгами у неё тоже что-то произошло. Она была довольно грузная, поднимать её было тяжело. Я предложила более лёгкий для меня способ, она не соглашалась, словом, начались трудности.

В Москве у меня были пенсионные и некоторые другие дела и я после туалета и кормления Нины уезжала утром, возвращалась к обеду, делала всё необходимое и снова уезжала до вечера. Нина хотела, чтобы я постоянно была с ней, а я старалась уйти из этой тягостной обстановки. Сходила в монастырскую церковь 17 века, где Нина была прихожанкой.

Плутая в её поисках, набрела на место взорванных Путиным домов, где стоит сейчас памятник погибшим как символ этого неслыханного преступления. Когда дочь Нины, наконец, пришла, я спросила, не нужна ли моя помощь на оставшиеся два дня до отлёта. Ответ получила уклончивый и поняла, что надо менять квартиру. Собралась, попросила у Нины прощение, понимая, что никогда больше её не увижу. Она тоже это понимала, заплакала, и уходить было очень тяжело. Оставила ей на память свою икону «Деисус», но она недолго с ней пробыла. Не знаю, к кому она перешла после её ухода из жизни.

Перебралась от Нины к бывшим сватам Олегу и Светлане, они тоже были оба больны, но не в такой степени. Мы отметили нашу встречу: Олег приготовил отличный обед, я купила торт и всего другого, приехал мой внук Мишук с матерью Оксаной и мы посидели как в былые времена. Из-за жуткой погоды по знакомым местам пройти не удалось, а о том, чтобы поехать на кладбище не могло быть и речи. В Москву я не хотела больше возвращаться, но пришлось побывать ещё.

Вторая поездка в конце мая 2014 года была в целом приемлемой. Конечно, не обошлось без шероховатостей. Из-за забастовки в аэропорту Бен Гурион задержали рейс, и я прибыла в Москву ночью, в полной темноте. На пути к дому Олега, где я договорилась остановиться на пару ночей, я заблудилась и никак не могла найти нужную улицу. Бродила между гаражами, встречая только восточных людей, которые не

знали города. Наконец, попался русский парень, который с помощью Джипиэс вывел меня на верную дорогу.

В Москве на этот раз было слишком жарко, слишком многолюдно, а расстояния показались слишком длинными. Москвичи, как и я в прошлом, приспособляются к такой жизни, и она кажется им нормальной. Но приезжим там трудно, кроме кафе и скверов негде присесть и отдохнуть, метро битком набито людьми. Чтобы попасть в туалет тоже «места надо знать».

Получила какие-то жалкие проценты со своих сберкнижек, а деньги по Виталиным книжкам получить не удалось, поскольку проверка доверенности занимает до 3 недель. Понятно, что всё делается для прволочек в надежде на недостаточную настойчивость владельцев счетов. И этот расчёт, как показал наш случай, себя оправдывает. Я оставаться на такое длительное время не могла и не хотела, несмотря на то, что денег на книжках было довольно много. В Израиле мы не пожалели времени на оформление доверенности на Мишука по всей требуемой форме, но несмотря на это, ему не удалось вырвать наши законные сбережения из цепких рук Сбербанка.

Сходили с Мишуком в Третьяковку, он там не был с раннего детства и с большим интересом разглядывал картины, особенно военные баталии. Потом мы зашли в кофейню с несуразно высокими ценами. Он проводил меня до Аэроэкспресса, и это было моё последнее прощание с внуком.

Через шесть лет нас настиг жестокий удар: внука не стало. Февральским утром здоровый парень в отличной физической форме, без вредных привычек, просто не проснулся в своей комнате. Диагноз – сердечный тромб.

4.6. По Умбрии

Во время нашей первой поездки в Италию мы узнали, что существуют турпоездки по малым городам Тосканы и Умбрии, позволяющие по-настоящему почувствовать средневековую атмосферу страны. В Израиле таких поездок не оказалось, и только через 11 лет появился тур по Умбрии. Мы немедленно к нему присоединились, тем более, что он начинался в день моего рождения. Как потом оказалось, он был экспериментальным и больше не повторялся.

Поездка была довольно напряжённой и включала посещение 14 городов. Группа состояла из работающих, хорошо устроенных в Израиле россиян. Все немало поездили по миру и тоже ждали этот тур. Люди, также как и мы, были полны энтузиазма и, хотя сильно уставали к концу каждого дня, на следующий были готовы провести в ходьбе с утра до вечера. Интересно, что ещё три женщины из группы в эти дни были именинницами. Сначала мы хотели организовать общую вечеринку, но ни сил, ни времени на неё не оставалось.

Жили мы в гостинице на окраине г. Терни и ежедневно совершали из неё радиальные поездки, осматривая город за городом. Время на обеды в ресторане, как правило, не тра-

тили, вся группа перехватывала что-нибудь на ходу или прямо в автобусе, а вечером все ужинали дома закупленными в близлежащем супере продуктами.

На этот раз мы хорошо подготовились информационно: закачали в читалку всё интересное о городах, которые предстоит посетить, и практически могли бы обходиться без гида. Но и гид подготовился: у всех были индивидуальные наушники и мы не должны были жаться к нему поближе, чтобы что-то услышать, а свободно разгуливали, слушая его пояснения. Но в личном плане наша подготовка могла бы быть основательнее, на дождливую погоду мы не рассчитывали, а она случалась. Виталий оказался без сменной обуви, ходил по лужам в сандалиях, но не обращал на это внимания. В городе Терни мы осмотрели развалины римского амфитеатра и посетили базилику Св.Валентина, похороненного здесь и давшего имя празднику любви. Недалеко от города находится очень живописный искусственно регулируемый водопад «Каската делле Марморе», один из самых высоких в мире (165 м). Он работает в определённые часы, и вся территория является известным туристическим объектом. Но его мы посетили позднее, а своё путешествие начали с г. Равенна.

Пока мы шли за гидом от автобуса к первому объекту осмотра по обычным и даже скучным улочкам, я успела подумать, что слава Равенны, пожалуй, чрезмерно преувеличена. Но выйдя на площадь перед базиликой Сан Апполинаре, я остановилась в восхищении перед её красотой и гармонич-

ностью. Но настоящее потрясение ждало меня внутри, где я буквально остолбенела от фресок изумительной красоты: ряды фигур в белых одеяниях располагались над колоннадой на всём протяжении главного нефа по обеим его сторонам.

Великолепные мозаики ждали нас и в базилике Сан Витале и в мавзолее Галлы Плацидии. Последний относится к 5 веку и украшен тончайшими по рисунку и цвету самыми ранними из сохранившихся мозаик города. Над его входом находится большая икона «Пастырь добрый», которую я как раз в то время писала. Побродив по историческому центру и осмотрев основные базилики и памятники, мы совершенно без сил упали на стулья ресторана, куда нас привёл гид. После бессонной ночи и многочасового хождения есть не хотелось, но местное вино, которое заказал Виталий, вкуснейшие стейки и равиоли возвратили нам энергию и мы до вечера не уходили с улиц.

Город Урбино, начиная с 13 века, был культурным центром Умбрии, любимым во все времена местом для людей творческих профессий. Город является родиной многих известных людей Италии, в том числе Рафаэля. Главная улица поднимается круто в гору, а в конце её среди цветущих каштанов стоят памятник ему и другим, жившим здесь великим людям.

Губбио славится особой атмосферой средневекового города, который сохранился как цельный комплекс с центральной на удивление пропорциональной площадью, базиликой,

ратушей с высокой колокольней и узкими улочками с каменными ступенчатыми покрытиями, круто поднимавшимися в гору или спускавшимися с неё.

Тоди возвышается как сказочный замок, окруженный тремя рядами стен: внешняя относится к средним векам, средняя датируется эпохой Древнего Рима, а внутренняя частично считается этрусской. Весь его старый архитектурный комплекс с главной площадью, кафедральным собором и средневековыми палаццо. стоит над огромной римской цистерной с почти 500 колодцами, которые использовались вплоть до 1925 года. Здесь мы попали на местный праздник. По улицам к месту представления шли разного возраста женщины, мужчины и дети в чудесных, тщательно выполненных средневековых костюмах.

Дерута, город художественной керамики, весь сверкает многокрасочными изделиями. Ими заполнены витрины, они заделаны в стены домов, на улицах сплошь выставки-продажи, глаза разбегаются от расписанных блюд, панно, посуды, картин. Хорошие вещи стоят довольно дорого, но есть и проще, на любой вкус. Поговорили с одним художником, и выяснилось, что блюдо, которое он расписывал в тот момент стоит 1. 5 тыс. евро. Этот художник, как и другие, работают в своих мастерских – лавочках прямо на глазах у туристов. Мне была очень интересна технология росписи и мастер, узнав, что я пишу иконы, радушно нас принял, подробно рассказал этапы изготовления своих изделий, пока-

зал краски, кисти, обжиговую печь.

Каждый из городов, которые мы посетили, был изумителен и неповторим в своём роде. И даже на таком фоне Сполето занимает особое место. Один из самых древних в Умбрии, он расположен на склонах холма, на вершине которого возвышается массивная крепость Россо, относящаяся к 14 веку. Подход к ней совершается постепенно. От стоянки автобусов вступаешь на бегущие подземные дорожки, приводящие в исторический центр города. Проходишь мимо развалин доримских и римских укреплений, античного театра, арки Друза (23 г до н. э.) и самого древнего жилого дома, который до сих пор используемый по назначению. Неподалёку неожиданно открывается вид на площадь с красивейшим Сполетским собором, увенчанным величественной фреской «Венчание Девы Марии». Поднявшись ещё выше по живописным лестницам, оказываешься перед входом на эскалаторы, которые поднимают туристов на территорию крепости. Обходная дорожка вокруг неё позволяет осмотреть все живописные окрестности. А ниже, между двумя горами сохранился проложенный по средневековому мосту через реку акведук длиной 206 м и высотой 81 м. По нему можно пройти, но было очень жарко и мы предпочли прогулку по парку.

Ассизи, родину и место религиозной деятельности святого Франциска Ассизского, мы посещали во второй раз. И хотя с той поры ничего не изменилось, мы осмотрели всё с не меньшим интересом, узнавая запомнившиеся детали и

замечая новые. В Перудже мы оказались в первый день католической Пасхи. При хорошей погоде успели осмотреть главную площадь с ратушей и Собором Св. Лаврентия, где по преданию хранится доступное для обозрения обручальное кольцо Девы Марии. В центре площади находится Большой фонтан 13 в., украшенный рельефами на мифологические темы. Их туристы рассматривают, ходя по кругу. Посетили древние катакомбы, поднялись в верхнюю часть города, откуда он прекрасно просматривается. После полудня начался дождь, и мы скрылись от него сначала в пиццерии, затем перешли в кафе, поесть мороженого, а потом зашли в небольшую лавочку. Виталий разговорился с её красивой хозяйкой. Она похвасталась, что её друг богатый русский, а предок был крупным чином в церкви. От него сохранилась драгоценная старинная семейная реликвия в виде подвески, которую она надела по случаю праздника. Уйти без покупки было неудобно и я выбрала соломенную шляпу, теперь называю её «Пасхальная».

В городке на берегу одного из крупнейших в Италии озёр Тразимено нам была предоставлена полная свобода и все разбрелись кто куда. Мы с Виталием, прежде всего, совершили восхождение на древнюю крепость, а спустившись, посмотрели яхты в местной марине. На центральной площади наше внимание привлекла большая группа людей стоявших полукругом, в центре которого выступления певцов и музыкантов перемежались краткими речами солидных лю-

дей. На плакатах и проспектах было прекрасное изображение лика Иисуса Христа, выполненное в современном графическом стиле. Виталий пошёл к организаторам, чтобы попросить проспект. Они объяснили ему, что это акция помощи наркозависимой молодёжи и проспектыполучают жертвователи, но всё-таки дали. Впоследствии по этому образцу я написала икону «Спас».

2013 г. В Ассизи

Дорога в два других городка – Нарни и Норчия, располо-

женных в районе заповедника у подножья гор, наводила на мысль, что приблизительно так выглядит рай. Она идёт по узкой равнине вдоль быстрой и прозрачной речки Наре между высокими зелёными холмами. Средневековый вид Нарни подвиг писателя Клайва С.Льюиса взять его немного изменённое название для своей сказочной страны в «Хрониках Нарнии». Норчию, родину Св.Бенедетто, мы считаем почти знакомым городом, потому что много лет пьём воду «Сан Бенедетто» из находившегося здесь одноименного источника. Но главной его достопримечательностью являются не она, а трюфели, добываемые в местных горах, а также козьи сыры, колбасы и хамон. Все витрины ломятся от этих аппетитных продуктов, и мало кто уезжает без покупок. Виталий хотел бы купить хамон, но поскольку его размеры и вес для нас чрезмерно избыточны, ограничились козьим сыром и колбасой. В Модене, родине Лучиано Паваротти, пробежали по историческому центру города, заблудились среди похожих колоннад, но колокольня, слегка отклоняющая от вертикальной оси наподобие Пизанской башни, послужила нам ориентиром и вывела к нужным воротам, где стоял автобус. Мантуя после очарования всех предыдущих городков не оказалась такой интересной, хотя в её историческом центре воплощены идеалы итальянского Ренессанса.

Глава 5. Жизнь продолжается

5.1. Мои увлечения

В продолжение почти двадцати лет, пока я писала иконы, ничего другого не рисовала. Моя наставница монахиня Параскева говорила, что иконописец не должен заниматься другими изобразительными жанрами, да я и сама не стремилась это делать. Но, после того, как прекратила иконописание, решила попробовать что-нибудь порисовать. Сын оставил у нас дома набор акриловых красок, и это определило мой выбор. Технику работы с акрилом я не знала и решила поучиться по Интернету в рамках мастер-класса. Написала под руководством художников две картины и начала рисовать самостоятельно. Очень увлеклась этим процессом, мои произведения заполнили все белые стены квартиры и почти вытеснили имеющиеся у нас картины. Часть работ дарил по принципу: «если попросят, отдам».

Одновременно осваивала роспись по стеклу и керамики. Разрисовывала стекла шкафов, абажуры, вазы, бутылки. Когда в доме уже расписывать было нечего, принесла с улицы старую лампу с матовым стеклянным абажуром. Муж лампу отреставрировал, я расписала, получилось неплохо. Но своего места это изделие в доме не нашло и снова оказалось на улице. Я была рада, что взяли её сразу. Мои подруги-художницы одобряли моё творчество и настойчиво советовали продолжать это занятие, но мой энтузиазм к настоящему времени иссяк.

Неизменным занятием всегда было шитьё. Я уже упоминала, что шить начала в детстве и продолжала всю свою

жизнь. До сих пор не могу остановиться. Здесь у меня было много свободного времени, и я постоянно обновляла свой гардероб, по преимуществу летний, поскольку это самый длинный сезон в Израиле. В ранней юности я кроила свои изделия «на глазок», подгоняла на себя, носила то, что получалось, и была довольна. Советоваться было не с кем и, насколько я помню, я к этому не стремилась. Потом выпал счастливый случай, и я прошла практически полный курс обучения на портниху, не выходя из дома. Дело в том, что у нас некоторое время жила дочь маминой подруги, которая училась на модельера одежды.

После этого я стала сама создавать выкройки и обрабатывать изделия почти профессионально. Ни никто не отличал их от сшитых в ателье и даже приобретённых за рубежом. Этому способствовали и купленные за границей ткани. Но в основном я шила, конечно, из отечественных материалов. Тогда выпускалась прекрасного качества шерсть, шёлк и другие ткани. Потом появился издаваемый ГДР журнал и «Прамо». Доставать подписку на него было не просто, но как-то удавалось. Кроме того я покупала в своих зарубежных поездках немецкий журнал «Бурда», который позже стал поступать в продажу и в России. Там приводились подробные методы обработки различных деталей и я, следуя им, начала шить сложные вещи, такие как костюмы и пальто.

Я никогда не выбрасывала обрезки тканей и из накопившихся лоскутов шила в стиле «пэчворк» различные изделия:

халат, одеяла, юбки, сарафаны. Шила жилеты, жакеты и платья из Павлово-Посадских платков. Мне их в Израиле много дарили приезжающие гости и подруги, которые привезли сюда, но не носили.

Шила я много, обновляла гардероб к каждому сезону, что-то отдавала сёстрам, племяннице и подругам, а что-то оставалось на долгие годы. Я не люблю выбрасывать свои изделия и вообще ничего не люблю выбрасывать. Считаю, что нужно стараться рационально использовать ресурсы земли и человеческого труда, а не засорять окружение ненужным мусором.

5.2. Эпидемия Ковида

В конце 2019 года мы впервые услышали об эпидемии Ковида в Китае и уже тогда были уверены, что она охватит весь мир. В феврале 2020 года в Израиле был обнаружен первый больной, и их число стало стремительно увеличиваться. Мы каждый день слушали новости на лёгком иврите и следили за числом госпитализированных и умерших. Для нас обоих, входивших в группу риска, болезнь была опасна, а для Виталия с его хроническим заболеванием крови опасна вдвойне. Пришлось строго соблюдать режим изоляции. Правительство очень быстро отреагировало на эпидемию, а когда в начале 2021 года стали делать инъекции фармацевтической компании «Пфайзер», мы были в числе первых.

Населению рекомендовалось постоянно мыть руки и еже-

дневно делать влажную уборку квартиры, а при выходе из дома была обязательна маска. Но в продажу они поступили не сразу. Одна маска, для работающих с вредными веществами, у нас была, другую Виталий сшил себе сам по инструкции. Потом они появились в аптеках, как и другие дезинфицирующие средства. Карантин вначале был очень жёстким, мы вообще не выходили из дома и даже лекарства нам однажды принесли добровольцы. Несколько месяцев нам бесплатно доставляли готовую еду, и не было необходимости ходить в магазины. Потом разрешили выходить не далее чем на 100 метров от дома. Я стала ходить на набережную, по ней можно было только пройтись и запрещалось сидеть на скамейках. Пляж тоже был закрыт, и на его территорию нельзя было даже войти. Люди при встрече, несмотря на маски, старались держаться как можно дальше друг от друга.

Однажды я вышла на прогулку и услышала дивную мелодию флейты, далеко разносившуюся по пустой набережной. Играла немолодая женщина внешне похожая на бывшую соотечественницу. Я сделала фото, довольно близко подойдя к ней, но она так поглощена была игрой, что меня даже не заметила. После снятия карантина я увидела её на пляже, подошла, познакомились, я извинилась за фото без разрешения. Она, будучи профессиональным музыкантом к вниманию привыкла и не усмотрела в этом ничего предосудительного. И она была не из России, как я предполагала, а из Америки.

5.3. Семейные дела

В нашей тихой пенсионной жизни мало что меняется. Меняемся только мы. Но пока живем, как всегда, в установленном режиме, ежедневно гуляем, плаваем в море, занимаемся домашними делами. Круг общения стал очень узким: друзей становится всё меньше, а из близких родных у нас никого в стране нет, кроме сына. Он в последние десятилетия много времени жил за рубежом: на Кипре на Гаити, в Испании, в Мексике, в Перу, в Ирландии. Это были не обычные туристические, а длительные частные поездки. Жил он обычно в отдалённых деревнях, на фермах, или в небольших городках, где чужестранцы, если и бывали, то не часто. Иногда заранее снимал номер в гостинице или договаривался с хозяевами и, проживая у них, помогал в строительных или садовых работах.

2022 г. Сын Михаил

Жил и в одиночестве в домике в горах, и в индийских, ирландских, мексиканских семьях. В Испании он бывал неоднократно в разных местах. В самом центре Барселоны, в доме, из окна которого был виден знаменитый собор посвященный Святому Семейству, сторожил квартиру и, к восторгу хозяев, отреставрировал им деревянные жалюзи; помогал выращивать на ферме экологически чистые лечебные травы; оставался хранителем поместья с двумя собаками и ухаживал за садом, пока владельцы путешествовали.

С местным населением общался, в основном, на английском, но освоил на необходимом разговорном уровне испанский. Для него это было интересное время, а мы волновались, когда он по разным причинам надолго пропадал. В таких непредсказуемых условиях, которые он выбирал, могли случиться и случались всякие неожиданности, порой весьма неприятные. Главное, возвратился домой целым и здоровым как раз к началу эпидемии Ковида и долго не мог к нам приехать из-за жесткого карантина. Сын живёт в другом городе, но в Израиле расстояния не так велики и мы знаем, что он рядом.

Одинокими мы себя не чувствуем, нам никогда не скучно. Не даёт скучать и Интернет. Мы оба живо интересуемся политикой, архитектурой, традициями и природой разных стран. Муж увлекается историей, а я завела много интересных друзей в социальных сетях.

На моём прогулочном пути я прохожу мимо арабской церкви. Однажды после Ливанской войны, когда я была с ней рядом, включилась сирена тревоги как при обстреле ракетами. Я присела на цоколь церкви и подумала, что здесь неплохо и умереть. Однако взрывов слышно не было, вой сирены прекратился, и я пошла дальше, поняв, что время ещё не наступило.

2022 г. На набережной

Заключение

Более четверти века мы в Израиле, громадный срок в жизни человека. В мой Сибирский период я за это время окончила школу, институт и начала самостоятельную жизнь; в Московский период прошла путь от архитектора – проектировщика до заведования кафедрой. В Израиле никаких равноценных достижений не произошло. Иконописание, которому я посвятила здесь почти два десятка лет, было серьёзным и, в определённом смысле, ответственным занятием, но не обязанностью. Я писала иконы с радостью и удовольствием и благодарна Богу за то, что мне это было дано. Сейчас смотрю на них и думаю «Господи, как я это сделала?!»

Три земли моего обитания настолько разные, настолько непохожие, насколько и я сама была разной, находясь на каждой из них. Как три разных жизни, включающих так много всего, что адекватно описать их непосильная для меня задача, которую я перед собой и не ставила. Писала только о событиях и фактах без особых раздумий и обобщений. В результате о чём-то очень для меня важном сказано немного или совсем ничего, а о чём-то совсем незначительном слишком много.